

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 1 (33) | 2024

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1 (33)

Киров
2024

Главный редактор

В. Т. Юнглод, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 1 (33)

Kirov
2024

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Кузнецов Денис Евгеньевич.* Кражи лошадей и скота в 1920-х – начале 1930-х гг. в контексте деятельности правоохранительных органов Сибири 9
- Коршунков Владимир Анатольевич.* Свадьбы буреломные: дорожная традиция России, мифологические представления и особенности традиционных свадебных передвижений (XIX–XX века) 17
- Чемоданов Павел Андреевич.* «Мы вам следствие, мы вам и суд!»: дело Айзика Столяра как пример репрессивной практики времен «Большого террора» 1937–1938 гг. 24
- Панасюк Виктор Вячеславович.* Деятельность землеустроительных комиссий Калужской губернии по внедрению агрокультурных новаций в период столыпинских преобразований 37
- Карандашев Глеб Владимирович.* Городская повседневность: проституция в Ярославле в конце XIX – начале XX вв. 48
- Васина Татьяна Анатольевна.* Земли сельскохозяйственного назначения в структуре горнозаводских округов Вятской губернии и характер деятельности горнозаводского населения в первой половине XIX в. 58
- Пуневский Ярослав Викторович.* Деятельность ярославского городского самоуправления по развитию системы народного здравоохранения в 1870 – первой половине 1914 года 67

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Быстрова Нина Евгеньевна.* Дипломатическое взаимодействие Советской России и западных держав на Лозаннской конференции 1922–1923 гг. 76
- Манин Даниил Олегович.* Проблемы межкультурного взаимодействия в посольстве К. Г. Мачехнина во Францию в 1654 г. 84

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Гасанов Камран Низами оглы.* Нормализация отношений Турции с арабским миром (2021–2023 гг.) 96

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Суздальцев Илья Алексеевич.* Североамериканская историография Коммунистического интернационала 1990-х гг. 106

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Пулов Евгений Викторович.* Лингвокогнитивный и прагматический уровни реализации концепта «Россия» в творчестве Н. С. Лескова (на примере романа «Некуда») 114

<i>Денисова Марина Александровна. Особенности художественного мира Нины Дашевской.....</i>	123
<i>Алпатьева Наталья Викторовна. Гулливер в XXI веке: Максим Ладин и его «Путешествие в Страну мудраков».....</i>	134

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Ненашев Михаил Иванович. Своеобразие паузы в драматургии А. П. Чехова</i>	141
<i>Чебыкин Дмитрий Дмитриевич. «Дипломатия наследия» как инструмент «мягкой силы» в кросс-культурных взаимодействиях.....</i>	152

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Антипин Николай Александрович. Путь историка на переломе эпох: о сборнике в честь 75-летия профессора С. Т. Минакова.....</i>	162
--	-----

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Kuznetsov Denis Evgenievich</i> . Thefts of horses and livestock in the 1920s and early 1930s in the context of the activities of law enforcement agencies in Siberia	9
<i>Korshunkov Vladimir Anatol'evich</i> . Tree-breaking weddings: road tradition of Russia, mythological representations, and the features of the Russian traditional wedding movement in the 19th and 20th centuries	17
<i>Chemodanov Pavel Andreevich</i> . "We are the investigation for you, we are the court for you!": the case of Ayzik Stolyar as an example of the repressive practice during the "Great Terror" of 1937–1938.....	24
<i>Panasyuk Viktor Vyacheslavovich</i> . The activities of the land management commissions of the Kaluga province on the introduction of agricultural innovations during the Stolypin transformations	37
<i>Karandashev Gleb Vladimirovich</i> . Urban everyday life: prostitution in Yaroslavl in the late XIX – early XX centuries.....	48
<i>Vasina Tatyana Anatolyevna</i> . Agricultural lands in the structure of mining districts of Vyatka province and the nature of the mining population in the first half of the XIX century	58
<i>Punevsky Yaroslav Viktorovich</i> . Activities of the Yaroslavl city government for "Heritage Diplomacy" as a tool of "soft power" in cross-cultural interactions.....	67

GENERAL HISTORY

<i>Bystrova Nina Evgenyevna</i> . Diplomatic cooperation between Soviet Russia and the Western Powers at the Lausanne Conference of 1922–1923.....	76
<i>Manin Daniil Olegovich</i> . Problems of intercultural interaction at the Embassy of K. G. Machechnin to France in 1654	84

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Gasanov Kamran Nizami oglu</i> . Normalization of Turkey's relations with the Arab world (2021–2023)	96
---	----

HISTORIOGRAPHY

<i>Suzdalcev Ilya Alekseevich</i> . The North American Historiography of the Communist International of the 1990s	106
---	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Pulov Evgeny Viktorovich</i> . Linguistic cognitive and pragmatic levels of the realization of the concept of "Russia" in the work of N. S. Leskov (using the example of the novel "Nowhere").....	114
---	-----

<i>Denisova Marina Aleksandrovna. Features of Nina Dashevskaya's art world</i>	123
<i>Alpatieva Natalia Viktorovna. Gulliver in the 21st century: Maxim Ladin and his "Journey to the Land of Mudraks"</i>	134

CULTURAL STUDY

<i>Nenashev Mikhail Ivanovich. The peculiarity of the pause in the drama of A. P. Chekhov</i>	141
<i>Chebykin Dmitry Dmitrievich. "Heritage Diplomacy" as a tool of "soft power" in cross-cultural interactions</i>	152

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

<i>Antipin Nikolay Alexandrovich. The path of the historian at the turning point of the epochs: about the collection in honor of the 75th anniversary of Professor S. T. Minakov</i>	162
--	-----

Кражи лошадей и скота в 1920-х – начале 1930-х гг. в контексте деятельности правоохранительных органов Сибири

Кузнецов Денис Евгеньевич

кандидат исторических наук, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник научно-исследовательского отделения, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0009-0002-7528-1823. E-mail: goodjobman@inbox.ru

Аннотация. В данной статье анализируется деятельность системы правоохранительных органов Сибири по борьбе с кражами лошадей и скота, как одним из наиболее опасных преступлений, получившим широкое распространение в регионе в исследуемый период. Об актуальности исследования свидетельствует широкое распространение конокрадства и скотокрадства в различных масштабах по всей стране на начальном этапе становления советского государства. Целью выступает систематизация факторов, способствовавших широкому распространению краж лошадей и скота в Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг., а также определение основных мер по противодействию данному виду преступной активности со стороны системы правоохранительных органов Сибири. Приводятся примеры конокрадства и скотокрадства, а также успешных действий правоохранительных органов. Анализируется состояние и эффективность деятельности правоохранительных органов Сибири по борьбе с данным видом преступлений, отмечаются общие недостатки в ее организации и успешные действия. Результатом исследования является систематизация факторов, способствовавших широкому распространению краж лошадей и скота в Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг., а также основных мер по противодействию кражам данного вида со стороны правоохранителей Сибири как системы государственных органов. Автор приходит к выводам о широком распространении конокрадства и скотокрадства на территории Сибири в исследуемый период, имевшем как исторически обусловленные предпосылки, так и специфические региональные причины и особенности. Согласованные действия системы правоохранительных органов сняли остроту проблемы краж лошадей и скота, однако не решили ее полностью. Результаты исследования применимы в сфере дальнейшего изучения истории правоохранительных органов Сибири, ее уточнения и дополнения, а также проведения сравнительных исследований по схожей тематике с целью выявления закономерностей и особенностей в вопросах краж лошадей и скота, а также ответных действий системы региональных правоохранительных органов.

Ключевые слова: конокрадство, скотокрадство, угон скота, милиция, профессиональная преступность.

Преступления, связанные с угоном лошадей и иного скота, на протяжении длительного периода истории нашего государства оставались одними из наиболее тяжких, исходя из наступавших последствий факта совершения преступления, особенно для сельской местности [27, с. 108]. В преимущественно аграрной Сибири потеря лошади или иного тяглого скота могла обернуться для крестьянина последующим голодным существованием, отсюда и резко негативное отношение населения к промышленным данным видом преступлений представителям криминального мира.

Другая опасность конокрадства заключалась в прикладном значении лошадей как средства передвижения. В отсутствии повсеместного распространения телефонной и телеграфной связи, дефицита механического транспорта конное перемещение выступало чуть ли не единственно возможным вариантом коммуникации между населенными пунктами. Таким образом, влияние конокрадства и скотокрадства на экономическое благополучие и социально-экономическое развитие региона в целом являлось существенным.

Актуальность избранной темы подтверждается тем, что рассматриваемый вид имущественных преступлений был присущ не только сибирскому региону. Его распространение в

различных масштабах наблюдалось по всей стране [3; 4]. Исследование опыта Сибири позволяет проводить сравнения и параллели, выявлять определенные тенденции и закономерности в вопросе конокрадства и скотокрадства, а также определить отличительные региональные особенности в данном вопросе, присущие исключительно Сибирскому региону. О важности противодействия кражам скота в масштабах государства свидетельствует тот факт, что как в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., так и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. кража лошадей или крупного рогатого скота у трудового земледельческого населения выделялась в самостоятельный состав преступления. В 1928 г. в Уголовном кодексе появляется отдельная статья, предусматривающая ответственность за кражу лошадей и скота из трудовых скотоводческих хозяйств, однако всего на несколько месяцев, после чего исключается из него [31, с. 9, 12].

Исследование нацелено на систематизацию факторов, способствовавших широкому распространению краж лошадей и скота в Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг., а также определение основных мер по противодействию данному виду преступной активности со стороны системы правоохранительных органов Сибири.

Методологически исследование базируется на традиционных исторических методах, в дополнение применялся метод системного анализа, позволивший рассматривать описываемые события в контексте существовавшей общественно-политической системы, а также методы сопоставления и взаимопроверки сведений различных источников, принцип отбора документов.

Территориально исследование охватывает Сибирь в ее административных границах Сибирского края: в начале 1920-х гг. это «Сибревкомовская» Сибирь в пределах Енисейской, Иркутской, Томской, Омской, Новониколаевской, Алтайской губерний. С 1925 г. указанные территории составили основу Сибирского края, существовавшего вплоть до конца 1930 г., после чего восточные территории вошли во вновь образованный Восточно-Сибирский край, а в западной части административно оформился Западно-Сибирский край [28, с. 22–25].

Хронологически исследование ограничено с одной стороны 1922 г. К этому времени в Сибири были созданы органы советской власти на местах, осуществлялось становление правоохранительной системы, ее территория освобождена от белогвардейцев, определены административные границы, что позволило сместить вектор внимания на внутренние проблемы – борьбу с бандитизмом, разрухой, восстановление связи, путей сообщения и прочие [2, с. 45–46]. С другой – периодом начала 1930 гг., когда после 30 июля 1930 г. Сибирь была фактически разделена на два новых административно-территориальных образования, вместе с тем сохранив на протяжении ряда последующих лет определенные тенденции, имевшие место и формируемые в предыдущие десятилетия, в частности, в вопросе конокрадства, скотокрадства и противодействия данным негативным явлениям со стороны правоохранительной системы.

Исследование базируется на материалах государственных и ведомственных архивов Сибири, многие из которых впервые введены в научный оборот, прежде всего, Государственного архива Новосибирской области и Информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Новосибирской области, а также опубликованных научных трудах, раскрывающих отдельные аспекты деятельности правоохранительных органов и общее состояние преступности региона.

Анализ архивных источников правоохранительных органов Сибирского региона показал, что уровень распространения конокрадства, когда предметом преступления выступала лошадь, и краж скота – иной домашней парнокопытной скотины, в 1920-х – начале 1930-х гг. выступал одним из факторов, определявших общий уровень криминальной обстановки в Сибири, наряду с контрреволюционными преступлениями, бандитизмом, хулиганством и прочими. По данным прокуратуры конокрадство стабильно удерживало лидирующие позиции в числе совершаемых в Сибири преступлений [15, л. 63].

Кражи лошадей и скота характеризовались дерзостью и наглостью преступников, их совершавших, которые даже в дневное время уводили животных, оставленных без должного присмотра. Преступная активность была разнообразна, однако в большинстве случаев ориентирована на животных, оставленных на подножный корм. Вместе с тем имели место факты применения насилия и оружия [30, с. 85]. Ценность и стоимость лошадей оставалась высокой, в сравнении со средним уровнем доходов в регионе, равно как и потребность в них в хозяйственной деятельности.

Общее количество лошадей в Сибири на протяжении всего исследуемого периода в целом говорит об их дефиците. С 1922 г. в регионе наблюдался рост посевных площадей, как следствие, увеличивалось поголовье скота и потребность в лошадях для обработки земель [16, л. 19]. Одновременно существовала острая нехватка лошадей, в частности, обозных и

строевых, находящихся в распоряжении правоохранительных органов [20, л. 90; 22, л. 41 об.]. Имела место также необеспеченность средствами связи и передвижения, что в совокупности с обширностью территории, климатическими и ландшафтными особенностями местности являлось существенным препятствием в их работе [10, л. 25]. В 1928 г. обеспеченность правоохранительных органов лошадьми была ниже 50 % от необходимого количества [6, л. 10; 9, л. 39].

Колоссальному распространению рассматриваемого вида преступлений способствовал целый ряд объективных факторов. Так, имели место общие недостатки в организации работы правоохранителей, в частности, отсутствие системности в работе по данному направлению. В начале исследуемого периода борьба с конокрадством и скотокрадством велась во многом «попутно» и не носила характер целенаправленного противодействия [6, л. 30]. Происходило это вследствие наличия широкого спектра направлений деятельности и перегруженности работой, в совокупности с кадровыми проблемами, выразившимися как в нехватке квалифицированных и профессиональных сотрудников, так и общем некомплекте. Ситуация начала меняться только к середине 1920-х гг., когда правоохранительные органы начали оформляться в систему, с соответствующим уровнем взаимодействия, оперативности и согласованности действий.

Одним из наиболее эффективных способов раскрытия краж скота и лошадей являлась работа по «горячим следам». В архивных источниках встречается немало подтверждений данного факта. Так, начальник Закаменского района Бочкарев, имея негласные сведения о нахождении в воровском притоне двух укрытых лошадей и зная, что в пределах Каргатского уезда пропали две лошади, Бочкарев своевременно предпринял меры и старания к розыску скрываемых краденых лошадей. Был задержан известный конокрад цыган Русетский. Действия Бочкарева были отмечены благодарностью [21, л. 113]. Вместе с тем в существовавших условиях его реализация была крайне затруднена.

Особенности учета и регистрации преступлений, отсутствие стабильных и отлаженных внутрисистемных связей как по вертикали, так и по горизонтали, являлись препятствием в осуществлении оперативного реагирования на преступные действия конокрадов и скотокрадов. Имели место недостатки в учете скота [8, л. 68].

Остро стоял вопрос документального подтверждения принадлежности лошадей и скота. Существовавшие конские карточки не всегда содержали всю необходимую для опознания лошади информацию, кроме того, с течением времени и от небрежного хранения они приходили в негодность. Конские карточки достаточно легко подделывались, выявлялись случаи, когда вместо печати прикладывался оттиск монеты. Поддельные карточки использовались скотокрадами для продажи скота [10, л. 113].

Лошади описывались по следующим пунктам: кличка лошади, нос, масть, приметы, возраст, рост (аршин и вершков). Например, «Араб» – жеребец вороной масти, во лбу белая звезда, между ноздрей белое пятно, грива направо, под седелкой белое пятно, оба уха с передней части вырезаны скобой, 12 лет, 2 аршина, 4 вершка; «Веселая» – кобыла бурой масти, грива на левую сторону, на передних ногах белые венчики, 5 лет, 1 аршин, 13 вершков [19, л. 72–75]. Подобное описание не всегда позволяло достоверно определить принадлежность скота.

Другим фактором, непосредственно влиявшим на распространение краж скота, выступала дальность расстояний и территориальный разброс населения. На начало 1926 г. Сибирский край представлял собой территорию в две с половиной тысячи квадратных километров, которую крайне неравномерно населяли около восьми миллионов человек. В крае насчитывалось 256 районов, а общее число населенных пунктов составляло более 18 тысяч [24, с. 89]. При этом подавляющее большинство населения проживало в сельской местности. Так, на 1 июля 1926 г. в городах края проживало всего около 13 % населения, в то время как в сельской местности без малого 87 % [8, л. 57]. Естественно, что приведенные обстоятельства оказывали непосредственное влияние на деятельность правоохранительных органов, которую приходилось выстраивать и планировать с учетом данных факторов.

Территориальный фактор был на руку конокрадам, он давал им возможность передислоцироваться и быть достаточно мобильными в своих передвижениях, затруднял их преследование правоохранителями, позволяя оставаться на свободе и быть относительно успешными в реализации противоправных действий.

К причинам распространения рассматриваемого вида краж следует отнести простоту их совершения в сочетании с высокой прибыльностью. Одним из распространенных способов сокрытия следов преступлений являлся убой украденного скота и его последующее перемещение и реализация в виде мяса, что сводило усилия по розыску к нулю [10, л. 112–113]. Ос-

новная масса совершаемых краж приходилась на сельскую местность, где уделялось минимальное внимание охране скота [5, л. 8; 10, л. 112].

В исследуемый период существовала криминальная специализация на кражах скота и лошадей. Еще в конце XVIII в. конокрадство на территории Сибири оформляется в организованный промысел [32, с. 83]. В преступной среде региона складывается класс конокрадов и скотокрадов, профессионально занимавшихся данным незаконным промыслом [18, с. 364]. В отличие от ситуативных совершаемых преступлений, в данном случае преступниками отлаживались способы совершения преступлений, маршруты движений для доставки и транспортировки похищенного, а также рынки сбыта, места хранения и разделки мяса, в случае кражи с целью убоя. Преступная деятельность таких групп не ограничивалась отдельной местностью или уездом, а осуществлялась сразу в нескольких граничащих между собой районах по «гастрольному» принципу. Правоохранители в подобной ситуации не всегда могли реально оценить масштаб действий злоумышленников и своевременно предпринять адекватные меры противодействия.

Конокрады кооперировались, оформлялись в шайки и банды с большим числом участников и пособников. Так, в 1923 г. была обезврежена шайка конокрадов под руководством Мавлютова, состоящая из более чем 60 человек [15, л. 63]. Конокрадством занимались и действовавшие на территории Сибири уголовные банды [8, л. 62 об.].

Варьировались способы совершения незаконных действий со скотом. Так, в Мамонтовском районе имелся пастух, заключающий с населением договоры через Профсоюз, который фактически скот не пас, а «гарантировал» его от краж. В гарантируемых им стадах краж не совершалось, а в остальных – факты имелись [5, л. 8].

Нельзя обойти стороной национальный фактор, имевший место в исследуемом регионе. Население Сибири не являлось мононациональным [26, с. 19]. До 20 % численности составляли представители различных национальностей, имевших особенности как в религиозном, так и в культурном аспектах [1, с. 91–92]. В зависимости от национальной принадлежности наблюдалось различное отношение к лошадям и скоту у населения. Традиционно у кочевых народов, к которым следует отнести казахов, цыган, башкир и прочих, число голов скота выступало показателем состоятельности, а кража лошади рассматривалась как своего рода искусство, передаваемое из поколения в поколение. Существовали обычаи отъема скота у обидчика в качестве мести, без цели наживы [3, с. 182–183]. Практиковалось использование скота в религиозных обрядах и культурах. Так, в Турочакском аймаке Ойротской области среди населения практиковались «кашланы», то есть приношение скота в жертву богу [14, л. 34–46].

Осложняло ситуацию территориальное соседство с Бурят-Монгольской республикой, а также Монголией и Казахстаном. Имели место случаи вооруженных налетов казахов с целью угона лошадей в Казахстан [10, л. 113]. У инородного населения конское мясо шло в пищу, что становилось дополнительным фактором распространения данного вида преступлений [8, л. 68].

Карательная политика по отношению к лицам, пойманным на кражах скота и лошадей, не была сбалансированной. Свое отражение это находило в недостаточно жестких приговорах конокрадам и скотокрадам, которые часто продолжали преступную деятельность после освобождения. Меры назначаемых судом наказаний часто не воспринимались обществом как равноценные за содеянное. Крестьяне негодовали по поводу безнаказанности конокрадства, которое серьезным образом вредило их хозяйственной деятельности. При поимке конокрадов в деревнях нередко устраивали самосуд [15, л. 63], количество которых к 1933 г. в стране достигло критических масштабов, таких, что Пленум Верховного суда СССР был вынужден ввести в оборот легальное определение данного явления [25, с. 167].

Анализ территориальной распространенности скотокрадства и конокрадства в Сибири демонстрирует, что данный вид преступлений наблюдался повсеместно. Выделялись в данном аспекте крупные города – Новосибирск, Томск, Омск, Иркутск, Красноярск, Барнаул и другие, которые представляли собой центры экономической жизни региона, в связи с чем являлись пунктами, где заключались сделки и осуществлялась торговля, в том числе лошадьми и скотом, украденными на территории Сибири. В сельской местности наибольшее число краж отмечалось в Хакасском, Тулунском, Новосибирском, Иркутском, Красноярском, Канском, Кузнецком, Томском и Ачинском округах [29, с. 169, 171].

Скотокрадство и конокрадство имели ярко выраженную сезонность с увеличением числа преступлений в межсезонье [17, л. 12 об.]: осенью, когда после летнего нахождения на подножном корме, скот был в хороших физических кондициях, и весной, когда скот выгонялся в поля после длительного зимнего простоя. Параллельно крестьяне были заняты сельхозрабо-

тами, тем самым контроль за скотом ослабевал, а особенности смены сезонов (уменьшение светового дня, изменение окраса окружающей природы и прочее) облегчали совершение краж, скрывая следы преступлений.

В борьбе со скотокрадством и конокрадством в исследуемый период правоохранные органы применяли широкий спектр мер. К числу наиболее распространенных следует отнести контроль мест купли-продажи. На базарах, рынках и в иных пунктах торговли правоохранными регулярно планировались и проводились розыскные мероприятия, в ходе которых обнаруживались и изымались краденые лошади и скот, а также задерживались лица, находящиеся в розыске [12, л. 6]. Внедрялись практики оперативного реагирования на кражи скота и лошадей, их поиск и раскрытие преступлений «по горячим следам» [10, л. 112–113].

Совершенствовался учет преступного элемента, попавшего в поле зрения правоохранителей, осуществлялся сбор и анализ оперативной информации о конокрадах, скотокрадах и их пособниках [30, с. 85], что положительно сказывалось на уровне раскрываемости. Так, на одном из базаров были задержаны два гражданина с большим количеством мяса, предъявившие удостоверения личности с поддельными печатями. В ходе выяснения было установлено, что данные граждане уже являлись обвиняемыми по делам о конокрадстве и подделке документов. В ходе разбирательства было установлено, что данная группа из семи человек с лета 1931 г. промышляла скотокрадством. При обысках у ее членов были обнаружены поддельные печати и штампы [10, л. 113].

Отдельным мероприятием выступало проведение кампаний по борьбе со скотокрадством, в ходе которых организовывались облавы, проверялись учетные конские карточки отдельных владельцев.

В числе мер по противодействию кражам лошадей и скота следует учитывать мероприятия по ликвидации банд, многие из которых специализировались на конокрадстве и скотокрадстве, количество которых в исследуемый период было значительным. Так, только в первом квартале 1934 г. подобных банд групп было уничтожено более 100 [13, л. 40–43]. Ущерб от бандитизма достигал невиданных масштабов за счет слаженности действий бандитов, планирования преступной деятельности, а также вовлечения в нее большого числа людей. В 1932 г. только одной преступной группой, действовавшей на территории Новосибирского района, специализировавшейся на кражах и скупке украденных лошадей и скота, было забито около 6000 голов [11, л. 143].

Происходил процесс ужесточения карательной политики в отношении лиц, виновных в кражах скота и лошадей: в качестве мер социальной защиты населения к конокрадам и скотокрадам активно применялись содержание под стражей, высылка за пределы губернии, особый порядок рассмотрения документов о досрочном освобождении, а сами дела предписывалось рассматривать в короткие сроки [30, с. 85–86]. Применяемые меры наказаний делали данный вид преступлений невыгодным и опасным с точки зрения наступления негативных последствий при поимке, что заставляло отказываться от преступных умыслов, либо избирать иные способы незаконного обогащения [8, л. 68].

Следует отдельно отметить предупредительную работу правоохранителей, включавшую в себя оптимизацию учета лошадей и скота, регламентацию порядка забоя животных и торговли мясом, профилактическое информирование населения и прочие меры.

На протяжении всего исследуемого периода вопрос противодействия кражам скота и лошадей систематически обсуждался на заседаниях межведомственных региональных совещаний по борьбе с преступностью, с целью выработки консолидированных действий и отдельных мер по снижению данного вида имущественных преступлений [15, л. 89]. Итогами подобных совещаний становились согласованные целенаправленные мероприятия по противодействию скотокрадству и конокрадству, отличавшиеся результативностью.

Составлялись сезонные планы борьбы с конокрадством, в соответствии с которыми в места, наиболее подверженные конокрадству, посылались ударные группы сотрудников милиции и уголовного розыска [17, л. 12 об.]. Судебным органам рекомендовалось при рассмотрении соответствующей категории дел принципиально подходить к назначению наказания; милиции и уголовному розыску включаться в работу не только после сообщения о преступлении для его раскрытия «по горячим следам», но и уделять внимание профилактике, периодически осуществлять контроль и проверку отдельных категорий граждан и мест, ранее попадавших в поле зрения правоохранителей. Органам власти на местах предписывалось усилить, систематизировать и контролировать разъяснительно-пропагандистскую деятельность среди населения. Параллельно

акцентировалось внимание на необходимости ведения учета конских карточек и документов на скот в строгом соответствии с существовавшими порядкам по единому образцу.

Совершенствовалась система документирования принадлежности лошадей, договоры об их купле-продаже подлежали обязательной регистрации, отсутствие которой могло расцениваться как соучастие в преступлении. Уделялось внимание усилению пограничного контроля, в частности, с Казахстаном. С 1926 г. правоохранители получили возможность проведения розыскных мероприятий в смежных с Сибирью и Казахстаном местностях [7, л. 9].

Предпринимаемые меры приводили к конкретным результатам, выразившимся в количестве разысканных и возвращенных единиц скота, а также отрицательной динамике роста количества преступлений [13, л. 8, 38, 58]. Следствием целенаправленной деятельности правоохранителей стало постепенное снижение общего уровня краж лошадей и скота в регионе. Однако общий процент раскрываемости оставался низким, на уровне 50 % [12, л. 6], как в целом и общий уровень раскрываемости преступлений в Сибири [23, с. 30–31].

В заключение следует отметить, что в исследуемый период конокрадство и скотокрадство являлись действительным социальным бедствием, что подтверждается проанализированными источниками. Причинами широкого распространения конокрадства и скотокрадства в Сибири, помимо очевидных исторически обусловленных предпосылок, являлся целый набор факторов, являющихся, с одной стороны, следствием исторического периода (социально-экономического характера, организационного порядка и прочих), с другой – присущих исключительно Сибирскому региону (территориальные, сезонные и климатические особенности, бандитизм, профессиональное конокрадство, культурная и национальная специфика). Предпринимаемые правоохранителями усилия, включавшие в себя конкретные мероприятия, реализуемые как по факту совершения преступных действий, так и в профилактическом порядке, в совокупности со стабилизацией и даже некоторым улучшением социально-экономической ситуации в регионе, а также безусловным и постоянным укреплением системы правоохранительных органов, безусловно, сняли остроту проблемы конокрадства и скотокрадства в регионе, однако не решили ее окончательно.

Список литературы

1. Астраханцева И. Ф., Дудолов А. А., Тимошенко М. И. Административно-территориальное деление Сибири. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1966. 220 с.
2. Вышатко Н. Н. Государственный архив Новосибирской области. Путеводитель. М. : Звенья, 2002. 959 с.
3. Галиева Ф. Г. Конокрадство как этносоциальное явление на примере Башкирии: опыт истории в контексте современности // Современные исследования социальных проблем. 2017. № 3–1. С. 178–196. DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-178-196.
4. Гизатулин Ш. Т. Конокрадство в Самарской губернии в 1923–1925 гг. // Самарский научный вестник. 2018. № 1 (22). С. 182–185.
5. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 4.
6. ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 31.
7. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 136.
8. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 44.
9. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 72.
10. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 140.
11. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 163.
12. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175.
13. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 192.
14. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 227.
15. ГАНО. Ф. Р-878. Оп. 2. Д. 17.
16. ГАНО. Ф. Р-878. Оп. 2. Д. 159.
17. ГАНО. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 15а.
18. Данчевская А. В. О борьбе с конокрадством в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2020. № 3. С. 357–377. DOI: 10.17150/2308-2588.2020.21(3).357-377.
19. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области (Информационный центр Главного управления МВД России по Новосибирской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
20. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7.
21. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10.
22. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 29.
23. Исаев В. И., Михеев Д. Ю. Обеспечение государственной и общественной безопасности в Сибири в 1920-е годы: общественно-политические условия и криминогенная обстановка // Войска националь-

ной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности : мат-лы научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 1 января – 31 декабря 2019 г.). Новосибирск : Изд-во НВИ войск национальной гвардии, 2019. С. 28–32.

24. *Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В.* 200 лет на страже порядка : очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск : Красное знамя, 2002. 519 с.

25. *Никулин В. В.* От революционной целесообразности к революционной законности. Сущность и специфика эволюции советского права в 1920-е годы. М. : Юстицинформ, 2021. 328 с.

26. *Озерова О. А.* Из истории поездки И. В. Сталина в Сибирь (1928 г.) и ее последствия для края и Северного Казахстана // Омский научный вестник. 2012. № 3. С. 19–23.

27. *Оришев А. Б., Тарасенко В. Н.* Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа : историографический анализ. 2023. М. : РИОР, 150 с.

28. *Суходолов А. П.* Сибирь в начале XX в. Территория, границы, города, транспортные магистрали, сельское хозяйство. Иркутск : Изд-во Иркут. экон. акад., 1996. 175 с.

29. *Угроватов А. П.* Кражи в Сибири в 1920-е годы (по материалам судебных и следственных органов) // ЭКО. 2012. № 12 (462). С. 163–174.

30. *Угроватов А. П., Харлов М. А.* Деятельность милиции Сибири по предупреждению и пресечению преступлений в 20-е гг. XX в. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2003. № 5. С. 76–88.

31. *Черноморец С. А., Анисимов В. Ф.* Уголовное законодательство советской России 20-х годов XX века о преступлениях против собственности с признаками хищения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20). С. 9–15.

32. *Чудновский С. Л.* Енисейская губерния: к трехсотлетнему юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды). Томск : Тип. Сибирской газ., 1885. 202 с.

Thefts of horses and livestock in the 1920s and early 1930s in the context of the activities of law enforcement agencies in Siberia

Kuznetsov Denis Evgenievich

PhD in Historical Sciences, Deputy Head of the Research and Editorial Publishing Department –
Head of the Research Department, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard
of the Russian Federation. Russia, St. Petersburg. ORCID: 0009-0002-7528-1823. E-mail: goodjobman@inbox.ru

Abstract. This article analyzes the activities of the Siberian law enforcement system to combat the theft of horses and livestock, as one of the most dangerous crimes that became widespread in the region during the period under study. The relevance of the study is evidenced by the widespread horse theft and cattle rustling on various scales throughout the country at the initial stage of the formation of the Soviet state. The aim is to systematize the factors that contributed to the widespread theft of horses and livestock in Siberia in the 1920s and early 1930s, as well as to identify the main measures to counter this type of criminal activity on the part of the Siberian law enforcement system. Examples of horse theft and cattle rustling, as well as successful actions by law enforcement agencies, are given. The state and effectiveness of Siberian law enforcement agencies in combating this type of crime are analyzed, general shortcomings in its organization and successful actions are noted. The result of the study is a systematization of the factors that contributed to the widespread theft of horses and livestock in Siberia in the 1920s and early 1930s, as well as the main measures to counteract theft of this type by law enforcement officers of Siberia as a system of government agencies. The author comes to conclusions about the widespread horse stealing and cattle rustling in Siberia during the period under study, which had both historically conditioned prerequisites and specific regional causes and features. The coordinated actions of the law enforcement system have relieved the severity of the problem of theft of horses and livestock, but have not completely solved it. The results of the study are applicable in the field of further study of the history of law enforcement agencies in Siberia, its clarification and additions, as well as comparative studies on similar topics in order to identify patterns and features in the theft of horses and livestock, as well as the response of the system of regional law enforcement agencies.

Keywords: horse theft, cattle rustling, cattle rustling, police, professional crime.

References

1. *Astrahanceva I. F., Dudoladov A. A., Timoshenko M. I.* *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri* [Administrative-territorial division of Siberia]. Novosibirsk. West Siberian Book Publishing House. 1966. 220 p.
2. *Vyshatko N. N.* *Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti. Putevoditel'* [State Archive of the Novosibirsk region]. Guidebook. M. Zvenya (Links). 2002. 959 p.
3. *Galieva F. G.* *Konokradstvo kak etnosocial'noe yavlenie na primere Bashkirii: opyt istorii v kontekste sov-*

remennosti [Horse stealing as an ethnosocial phenomenon on the example of Bashkiria: the experience of history in the context of modernity] // *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* – Modern studies of social problems. 2017. No. 3–1. Pp. 178–196. DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-178-196.

4. *Gizatulin Sh. T. Konokradstvo v Samarskoj gubernii v 1923–1925 gg.* [Horse stealing in the Samara province in 1923–1925] // *Samara scientific herald*. 2018. No. 1 (22). Pp. 182–185.

5. SAAT (State Archive of the Altai Territory). F. P-110. Inv. 1. File 4.

6. SAAT. F. P-110. Inv. 1. File 31.

7. SANR (State Archive of the Novosibirsk region). F. P-20. Inv. 1. File 136.

8. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 44.

9. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 72.

10. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 140.

11. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 163.

12. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 175.

13. SANR. F. P-47. Inv. 1. File 192.

14. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 227.

15. SANR. F. P-878. Inv. 2. File 17.

16. SANR. F. P-878. Inv. 2. File 159.

17. SANR. F. P-1127. Inv. 1. File 15a.

18. *Danchevskaya A. V. O bor'be s konokradstvom v Irkutskoj i Enisejskoj guberniyah v konce XIX – nachale XX vv.* [On the fight against horse theft in the Irkutsk and Yenisei provinces in the late XIX – early XX centuries] // *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* – Historical and economic research. 2020. No. 3. Pp. 357–377. DOI: 10.17150/2308-2588.2020.21(3).

19. IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region (Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region). F. 4. Inv. 1. File 3.

20. IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region. F. 4. Inv. 1. File 7.

21. IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region. F. 4. Inv. 1. File 10.

22. IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region. F. 4. Inv. 1. File 29.

23. *Isaev V. I., Miheev D. Yu. Obespechenie gosudarstvennoj i obshchestvennoj bezopasnosti v Sibiri v 1920-e gody: obshchestvenno-politicheskie usloviya i kriminogennaya obstanovka* [Ensuring state and public security in Siberia in the 1920s: socio-political conditions and criminogenic situation] // *Vojska nacional'noj gvardii v sisteme obespecheniya gosudarstvennoj i obshchestvennoj bezopasnosti : mat-ly nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Novosibirsk, 1 yanvarya – 31 dekabrya 2019 g.)* – National Guard troops in the system of ensuring state and public security safety : materials of a scientific and practical conference with international participation (Novosibirsk, January 1 – December 31, 2019). Novosibirsk. Publishing House of the NVI of the National Guard Troops, 2019. Pp. 28–32.

24. *Lar'kov N. S., Chernova I. V., Vojtovich A. V. 200 let na strazhe poryadka : ocherki istorii organov vnutrennih del Tomskoj gubernii, okruga, oblasti v XIX–XX vv.* [200 years on guard of order : essays on the history of the internal affairs bodies of the Tomsk province, district, region in the XIX–XX centuries]. Tomsk. Krasnoe Znamya (Red Banner). 2002. 519 p.

25. *Nikulin V. V. Ot revolyucionnoj celesoobraznosti k revolyucionnoj zakonnosti. Sushchnost' i specifika evolyucii sovetskogo prava v 1920-e gody* [From revolutionary expediency to revolutionary legality. The essence and specifics of the evolution of Soviet law in the 1920s]. M. Justicinform. 2021. 328 p.

26. *Ozerova O. A. Iz istorii poezdki I. V. Stalina v Sibir' (1928 g.) i ee posledstviya dlya kraja i Severnogo Kazakhstana* [From the history of I. V. Stalin's trip to Siberia (1928) and its consequences for the region and Northern Kazakhstan] // *Omskij nauchnyj vestnik* – Omsk Scientific herald. 2012. No. 3. Pp. 19–23.

27. *Orishev A. B., Tarasenko V. N. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo cheloveka v epohu NEPa : istoriograficheskij analiz* [The daily life of a Soviet man in the era of the NEP : a historiographical analysis]. 2023. M. RIOR. 150 p.

28. *Suhodolov A. P. Sibir' v nachale XX v. Territoriya, granicy, goroda, transportnye magistrali, sel'skoe hoz'yajstvo* [Siberia at the beginning of the twentieth century. Territory, borders, cities, highways, agriculture]. Irkutsk. Publishing house of Irkut. econ. akad. 1996. 175 p.

29. *Ugrovatov A. P. Krazhi v Sibiri v 1920-e gody (po materialam sudebnyh i sledstvennyh organov)* [Thefts in Siberia in the 1920s (based on the materials of judicial and investigative authorities)] // *ECO*. 2012. No. 12 (462). Pp. 163–174.

30. *Ugrovatov A. P., Harlov M. A. Deyatel'nost' milicii Sibiri po preduprezhdeniyu i presecheniyu prestuplenij v 20-e gg. XX v.* [The activities of the Siberian police for the prevention and suppression of crimes in the 20s of the XX century] // *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Herald of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. No. 5. Pp. 76–88.

31. *Chernomorec S. A., Anisimov V. F. Ugolovnoe zakonodatel'stvo sovetskoj Rossii 20-h godov XX veka o prestupleniyah protiv sobstvennosti s priznakami hishcheniya* [Criminal legislation of Soviet Russia in the 20s of the XX century on crimes against property with signs of theft] // *Yuridicheskaya nauka i pravooh-ranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice. 2012. No. 2 (20). Pp. 9–15.

32. *Chudnovskij S. L. Enisejskaya guberniya: k trekhstoletnemu yubileyu Sibiri (statistiko-publicisticheskie etyudy)* [Yenisei province: to the three-hundredth anniversary of Siberia (statistical and journalistic sketches)]. Tomsk. Type. Siberian gas. 1885. 202 p.

Свадьбы буреломные: дорожная традиция России, мифологические представления и особенности традиционных свадебных передвижений (XIX–XX века)

Коршунков Владимир Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются мифологические представления о свадьбах у леших. Считалось, что быстрое движение их свадебных поездов сокрушало все на своем пути, образуя буреломы. В связи с этим обращено внимание на народные поверья об особых дорогах, по которым в лесу ходит леший, и о сильном ветре, который сопутствует лешему при его движении. Это преимущественно русские поверья, обряды и обычаи, но они встречаются также у других народов России – например, удмуртов, коми-зырян, коми-пермяков, мордвы и др. Использованные в статье исторические, этнографические, фольклорные источники относятся к XIX–XX вв. Особое внимание уделено Русскому Северу и Вятскому краю. Материалы источников рассмотрены и изучены в историко-антропологическом контексте.

В статье доказывается, что представление о проезде свадьбы леших связано с обычаем скорой езды на обычных людских свадьбах. Участники свадебного обряда вели себя буйно, а их повозки мчались стремительно. Такие действия являлись составной частью дорожной традиции, характерной для России. Дорожная традиция – это особенности передвижений и прочие дорожные обстоятельства при дальних сухопутных путешествиях и перевозках (преимущественно при помощи гужевого транспорта). В методологических рамках этого нового историко-антропологического направления даже известные прежде исторические факты и этнографические явления могут выглядеть иначе. В частности, выявляется соотношение и взаимосвязь мифологических образов и представлений с историко-бытовыми реалиями.

Ключевые слова: дорожная традиция России, русская народная мифология, свадебный поезд, леший, историко-бытовая повседневность, Вятский край.

«– Эх, пересобачим коней, – жалел Огибенин тяжело храпевших коней. – По этакой-то дороге только пьяному черту на свадьбу ездить... Тоже понесла нелегкая!» Это реплика из повести Д. Н. Мамина-Сибиряка «В последний раз» (1903). А ведь пьяная нечисть и вправду гоняла на своих свадьбах!

Зимой, когда, согласно традиции, справлялось большинство свадеб, по проселочным дорогам лихо мчались свадебные поезда из многих разукрашенных саней. Было поверье, что сам царь при встрече должен уступать им путь, потому как жених с невестой и поезжане («честные бояре»), остерегаясь вредоносного колдовства, не могут останавливаться ни на миг. Любая задержка или поломка воспринималась как дурное предзнаменование будущей семейной жизни. Дело в том, что свадьба как «обряд перехода» была уязвима для опасного колдовства: злые силы пытались нарушить брачное соединение жениха и невесты. Потому путь свадебного поезда подготавливался и совершался с множеством заклинаний и оберегов, а быстрое движение, как считалось, может предохранить от колдовских воздействий [14].

П. Ф. Лимеров подметил, что поезжане вели себя подобно мифологическим существам из «инога мира». Они нарочито шумели и буйствовали [17, с. 111. Ср. еще: с. 115–116]. Обе главные группы участников свадебного действия – так сказать, партия жениха и партия невесты – по отношению друг к другу являлись в некотором роде существами иномирными. Вероятно, невеста некогда считалась принадлежащей мифологическому «хозяину», у которого жених должен ее отбить, возвращая в наш мир. А сам жених для невесты и ее родственников – похититель, вторгающийся в их дом извне, откуда-то издалека. Он чужой и поначалу чуждый. Так может объясняться задиристое поведение участников свадьбы. Равно как и сравнение пролетающих по дорогам поезжан с мифологическими персонажами из «инога мира».

У восточных славян распространены поверья, согласно которым буреломы возникали из-за промчавшихся свадеб мифологических лесных «хозяев». Дескать, стремительный их проезд крушил все на своем пути и даже валил деревья [15, с. 467; 16, с. 106]. Реже встречаются

сходные народные рассказы о буйных свадьбах и у водяных. Так объясняли прорыв мельничной плотины или разрушительное половодье (например, весеннее), когда река разносила запруды и подмывала мосты.

В этой статье обращено внимание на традиционные народные представления о свадебных передвижениях именно у леших. Использованные исторические, этнографические, фольклорные источники относятся к XIX–XX вв. В них запечатлены преимущественно русские поверья, обряды и обычаи. Особое внимание здесь уделено Русскому Северу, Уралу, Западной Сибири. Значительная часть источниковой информации обрисовывает ситуацию в Вятском крае. Известно, что многое в традициях и бытовой повседневности русских и тех народов России, которые находились с ними в многовековых тесных контактах, бывало сходным. Поэтому представляется возможным привлекать для анализа материалы, касающиеся удмуртов, живших на территории Вятской губернии и Башкирии, а также коми-пермяков, коми-зырян и мордвы.

Такую тематику следовало бы рассматривать не только в этнографическом контексте, но и в историко-антропологическом, а именно в контексте изучения дорожной традиции – нового научного направления на стыке истории повседневности, этнографии, культурной антропологии. Дорожная традиция – это особенности передвижений и прочие дорожные обстоятельства при дальних сухопутных путешествиях и перевозках традиционным способом (преимущественно при помощи гужевого транспорта). В методологических рамках этого историко-антропологического направления даже известные прежде исторические факты и этнографические явления могут выглядеть иначе. В частности, выявляется обусловленность мифологических образов и представлений историко-бытовыми реалиями.

В середине XIX в. А. Харитонов обрисовал свадьбу леших по представлениям жителей Архангельской губернии. Он сетовал: «Я не мог разведать от крестьян подробностей об этих свадьбах; вероятно, поверье это потеряно между ними». Однако ему удалось указать важные сведения: «Здесьние лешие празднуют свадьбы свои шумно, разгульно. Если вы увидите в лесу полосу вырванных с корнями деревьев, непроходимую от множества валежника, знайте, что на этом месте была свадьба лешего с лешухой. Ни один мужик не осмелится лечь в летнюю пору, для отдыха, на лесной дороге: он побоится случая лесной свадьбы; если он, лежа на дороге, будет препятствием этому веселому поезду, то его уходит (погубит. – В. К.) будущий счастливец-жених или он будет растоптан» [25, с. 138].

В начале XX в. Н. Я. Никифоровский так изложил поверья о свадебных поездах у леших: «Где видится полоса поваленного леса, лежит буреломный валежник – там, несомненно, промчался свадебный поезд леших; но тот же поезд любит лесные дорожки и тропинки, неизбежно останавливается для бесчинства на лесных перекрестках». По словам Никифоровского, лешему или его свадебному поезду всегда сопутствует вихрь [19, с. 52].

Поверья о том, что у лесных «хозяев» имеются в чаще привычные пути-дорожки, на которых человеку лучше не располагаться для ночлега, известны повсеместно. Например, русские жители Водлозерья (края, расположенного на стыке Карелии и Архангельской области) останавливались для ночевки не прямо на лесной тропе или дороге, а чуть в стороне. Они верили, что на тех спящих, кто ночует на дороге, наезжает телега с «нечистыми», отчего люди начинают болеть и даже умирают. Разжигать на их пути огонь тоже запрещалось: тогда «нечистые» могли явиться, чтобы расшвырять головешки костра и побить людей [18, с. 217]. Во второй половине XIX в. примерно в тех же местах (в Пудожском уезде Олонецкой губернии) твердили: «лесовикова свадьба» бывает опасна для людей, один мужик после такой встречи сделался «глупеньким». Другие же говорили, будто лесовик – «праведный», и потому если кто будет иметь несчастье повстречать его свадьбу, он того оборонит. Н. Н. Харузин записал рассказ одной крестьянки, как девушка в лесу с такой свадьбой столкнулась: «Едет их много, много, как люди точно, только что почернее наших будут. Старик один соскочил и отвел ее лошадь в сторону. Так и держал все – а они ехали. Кто помоложе из них, зашучивал даже с девушкой-то – теребит ее. А как проехали все, вывел старик ее лошадь на дорогу и уехал сам» [26, с. 10–11]. В Новгородской области во второй половине XX в. была записана быличка о «лешевой дороге», которую рассказчик заключил сентенцией: «Вот и говорю – на лешевой дороге да на его полосе не стройся» [24, с. 336]. Дорога лешего, с которой он сгоняет человека, – распространенный фольклорный сюжет, нередко встречающийся в наше время. В Омской области рассказывали, как смогли остановить лешего, бросив пилу в поднявшийся вихрь: «Леший принимает образ вихря и возникает на дороге перед людьми, которые пилят в

лесу дрова. Человек бросает в вихрь пилу. Вихрь исчезает. Через какое-то время леший ловит этого человека в лесу и упрекает в том, что он «перерезал ему дорогу»¹.

Знарок народных речений и обычаев русских жителей Вятского края, учитель Н. М. Васнецов заметил: «Есть поверье, что когда вихрь, то это идет леший» [6, с. 32]. Примерно тогда же, в конце XIX в., в Сарапульском уезде Вятской губернии, завидев столб пыли на дороге, говорили: «У, лешой-то че делает!» [30, с. 182]. Собиравший в 1840-х гг. этнографические сведения в Слободском уезде Вятской губернии священник Н. Г. Кибардин отмечал, что, по убеждению местных жителей, дорога у лешего всегда прямая. И если на его пути встретятся стога сена, собранный лен, расстеленные холсты, то он все разметет [9, с. 117]. Другой священник – М. И. Осокин, изучая в 1850-х гг. «народный быт» (то есть повседневную жизнь) вятчан, писал об их мифологических представлениях: «Леший никогда не ходит просто: спереди и сзади его всегда идет сильный ветер, и по направлению ветра можно знать, куда леший держит путь. Никто не видал, чтоб леший оставил где-нибудь след своих ног, хотя бы прошел по песку, по снегу или по грязи. Вихрь приписывают также лешему». И еще: «Лешие женятся шумно. Поезд их всегда сопровождается сильным ветром и вихрем». Если их свадьбе доведется проезжать через деревню, то напрямик. От этого в лесу валяются деревья, в поле разметываются стога, а в деревне сносит крыши [20, с. 28, 37]. В середине 1980-х гг. крестьяне вблизи городка Кукарки (официально это г. Советск Кировской области) «чертовой тропкой» называли линию, которая была продолжением лесной дороги и проходила через деревню. Там нельзя было ничего строить [30, с. 29. См. также: с. 201].

Специалисты по русской фразеологии отмечают устойчивое выражение, описывающее вихрь, снежную метель, – «чертова (бесовская) свадьба» [5, с. 625]. На самом деле вариантов этого фразеологизма должно быть больше двух, как и разновидностей персонажей «нечистой» свадьбы. В сильном ветре и вихрях, по общеславянским представлениям, летали души грешников, колдунов, самоубийц. Воздушные порывы могли быть опасны: так на людей нападали злые духи, насылались порча и болезни. Вихрь осмыслился и как свадьба нечистой силы (ср. пушкинское «ведьму ль замуж выдают?»). Распространенный у славян фольклорно-мифологический сюжет – встреча путника на ночной дороге со свадебным поездом, когда человеку предлагают стать шафером и дают выпить. Перед тем как глотнуть, человек по привычке крестится и тогда вдруг обнаруживает себя в одиночестве: на самом деле он висит над обрывом или над водой, а в руке держит череп лошади, осла, теленка либо черепаху. Свадьбу-то справляли демоны, которые захотели случайного прохожего на «тот свет» отправить [21].

Славяне верили, что в вихре скрыт опасный злой дух (или несколько духов, когда у них свадьба). Вихрь может человеку свернуть голову набок, скрючить руку или ногу, поразить болезнью, отнять разум и способность говорить. Потому старались не попадаться на его пути и предпринимали средства магической защиты. Знали: если в завертевшийся по дороге пылевой столб метнуть нож либо топор, то вихрь прекратится, а брошенный предмет окажется в крови [22].

Представление о сердитом лешем, который разгуливает, а то и мчится по своим проложенным в дебрях тропам, повлияло на общее правило: места, где некогда пролегали какие-либо дороги, опасны. Такое поверье записал у удмуртов Вятской губернии священник и этнограф Г. Е. Верещагин: «На то место, где прежде была дорога, строение не ставь: будет несчастье» [7, с. 115]. Удмурты Башкирии при закладке нового дома сжигали на этом месте немного соломы, чтобы «нечистые духи» перестали ходить, если там была какая-нибудь дорожка [2, с. 2]. Дело в том, что, по свидетельству вятского статистика и этнографа П. М. Сорокина, удмуртский леший (нюлэсмурт) «являлся... в страшном виде; иногда по лесу мчался вихрь, ломая тысячи древних, огромных деревьев – это проходил леший или мчалась его свадьба» [27, ф. 170, оп. 1, д. 126, л. 7 об. – 8]. Когда русские крестьяне Среднего Урала выбирали место для строительства дома, то знали: места, по которым проходили дороги, не годятся, там селиться опасно [28, с. 7]². Коми-пермяки считали, что нельзя ставить двор на том месте, где прежде была дорога или тропинка, а еще там, где случается вихрь, свадьба нечистых, – тогда не будет покоя живущим, ведь некоторая часть вредоносных поветрий и отрицательных влияний сохраняется [10, с. 34]. У коми-зырян Удорского района Республики Коми записана быличка, как в одной избушке постоянно «разные чудеса творились» – что-то стучало, гремело,

¹ [11, А. III]: Леший сгоняет человека с места (с дороги); [8, А. IV. 3]: Пила в вихре.

² Более общие наблюдения см.: [3, с. 45. Ср. с. 40–41].

дверь сама открывалась, спящих людей с места на место перетаскивало. А в соседней избушке такие шутки не случались. Все потому, что одна из двух избушек оказалась на тропе лешего. А в Корткеросском районе рассказывали, что человека, заночевавшего под развилистой елью, в полночь согнал с места «как будто вихрь», выкрикнувший трижды: «Убирайся с нашего пути!» [12, с. 112, 111]. Подобные представления имелись у мордвы: «Нельзя селиться там, где раньше дороги были. Там покойников таскали – будут чудиться»; «Нельзя селиться, где раньше ворота были. Там покойников таскали – будут чудиться». Комментируя эти народные суждения, Н. М. Терехин отметил, что это указывает на связь дороги и ворот с миром мертвых [23, с. 151].

В научной литературе уже было отмечено, что «представление о свадьбе используется для осмысления буйства стихий, апофеозных их проявлений (гроза, вихрь) или же сложных, “комплексных” погодных явлений (дождь при солнце)» [4, с. 322]. То, что такой метафорой объяснялась неожиданная сочетаемость различных стихий, – это понятно. А почему так говорили о вихрях, бурях и грозах? И отчего фигурировали обычно лешие?

На образ лешего, как известно, влияло представление о «нечистых» мертвецах [16, с. 105, 107, 108]. Это не покойники – они неупокойники. Они не могут упокоиться после смерти, встают из могил, бродят возле места захоронения, витают в воздухе. Они кричат, жалуются, просят, запугивают, они способны погубить. Немалое число «нечистых» получалось из мертворожденных и умерших до крещения детей, а также из выкидышей и загубленных своими матерями младенцев. Все они составляли особую категорию мифологических существ, близких к иным мертвецам, умершим «не своей» смертью и лишенным подобающего поминовения – убитым, самоубийцам, утопленникам и т. д. [13, с. 16–17, 19–20, 22–26]. А еще считалось, что ведьмы заменяли плод в утробе матери, сунув ей в лоно веник-голик, обгорелую головешку, либо же подменяли уже рожденного младенца – и тогда в люльке оказывался уродливый малыш, который непрерывно кричал и никак не мог вырасти. Или так: уже подросткового ребенка кто-нибудь из старших в семье мимоходом проклянет – пошлет в сердцах «к лешему», и тогда дитя на самом деле окажется в его власти. Есть известный фольклорный мотив, встречающийся в русском фольклоре – «невеста из бани»: девочка, которую прокляла мать, живет у лешего или банника, потом вырастает и тогда просит парня взять ее замуж [8, В. II. 3; 27, 8. 1]³.

В общем, в «ином мире», во владениях мифологического «хозяина», ребенок продолжает жить, он как бы дозревает до положенного человеку срока. И лишь свадьба дает ему шанс, только так подросток может вернуться в мир людей. Недаром девочку или скончавшуюся до свадьбы девушку некогда хоронили в наряде невесты. «Загробная свадьба», венчание с мертвым, смерть как свадьба – все это распространенные мотивы мифологических повествований, фольклора и литературы.

У славян известны поверья, будто в вихре проносились души некрещеных детей. Получается, что вихрь мог восприниматься свадьбой «нечисти», а мог иначе – как пролет демонических младенцев. Такие дети мечтали о кусочке холстины или хотя бы о нитках – их не повила пеленками добрая повитуха, они не смогли должным образом появиться на свет. Они выпрашивали крестик – значит, не были крещены. Наконец, некоторые из них, дозрев в «ином мире», стремились обвенчаться. Поскольку тема свадьбы в связи с представлениями о таких существах была особенно актуальна, то возможно, это и повлияло на складывание фольклорно-мифологического мотива: вихрь – свадьба нечистой силы.

Среди прочих мифологических персонажей именно леший много и часто перемещался, будучи связан с тропами и путями-дорогами. Уверенность в существовании у лесных «хозяев» собственных путей и представления о стремительности их свадеб (у людей-то свадебные поезда спешили всегда), подводили к догадке, будто буреломы – это зримые следы лешачьих свадебных выездов. Так что быстрое, опасное для окружающих движение обычных свадебных процессий, по-видимому, отразилось в представлениях о свадьбах леших. Завалы из рухнувших деревьев случались после бурь и вихрей, а потому вихри стали связывать с лешими, которые стремглав проносились по чащобам или мчались в своих свадебных поездах.

Список литературы

1. Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm#3> (дата обращения: 26.02.2023).
2. Антеев Г. А. Из религиозных обычаев вотяков Уфимской губернии Бирского уезда // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казан. ун-те. 1891. Т. 9. Вып. 3. С. 1–2 (отд. пагинация).

³ См. также: [1, В. II. 3].

3. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Изд. 2-е, доп. и испр. М. : Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
4. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология : историко-этимологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926 с.
6. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка : Губ. тип., 1907. 357 с.
7. Верещагин Г. Е. Собр. соч. : в 6 т. Ижевск : УдМНИИЯЛ УрО РАН, 1995. Т. 1. 259 с.
8. Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (дата обращения: 26.02.2023).
9. Извлечения из материалов, собранных для Русского географического общества, по уезду Слободскому, священником Н. Г. Кибардиным // Вятские губернские ведомости. 1848. № 17. Ч. неофиц. С. 117–118.
10. Климов В. В. Приметы, обычаи и обряды коми-пермяков при устройстве подворья // Наш край : сб. науч.-поп. и краевед. ст. Кудымкар : Коми-Пермяцк. кн. изд-во, 2000. Вып. 8 / сост. Е. М. Дунина; отв. за вып. Н. А. Минатулина. С. 32–41.
11. Козлова Н. К., Назырова Ф. Указатель сюжетов о лешем и тексты ФА ОмПГУ. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/kozlova6.htm> (дата обращения: 19.02.2023).
12. Коми йӧзкостса важ висьтъяс – Коми легенды и предания / введ., сост., коммент. и пер. Ю. Г. Рочева. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2006. 240 с.
13. Коршунков В. А. Анима. Отношение к домашним животным в России : исторические очерки. М. : Неолит, 2022. 360 с.
14. Коршунков В. Свадебный поезд против царского выезда // Родина. 2020. № 9. С. 127–129.
15. Левкиевская Е. Е. Выворотень // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 466–467.
16. Левкиевская Е. Е. Леший // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 104–109.
17. Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар : Коми науч. центр УрО РАН, 1998. 125 с.
18. Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М. : Наука, 2006. 276 с.
19. Никифоровский Н. Я. Нечистики, свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Витебск : Н. А. Паньков, 1995. 85 с.
20. Осокин М., свящ. Народный быт в северо-восточной России: записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 60. Отд. : Смесь. С. 1–40, 179–214.
21. Раденкович Л. Демонічне весілля в народних переказах: слов'янські паралелі // Народна творчість та етнологія. 2012. № 2. С. 6–10.
22. Раденкович Л. Нож в вихре: об одном мифологическом сюжете в славянском фольклоре // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: к юбилею С. М. Толстой / редкол.: А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович. М. : Индрик, 2013. С. 239–247.
23. Терехихин Н. М. Строительная обрядность мордвы (по материалам полевых исследований) // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. А. Д. Столяр. Сыктывкар : Сыктывкар. гос. ун-т, 1985. С. 147–152.
24. Традиционный фольклор Новгородской области: Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. По записям 1963–2002 гг. / сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб. : Тропа Троянова, 2006. 479 с.
25. Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // Отечественные записки. 1848. Т. 57. № 3–4. Отд. : Смесь. С. 132–153.
26. Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии. М. : Б. и., 1882. 73 с.
27. Центральный государственный архив Кировской области.
28. Чагин Г. Н. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь : Перм. гос. ун-т, 1993. 184 с.
29. Шумов К., Преженцева Е. Указатель сюжетов-мотивов быличек. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/shumov1.htm> (дата обращения: 26.02.2023).
30. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.

Tree-breaking weddings: road tradition of Russia, mythological representations, and the features of the Russian traditional wedding movement in the 19th and 20th centuries

Korshunkov Vladimir Anatol'evich

PhD in History, associate professor, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. This paper explores mythological folk beliefs about weddings of the forest spirit (leshy). It was believed that rapid moving of their wedding coaches or sleighs crushed everything in its path and formed wind-breaks in a forest. In this regard, the folk ideas about special roads along which the forest spirits walk in forests are considered, as well as about a strong wind that accompanies a walking or driving leshy. These are predominantly Russian beliefs, rituals, and customs, but they are also inherent in other peoples of Russia – for example, Udmurts, Komi-Zyrians, Komi-Permyaks, Mordovians, etc. Historical, ethnographic, and folklore sources used in this paper date back to the 19th–20th centuries. Particular attention is paid to the Russian North and the Vyatka region. Source materials are studied in the historical and anthropological context.

It has been suggested in this paper that the belief of such leshy wedding journey is associated with the custom of a speed ride at human weddings. The participants of a wedding ceremony behaved violently, and their sleighs raced swiftly. Such actions were an integral part of the road tradition of Russia in the 19th and 20th centuries. Road tradition is the peculiarities of movement and other road circumstances during long-distance overland travel and transportation (mainly with the help of horse-drawn transport). Within methodological framework of this new historical and anthropological area even previously known historical facts and ethnographic phenomena may look different. In particular, the correlation and interconnection of mythological images and representations by historical and daily reality is revealed.

Keywords: road tradition of Russia, Russian folk mythology, wedding moving, forest spirit (leshy), historical and daily life, Vyatka region

References

1. Ayvazyan S., Yakimova O. *Ukazatel' syuzhetov russkikh bylichek i byval'shchin o mifologicheskikh personazhah* [Index of plots of the Russian bylichkas and byval'shchinas about the mythological characters]. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm#3> (date accessed: 26.02.2023).
2. Aptiev G. A. *Iz religioznykh obychaev votyakov Ufimskoj gubernii Birskogo uezda* [From the religious customs of the Votyaks of the Birk district of the Ufa province] // *Izv. O-va arheologii, istorii i etnografii pri Imp. Kazan. un-te. – Proceedings of the Society for Archeology, History, and Ethnography at the Imp. Kazan University*. 1891. Vol. 9. Is. 3. Pp. 1–2 (separate pagination).
3. Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnykh slavyan* [Housing in the rituals and ideas of the Eastern Slavs]. 2nd ed., add. and correct. M. Yazyki slavyanskoy kultury. 2005. 224 p.
4. Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethnolinguistic studies]. M. Indrik. 2007. 600 p.
5. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar'* [Russian phraseology: historical and etymological dictionary]. 3rd ed., correct. and add. M. Astrel : AST : Lyuks. 2005. 926 p.
6. Vasnetsov N. M. *Materialy dlya ob'yasnitel'nogo oblastnogo slovarya vyatskogo govora* [Materials for the explanatory regional dictionary of the Vyatka dialect]. Vyatka. Gub. tip. 1907. 357 p.
7. Vereshchagin G. E. *Sobr. soch. : v 6 t.* [Coll. of op. : in 6 vols.]. Izhevsk. UdmIYAL UrO RAS. 1995. Vol. 1. 259 p.
8. Zinoviev V. P. *Ukazatel' syuzhetov-motivov bylichek i byval'shchin* [Index of plots-motives of bylichkas and byval'shchinas]. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (date accessed: 26.02.2023).
9. *Iz vlecheniya iz materialov, sobrannykh dlya Russkogo geograficheskogo obshchestva, po uezdu Slobodskomu, svyashchennikom N. G. Kibardinym* [Extracts from materials collected for the Russian Geographical Society, in the Slobodsky district, by the priest N. G. Kibardin] // *Vyatskie gubernskie vedomosti – Vyatka Provincial Bulletin*. 1848. No. 17. Part non-official. Pp. 117–118.
10. Klimov V. V. *Primety, obychai i obryady komi-permyakov pri ustrojstve podvor'ya* [Signs, customs, and rituals of Komi-Permyaks when arranging a farmstead] // *Nash kraj : sb. nauch.-pop. i kraeved. st. – Our land : coll. of the scientific, popular, and local historian articles*. Kudymkar. Komi-Permyatsk. Publ. House. 2000. Is. 8 / ed. by E. M. Dunina, N. A. Minatullina. Pp. 32–41.
11. Kozlova N. K., Nazyrova F. *Ukazatel' syuzhetov o leshem i teksty FA OmPGU* [Index of plots about a forest spirit (leshy) and the texts of the FA OmPGU]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/kozlova6.htm> (date accessed: 19.02.2023).
12. *Komi jözkostsa vazh vis't"yas – Komi legendsy i predaniya* [Komi legends] / comp., transl. and ed. by Yu. G. Rochev. Syktyvkar. Komi Publ. House. 2006. 240 p.

13. Korshunkov V. A. *Anima. Otnoshenie k domashnim zhitvotnym v Rossii: istoricheskie ocherki* [Anima. Attitude towards domestic animals in Russia: historical essays]. M. Neolit. 2022. 360 p.
14. Korshunkov V. *Svadebnyj poezd protiv carskogo vyezda* [Peasant wedding vs tsar's coach] // *Rodina* (Motherland). 2020. No. 9. Pp. 127–129.
15. Levkivskaya E. E. *Vyvoroten'* [Wind-blown tree] // *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* – Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 1995. Vol. 1. Pp. 466–467.
16. Levkivskaya E. E. *Leshij* [Leshy] // *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* – Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary / ed. by N. I. Tolstoy. M. Mezhdunarodnye otnosheniya (International Relations). 2004. Vol. 3. Pp. 104–109.
17. Limerov P. F. *Mifologija zagrobnogo mira* [Mythology of the underworld]. Syktyvkar. Komi nauch. centr UrO RAS. 1998. 125 p.
18. Loginov K. K. *Etnolokal'naya gruppa russkih Vodlozer'ya* [The ethnic and local group of Russians in Vodlozero]. M. Nauka (Science). 2006. 276 p.
19. Nikiforovskij N. Ya. *Nechistiki, svod prostonarodnyh v Vitebskoj Belorussii skazanij o nechistoj sile* [Nechistiki, a set of the common people legends in the Vitebsk Belarus about evil spirits]. Vitebsk. N. A. Pankov. 1995. 85 p.
20. Osokin M., priest. *Narodnyj byt v severo-vostočnoj Rossii: zapiski o Malmyzhskom uezde (v Vyatskoj gubernii)* [Folk life in north-eastern Russia: notes on the Malmyzh district (in the Vyatka province)] // *Sovremennik* – The Contemporary. 1856. Vol. 60. Sec.: Varia. Pp. 1–40, 179–214.
21. Radenkovich L. *Demonichne vesillya v narodnih perekazah: slov'yanski paraleli* [Demon wedding in the folk tales: Slavic parallels] // *Narodna tvorčist' ta etnologija* – Folk art and ethnology. 2012. No. 2. Pp. 6–10.
22. Radenkovich L. *Nozh v vihre: ob odnom mifologičeskom syuzhete v slavyanskom fol'klоре* [Knife in a whirlwind: about a mythological plot in Slavic folklore] // *Slavica Svetlanica. Jazyk i kartina mira: k jubileju S. M. Tolstoj* – Slavica Svetlanica. Language and worldview: to the anniversary of S. M. Tolstaya / ed. by A. V. Gura, O. V. Belova, E. L. Berezovich. M. Indrik. 2013. Pp. 239–247.
23. Terebikhin N. M. *Stroitel'naya obryadnost' mordvy (po materialam polevyh issledovanij)* [Building rituals of Mordovians (based on the field research)] // *Materialy k etničeskoj istorii Evropejskogo Severo-Vostoka: mezhvuz. sb. nauch. st.* – Materials for the ethnic history of North-East Europe: interuniversity coll. of the scientific articles / ed. by A. D. Stolyar. Syktyvkar. Syktyvkar State University. 1985. Pp. 147–152.
24. *Tradicionnyj fol'klor Novgorodskoj oblasti: Poslovy i pogovorki. Zagadki. Primety i pover'ya. Detskij fol'klor. Eskhatologija. Po zapisyam 1963–2002 gg.* [Traditional folklore of the Novgorod region: Proverbs and sayings. Puzzles. Signs and beliefs. Children's folklore. Eschatology. According to the records 1963–2002] / comp. by M. N. Vlasova, V. I. Zhekulina. SPb. Tropa Troyanova. 2006. 479 p.
25. Kharitonov A. *Očerok demonologii krest'yan SHenkurskogo uezda* [Essay on the demonology of the Shenkursk district peasants] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. 1848. Vol. 57. No. 3–4. Sec.: Varia. Pp. 132–153.
26. Kharuzin N. N. *Iz materialov, sobrannyh sredi krest'yan Pudozhskogo uezda, Oloneckoj gubernii* [From materials collected among the peasants of the Pudozh district, Olonets province]. M. 1882. 73 p.
27. Central State Archive of the Kirov region.
28. Chagin G. N. *Mirovozzrenie i tradicionnaya obryadnost' russkih krest'yan Srednego Urala v seredine XIX – nachale XX veka* [Worldview and traditional rituals of Russian peasants of the Middle Urals in the middle of the 19th and early 20th centuries]. Perm. Perm State University. 1993. 184 p.
29. Shumov K., Prezhentseva E. *Ukazatel' syuzhetov-motivov bylichek* [Index of plots-motives of the bylichkas]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/shumov1.htm> (date accessed: 26.02.2023).
30. Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [The culture of road in the Russian mythological and ritual tradition of the 19th–20th centuries]. M. Indrik. 2003. 528 p.

«Мы вам следствие, мы вам и суд!»: дело Айзика Столяра как пример репрессивной практики времен «Большого террора» 1937–1938 гг.

Чемоданов Павел Андреевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Волго-Вятский институт – филиал, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина. Россия, г. Киров. E-mail: pavelche1492@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена разбору судебно-следственного дела партийного работника Айзика Ханановича Столяра, арестованного в 1937 г. и обвиняемого в принадлежности к «организации правых». Подробные материалы этого дела дают представление как о насыщенной биографии фигуранта, так и о репрессивных практиках советских силовых структур периода «Большого террора» 1937–1938 гг.

Айзик Столяр родился в конце XIX столетия в Витебской губернии в еврейской рабочей семье. На его долю выпали работа учеником аптекаря, участие в Первой мировой и гражданской войнах, а также богатая событиями карьера в партийных органах разных регионов страны. В 1937 г. он встретил в Кировской области на должности 1-го секретаря Слободского райкома ВКП(б). После ареста проходил по делу «организации правых», фигурантами которого стали несколько десятков партийных деятелей, в т. ч. областного масштаба. Пережив пытки в застенках НКВД, А. Х. Столяр вышел на свободу в начале 1940 г., был полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

Дело А. Х. Столяра являет собой характерный образец советской репрессивной практики периода «Большого террора», в значительной мере направленной на борьбу сталинской группировки с реальной и мнимой оппозицией в среде региональной и местной партийно-государственной элиты. Оно также подтверждает концепцию, согласно которой первая реабилитация жертв политических репрессий в СССР состоялась еще до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. после отстранения от руководства НКВД Н. И. Ежова, ознаменовавшего окончание «ежовщины».

Ключевые слова: Большой террор, сталинизм, партноменклатура, политические репрессии, реабилитация, Кировская область.

Изучение репрессий периода «Большого террора» 1937–1938 гг. в отношении региональной и местной партийно-государственной элиты стало важнейшей частью отечественной историографии сталинизма в последние десятилетия. После распада СССР и открытия для исследователей массы архивных документов вышло немало работ, посвященных этой теме в общегосударственном масштабе [3; 4; 9; 20; 21], изданы солидные документальные публикации [13]. В последние годы наметилась тенденция изучения темы сталинских репрессий 1930-х гг. в отношении партийных и советских функционеров на региональном уровне. Работы такого рода написаны, в частности, на материалах Ингушетии [1], Калмыкии [2], Самарской области [8], Тюменской области [12], Северной Осетии [22]. Особенно подробно тема освещена в трудах уральских историков, среди которых можно упомянуть А. В. Сушкова, М. А. Фельдмана и др. [7; 17; 19].

Предметных исследований по репрессиям предвоенного десятилетия в отношении элиты как социальной группы в Кировской области на сегодняшний день не так много. В их числе можно упомянуть работы Ю. Г. Карачарова [10] и В. И. Бакулина [3], а также фундаментальный биографический справочник «Политические лидеры Вятского края» (составители – архивисты В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских), в котором аккумулированы биографические данные о более чем полутора тысячах партийных и советских работников Кировской области (Вятской губернии, Кировского края), многие из которых попали под маховик «чисток» и репрессий межвоенного времени [16]. Не отрицая значимости упомянутых трудов, отметим, что они затрагивают лишь отдельные аспекты вопроса и не позволяют сформировать целостную картину.

Упомянутой темы касался и автор данной статьи в рамках биографических публикаций о партийных и государственных деятелях, пострадавших в годы «Большого террора» – быв-

шем 1-м секретаре Кировского обкома ВКП(б) Абраме Яковлевиче Столяре [31] и начальнике управления культуры Кировского облисполкома Мизе Исаевне Борева [32]. Настоящую публикацию, посвященную биографии и судебнo-следственному делу Айзика Ханановича Столяра (однофамилец, но не родственник упомянутого выше партийного деятеля), можно рассматривать как продолжение этих статей. Их актуальность заключается в том, что лишь подробное изучение конкретных биографий и следственных материалов 1930-х гг. позволит в отдаленной перспективе прийти к объективным и научно обоснованным выводам об истинных причинах, ходе и сущности сталинских репрессий.

До того момента, пока не будет исследован основной массив судебнo-следственных дел, любые выводы об этом важнейшем историческом явлении отечественной истории XX в. в лучшем случае носят лишь предварительный характер. Автор надеется, что статья, написанная на материалах подробного и насыщенного фактами судебнo-следственного дела А. Х. Столяра, станет вкладом в это непростое и трудоемкое дело.

Прежде чем приступить к разбору судебнo-следственного дела А. Х. Столяра, логично обрисовать его жизненный путь, подробно описанный в его автобиографии [29, л. 6–7]. Айзик Хананович Столяр родился в декабре 1896 года в г. Двинске Витебской губернии (ныне г. Даугавпилс, Литва) в еврейской семье рабочего-ремесленника (кузнеца). В 1904 г. его отец, чтобы избежать отправки на Русско-японскую войну 1904–1905 гг., временно уехал за границу, где находились его брат и сестра. За рубежом (в Америке) отец пробыл около пяти лет, где трудился рабочим на разных предприятиях, после чего вернулся домой в г. Двинск. По приезде домой Ханан Столяр открыл свою небольшую кузницу, в которой работал с братом, но иногда прибегал и к найму одного рабочего-молотобойца.

До начала Первой мировой войны семья жила в г. Двинске. Когда началась война и фронт начал приближаться к городу, Столяры на правах беженцев переехали в г. Екатеринослав (впоследствии Днепропетровск). До 14 лет Айзик учился в г. Двинске в городском 4-классном училище. По окончании училища, считая его образование оконченным, отец отдал подростка в ученики в частный аптекарский магазин Рубина на два года с оплатой 70 рублей. После окончания своей учебы у Рубина, Айзик нанялся в другой частный магазин подручным продавца за 12 руб. в месяц, где и проработал до отъезда из г. Двинска.

Как уже упоминалось, в 1914 г. вместе с семьей он переехал в г. Екатеринослав, где первое время занимался всякой случайной работой (упаковщик, молотобоец), но вскоре нашел работу по специальности – поступил продавцом в магазин Бродского, затем Дубинского, у которых проработал до военной службы, т. е. до осени 1915 г.

В августе 1915 г. по досрочному призыву Айзик был призван в Российскую императорскую армию и после прохождения шестимесячного обучения в запасной артиллерийской бригаде попал на Австрийский фронт во 2-ю артиллерийскую бригаду. В царской армии он пробыл до конца 1917 г. Этот период являлся для юноши знаменательным, так как с этого времени началась его сознательная политическая жизнь. Во время выборов в Учредительное собрание Айзик под влиянием пробольшевистски настроенных товарищей отдал свой голос за список № 4, по которому проходили большевики. Стоит упомянуть, что на этом избирательном участке было очень сильно влияние партии эсеров и украинских националистических группировок, и большинство избирателей отдавало предпочтение этим политическим силам.

28 декабря 1917 г. А. Х. Столяр вернулся домой в Екатеринослав, где прожил около полугода и летом 1918 г. он вместе со старшим братом пробрался из Украины в г. Курск, территориально относившийся к РСФСР. Когда братья Столяры преодолевали демаркационную линию, то были задержаны немцами (Украина тогда находилась под их оккупацией), но их выручило наличие документов, которые свидетельствовали о том, что они происходили из Витебской губернии. Поэтому немцы поверили их объяснениям о том, что они всего лишь добиваются до дома, и после суток ареста отпустили.

По прибытии в г. Курск (август 1918 г.) Айзик с братом добровольно вступили в Красную армию и были направлены в 1-й Курский моторный артиллерийский дивизион, который вскоре стал называться 9-м артдивизионом 9-й стрелковой дивизии РККА. Через некоторое время брата как пулеметчика перевели на бронепоезд им. Я. М. Свердлова начальником пулеметного борта, а Айзик как артиллерист остался в дивизионе. В сентябре 1918 г. он через ячейку дивизиона вступил в партию, сначала сочувствующим, а в декабре 1918 г. был Курской красноармейской организацией переведен в члены партии.

В Красной армии А. Х. Столяр пробыл непрерывно до апреля 1923 г. Являлся последовательно бойцом, библиотекарем, секретарем военкома, помощником военкома и военкомом артиллерийского парка и дивизиона. До назначения военкомом одновременно был председателем партийной ячейки дивизиона. Вместе с дивизионом он участвовал в походах и боях на Южном фронте, Донбассе, в отражении Улагаевского десанта белых на Кубани, против Врангеля в Крыму и, наконец, в Закавказье.

После демобилизации из Красной армии (апрель 1923 г.) Айзик вновь приехал в Екатеринбург, где получил работу в губкоме ВКП(б) зав. общим отделом и информатором, а в конце 1924 г. губкомом был послан на работу заместителем заведующего губернским отделением Госиздата. На этой должности он проработал до 1927 г., затем последовательно работал заведующим отделениями Госиздата в Грозном, Шахтах и Пятигорске. В Пятигорском отделении Госиздата А. Х. Столяр трудился около полугода, после чего горкомом партии был командирован на работу секретаря партколлектива в станицу Горячеводскую. На этом посту он проработал около шести месяцев и в первой половине 1931 г. на городской партконференции был избран зав. орготделом горкома партии, а в конце 1931 г. его избрали ответственным секретарем Пятигорского горкома ВКП(б).

Секретарем Пятигорского горкома Айзик Хананович проработал до марта 1933 г., после чего ЦК был утвержден начальником политотдела Сарапульской МТС (стоит отметить, что в тот момент Сарапульский район входил в состав Уральской области, с декабря 1934 до декабря 1936 г. был частью Кировского края, а затем вошел в состав Удмуртской АССР). После реорганизации политотделов, т. е. с февраля 1935 и до февраля 1936 г. он работал 2-м секретарем Сарапульского райкома ВКП(б). 16 февраля 1936 г. пленум Слободского райкома ВКП(б) избрал А. Х. Столяра 1-м секретарем районного комитета ВКП(б). На этой должности он сменил упоминаемую выше М. И. Борева, которая ушла на повышение, возглавив управление культуры Кировского крайисполкома [15, с. 1].

До этого момента карьера А. Х. Столяра, хоть и развивалась волнообразно, но никогда не находилась под угрозой. В автобиографии он отмечал: «Чистки и проверку партии как в 1924 г., так и в 1930-м проходил и считался проверенным. В 1933 г. чистку партии не проходил как начальник политотдела МТС. В 1930 г. я сам работал председателем комиссии по чистке в Тацинском районе Северо-Кавказского края и на первом Госруднике им. Артёма. В 1933 году был членом районной комиссии по чистке в Варненском районе Уральской области» [29, л. 7].

Злоключения Айзика Ханановича начались в ноябре 1936 г., когда в Слободском окончил жизнь самоубийством известный стахановец меховой фабрики «Белка», 19-летний рабочий Ф. А. Гагаринов. Впоследствии выяснилось, что молодой человек был «затравлен» завистливыми коллегами. Дело происходило в 1936 г., объявленном «стахановским» в масштабах всей страны, поэтому история с самоубийством Ф. А. Гагаринова быстро стала достоянием общественности и вышла на уровень обкома партии. Бюро Кировского областного комитета ВКП(б) 15 декабря 1936 г. постановило: «За формально-бюрократическое руководство райкомом, за отрыв членов бюро райкома от партийной организации, от рабочих-стахановцев на фабрике «Белка» – объявить членам бюро Слободского РК выговор, а 1-му секр. РК тов. Столяр А. Х. – строгий выговор» [27, л. 209].

Стахановец той же фабрики – 18-летний В. С. Баталов – вскоре получил тюремный срок за драку с милиционером. Дело вновь дошло до обкома партии, а А. Х. Столяру припомнили предыдущее разбирательство. В постановлении бюро обкома от 7 августа 1937 г. констатировалось: «В решении от 15 декабря 1936 г. по делу стахановца Гагаринова обком партии вскрыл совершенно нетерпимое положение с организацией массово-политической работы, бездействие в деле борьбы с враждебными элементами и отсутствие политической бдительности, обком требовал от всей парторганизации и партийного руководства района исправления этого положения, укрепления связей с массами, решительной борьбы с классово враждебными элементами, которые вели подрывную работу на предприятиях района. Первый секретарь райкома партии тов. Столяр А. Х., несмотря на суровое предупреждение обкома, вместо решительной борьбы по выправлению положения, бездействовал. Обком в этом усматривает сопротивление и саботаж решения обкома от 15 декабря 1936 г. и считает, что тов. Столяр А. Х. оказался политически неспособным вести борьбу с враждебными элементами» [14, с. 1].

Далее следовало убийственное для карьеры А. Х. Столяра решение: «Снять с работы первого секретаря Слободского райкома ВКП(б) тов. Столяра А. Х. как политически обанкро-

тившегося и оторвавшегося от рабочих и партийных масс района. Созвать внеочередную районную партконференцию для довыборов райкома» [14, с. 1].

Однако проблемы Айзика Ханановича в этот момент только начинались. Уже 14 сентября 1937 г. он был арестован органами НКВД. Первый документ его судебного-следственного дела – справка на арест и привлечение к ответственности – гласил: «Столяр, будучи секретарем Сарапульского райкома ВКП(б) состоял в к.р. троцкистской организации, имел тесную связь с разоблаченными троцкистами и правыми в городе Свердловске... Свою к.р. деятельность скрывал от партии. Находясь в гор. Слободском в качестве секретаря райкома ВКП(б) подбирал в аппарат райкома активных троцкистов, скрывал и не разоблачал к.р. троцкистскую деятельность работника райкома Павленина, последний открыто восхвалял Троцкого и Зиновьева. На осн. изложенного выше считаю необходимым Столяр арестовать и приступить к расследованию его к.р. деятельности» [30, л. 1].

В тот же день вышло постановление о предъявлении обвинения за подписью заместителя начальника УНКВД по Кировской области, майора госбезопасности В. И. Уюка, в котором говорилось, что «Столяр А. Х. достаточно изобличается в том, что состоял членом контррев. организации правых. Как член этой организации проводил подрывную вредительскую работу, повстанческую и к.-р. террористическую деятельность... Постановили: Столяр А. Х. привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 2 через ст. 19, 58-й п. 8, 7, 10, 11 УК РСФСР» [29, л. 3]. Вскоре последовала реакция и по партийной линии – постановлением бюро Кировского обкома ВКП(б) от 23 сентября 1937 г. А. Х. Столяр был исключен из партии как «враг народа» [30, л. 18].

Самым существенным был п. 2 ст. 58 УК РСФСР редакции 1926 г.: «Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры». Данный пункт предполагал расстрел, даже несмотря на оговорку «через статью 19», которая четко определяла: «приготовительные к преступлению действия, выражающиеся в приискании или приспособлении орудий, средств и создании условий преступления, преследуются так же, как совершенное преступление». Пункты 7, 8, 9 и 11 58-й статьи УК предполагали соответственно подрыв экономики страны, совершение терактов, повреждение или уничтожение транспортных коммуникаций и организационную деятельность, направленную на подготовку и совершение указанных в предыдущих пунктах статьи преступлений [18].

В постановлении о продлении срока содержания под стражей от 8 ноября 1937 г. обвинения в адрес А. Х. Столяра были расширены и конкретизированы. В числе прочего ему вменяли следующее: «Столяр А. Х., будучи начальником п/о Сарапульской МТС в 1934 г. входил в контрреволюционную организацию правых на Урале, возглавляемую Кабаковым... Кроме того, вместе с другими членами к.-р. организации правых: Кобелевым, Иконниковым, Моисеевым и др. создавал к.-р. повстанческие группы. Впоследствии, будучи секретарем Слободского РК ВКП(б) продолжал к.-р. работу, установив связи с членами к.-р. организации правых в гор. Кирове». В итоге арест ему был продлен до 15 января 1938 г. [30, л. 19]. Как мы видим, следствие усматривало связь между «контрреволюционными» действиями А. Х. Столяра и личностью бывшего секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова, который уже был к тому времени репрессирован. Характерная деталь: Кабаков был обвинен в создании той самой «организации правых» на Урале, куда якобы и входил Айзик Хананович в период работы в Сарапуле [17, с. 263–264].

Спустя чуть более месяца с момента ареста, А. Х. Столяр дал признательные показания, что отразилось в протоколе допроса от 20 октября 1937 г. В документе были зафиксированы следующие его слова: «Первые двенадцать дней после ареста я запирался и не давал следствию правдивых показаний. Тяжело было сознаться, что я, враг народа, долгое время двурушничал, обманывал партию, использовал ее доверие для подлой предательской работы против партии, против трудящихся. Придя к выводу, что дальнейшее запирательство бесплодно, что следствие располагает вескими уликами против всех членов организации... Я решил откровенно исчерпывающе рассказать как о своем участии в организации правых, о своей контрреволюционной деятельности, так и все, что мне известно о деятельности организации в целом» [30, л. 34].

Конкретные признания сводились к тому, что в «организацию правых», якобы действовавшую на Урале под руководством И. Д. Кабакова, А. Х. Столяр был завербован в апреле-мае

1934 г. в г. Сарапуле, во время его работы там в качестве начальника политотдела Сарапульской МТС. Вербовкой Айзика Ханановича в «организацию», с его слов, занимался секретарь Сарапульского райкома ВКП(б) Н. Д. Иконников (впоследствии арестованный и расстрелянный) при «активнейшем участии» со стороны местных партийных функционеров из числа работников райкома ВКП(б) и начальников политотделов МТС других районов Свердловской области (так с января 1934 г. называлась бывшая Уральская область) – Кобелева, Вязанкина и Моисеева.

Далее приведены следующие пояснения А. Х. Столяра: «Я приехал в Сарапул из Ростова-на-Дону в октябре месяце 1933 года. Мой переезд из Ростова был связан, в первую очередь, с семейными передрыгами и, по существу, был вынужденным. Настроение было угнетенное, упадочное. Приехав в Сарапул, я обратился к секретарю районного комитета ВКП(б) Иконникову. Иконников с первых же встреч со мной начал обрабатывать меня, как говорят, “приблизить к рукам”. Знакомя меня с обстановкой в районе, Иконников больше всего говорил о достоинствах бывшего секретаря Уральского обкома Кабакова, о его хорошем отношении к сарапульцам, особом внимании к Сарапульскому району... В первой же беседе со мной Иконников подчеркнуто заявил мне что отношение ко мне, условия моей работы в Сарапульском районе будут зависеть от моего поведения... За это время я был участником ряда вечеринок, фактически сборищ организации, на которых велись контрреволюционные разговоры о политике партии, о руководстве партии, в которых я принимал участие солидарно со всеми» [30, л. 35–36].

В одной из бесед Н. Д. Иконников якобы заявил А. Х. Столяру, что на Урале существует организация, возглавляемая И. Д. Кабаковым, ставящая перед собой задачу «путем целого ряда мероприятий заставить партию и правительство изменить политику». Иконников в связи с этим сообщил, что в Сарапуле существует группа людей во главе с ним, работающая по прямым указаниям Кабакова. «Совместные пьянки, всевозможные поблажки, премии, подарки, вообще были излюбленными методами обработки со стороны Иконникова... Премии эти выдавались не ведомствами, а лично самим Иконниковым... Сами Иконников и Кобелев деньгами буквально сорили, особенно при поездках в Свердловск», – добавил А. Х. Столяр [30, л. 37–38].

Согласно его показаниям, особые усилия организация приложила к тому, чтобы «развалить» тракторный парк и парк сложных сельскохозяйственных машин. «Вредительская работа» будто бы велась ими по линии несвоевременного, некачественного ремонта тракторов, а главным образом по линии «вредительского» планирования их работы, нерационального распределения по районам, расстановки по участкам, в результате чего машины использовались неэффективно, простаивали, ломались и выходили из строя совсем, работа же МТС в глазах рабочих масс дискредитировалась, наносился большой материальный ущерб государству и колхозникам [30, л. 42]. Стоит отметить, что списывание хозяйственных провалов на «вредительство врагов народа» (как правило, мнимых) было типичной практикой сталинского времени, особенно заметной эта тенденция стала в 1936–1938 гг., когда фигурантам различных уголовных дел могли припомнить «грехи», совершенные ими значительно раньше.

В показаниях А. Х. Столяра упоминается и «подрывная работа организации по выводу из строя конского поголовья». Утверждения Айзика Ханановича рисовали следующую картину. По заданию руководителя «организации» И. Д. Кабакова, из Сарапульского, Воткинского и других районов в 1934 г. были отправлены сотни колхозников и колхозных лошадей на работы в Нижний Тагил, Чусовую, Березники и другие пункты на лесозаготовки и на стройки. «Организацией» якобы были созданы умышленно крайне тяжелые условия в этих пунктах с кормами для направленных туда лошадей и людей. Многие колхозники бросили работу и лошадей, чтоб вернуться домой. Но с лошадьми возвращались домой немногие, так как от бескормицы животные на месте работ и в дороге погибали [30, л. 43]. На самом деле, этот фрагмент показаний описывает типичную для того времени практику отправки колхозников на разного рода работы (как правило, лесозаготовки и строительство) в порядке т. н. «трудгужповинности». Другое дело, что руководители области и района действительно могли недоработать в плане организации описанных мероприятий.

Отдельным направлением деструктивной деятельности «организации», согласно протоколам допроса А. Х. Столяра, была сдача зерна государству. В частности, зерно якобы умышленно сдавалось низкого качества, с повышенной сорностью и влажностью. Эту «вредительскую работу» по заданию организации выполняли, помимо Столяра, уже упоминаемые Вязанкин, Кобелев и член организации Шувалов, работавший в качестве уполномоченного

комитета заготовок сельскохозяйственных продуктов СНК СССР. Прямое задание сдавать государству низкокачественное зерно при этом давал Моисеев. Помимо этого, «организация», согласно показаниям Айзика Ханановича, занималась целенаправленным озлоблением рабочих против советской власти и срывом стахановского движения [30, л. 45]. Последнее могло быть актуально лишь в последние месяцы его пребывания в Сарапульском районе, поскольку стахановское движение развернулось в Советском Союзе не раньше сентября–октября 1935 г.

Любопытен тот момент в показаниях А. Х. Столяра, где он указывает на связь членов «организации правых», действующих в Сарапульском районе, с партийным руководством образованного в декабре 1934 г. Кировского края. По словам обвиняемого, связь кировских «правых» с сарапульскими поддерживалась через И. А. Дубинского, который занимал должность заведующего сельскохозяйственным отделом крайкома ВКП(б) [30, л. 51]. Исаак Александрович Дубинский был идеальным «связующим звеном» с точки зрения следователей. Дело в том, что его отец когда-то был крупным предпринимателем, и за сокрытие этого факта еще в начале 1920-х гг. Дубинский исключался из партии. История его восстановления в ней покрыта мраком, но информация о прошлых его «прегрешениях» всплыла в начале лета 1937 г. на очередной региональной партийной конференции. В результате чего его исключили из списка претендентов на членство в новом составе обкома ВКП(б), а впоследствии репрессировали [6, с. 20].

Ситуация для А. Х. Столяра усугублялась тем, что при обыске 14 сентября 1937 г. у него было изъято нелегально хранившееся оружие – пистолет системы «Парабеллум» калибра 7-63, к нему 50 штук боевых патронов, и другой пистолет системы «Зауэр» калибра 7-65 с семью боевыми патронами. Обвиняемый пояснил, что по октябрь 1935 г. это оружие хранилось у него легально, имелось соответствующее разрешение. С октября же 1935 г. он по своей халатности не возобновил разрешение, поэтому оружие хранилось у него незаконно около двух лет.

Происхождение оружия Айзик Хананович объяснил так: «Пистолет системы “Парабеллум” у меня находился с 1919 г., со времени моей службы в Красной армии, в должности помощника комиссара 9-го сводного тяжело-артиллерийского дивизиона и достался после смерти комиссара дивизиона Симоненко П. П. Пистолет системы “Зауэр” получен мною в подарок в 1932 г. от бывшего начальника СПО Терского сектора ОГПУ Крылова Николая Дмитриевича... Намерения использовать отобранное у меня оружие для террористических и повстанческих целей у меня не было» [30, л. 54]. Несмотря на приведенные объяснения, для следствия нелегальное хранение А. Х. Столяром оружия стало серьезным дополнительным аргументом в пользу того, что он участвовал в «террористическом антисоветском подполье».

Как нередко было в период «Большого террора», следствие припомнило А. Х. Столяру все предыдущие проступки перед властью. В числе прочего вновь всплыла история с самоубийством стахановца меховой фабрики «Белка» г. Слободского Ф. А. Гагаринова. В протоколе допроса фигуранта дела Д. С. Пахомова от 1 февраля 1938 г. содержится следующая информация на этот счет: «Кто именно травил Гагаринова, я не знаю, но мне как ближайшему помощнику Акоюна¹ известно, что организация правых срывала стахановское движение. Бывший секретарь Слободского РК ВКП(б) Столяр А. Х. – участник антисоветской организации, выполняя установки областного центра правых, создал в Слободском районе такую обстановку для стахановцев, в результате которой безнаказанно проводилась травля Гагаринова, в результате чего он и покончил самоубийством» [30, л. 82].

Любопытны материалы очной ставки, проведенной между А. Х. Столяром и В. Г. Глазыриным – старым знакомым Айзика Ханановича, бывшим редактором Сарапульской районной газеты. Глазырин сообщил следующее: «Мой разговор со Столяром о работе организации правых происходил в феврале 1935 г. в кабинете Столяра. Он в то время замещал секретаря райкома ВКП(б), так как Моисеев болел. Столяр мне говорил, что работу по организации правых будем продолжать и возглавлять ее будет он – Столяр». Несмотря на ранние признания в связях с мифической «организацией правых», в данном случае Столяр отрицал показания бывшего приятеля, заявив, что никогда не замещал Моисеева и не имел в тот момент кабинета в здании Сарапульского райкома ВКП(б), поскольку был избран 2-м секретарем райкома несколько позже [30, л. 150]. Однако проверить эти утверждения сложно, поскольку Глазырин

¹ Акоюн Сурен Петрович (1898–1938) – советский партийный деятель, в 1936–1938 гг. – 2-й секретарь Кировского крайкома ВКП(б); с января 1938 г. – инструктор ЦК партии. Впоследствии был арестован органами НКВД, расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности 20 июня 1938 г.

не назвал точной даты встречи и упомянул абстрактный «февраль». Точно так же А. Х. Столяр был избран 2-м секретарем Сарапульского райкома в феврале 1935 г., поэтому не слишком понятно, какое из названных близко стоящих по времени событий произошло раньше.

В обвинительном заключении по делу А. Х. Столяра от 28 апреля 1939 г. констатировалось: «Виновен в том, что... являясь участником антисоветской организации правых, по ее заданию формировал повстанческие группы, вел вредительскую диверсионную работу в сельском хозяйстве, вербовал новых участников в организацию и незаконно хранил огнестрельное оружие, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, пп. 2, 10, 11 и 182 УК РСФСР» [30, л. 159]. Как мы видим, следствие переквалифицировало обвинение: были убраны пункты 7 и 8 статьи 58 УК РСФСР, зато добавился п. 10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»), а также статья 182 действующего на тот момент УК – «Изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ или снарядов, а равно огнестрельного (кроме охотничьего), оружия без надлежащего разрешения» [18].

С момента ареста А. Х. Столяра прошло около полутора лет. Все это время он содержался во внутренней тюрьме НКВД г. Кирова. За это время печально известного Н. И. Ежова на посту народного комиссара внутренних дел СССР сменил Л. П. Берия (его назначение состоялось 24 ноября 1938 г.), и поведение обвиняемых по политическим делам резко изменилось. Это хорошо видно на материалах дела А. Х. Столяра, который уже 15 апреля 1939 г. направил на имя Кировского областного прокурора письмо следующего содержания:

«Настойчиво прошу вызвать меня для дачи подробных появлений о грубых нарушениях и искажениях, имевших место при ходе следствия по моему делу. Настоящим я еще раз отказываюсь от всех своих показаний, так как они даны в результате насилия и вымогательства со стороны следствия. Показания выколачивались. Никакие показания, доказывающие мою невиновность, не принимались. Я также заявляю о нарушении статьи 206 УПК. При подписании протокола об окончании следствия я хотел дополнить дело показаниями и объяснениями по поводу ряда документов, а также возбудить ходатайство о вызове свидетелей, но это принято не было. Дело знаю плохо. Прошу также принять заявления на имя прокурора Союза ССР с жалобой на методы следствия и направить его по адресу. Вызов прошу ускорить, так как дело скоро должно слушаться в областном суде» [30, л. 239–239 об.].

Судя по всему, письму не дали хода, поскольку 14 мая 1939 г. Кировский областной суд признал А. Х. Столяра виновным в преступлениях, предусмотренных пунктами 2, 10, 11 58-й статьи и по 182-й статье УК РСФСР, и приговорил к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях (с учетом срока предварительного заключения) с последующим поражением в правах на пять лет [30, л. 243, 410]. Надо отдать Айзику Ханановичу должное, потому что он не только не смирился с этим суровым и несправедливым приговором, но и оперативно подал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР (это произошло 27 мая того же года). В тексте жалобы утверждалось: «Свои показания на предварительном следствии я дал после многосуточного прерывного допроса и после неслыханного издевательства и вымогательства со стороны следствия и избития. Никакого следствия не было. Выколачивались заведомо ложные показания, которые я писал под диктовку следователей и переписывал после корректуры их» [30, л. 410 об.].

Далее А. Х. Столяр следующим образом объясняет причину самоговора: «Я дал ложные показания после применения ко мне целой системы исключительных издевательств. На одном допросе в ноябре 1937 г. в кабинете начальника НКВД Газова², где присутствовали Газов и Павловиков, я заявил, что меня вынуждают давать ложные показания на себя и других, от которых я на суде вынужден буду отказаться. На это Газов объявил буквально следующее: “Никакого суда над вами не будет. Мы сами расправимся с вами на тройке. Мы вам следствие, мы вам и суд!” Здесь же меня избили и при мне Газов отдал приказание, что, если я не дам показаний, арестовать мою жену и начать допрос ее “по всем правилам”» [30, л. 415–415 об.]. Письмо оканчивалось лаконичным «криком о помощи»: «Я невиновен. Я прошу немногого. Я прошу беспристрастного советского расследования моего дела» [30, л. 416].

² Имеется в виду Леонид Петрович Газов (1898–1987) – начальник Управления НКВД по Кировской области в июле 1937 – ноябре 1938 года, впоследствии – секретарь Краснодарского обкома ВКП(б). В отличие от многих других руководителей НКВД, участвовавших в «ежовщине», не понес никакого наказания за содеянное, прожив долгую жизнь. Умер в Москве в возрасте 89 лет.

Показательно, что кассационная жалоба А. Х. Столяра возымела довольно быстрый (по меркам того времени) эффект. Уже 7 июля 1939 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР вынесла достаточно взвешенное решение по его делу: «По приговору суда осужденному Столяр вменяется в вину, что он был завербован в контрреволюционную организацию правых..., однако судом не установлено, когда, где и при каких обстоятельствах он был завербован, также не установлено, какие же конкретные действия выполнял осужденный Столяр, состоя в этой организации... На основании изложенного судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР определила: “Приговор отменить, дело вернуть для нового рассмотрения со стадией предварительного следствия”» [30, л. 426].

К сожалению, материалы следствия в деле не сохранились. В постановлении начальника следственной части УГБ УНКВД Кировской области лейтенанта госбезопасности Напалкова от 29 января 1940 г. констатировалось: «Практическая антисоветская деятельность со стороны Столяр А. Х. не установлена, а следовательно, и обвинение Столяр А. Х. по ст. 58-10, 2, 11 УК не находит подтверждения... Уголовное дело по обвинению Столяр Айзика Ханановича и Глазырина Виктора Григорьевича дальнейшим производством прекратить с немедленным освобождением их из-под стражи» [30, л. 436–437]. Тем же днем датируется распоряжение начальнику тюрьмы № 1 г. Кирова об освобождении А. Х. Столяра [30, л. 441].

Борьба за жизнь и свободу для А. Х. Столяра на этом успешно завершилась, но ему еще предстояло не менее трудный процесс по восстановлению репутации и членства в партии. Уже 4 февраля 1940 г. он направил письмо в бюро Слободского райкома ВКП(б) с просьбой о восстановлении в партийных рядах. В письме говорилось: «В результате преступных методов следствия и неслыханных издевательств со стороны лиц, проводивших следствие, я был вынужден признать себя виновным в преступлении, которого я никогда не совершал и дал ложно-клеветнические показания как на себя, так и на других. Подписав протокол показаний, я при первой же возможности стал отказываться от своих показаний как от ложных, о чем мной было послано два заявления Кировскому областному прокурору, в результате чего по моим показаниям, насколько мне известно, не арестован ни один человек». Примечательна следующая далее оговорка автора письма: «Показаний никаких на членов Слободской парторганизации, несмотря на сильный нажим со стороны следователей, я ни на кого не дал» [28, л. 1–1 об.].

Видимо, вопрос о восстановлении бывшего «врага народа» был передан на уровень обкома партии, потому что уже 16 февраля 1940 г. Айзик Хананович вдогонку отправил в адрес Кировского областного комитета ВКП(б) дополнение к своему предыдущему заявлению с разъяснениями относительно своего предполагаемого участия в «коллективных пьянках» с другими репрессированными партийными работниками. «Редкие случаи выпивок, которые допускались мной не носили характера пьянства и на работе не отражались. Никогда никаким взысканиям за выпивку я не подвергался», – убеждал областное партийное руководство А. Х. Столяр [28, л. 7–8].

Видимо, объяснения Столяра были приняты, потому что уже 22 февраля 1940 г. бюро Кировского обкома постановило восстановить его в рядах ВКП(б). Ждановскому райкому г. Кирова было предписано в кратчайшие сроки выдать ему партийные документы [28, л. 13]. По сложившейся в то время практике, сообщение о восстановлении А. Х. Столяра в партии было опубликовано в главной газете региона – «Кировской правде» [11, с. 4]. После этого дела Айзика Ханановича явно пошли в гору, потому что уже 23 апреля 1940 г. другим решением Кировского обкома ВКП(б) он был утвержден в руководящей должности директора треста пригородных хозяйств при Кировском облисполкоме [29, л. 22].

Его спокойная жизнь, как и у всех советских людей, вновь оборвалась с началом Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. 18 февраля 1942 г. обком освободил 45-летнего А. Х. Столяра от должности директора треста пригородных хозяйств в связи с призывом в Красную армию [29, л. 23]. Прошлое Айзика Ханановича в качестве кадрового военного сыграло свою роль, поэтому он получил офицерское звание. Во всяком случае, к концу войны он находился в звании капитана [23].

Судя по всему, на передовую немолодой А. Х. Столяр так и не отправился, зато получил партийную должность заместителя начальника госпиталя № 3161 по политчасти. Госпиталь этот располагался в г. Вятские Поляны Кировской области, поэтому далеко уезжать от Кирова Айзику Ханановичу не пришлось. Зато ему пришлось вновь столкнуться с партийными взысканиями в свой адрес. Так, в протоколе заседания бюро Вятскополянского райкома ВКП(б) от 7 сентября 1943 г. содержатся следующие нелицеприятные факты о его работе: «Полити-

ко-массовая работа проводится недостаточно, политинформации отсутствуют, лекции проводятся очень редко. Кино бывает нерегулярно, самодеятельность ранбольных не организована. Шашек, шахмат, домино и литературы недостаточно. Офицерскому составу и орденосцам также не созданы надлежащие условия... В палатах тов. Столяр бывает редко. Вследствие неудовлетворительной работы среди ранбольных имеется много случаев нарушения дисциплины» [24, л. 161 об.].

Как уже было однажды в биографии А. Х. Столяра, дело могло бы кончиться заурядным порицанием с указанием «исправить ситуацию», если бы не одно «но» – подобное предписание уже выносилось бюро Вятскополянского райкома партии 7 июля 1943 г. Все указывает на то, что заместителю начальника госпиталя по политчасти дали два месяца на исправление ситуации, в которые тот явно не уложился. Поэтому и вердикт бюро был довольно жестким: «За невыполнение решения бюро РК ВКП(б) от 7.VII и 5 сентября 1943 года, совершенно недостаточную постановку политико-массовой работы среди ранбольных, за непринятие мер к устранению антисанитарного состояния, в частности, пищеблока, за допуск к питанию недоброкачественной пищи зам. начальника госпиталя по политчасти Столяр Айзик Ханановичу объявить строгий выговор с занесением в личное дело» [24, л. 161 об.]. Стоит отметить, что неудовлетворительное питание раненых бойцов и командиров, а также «антисанитарное» состояние пищеблока вряд ли напрямую относились к компетенции Столяра, но все остальное действительно было по его части.

Проведенный райкомом и задокументированный опрос раненых рисует новые подробности халатности со стороны А. Х. Столяра: «Ранбольные единодушно заявляют, что зам. начальника госпиталя по политчасти т. Столяр в палатах бывает очень редко, многие ранбольные его совершенно не видели. По заявлению ранбольного, т. Столяр придет в госпиталь, зайдет в одну из палат, поиграет в шахматы и уйдет. По палатам не ходит, с ранбольными работу не ведет. В результате совершенно неудовлетворительной политработы в госпитале, по заявлению ранбольного Васильева, много нарушений дисциплины. Бойцы ходят на рынок, продают сахар, а на деньги покупают помидоры и яйца. В госпитале картежная игра на деньги, а также в лото, пьянка среди ранбольных. В прошлое воскресенье на рынок ушло до 50 человек ранбольных, часть на костылях» [25, л. 133 об. – 134].

Полученное Айзиком Ханановичем за неудовлетворительную работу в госпитале партвзыскание сыграло в его дальнейшей жизни отрицательную роль. В самом начале 1944 г. он был вновь вызван на заседание бюро Вятскополянского райкома ВКП(б), но уже по совсем иному делу. Дело в том, что, встречая новый 1944 г. с коллегами по госпиталю, А. Х. Столяр позволил себе неосторожные высказывания в отношении музыкальной составляющей нового (на тот момент) гимна СССР авторства композитора А. В. Александрова. В числе прочего он заявил: «Музыка Александрова, принятая для гимна Советского Союза, напоминает дьячковщину и вообще композитор Александров бывший дьячок, а поэтому вся его музыка напоминает дьячковщину» [26, л. 24]. Более того, когда присутствующие на вечеринке коммунисты сделали ему замечание и возразили, что «музыка товарища Александрова зовет массы вперед и поднимает на борьбу», Столяр упорно доказывал свою правоту, будучи, судя по контексту, пьяным.

Такое поведение было признано на бюро «непартийным», в итоге по делу было вынесено суровое решение: «Отмечая, что т. Столяр уже имеет партвзыскание – строгий выговор с занесением в личное дело и в своей практической работе не только не заслужил снятие партвзыскания, но своим непартийным поведением на вечеринке дискредитировал себя как коммуниста, считать невозможным дальнейшее пребывание Столяр на политработе в госпитале и в рядах ВКП(б), в связи с чем поставить вопрос перед Политуправлением Уральского Военного округа (г. Свердловск) об исключении Столяр из членов ВКП(б) и снятии его с данной работы» [26, л. 24 об.]. Бюро райкома исключило бы его сразу, но не в его компетенции было принятие таких решений в отношении военных.

К сожалению, имеющиеся у нас источники не позволяют проследить дальнейшую судьбу Айзика Ханановича. Известно только то, что службу в рядах РККА он продолжил, в звании понижен не был. В учетно-послужной карточке капитана А. Х. Столяра значится дата его демобилизации – 3 апреля 1946 г., а также то, что он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [23]. Исходя из этого, можно предположить, что исключения из ВКП(б) ему на этот раз удалось избежать, однако должности заместителя начальника госпиталя по политчасти он вполне мог лишиться.

Подытожив проанализированный выше документальный материал, сделаем ряд выводов. Во-первых, жизненный путь и карьера Айзика Ханановича Столяра были довольно типичны для партийного работника того времени. Он вступил в большевистскую партию вскоре после Октябрьской революции, прошел гражданскую войну, впоследствии занимал различные руководящие должности во многих регионах Советского Союза. В первой половине 1930-х гг. судьба забросила его в Сарапульский район Уральской области, который в результате административно-территориальных пертурбаций середины десятилетия стал частью Кировского края (в декабре 1936 г. преобразован в Кировскую область). Будучи отныне подчиненным кировской парторганизации, А. Х. Столяр был избран на должность 1-го секретаря Слободского райкома ВКП(б), где его и настиг «Большой террор» 1937–1938 гг. Здесь также стоит отметить, что люди его положения довольно часто попадали под каток репрессий, ведь согласно современным исследованиям, «типичная фигура жертвы репрессий 1937 г. в Кировской области – не рядовой рабочий или колхозник (хотя, естественно, можно указать и на таковых), а советский чиновник» [6, с. 125].

Другой вывод касается общих тенденций развития репрессивной политики властей в отношении представителей региональной и местной партийно-государственной элиты. Приведенные выше факты укладываются в определенную формулу: те репрессированные, которым удалось избежать расстрела, будучи приговоренными к высшей мере наказания или серьезным лагерным срокам в период руководства НКВД Н. И. Ежова (сентябрь 1936 – ноябрь 1938 г.), как правило, вышли на свободу и были реабилитированы уже в довоенные годы или, как минимум, получили значительно более мягкое наказание при его преемнике Л. П. Берии. Именно при нем «Большой террор» завершился и состоялась первая (пусть и ограниченная) в истории СССР реабилитация жертв политических репрессий. В этом смысле «Большой террор» 1937–1938 гг. совершенно справедливо именовался в советской исторической литературе и публицистике «ежовщиной». Этот же термин долго сохранялся и в народной памяти.

Список литературы

1. Арапханова Л. Я. Партийно-государственная номенклатура Ингушетии в условиях массовых политических репрессий в СССР // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2020. № 1. С. 4–9.
2. Бадмаева Е. Н. Политические репрессии по отношению к партийно-государственной номенклатуре и управленческо-хозяйственным работникам в Калмыкии в 1930-х годах // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 1. С. 47–52.
3. Бакулин В. И. Кадровые «чистки» 1933–1938 гг. в Кировской области и проблемы консолидации советского общества // В. И. Бакулин. Листая истории страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров : Изд-во ВятГУ, 2006. С. 179–188.
4. Бакулин В. И. Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 года и его место в политической жизни советского общества // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2019. № 5. С. 5–14.
5. Бакулин В. И. Бюро Кировского обкома ВКП(б) и проблема политических репрессий в 1937 г. // История и архивы. 2020. № 2. С. 12–37.
6. Бакулин В. И., Чемоданов П. А. Политико-экономическая и социальная история Кировского региона середины 1930-х годов : монография. Киров, 2023. 224 с.
7. Винниченко О. Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материале местных Советов Урала) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2007. Т. 52. № 22. С. 319–328.
8. Захарченко А. В. Элиты и общество в годы репрессий 1937–1938 гг. (на примере Куйбышевской области) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 407–416.
9. Земсков В. Н. Политические репрессии в СССР (1917–1990) // Россия-XXI. 1994. № 1–2. С. 107–124.
10. Карачаров Ю. Г. Все равно буду жить! : докум. рассказ о жертвах сталин. репрессий в Киров. обл. Киров : Волго-Вят. кн. изд-во, Киров. отд-ние, 1990. 192 с.
11. Кировская правда. 1940. 20 марта. № 65.
12. Кононенко А. А. Кадровая чистка в Тюмени 1937–1938 гг. // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 2. С. 182–192.
13. Лубянка. Советская элита на сталинской голгофе. 1937–1938. Архив Сталина: Документы и комментарии / сост. В. Н. Хаустов. М. : МФД, 2011. 528 с.
14. Об издательском отношении к стахановцу тов. Баталову. Постановление Кировского областного комитета ВКП(б) // Ленинский путь. 18 августа 1937. № 190.
15. Первый секретарем Слободского райкома ВКП(б) избран тов. Столяр А. Х. Пленум Слободского райкома ВКП(б) // Ленинский путь. 17 февраля 1936. № 39 (987).

16. Политические лидеры Вятского края : биографический справочник. Киров : [б. и.], 2009. 730 с.
17. Сушков А. В. Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург : Альфа Принт, 2019. 292 с.
18. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374?ysclid=lm7ry2wb8r593459132> (дата обращения: 06.09.2023).
19. Фельдман М. А. Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 29–45.
20. Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 432 с.
21. Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. : Республика, 1992. 268 с.
22. Царикаев А. Т. «Исключить из рядов ВКП(б)...» (из истории репрессий против партийно-советской номенклатуры в Северной Осетии в 1936–1938 гг.) // Известия СОИГСИ. 2014. № 11. С. 103–111.
23. ЦАМО (Центральный архив министерства обороны). Учетно-послужная картотека офицерского состава. Шкаф 199. Ящик 5 // Учетно-послужная карточка Столяра А. Х.
24. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. П-563. Оп. 3. Д. 107.
25. ЦГАКО. Ф. П-563. Оп. 3. Д. 108.
26. ЦГАКО. Ф. П-563. Оп. 4. Д. 3.
27. ЦГАКО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 10.
28. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 5. Д. 2317.
29. ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 17. Д. 4644.
30. ЦГАКО. Ф. П-6799. Оп. 1. СУ-433. Т. 1.
31. Чемоданов П. А. Абрам Столяр: политическая биография эпохи «Большого террора» // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4. С. 23–28.
32. Чемоданов П. А. От дочери портного до «врага народа»: «пять жизней» Мизы Боревой // Россия-XXI. 2019. № 5. С. 176–191.

"We are the investigation for you, we are the court for you!": the case of Ayzik Stolyar as an example of the repressive practice during the "Great Terror" of 1937–1938.

Chemodanov Pavel Andreevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Volgo-Vyatskiy University (branch) Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin.
Russia, Kirov. E-mail: pavelche1492@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the judicial investigation case of the party worker Aizik Khananovich Stolyar, who was arrested in 1937 and accused of belonging to the "organization of the right". The detailed materials of this case give an idea of both the rich biography of the defendant and the repressive practices of the Soviet power structures of the period of the "Great Terror" of 1937–1938.

Ayzik Stolyar was born at the end of the XIX century in Vitebsk province into a Jewish working-class family. He worked as an apprentice pharmacist, participated in the First World War and the Civil War, as well as an eventful career in the party organs of different regions of the country. In 1937, he met in the Kirov region as the 1st secretary of the Sloboda district committee of the CPSU(b). After his arrest, he was involved in the case of the "organization of the right", which involved several dozen party figures, including regional scale. Having survived torture in the dungeons of the NKVD, A. H. Stolyar was released in early 1940, was fully rehabilitated and reinstated in the party.

The case of A. H. Stolyar is a characteristic example of the Soviet repressive practice of the period of the "Great Terror", largely aimed at combating the Stalinist group with real and imaginary opposition among the regional and local party and state elite. It also confirms the concept that the first rehabilitation of victims of political repression in the USSR took place before the outbreak of the Great Patriotic War of 1941–1945. after the removal of N. I. Yezhov from the leadership of the NKVD, which marked the end of the "Yezhovism".

Keywords: Great Terror, Stalinism, party nomenclature, political repression, rehabilitation, Kirov region.

References

1. Araphanova L. Ya. *Partijno-gosudarstvennaya nomenklatura Ingushetii v usloviyah massovykh politicheskikh repressij v SSSR* [The party-state nomenclature of Ingushetia in the context of mass political repression in the USSR] // *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch. E. Ahrieva* – Herald of Ingush Scientific Research Institute of Humanities n. a. Ch. E. Akhriev. 2020. No. 1. Pp. 4–9.

2. Badmaeva E. N. *Politicheskie repressii po otnosheniyu k partijno-gosudarstvennoj nomenklature i upravlenchesko-hozyajstvennym rabotnikam v Kalmykii v 1930-h godah* [Political repressions against the party-state nomenclature and managerial and economic workers in Kalmykia in the 1930s] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta* – Herald of Udmurt University. 2017. Vol. 27. Is. 1. Pp. 47–52.
3. Bakulin V. I. *Kadrovye "chistki" 1933–1938 gg. v Kirovskoj oblasti i problemy konsolidacii sovetskogo obshchestva* [Personnel "purgas" of 1933–1938 in the Kirov region and the problems of consolidation of Soviet society] // V. I. Bakulin. *Listaya istorii stranicy: Vyatskij kraj i vsya Rossiya v XX veke* – V. I. Bakulin. Flipping through the history pages: Vyatka Krai and the whole of Russia in the twentieth century. Kirov. VyatSHU Publishing House. 2006. Pp. 179–188.
4. Bakulin V. I. *Fevral'sko-martovskij plenum CK VKP(b) 1937 goda i ego mesto v politicheskoj zhizni sovetskogo obshchestva* [The February-March plenum of the Central Committee of the CPSU(b) in 1937 and its place in the political life of Soviet society] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* – Herald of Northern (Arctic) Federal University. 2019. No. 5. Pp. 5–14.
5. Bakulin V. I. *Byuro Kirovskogo obkoma VKP(b) i problema politicheskikh repressij v 1937 g.* [Bureau of the Kirov Regional Committee of the CPSU(b) and the problem of political repression in 1937] // *Istoriya i arhivy* – History and archives. 2020. No. 2. Pp. 12–37.
6. Bakulin V. I., Chemodanov P. A. *Politiko-ekonomicheskaya i social'naya istoriya Kirovskogo regiona serediny 1930-h godov : monografiya* [Political, economic and social history of the Kirov region in the mid-1930s : monograph]. Kirov. 2023. 224 p.
7. Vinnichenko O. Yu. *Nomenklatura i repressii 30-h gg. (na materiale mestnyh Sovetov Urala)* [Nomenclature and repression of the 30s (based on the material of local Councils of the Urals)] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* – News of Ural State University. Series 1: Problems of education, science and culture. 2007. Vol. 52. No. 22. Pp. 319–328.
8. Zaharchenko A. V. *Elity i obshchestvo v gody repressij 1937–1938 gg. (na primere Kujbyshevskoj oblasti)* [Elites and society during the years of repression 1937–1938 (on the example of the Kuibyshev region)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 17. No. 3. Pp. 407–416.
9. Zemskov V. N. *Politicheskie repressii v SSSR (1917–1990)* [Political repressions in the USSR (1917–1990)] // *Rossiya-XXI – Russia-XXI*. 1994. No. 1–2. Pp. 107–124.
10. Karacharov Yu. G. *Vse ravno budu zhit'! : dokum. rasskaz o zhertvah stalin. repressij v Kirov. obl.* [I will live anyway! : dokum. the story of Stalin's victims. repressions in the Kirov region]. Kirov. Volgo-Vyatka Publishing House, Kirov publication. 1990. 192 p.
11. *Kirovskaya Pravda* – Kirov Truth. 1940. 20th of March. No. 65.
12. Kononenko A. A. *Kadrovaya chistka v Tyumeni 1937–1938 gg.* [Personnel purge in Tyumen 1937–1938] // *Vestnik TyumGU. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* – Herald of Tyumen State University. Humanitarian studies. 2021. Vol. 7. No. 2. Pp. 182–192.
13. Lubyanka. *Sovetskaya elita na stalinskoj golgofe. 1937–1938. Arhiv Stalina: Dokumenty i kommentarii* – Lubyanka. The Soviet elite at Stalin's Golgotha. 1937–1938. Stalin's Archive: Documents and comments / comp. V. N. Khaustov. M. MFD. 2011. 528 p.
14. *Ob izdevatel'skom otnoshenii k stahanovcu tov. Batalovu. Postanovlenie Kirovskogo oblastnogo komiteta VKP(b)* – About the bullying attitude towards Stakhanovite Comrade. To Batalov. Resolution of the Kirov Regional Committee of the CPSU(b) // *Leninskij put'* – Lenin's way. August 18, 1937. No. 190.
15. *Pervym sekretarem Slobodskogo rajkoma VKP(b) izbran tov. Stolyar A. H. Plenum Slobodskogo rajkoma VKP(b)* – Comrade was elected the first secretary of the Sloboda district committee of the CPSU(b). Stolyar A. H. Plenum of the Slobodsky district committee of the CPSU(b) // *Leninskij put'* – Lenin's way. February 17th 1936. No. 39 (1987).
16. *Politicheskie lidery Vyatskogo kraja : biograficheskij spravocnik* – Political leaders of the Vyatka Region : biographical guide. Kirov : [w. i.], 2009. 730 p.
17. Sushkov A. V. *Imperiya tovarishcha Kabakova: ural'skaya partnomenklatura v 1930-e gody* [The Empire of Comrade Kabakov: the Ural party nomenclature in the 1930s]. Yekaterinburg. Alfa Print. 2019. 292 p.
18. *Ugolovnyj kodeks RSFSR redakcii 1926 g.* – The Criminal Code of the RSFSR, as amended in 1926 // *Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov* – Electronic Fund of legal and normative-technical documents. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901757374?ysclid=lm7ry2wb8r593459132> (date accessed: 06.09.2023).
19. Feldman M. A. *Sovetskaya elita 1930-h gg.: problema identifikacii* [The Soviet elite of the 1930s: the problem of identification] // *Diskurs-Pi* – Discourse-Pi. 2021. Vol. 18. No. 4. Pp. 29–45.
20. Haustov V., Samuel'son L. *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* [Stalin, the NKVD and the repressions of 1936–1938]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the first President of Russia B. N. Yeltsin. 2010. 432 p.
21. Hlevnyuk O. V. *1937-j: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet society]. M. Republic. 1992. 268 p.
22. Carikaev A. T. *"Isklyuchit' iz ryadov VKP(b)..." (iz istorii repressij protiv partijno-sovetskoj nomenklatury v Severnoj Osetii v 1936–1938 gg.)* ["Exclude from the ranks of the CPSU(b) ..." (from the history of repres-

sion against the party-Soviet nomenclature in North Ossetia in 1936–1938]] // *Izvestiya SOIGSI – News of SOIGSI*. 2014. No. 11. Pp. 103–111.

23. CAMD (Central Archive of the Ministry of Defense). The accounting and service record of the officers. Cabinet 199. Drawer 5 // *Uchetno-posluzhnaya kartochka Stolyara A. H.* – Accounting and service record of the Carpenter A. H.

24. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. P-563. Inv. 3. D. 107.

25. CSAKR. F. P-563. Inv. 3. File 108.

26. CSAKR. F. P-563. Inv. 4. File 3.

27. CSAKR. F. P-1255. Inv. 2. File 10.

28. CSAKR. F. P-1290. Inv. 5. File 2317.

29. CSAKR. F. P-1290. Inv. 17. File 4644.

30. CSAKR. F. P-6799. Inv. 1. SU-433. Vol. 1.

31. *Chemodanov P. A. Abram Stolyar: politicheskaya biografiya epohi "Bol'shogo terrora"* [Abram Stolyar: a political biography of the era of the "Great Terror"] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2018. No. 4. Pp. 23–28.

32. *Chemodanov P. A. Ot docheri portnogo do "vraga naroda": "pyat' zhiznej" Mizey Borevoj* [From the tailor's daughter to the "enemy of the people": "five lives" by Miza Boreva] // *Rossiya-XXI – Russia-XXI*. 2019. No. 5. Pp. 176–191.

Деятельность землеустроительных комиссий Калужской губернии по внедрению агрокультурных новаций в период столыпинских преобразований

Панасюк Виктор Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского. Россия, г. Калуга. E-mail: victor77777@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам деятельности землеустроительных комиссий по распространению агрокультурных новаций в местной деревне в период столыпинских преобразований. Автор впервые в отечественной историографии поставил задачу проанализировать эту проблематику на примере Калужской губернии. Источниковая база исследования состоит из впервые введенных в научный оборот архивных документов, представленных личными делами служащих землеустроительных комиссий, а также опубликованных материалов различного происхождения (нормативные акты, справочные и статистические издания, материалы центральной и местной периодической печати).

Автор изучает основные направления землеустроительной агрономической помощи единоличным домохозяйствам в регионе, приводятся статистические данные о результатах этой работы. Установлено, что по мере роста участковых хозяйств в Калужской губернии увеличивался масштаб оказываемой им агрономической помощи, объемы ее финансирования. В исследовании уделено внимание профессиональной деятельности ряда служащих землеустроительного агрономического персонала, подчеркивается их личный вклад в развитие агрономического просвещения сельского населения. Выяснилось также, что негативное влияние на землеустроительную агрономию оказывали некоторые факторы, связанные с организацией труда специалистов (частая сменяемость агрономов, их нехватка и пр.) Тем не менее можно уверенно утверждать, что к началу 1914 г. казенная агрономическая помощь в регионе приобрела характерные черты комплексного обслуживания единоличных домохозяйств, т. е. была нацелена на развитие основных отраслей местного крестьянского хозяйства. Поступательное развитие землеустроительной агрономии было прервано начавшейся Первой мировой войной.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы при подготовке лекционных курсов, проведении практических занятий, написании учебных пособий и т. д.

Ключевые слова: землеустроительная комиссия, единоличное хозяйство, агрономическая помощь, землеустроительный агроном.

В современной российской историографии вопросы изучения столыпинских аграрных преобразований начала XX в. занимают приоритетное направление в научно-исследовательской работе целого ряда специалистов. Возросший интерес к этой проблематике связан с переживаемыми в настоящее время кардинальными изменениями в структуре аграрного сектора российской экономики (приватизация земли, создание фермерских хозяйств и т. д.) В этом отношении приобретает большое значение обращение исследователей к опыту аграрного переустройства российской деревни в начале прошлого столетия. За последние десятилетия в научный оборот были введены новые документальные источники, которые легли в основу публикаций на региональном уровне исследований. В этих работах получили отражение ранее неизвестные стороны, аспекты аграрной проблематики [7; 20; 42]. Однако несмотря на это, до настоящего времени к числу малоисследованных вопросов относится, например, оказание землеустроительной агрономической помощи единоличным домохозяйствам в Калужской губернии до начала Первой мировой войны. Такая постановка вопроса определяет актуальность настоящего исследования.

Аграрная реформа П. А. Столыпина, задуманная властями как крупный, амбициозный социально-экономический проект, была направлена на подъем крестьянского хозяйства в стране, создания в российской деревне широкого слоя крестьян-собственников (хуторян, отрубников). Для реализации этих целей были разработаны правовые механизмы выхода крестьян из общины с укреплением полевых наделов в их собственность, землеустройство дворов на общинных землях, в имениях Крестьянского поземельного банка и т. д. Ключевая роль здесь отводилась землеустройству домохозяйств, однако создание новых участковых дворов

на базе рутинной техники, унаследованной от посткрепостнического периода, практически было невозможно. Поэтому необходимо было изменить качество организации сельскохозяйственного труда, повысить его эффективность, т. е. заняться агрономическим просвещением крестьян на основе современных передовых технологий.

Для проведения столыпинской реформы согласно указу императора Николая II от 4 марта 1906 г. в стране создавались губернские и уездные землеустроительные комиссии, которые находились в компетенции Главного управления землеустройства и земледелия (далее – ГУЗиЗ). Губернскую комиссию возглавлял губернатор, уездные – местные предводители дворянства. В состав землеустроительных комиссий входили чиновники различного ранга (например, неприменный член губернского присутствия, управляющий Казенной Палатой, управляющие местными отделениями Крестьянским поземельным и Дворянским банками и др.) [25, с. 1–2]. Из-за недостатка финансовых средств, кадровых проблем и т. д. процесс формирования ведомственных комиссий ГУЗиЗ в Калужской губернии растянулся на несколько лет. Первые из них начали работу в 1907 г., затем в 1908 г. открылась губернская комиссия, а последние комиссии стали функционировать с 1911 г. [33, с. 161].

В 1907–1908 гг. в фокусе внимания землеустроительных комиссий Калужской губернии были вопросы ликвидации земельного запаса местного отделения Крестьянского поземельного банка, проведение землеустроительных работ на общинных землях и т. д. [40, с. 82–83]. Затем на повестке дня появились новые задачи, связанные с агрономическим обслуживанием участковых домохозяйств. Так, 3 ноября 1909 г. Калужская губернская землеустроительная комиссия приняла постановление об учреждении должности агронома уездной землеустроительной комиссии [22, с. 4]. В 1910 г. Козельская, Медынская и Мосальская уездные землеустроительные комиссии впервые пополнились штатными агрономами. Данное решение выглядело закономерным, поскольку это были центры хуторского расселения в регионе. Между тем районы деятельности специалистов не ограничивались административными границами уездов. Например, агроном Мосальской уездной землеустроительной комиссии А. И. Яштолд-Говорко обслуживал единоличные домохозяйства Мещовского и 15 волостей Жиздринского уездов. Агроном Козельской уездной землеустроительной комиссии Ф. Ф. Василевский оказывал помощь участковым хозяйствам Лихвинского, Перемышльского и 22 волостям Жиздринского уездов [9, л. 711 об.]. Заметим, что Ф. Ф. Василевский был одним из немногих специалистов, находившихся у истоков землеустроительной агрономии в Калужской губернии. Он проработал в Козельском уезде вплоть до революционных событий лета 1917 г. [10, л. 5, 52 об.].

По мере дальнейшего развития столыпинских преобразований в местной деревне и роста числа единоличных домохозяйств увеличивался состав агрономического персонала уездных землеустроительных комиссий. Так, если к началу января 1912 г. в регионе насчитывалось восемь агрономов, то уже через два года – 14 специалистов, т. е. количество агрономов превысило общее число уездов Калужской губернии [11]. Это означало, что в землеустроительной агрономической службе наметился постепенный переход от уездного типа к участковому, когда на одного специалиста приходился один или несколько районов обслуживания, как правило, совпадавших с границами волостей. Иными словами, участковый агроном становился ближе к землеустроенному крестьянскому населению, что способствовало более эффективному оказанию адресной помощи нуждающимся домохозяйствам. Новый тип агрономической организации был представлен в Жиздринском, Перемышльском и Медынском уездах, где на каждый из них приходилось по два агрономических участка [28, с. 63–65; 29, с. 117–122]. Например, в Медынском уезде землеустроительная участковая агрономия действовала с марта 1913 г., где оба специалиста являлись известными лицами. Так, агрономы 1-го участка Г. И. Иванов и 2-го участка А. Г. Фофанов имели многолетний опыт административной работы в земских кругах уезда, т. е. это были люди, знавшие не понаслышке настроения, интересы крестьянского населения [14, л. 25; 16, л. 9].

В целях объединения деятельности агрономического персонала в регионе при Калужской губернской землеустроительной комиссии была учреждена должность агронома районов землеустройства. В начале января 1914 г. это место занял А. Г. Мильковский, бывший агроном Мещовской уездной землеустроительной комиссии. Это был очень образованный специалист, имевший целых три профильных образования (два высших и одно среднее), что было большой редкостью. Однако служебная деятельность А. Г. Мильковского имела непродолжительный срок, поскольку в начале апреля 1915 г. по состоянию здоровья он вынужден был уйти в отставку [18, л. 1, 12, 16].

Между тем, по признанию властей, имеющийся состав агрономов не мог в должной мере осуществлять на практике весь необходимый комплекс сельскохозяйственных работ, поэтому в помощь этим специалистам в 1910 г. была учреждена должность агрономического старосты землеустроительной комиссии (Калужский и Медынский уезды) [11, л. 3; 13, л. 3]. Одним из них оказался Н. Н. Михалевский, агрономический староста Калужской уездной землеустроительной комиссии, занимавший должность до июня 1912 г. Он был выходцем из дворянского сословия и выпускником местной Гурьевской низшей сельскохозяйственной школы [13, л. 2, 23]. По мере развития столыпинских преобразований к началу 1914 г. в Калужской губернии общее число агрономических старост достигло 18 человек, которые входили в состав десяти уездных землеустроительных комиссий. Район их обслуживания составлял группы волостей или отдельные уезды в целом. Больше всего агрономических старост было в Медынском уезде – 4 чел., далее в Жиздринском, Козельском уездах – по 2 чел., а в Тарусском уезде – 1 чел. [29, с. 118, 120–122].

Контроль и финансирование сметных ассигнований на агрономические нужды в целом по стране осуществлял Департамент земледелия, одно из ведущих структурных подразделений ГУЗиЗ. Анализ правительственных средств, отпущенных землеустроительным комиссиям Калужской губернии, показал устойчивую тенденцию роста бюджетного финансирования. Так, если в 1909 г. на землеустроительную агрономию было выделено более 3 тыс. руб., то в 1910 г. эта сумма составила более 18 тыс. руб., в 1911 г. – более 38 тыс. руб., в 1912 г. – более 58 тыс. руб., а в 1913 г. – почти 67 тыс. руб. Таким образом, за пять предвоенных лет ассигнования на эти цели увеличились почти в 20 раз [23, с. 90–91; 37, с. 33; 38, с. 49; 39, с. 49]. Начиная с 1911 г., доля расходов на содержание агрономического персонала неуклонно увеличивалась и составляла свыше половины от общей суммы расходов: в 1911 г. – 59 %, в 1912 г. – 65 %, в 1913 г. – 71 %. Другая часть правительственных средств расходовалась на агрономическое просвещение единоличных домохозяйств, нацеленных на получение практических результатов (опытно-показательные мероприятия, улучшение земледельческой техники и пр.) [37, с. 30; 38, с. 46; 39, с. 46].

В целях выработки подробных планов организации агрономической помощи на местах и составления сметных предположений о необходимых для этого средствах при Калужской губернской землеустроительной комиссии было образовано Особое агрономическое совещание. Общие указания о составлении планов этих совещаний были определены ГУЗиЗ. Центральное ведомство считало, что «ближайшей задачей лиц и учреждений, заведывающих агрономической помощью единоличным хозяйствам на местах, должно быть содействие владельцам отрубных участков в выработке той простейшей системы полеводства, которая обеспечивала бы корм скоту и повышения урожая зерновых культур» [23, с. 61–62]. В состав Калужского губернского Особого агрономического совещания входили губернатор (председатель совещания), непрменные члены уездных землеустроительных комиссий, члены губернской земской управы, заведывающий агрономической помощью в районах землеустройства и др. [22, с. 3–4] Последнюю должность, в частности, занимал С. Ф. Трухачев, совмещая ее, кроме того, с должностью непрямого члена губернской землеустроительной комиссии, где имел многолетний опыт административной работы. Деятельность Особого агрономического совещания была отмечена местной периодической печатью. Как сообщали «Калужские губернские ведомости», в июне 1913 г. региональные власти ходатайствовали перед правительством об отпуске на следующий год сметных ассигнований на общую сумму более 111 тыс. руб., что было в 1,5 раза больше объема тех средств, которые были выделены государством в этом году [43, с. 2].

Начало землеустроительной агрономической помощи единоличным домохозяйствам было связано с изданием известного циркуляра Департамента земледелия от 25 апреля 1908 г. Нормативный документ устанавливал структуру организации показательных мероприятий, которые состояли из трех групп: показательные хозяйства, показательные поля и показательные участки. В показательных хозяйствах основной целью являлась демонстрация выгодного сочетания отдельных отраслей хозяйства. Показательное хозяйство, по оценке властей, было рассчитано на силы среднего крестьянского двора, типичного для данной местности размера, и финансирование в обычном порядке. Улучшенные севообороты и новейшие приемы земледельческой техники составляли основу показательных полей, а демонстрация отдельных приемов полеводства являлась целью показательных участков [5, с. 43–44]. В этом отношении интересно привести оценку известного отечественного агронома

начала XX в. С. М. Богданова, что «показ – лучший прием распространения сельскохозяйственных улучшений в наши хозяйства при отсутствии и специального, а часто даже и общего образования у массы наших хозяев» [8, с. 275].

В 1909 г. треть всех средств, отпущенных правительством на землеустроительную агрономическую помощь в Калужской губернии, были направлены на обустройство в Козельском уезде пяти показательных хуторов. По согласованию между местной землеустроительной комиссией и уездным земством организация показательных хозяйств была поручена агроному Ф. Ф. Василевскому, состоящему в то время на земской службе Козельского уезда. Показательные хозяйства располагались в центрах расселения хуторов на общинных землях и среди единоличных участков, принадлежащих местному отделению Крестьянского поземельного банка. Обустройство каждого показательного хутора обошлось казне в 200 руб. Большая часть этих средств в размере 115 руб. предназначалась для покупки посевного фонда (семян ржи, клевера и картофеля). Меньшая часть – 85 руб. была выделена на приобретение различной сельскохозяйственной техники: плуги, бороны и т. д. [6, с. 632].

Одно из таких показательных хозяйств принадлежало крестьянину с. Волконского Е. М. Касатову, выделенное из общинной земли на площади 11 дес. Домохозяйство велось под наблюдением местной уездной землеустроительной комиссии. На хуторе был организован многопольный севооборот, разбитый на семь участков. Хозяйство специализировалось на выращивании огородных культур (огурцы, капуста и пр.), что объяснялось существенным недостатком в них среди крестьян соседних деревень. По подсчетам агронома Ф. Ф. Василевского доход, полученный на показательном хозяйстве от полеводства, значительно превышал доходы не только от окрестных общинных хозяйств, но и ряда помещичьих владений этого уезда [32, с. 43].

Результаты деятельности показательных хозяйств получили общественное признание. На состоявшейся в сентябре 1910 г. ежегодной Калужской губернской сельскохозяйственной выставке Козельская уездная землеустроительная комиссия за проекты и планы показательных хозяйств была удостоена похвального листа Калужского общества сельского хозяйства. Кроме того, хуторянину Е. М. Касатову, представившему на выставке образцы огородных культур и сводные таблицы практических результатов многопольного севооборота, был вручен похвальный лист ГУЗиЗ [31, с. 3].

Наибольшее количество показательных хозяйств – 14, устроенных в Калужской губернии в период столыпинских преобразований, относится к 1910 г. При поддержке председателя Медынской уездной земской управы А. Г. Фофанова, убежденного сторонника единоличного землевладения, пять новых показательных хуторов были образованы в этом уезде. Примечательно, что из-за отсутствия местного землеустроительного специалиста организацией этих хозяйств занимался уездный земский агроном М. Н. Розанов [30, с. 85]. В последующие годы количество показательных хуторов в Калужской губернии сократилось. Так, в 1911 г. их насчитывалось десять хозяйств, на содержание которых государство выделило 3000 руб., т. е. в среднем 300 руб. на каждый из них [3, с. 39]. Среди этого количества хозяйств выделим два новых показательных хутора в Мещовском уезде, обустройство которых было поручено агроному А. Г. Фофанову, занимавшего с апреля 1911 г. эту должность при местной землеустроительной комиссии [14, л. 25]. К концу 1913 г. в Калужской губернии насчитывалось семь показательных хуторов на общей площади 118 дес., т. е. в среднем на хозяйство приходилось почти 17 дес. [4, с. 260]. Уменьшение количества показательных хуторов в регионе было обусловлено естественным развитием единоличного землевладения, когда часть из них, выполнив свои задачи, потеряли уже образцовое значение. Этот процесс регулировался нормами циркуляра Департамента земледелия от 14 апреля 1912 г. Правительство заявляло о сокращении расходов на показательные хозяйства с целью сохранить их «лишь в тех, вновь возникших районах землеустройства, где население незнакомо с улучшенными приемами хозяйства» [5, с. 45].

Заведывающий агрономической помощью на местах С. Ф. Трухачев отмечал, что при выборе хозяина показательного поля или участка предпочтение отдавалось, как правило, тем домохозяевам, которые выразили намерение организовать в своих хозяйствах агрокультурные новации. Показательные поля закладывались, в основном, целыми группами в районах хуторского расселения. Средства от казны отпускались из расчета не более 100 руб. на обустройство одного показательного поля и 25 руб. на показательный участок. Единоличному собственнику, решившему организовать у себя показательное поле, землеустроительные комиссии выдавали бесплатно семена трав, корнеплодов, огородных культур и фруктовых са-

женцев, а семена зерновых культур и картофеля с последующим возвратом в течение 2 лет. Сельскохозяйственный инвентарь предоставлялся в ссуду на льготных условиях: в течение первых 5 лет ссуда не взыскивалась, а погашалась в последующие 10 лет равными долями [34, с. 3]. Под руководством агрономического персонала землеустроительных комиссий владельцы показательных полей и участков должны были отказаться от общинного трехполья и ввести многопольный севооборот под травосеяние, разводить сельскохозяйственные культуры, организовывать опыты с искусственными удобрениями и пр. Фактически это означало развитие в регионе целого комплекса различных опытно-показательных мероприятий.

В 1910 г. землеустроительными агрономами Калужской губернии впервые были заложены одно показательное поле и два показательных участка с посевами многолетних кормовых трав клевера и тимофеевки [23, с. 84]. В последующие годы количество показательных полей и участков неуклонно увеличивалось. Так, в 1911 г. было устроено 11 показательных полей и десять показательных участков [3, с. 38–39]. Например, в 1911 г. в Мещовском уезде агроном А. Г. Фофанов заложил одно показательное поле, агроном Медынского уезда Г. И. Иванов обустроил семь показательных участков на площади от 12 до 24 дес. В последнем случае поворот к агрокультурным новшествам позволил единоличникам получить в 1912 г. более высокий по сравнению с общинниками урожай трав и хлебов [1, с. 225; 14, л. 25]. Всего к началу 1914 г. в районах землеустройства региона было заложено 46 показательных полей и 75 показательных участков на общей площади 337 дес. [4, с. 260].

Показательные агрономические мероприятия тесно переплетались с развитием травосеяния и многопольного севооборота в участковых хозяйствах. По наблюдению С. Ф. Трухачева, в Калужской губернии широкое распространение получили 6–9-ти польные севообороты под яровые и озимые культуры с посевом клевера и кормовых трав. Чиновник землеустроительного ведомства объяснял это тем, что многие единоличные хозяйства региона специализировались на развитии молочного скотоводства, для которых состояние кормовой базы имело первостепенное значение [34, с. 2]. Так, у хуторянина М. Е. Винокурова, жителя д. Трушково Мосальского уезда, вышедшего на единоличный участок в 1907 г., был установлен девятипольный севооборот: 1) пар, удобренный навозом, 2) рожь с подсевом клевера, 3) клевер, 4) клевер, 5) лен и овес, 6) пар, занятый виковой смесью, 7) рожь по искусственному удобрению, 8) картофель и корнеплоды, 9) яровые. Введение многопольного севооборота позволило хуторянину к 1913 г. достигнуть высоких урожаев сельскохозяйственных культур, а также увеличить поголовье молочного скота. По сравнению с хозяйствами соседних общинников такие результаты выглядели весьма убедительными [26, с. 61, 65]. Всего к началу 1914 г. в районах землеустройства Калужской губернии под многопольный севооборот было отведено 2243 дес. Более половины из них приходилось на Мещовский уезд, в других районах значительно меньше – от нескольких сотен дес. в Перемышльском уезде и до двух десятков дес. в Боровском уезде [34, с. 29].

Некоторые единоличники на участках с многопольным севооборотом стремились проводить опыты с новыми способами посева, выращивать нетипичные для их местности сорта сельскохозяйственных культур, применять искусственные удобрения (томасшлак, фосфорит и др.) Так, в 1911 г. Мещовская уездная землеустроительная комиссия сообщала, что агрономом А. Г. Фофановым «в четырех хозяйствах поставлены опыты с искусственными минеральными удобрениями» [14, л. 25 об.]. У хуторянина М. В. Титова в с. Касьянове Козельского уезда в 1912 г. агроном Ф. Ф. Василевский заложил опыт по посеву ржи разных сортов с томасшлаком, который наглядно показал, что петкусская рожь имела более высокий урожай по сравнению с местной рожью [32, с. 42]. В целом при посредничестве землеустроительных комиссий единоличные домохозяева могли получить бесплатно или приобрести за собственный счет сортовые семена и искусственные удобрения [41, с. 48].

Введение травосеяния на полях единоличных домохозяйств, как нового способа улучшения кормовой базы, оказалось недостаточной мерой для повышения продуктивности местного скотоводства. Эта ситуация выявила необходимость поиска и других мер агрономической помощи. В качестве такой меры стало создание случных пунктов с постановкой племенных производителей путем скрещивания с чистокровными животными крупного, мелкого рогатого и парнокопытного скота. Организация случных пунктов находилась в компетенции Калужской губернской землеустроительной комиссии, которая при обустройстве их на местах предъявляла к единоличным домохозяевам требования наличия необходимого достатка кормовых средств и соответствующего ухода за животными. При выборе породы жи-

вотных для случного пункта у агрономического персонала не было четких инструкций. Поэтому для качественного улучшения их популяции использовали разные породы скота, например, быки производители ангельнской, симментальской, швицкой пород и др. для разведения крупного рогатого скота [34, с. 4]. Обычно на единоличное домохозяйство приходился один случный пункт, но в некоторых случаях одновременно могли обустроить пункты отдельно для крупного, мелкого рогатого или парнокопытного скота. Например, в 1913 г. в хозяйстве хуторянина М. Е. Винокурова Мосальского уезда функционировали случные пункты по разведению крупного рогатого скота (ярославская порода) и чистопородного свиноводства (хряк и свинка) [35, с. 2]. В Калужской губернии шесть случных пунктов впервые были открыты в 1910 г., через год их количество увеличилось в два раза – 12 пунктов [3, с. 46; 23, с. 84]. Один из них, например, был обустроен в Мещовском уезде агрономом А. Г. Фофановым [14, л. 25 об.]. В 1913 г. число случных пунктов в регионе достигло 56, большая часть из них специализировалась на разведении крупного рогатого скота молочного направления продуктивности – 39. Другую малую часть составляли случные пункты по свиноводству – 16 и овцеводству – всего 1 [4, с. 279].

Одновременно с деятельностью, направленной на улучшение культуры земледелия и скотоводства, агрономический персонал землеустроительных комиссий Калужской губернии уделял внимание и развитию специальных отраслей сельского хозяйства (садоводство, огородничество, пчеловодство и др.). К числу основных мероприятий в этом направлении можно отнести устройство показательных пастбищ, садов, огородов, устройство омшаников с выдачей ульев и т. д. [34, с. 5]. Так, в 1912 г. Медынская уездная землеустроительная комиссия организовала у хуторянина Н. А. Калмыкова показательный огород с посевом различных овощных культур [27, с. 3]. В Тарусском уезде в 1913 г. одному из хуторян местная землеустроительная комиссия выдала четыре улья системы Дадана с целью искусственного подкармливания и роения пчел. Это позволило единоличному домохозяину увеличить общую численность пчелки и продавать пчеловодную продукцию на рынке [2, с. 311]. В этом же году при 2-х классном училище в с. Чертени Мосальского уезда местная землеустроительная комиссия организовала показательный плодово-ягодный питомник на 3 тыс. саженцев и кустов растений [35, с. 2]. Деятельность землеустроительного персонала Калужской губернии по развитию специальных отраслей единоличного хозяйства носила в большей степени вспомогательный характер. Расходы государства ежегодно здесь составляли от 1 до 3 % от общей суммы, выделенной на агрономическую помощь в районах землеустройства [23, с. 90–91; 37, с. 102; 38, с. 127]. Всего к началу 1914 г. в Калужской губернии было организовано 13 показательных садов, один показательный огород и две показательные пчелосеки [4, с. 292].

Обустроившиеся на хуторах и отрубках крестьяне намеревались также обзавестись усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и машинами (сеялки, веялки, плуги и т. д.). С этой целью в ряде уездных землеустроительных комиссий были открыты специальные склады, где осуществлялась продажа инвентаря на льготных условиях, т. е. с минимальной наценкой [24, с. 44]. Так, в 1912 г. козельский уездный агроном Ф. Ф. Василевский отмечал, что обеспеченность единоличников инвентарем постепенно возросла: «... еще 4 года тому назад у крестьян почти не встречалось плугов, а теперь вероятно не найдется ни одной деревни, где не было бы нескольких плугов и также каждая группа хуторян имеет их по несколько» [24, с. 23]. Из Лихвинского уезда агроном П. М. Попов сообщал, что только за весну 1913 г. склад местной землеустроительной комиссии продал плугов разных модификаций – 59 шт., железных борон – 5 шт., распашников – 4 шт. и т. д. [32, с. 49]. Всего к началу 1914 г. в Калужской губернии при посредничестве землеустроительных комиссий 132 единоличных домохозяев получили в ссуду 176 орудий и машин, а 362 хуторян и отрубников приобрели на собственные средства 384 единиц инвентаря [41, с. 48].

Другим направлением землеустроительной агрономии относится устройство сети прокатных пунктов улучшенных сельскохозяйственных орудий и машин. В отличие от параллельно существовавшей в Калужской губернии земской агрономии, где прокатные пункты преимущественно состояли при местных сельскохозяйственных обществах, казенные прокатные пункты в основном были расположены в центрах хуторского расселения. Руководство прокатными пунктами в основном возлагалось на младший агрономический персонал. Так, в сентябре 1911 г. из Медыни сообщали, что принятый на работу новый агрономический староста М. В. Елагин «будет заведывать прокатным пунктом при комиссии» [15, л. 7]. В иных случаях заведывание прокатными пунктами было доверено тем единоличным домохозяевам, которые вели образцовое хозяйство. В частности, у домохозяина Б. П. Конины, жителя д. Кась-

яновские выселки, перешедшего на отруб в 1912 г., Козельская уездная землеустроительная комиссия открыла прокатный пункт. Для своих хозяйственных нужд крестьяне здесь могли взять в аренду самый различный инвентарь, например, семирядную сеялку Эльворти, клеверную терку, сортировку Ребера, плуг 2-лемешный Липгарта и пр. [32, с. 41]. Прокатные пункты функционировали на основе выработанных правил пользования сельскохозяйственной техникой, плата за нее была фиксированной и посуточной: одноконный плуг – 5 коп., пружинная борона – 5 коп., клеверная сеялка – 20 коп и т. п. [36, с. 212]. Впервые прокатные пункты (всего – 2) были открыты в 1910 г. в Медынском уезде [23, с. 84]. В 1911 г. в регионе насчитывалось девять прокатных пунктов, один из новообразованных пунктов располагался в Мещовском уезде, обустройством которого занимался агроном А. Г. Фофанов [3, с. 54; 14, л. 25 об.]. В 1913 г. в Калужской губернии функционировало уже 28 прокатных пунктов, что свидетельствовало о формировании целой их сети в регионе [4, с. 261].

Практика работы агрономического персонала землеустроительных комиссий на местах выявила кадровые проблемы, которые оказывали негативное влияние на развитие агрономической помощи. Здесь обратимся к оценке Г. А. Ермолова, занимавшего должность постоянного члена Калужской уездной землеустроительной комиссии, т. е. чиновника, ответственного за ход аграрного переустройства местной деревни. По его словам, «при быстром росте землеустройства агрономический персонал не только не успевает проводить все нужные мероприятия, но фактически не справляется даже с задачей обследования единоличных владений» [21, с. 33]. Мнение Г. А. Ермолова можно подтвердить данными статистики, взяв за основу общее количество единоличных хозяйств Калужской губернии по отношению к числу землеустроительных агрономов. Так, путем подсчета выяснялось, что если на начало 1911 г. на одного такого специалиста приходилось в среднем 700 хуторов и отрубов, то к началу 1914 г. – 888 единоличных дворов. Полученный результат наглядно демонстрирует увеличение объема работы, который приходился на одного землеустроительного агронома к числу обслуживаемых им единоличных домохозяйств. Иными словами, налицо был недостаток кадров работников сельского хозяйства [4, с. 246; 9, л. 711 об.].

Негативное влияние оказывала и частая сменяемость агрономов в составе землеустроительных комиссий, поскольку в такой ситуации трудно было своевременно и в полном объеме выполнять поставленные задачи по агрономическому обслуживанию единоличных домохозяйств. Так, анализ личных дел агрономов Калужской уездной землеустроительной комиссии показал, что за период с 1911 по 1914 гг. сменили друг друга три специалиста. Например, П. М. Попов проработал всего 2,5 месяца, следующий за ним Э. В. Клейбер семь месяцев, далее В. А. Чагин – полтора года, однако в связи с началом Первой мировой войны он был мобилизован в армию в конце ноября 1914 г. [12, л. 29, 37; 17, л. 14, 16; 19, л. 7, 14].

Итак, из вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Анализ источников показывает, что в период столыпинской реформы землеустроительная агрономия Калужской губернии переживала активный процесс становления и развития. Уездный тип агрономической службы, сложившийся на начальном этапе преобразований, получил повсеместное распространение в регионе. Накануне Первой мировой войны в ряде уездов Калужской губернии наметился переход к участковой агрономии. Положительной стороной работы землеустроительных комиссий стало налаживание управленческих связей, координация между специалистами различного уровня (губернский агроном в районах землеустройства, землеустроительные агрономы, агрономические старосты). В то же время имелись факты, иллюстрирующие сложности в практике землеустроительных специалистов. По мере роста единоличного землеустройства в Калужской губернии увеличивалось и количество агрономического персонала, а также объемы ежегодно оказываемой помощи участковым домохозяйствам. В целом, можно считать, что развитие основных направлений ведомственной агрономической помощи до начала Первой мировой войны имело устойчивый прогрессивный характер, приобретая постепенно черты комплексного обслуживания хуторских и отрубных хозяйств. Все это дает нам основания говорить, что землеустроительная агрономия превратилась в одно из важнейших направлений столыпинских преобразований в Калужской губернии.

Список литературы

1. 1912 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1913. 339 с.
2. 1914 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. Пг. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1915. 324 с.

3. Агрономическая помощь в районах землеустройства. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1911. 60 с.
4. Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 год. Пг. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1915. 298 с.
5. Агрономическая помощь в районах землеустройства. Главнейшие основания организации агрономической помощи. Пг. : Изд-во Департамента земледелия, 1915. 111 с.
6. Ассигнование средств на оказание населению денежной при землеустройстве помощи // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. 1909. № 30. С. 632.
7. Балдин К. Е. Интеллигенция в деревне: земские агрономы Костромской губернии в начале XX века // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 30–46.
8. Богданов С. М. Агрономическая помощь хуторскому хозяйству // Сельское хозяйство и лесоводство. 1910. Т. 232. Май. С. 264–293.
9. ГАКО (Государственный архив Калужской области). Ф. 213. Оп. 1. Д. 113.
10. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 10.
11. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 11.
12. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 12.
13. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 13.
14. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 15.
15. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 21.
16. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 24.
17. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 43.
18. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 64.
19. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 65.
20. Дауэнгауэр О. В. Правительственные организации и агрономическая помощь крестьянским хозяйствам в период аграрной реформы П. А. Столыпина (на материалах Тверской губернии) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2013. № 3. С. 26–38.
21. Ермолов Г. А. Землеустройство в Калужском уезде. Калуга : Тип. Калужской губернской земской управы, 1915. 47 с.
22. Журнал Особого совещания, созванного г. губернатором по телеграмме г. министра внутренних дел о постановке дела агрономической помощи единоличным хозяйствам в Калужской губернии при участии земства 4 сего ноября // Калужские губернские ведомости. 1909. № 122. С. 3–4.
23. Землеустройство (1907–1910 гг.) СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1911. 120 с., прил.
24. Кадобнов Ф. И. Обзор XXI очередной выставки Калужского общества сельского хозяйства бывшей с 13 по 17 сентября 1913 г. в г. Калуге. Калуга : Типолитография губернского правления, 1914. 128 с.
25. Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие 1906–1916 гг. Пг. : Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1916. 63 с.
26. Крестьянское хозяйство в России. Извлечение из описаний хозяйств удостоенных премий в память трехсотлетия царствования дома Романовых. Т. 1. Нечерноземная полоса России. Пг. : Типография Акционерного общества типографического дела, 1915. 345 с.
27. Местная хроника // Калужские губернские ведомости. 1912. № 66. С. 3.
28. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1912 г. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1912. 340 с.
29. Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1914 г. Пг. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1914. 576 с.
30. Обзор, доклады и отчеты по земским агрономическим мероприятиям в Калужской губернии за 1910 год. Калуга : Типография Калужского губернского земства, 1911. 192 с.
31. Обзор XVIII очередной выставки Калужского общества сельского хозяйства с 12 по 16 сентября 1910 г. в Калуге // Калужские губернские ведомости. 1910. № 106. С. 3.
32. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 год. Калуга : Типолитография губернского правления, 1913. 88 с.
33. Панасюк В. В. Столыпинская аграрная реформа и российская провинция (по материалам Калужской губернии) // Российская история. 2017. № 1. С. 157–167.
34. План агрономических мероприятий в районах землеустройства на 1914 год по Калужской губернии. Калуга : Типография губернского правления, 1914. 99 с.
35. Поездка начальника губернии в Мосальский уезд // Калужские губернские ведомости. 1913. № 61. С. 1–2.
36. Пульхеров А. И. Садоводство и сельское хозяйство в Перемышльском уезде. Калуга : Типография губернской земской управы, 1913. 215 с.
37. Статистика расходов Департамента земледелия 1911 год. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1913. 106 с.
38. Статистика расходов Департамента земледелия 1912 год. СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1913. 145 с.
39. Статистика расходов Департамента земледелия 1913 год. Пг. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1915. 153 с.

40. Статистический обзор Калужской губернии за 1908 год. Калуга : Типолитография губернского правления, 1909. 83 с.

41. Статистический обзор Калужской губернии за 1914 год. Калуга : Типолитография губернского правления, 1915. 52 с.

42. Субботина Е. А. Организация опытно-показательного дела в Центральном Черноземье России в период Столыпинской аграрной реформы // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4 (60). С. 138–141.

43. Трухачев С. Ф. Агрономическая помощь хозяйствам единоличного владения на 1914 год // Калужские губернские ведомости. 1913. № 56. С. 2.

The activities of the land management commissions of the Kaluga province on the introduction of agricultural innovations during the Stolypin transformations

Panasyuk Viktor Vyacheslavovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History, Kaluga State University
n. a. K. E. Tsiolkovsky, Russia, Kaluga. E-mail: victor77777@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of the activities of land management commissions for the dissemination of agricultural innovations in the local village during the Stolypin transformations. For the first time in Russian historiography, the author set the task of analyzing this problem on the example of the Kaluga province. The source base of the research consists of archival documents introduced into scientific circulation for the first time, submitted by the personal files of employees of land management commissions, as well as published materials of various origins (normative acts, reference and statistical publications, materials of the central and local periodicals).

The author studies the main directions of land management agronomic assistance to individual households in the region, provides statistical data on the results of this work. It was found that as the local farms in the Kaluga province grew, the scale of agronomic assistance provided to them and the volume of its financing increased. The study focuses on the professional activities of a number of employees of the land management agronomic staff, emphasizing their personal contribution to the development of agronomic education of the rural population. It also turned out that some factors related to the organization of labor of specialists had a negative impact on land management agronomy (frequent turnover of agronomists, their shortage, etc.) Nevertheless, it can be confidently stated that by the beginning of 1914, state-owned agronomic assistance in the region acquired the characteristic features of comprehensive services for individual households, i. e. it was aimed at the development of basic branches of the local peasant economy. The progressive development of land management agronomy was interrupted by the outbreak of the First World War.

The materials and conclusions of the study can be used in the preparation of lecture courses, practical exercises, writing textbooks, etc.

Keywords: land management commission, sole proprietorship, agronomic assistance, land management agronomist.

References

1. *1912 god v sel'skohozyajstvennom otnoshenii po otvetam, poluchennym ot hozyaev* – 1912 in agricultural terms according to the answers received from the owners. SPb. V. F. Kirshbaum Printing House. 1913. 339 p.
2. *1914 god v sel'skohozyajstvennom otnoshenii po otvetam, poluchennym ot hozyaev* – 1914 in agricultural terms according to the responses received from the owners. Pg. V. F. Kirshbaum Printing House. 1915. 324 p.
3. *Agromicheskaya pomoshch' v rajonah zemleustrojstva* – Agronomic assistance in land management areas. SPb. V. F. Kirshbaum Printing House. 1911. 60 p.
4. *Agromicheskaya pomoshch' v rajonah zemleustrojstva za 1913 god* – Agronomic assistance in the areas of land management in 1913. Pg. V. F. Kirshbaum Printing House. 1915. 298 p.
5. *Agromicheskaya pomoshch' v rajonah zemleustrojstva. Glavnejshie osnovaniya organizacii agromicheskoy pomoshchi* – Agronomic assistance in land management areas. The main foundations of the organization of agronomic assistance. Pg. Publishing House of the Department of Agriculture. 1915. 111 p.
6. *Assignovanie sredstv na okazanie naseleniyu denezhnoj pri zemleustrojstve pomoshchi* – Allocation of funds for the provision of monetary assistance to the population in land management // *Izvestiya Glavnogo upravleniya zemleustrojstva i zemledeliya* – News of the Main Directorate of Land Management and Agriculture. 1909. No. 30. P. 632.
7. *Baldin K. E. Intelligenty v derevne: zemskie agronomy Kostromskoj gubernii v nachale XX veka* [Intellectuals in the village: zemstvo agronomists of Kostroma province at the beginning of the XX century] // *Intelligenciya i mir* – Intelligentsia and the world. 2019. No. 1. Pp. 30–46.

8. Bogdanov S. M. *Agronomicheskaya pomoshch' hutorskому hozyajstvu* [Agronomic assistance to farmsteads] // *Sel'skoe hozyajstvo i lesovodstvo – Agriculture and forestry*. 1910. Vol. 232. May. Pp. 264–293.
9. SAKR (State Archive of the Kaluga region). F. 213. Op. 1. D. 113.
10. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 10.
11. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 11.
12. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 12.
13. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 13.
14. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 15.
15. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 21.
16. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 24.
17. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 43.
18. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 64.
19. SAKR. F. 575. Inv. 1. File 65.
20. Dowengauer O. V. *Pravitel'stvennyye organizacii i agronomicheskaya pomoshch' krest'yanskim hozyajstvam v period agrarnoj reformy P. A. Stolypina (na materialah Tverskoj gubernii)* [Government organizations and agronomic assistance to peasant farms during the agrarian reform of P. A. Stolypin (based on the materials of the Tver province)] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya – Herald of Tver State University. Series: History*. 2013. No. 3. Pp. 26–38.
21. Ermolov G. A. *Zemleustrojstvo v Kaluzhskom uezde* [Land management in the Kaluga district]. Kaluga. Typ. of Kaluga provincial Zemstvo Council. 1915. 47 p.
22. *Zhurnal Osobogo soveshchaniya, sozvanogo g. gubernatorom po telegramme g. ministra vnutrennih del o postanovke dela agronomicheskoy pomoshchi edinolichnym hozyajstvam v Kaluzhskoj gubernii pri uchastii zemstva 4 sego noyabrya* – Journal of a special meeting convened by the Governor on the telegram of the Minister of Internal Affairs on the establishment of the case of agronomic assistance to individual farms in the Kaluga province with the participation of the Zemstvo on November 4 // *Kaluzhskie gubernskie vedomosti – Kaluga Provincial Vedomosti*. 1909. No. 122. Pp. 3–4.
23. *Zemleustrojstvo (1907–1910 gg.)* – Land management (1907–1910) SPb. V. F. Kirshbaum Printing House. 1911. 120 p., adj.
24. Kadobnov F. I. *Obzor XXI ocherednoj vystavki Kaluzhskogo obshchestva sel'skogo hozyajstva byvshej s 13 po 17 sentyabrya 1913 g. v g. Kaluge* [Review of the XXI regular exhibition of the Kaluga Society of Agriculture, which was held from September 13 to 17, 1913 in Kaluga]. Kaluga. Typolithography of the provincial government. 1914. 128 p.
25. *Komitet po zemleustroitel'nyim delam. Kratkij ocherk za desyatiletie 1906–1916 gg.* – Committee on Land Management Affairs. A brief sketch for the decade 1906–1916. Pg. The Partnership of R. Golike and A. Vilborg. 1916. 63 p.
26. *Krest'yanskoe hozyajstvo v Rossii. Izvlechenie iz opisanij hozyajstv udostoennyh premij v pamyat' trekhstoletiya carstvovaniya doma Romanovyh. T. 1. Nechernozemnaya polosa Rossii* – Peasant farming in Russia. Extract from descriptions of farms awarded prizes in memory of the tercentenary of the reign of the House of Romanov. Vol. 1. Non-chernozem strip of Russia. Pg. Printing house of the Joint-Stock Company of printing business. 1915. 345 p.
27. *Mestnaya hronika* – Local chronicle // *Kaluzhskie gubernskie vedomosti – Kaluga provincial Gazette*. 1912. No. 66. P. 3.
28. *Mestnyj agronomicheskij personal, sostoyavshij na pravitel'stvennoj i obshchestvennoj sluzhbe 1 yanvarya 1912 g.* – Local agronomic personnel who were in government and public service on January 1, 1912. SPb. V. F. Kirshbaum Printing House. 1912. 340 p.
29. *Mestnyj agronomicheskij personal, sostoyavshij na pravitel'stvennoj i obshchestvennoj sluzhbe 1 yanvarya 1914 g.* – Local agronomic personnel who were in government and public service on January 1, 1914. Pg. V. F. Kirshbaum Printing House. 1914. 576 p.
30. *Obzor, doklady i otchety po zemskim agronomicheskim meropriyatijam v Kaluzhskoj gubernii za 1910 god* – Review, reports and reports on zemstvo agronomic activities in Kaluga province in 1910. Kaluga. Printing house of the Kaluga provincial Zemstvo. 1911. 192 p.
31. *Obzor XVIII ocherednoj vystavki Kaluzhskogo obshchestva sel'skogo hozyajstva s 12 po 16 sentyabrya 1910 g. v Kaluge* – Review of the XVIII regular exhibition of the Kaluga Society of Agriculture from September 12 to 16, 1910 in Kaluga // *Kaluzhskie gubernskie vedomosti – Kaluga Guberniya Vedomosti*. 1910. No. 106. P. 3.
32. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Kaluzhskoj gubernii na 1914 god* – Commemorative book and address-calendar of the Kaluga province for 1914. Kaluga. Typolithography of the provincial government. 1913. 88 p.
33. Panasyuk V. V. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i rossijskaya provinciya (po materialam Kaluzhskoj gubernii)* [Stolypin agrarian reform and the Russian province (based on the materials of the Kaluga province)] // *Rossijskaya istoriya – Russian History*. 2017. No. 1. Pp. 157–167.
34. *Plan agronomicheskikh meropriyatij v rajonah zemleustrojstva na 1914 god po Kaluzhskoj gubernii* – Plan of agronomic measures in the areas of land management for 1914 in the Kaluga province. Kaluga. Printing house of the provincial government. 1914. 99 p.

35. *Poezdka nachal'nika gubernii v Mosal'skij uezd* – The trip of the head of the province to Mosalsky uyezd // *Kaluzhskie gubernskie vedomosti* – Kaluga guberniya vedomosti. 1913. No. 61. Pp. 1–2.
36. *Pul'herov A. I. Sadovodstvo i sel'skoe hozyajstvo v Peremyshl'skom uezde* [Horticulture and agriculture in the Peremyshl district]. Kaluga. Printing house of the provincial zemstvo Council. 1913. 215 p.
37. *Statistika raskhodov Departamenta zemledeliya 1911 god* – Statistics of expenditures of the Department of Agriculture in 1911. SPb. V. F. Kirshbaum Printing House. 1913. 106 p.
38. *Statistika raskhodov Departamenta zemledeliya 1912 god* – Statistics of expenditures of the Department of Agriculture in 1912. SPb. V. F. Kirshbaum Printing House. 1913. 145 p.
39. *Statistika raskhodov Departamenta zemledeliya 1913 god* – Statistics of expenditures of the Department of Agriculture in 1913. Pg. V. F. Kirshbaum Printing House. 1915. 153 p.
40. *Statisticheskij obzor Kaluzhskoj gubernii za 1908 god* – Statistical review of Kaluga province for 1908. Kaluga. Typolithography of the provincial government. 1909. 83 p.
41. *Statisticheskij obzor Kaluzhskoj gubernii za 1914 god* – Statistical review of Kaluga province in 1914. Kaluga. Typolithography of the provincial government. 1915. 52 p.
42. *Subbotina E. A. Organizaciya opytno-pokazatel'nogo dela v Central'nom Chernozem'e Rossii v period Stolypinskoj agrarnoj reformy* [Organization of an experimental demonstration case in the Central Chernozem region of Russia during the Stolypin agrarian reform] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* – News of Altai State University. 2008. No. 4 (60). Pp. 138–141.
43. *Truhachev S. F. Agronomicheskaya pomoshch' hozyajstvam edinolichnogo vladeniya na 1914 god* [Agronomic assistance to farms of sole proprietorship in 1914] // *Kaluzhskie gubernskie vedomosti* – Kaluga provincial vedomosti. 1913. No. 56. P. 2.

Городская повседневность: проституция в Ярославле в конце XIX – начале XX вв.

Карандашев Глеб Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashev@gmail.com

Аннотация. В статье на примере губернского г. Ярославля рассмотрена проблема проституции в городском социуме в конце XIX – начале XX вв. На основе широкого круга источников: неопубликованных архивных материалов, периодической печати, источников личного происхождения – представлен социокультурный облик данного явления, его влияние на повседневную жизнь и культуру местного населения. Помимо статистических данных рассмотрены проблемы, сопутствовавшие проституции: венерические заболевания, алкоголизация, преступность, самоубийства. Проанализированы вопросы регламентации продажной любви в городе, организации врачебного контроля, домов терпимости. Представлены материалы о деятельности сутенеров и хозяек борделей. Приведены сведения о проявлении классового самосознания проституток в 1905 г., их отношении к выбранной профессии и попытках покончить с ней, что не всегда удавалось.

Основную массу публичных женщин Ярославля в конце XIX – начале XX вв. составляли представительницы крестьянского и мещанского сословий, которые попадали в данную профессию в силу тяжелого материального положения. Легальные дома терпимости располагались во второй части города, там же было зарегистрировано большинство проституток-одиночек. Концентрация публичных домов и квартир с проститутками негативно сказывалась на народной нравственности и криминогенной обстановке.

Несмотря на легализацию проституции в дореволюционной России, женщины легкого поведения соприкасались с криминальным миром. В борделях могли скрываться правонарушители, совершались злодеяния. Часть ярославских проституток участвовала в преступной деятельности. Многие девушки начинали заниматься проституцией в несовершеннолетнем возрасте. О неблагоприятном психическом и физическом состоянии проституток свидетельствовали частые попытки суицида, некоторые из которых заканчивались летальным исходом.

Ключевые слова: Ярославль, проституция, преступность, пьянство, публичный дом.

В конце XIX – начале XX вв. проституция как социальное явление оказалась под пристальным вниманием российских исследователей. Обобщался опыт зарубежных стран, велась острая полемика по вопросам регламентации проституции, существования домов терпимости, эффективности врачебно-полицейского контроля [49; 50; 51]; обсуждались причины развития торговли телом, детская проституция и социальный статус публичных женщин [2; 18]; определялось влияние проституции на распространение венерических заболеваний, а также ее связь с различными формами девиантного поведения [4; 27].

В современной отечественной историографии продолжен анализ вопросов, предложенных дореволюционными авторами [9]. Проституция рассматривается как одна из форм отклоняющегося поведения [1]. Без внимания не остались сюжеты, связанные с правовым положением явления в конце XIX – начале XX вв. [24], проблемы детской и подростковой проституции [3]. Развитие получило изучение проблемы на местном уровне. Но лишь по ряду губерний и отдельных городов, включая столицы, опубликованы изыскания, в которых использован широкий круг исторических источников [19; 20; 21; 22; 23]. Проституция как социокультурное явление городской повседневности Ярославля в конце XIX – начале XX вв. не становилась объектом специального научного исследования.

23 мая 1891 г. знаменитая мемуаристка Е. А. Дьяконова записала в своем дневнике: «К моему величайшему изумлению, оказалось, что и здесь, в Ярославле, существует дом терпимости, несчастные женщины проживают там с желтыми билетами... О позор, стыд, унижение! Как их мне жаль! Лучше бы им не родиться никогда... ведь это – ужас!» [17, с. 69].

По сведениям центрального статистического комитета МВД, на 1 августа 1889 г. в Российской империи за исключением Финляндии насчитывалось 17 603 зарегистрированных про-

ститутков, действовало 1216 домов терпимости и 52 дома свиданий. В Ярославской губернии находилось 12 домов терпимости, по 6 из которых располагались в Ярославле и Рыбинске. Согласно официальным данным, на тот момент в губернии было зарегистрировано 259 проституток, из них в Ярославле – 91 и 112 – в Рыбинске. В ярославских борделях проживали 52 проститутки, 29 из которых были местными, а 23 представляли другие губернии. Также в городе на учете состояли 39 проституток-одиночек: 22 местных и 17 приезжих [26, с. 16–36].

В 1901 г. ярославский полицмейстер сообщал, что «разрешенные правительством дома терпимости с давнего времени расположены на Борисоглебской улице на протяжении от Монологской через Пошехонскую к полю, и на Пошехонской, начиная от Дворянской до Даниловского переулка». Для контроля над ситуацией полиции было удобно, чтобы заведения подобного рода находились поблизости, а не в разных концах города [13, л. 4–4 об.].

В 1907 г. в управлении второй полицейской части Ярославля было зарегистрировано 34 адреса со 100 проститутками. В 1916 г. там же официально находились 15 квартир с 40 проститутками, и кроме того, было зарегистрировано 124 женщины, одиночно занимавшихся проституцией. В третьей части города была одна проститутка-одиночка, а в первой, четвертой и пятой частях проститутки легально не действовали [10, л. 109–113].

С 80-х гг. XIX в. контроль за городской проституцией осуществлялся смешанной врачебно-полицейской комиссией во главе с полицмейстером, куда также входили городской врач и медицинские работники ярославских воинских частей. Она разрабатывала меры по борьбе с сифилисом, вела учет проституток, выдавала разрешения на открытие домов терпимости [16, л. 3–36].

В ярославской полиции городских проституток разделяли на легальных, тайных и проституток-одиночек. К первому типу относились женщины, принимавшие клиентов в домах терпимости и на квартирах. Они фигурировали в статистических сведениях, подвергались врачебно-санитарному осмотру и в целом внимательно относились к своему здоровью [12, л. 9].

Особенно опасными в смысле распространения венерических болезней были проститутки второй категории, т. е. тайные проститутки, контингент которых составляли «разные мастерицы магазинов, горничные, кухарки, чернорабочие и женщины, не имеющие определенных занятий. Из каждого десятка этих проституток, случайно попадающих на смотровой пункт, восемь оказываются больными» [12, л. 9].

Проститутками-одиночками являлись «в большинстве случаев полные сил и здоровья девушки в возрасте от 15 до 20 лет, которые попали было в дома терпимости, но в силу того, что не достигли возраста, должны были уйти и до совершеннолетия остаются, так сказать, вольно практикующими, промышляя развратом за свой страх и риск». Часть из них находилась вне медико-полицейского надзора [12, л. 9].

Основную массу женщин, занимавшихся проституцией в Ярославле, составляли жительницы Ярославского и Ростовского уездов, а также представительницы Вологодской, Тверской и Архангельской губерний. Реже девушки прибывали из более отдаленных регионов [10, л. 1–50]. Заметным был приток в Ярославль крестьян Вологодской губернии. В большинстве случаев приезжали «не обеспеченные лица, ищущие тем или другим путем добыть себе кусок насущного хлеба». Крестьяне Вологодской губернии занимали «первенствующее место в городском ночлежном доме, в кадрах проституции, нищих, ходатайствующих о пособиях и в полицейских протоколах» [55, с. 3].

Население обращалось с ходатайствами об удалении домов терпимости из районов своего проживания. Местные жители писали: «...Не мало неудобств, можно сказать лишений приходится терпеть от расселившихся в нашем квартале проституток. Их неприличное поведение, площадная брань, безобразия, драки пьяной толпы, собирающейся у их домов, лишают мирного обывателя возможности пройти без отвращения по улице, а не редко и без опасения за свою жизнь, так как в драках часто употребляются палки, камни и т. п. Ночные скандалы нарушают мирный сон обывателя, будят детей, что, понятно, весьма неблагоприятно отражается на здоровье последних» [12, л. 20–20 об.]. У людей не было «уверенности выйти на улицу или возвращаться вечером к себе домой, не рискуя получить ту или другую неприятность вплоть до оскорбления не только уличными словами, но и действием» [14, л. 9]. Удовлетворялись подобные просьбы редко. Выселение «вообще и в частности „жертв общественного темперамента“ вне власти городского общественного управления, и что о прекращении скандалов им надлежит обратиться к действующей полицейской власти» [14, л. 10].

Все же горожане добились закрытия домов терпимости и выселения проституток полицией 1 января 1908 г. с территорий, прилегавших к возведенной в 1905 г. церкви Покрова

Пресвятой Богородицы на пересечении ул. Борисоглебской и Петровской, построенной по соседству церковноприходской школы. При этом возник конфликт с многочисленными арендодателями, которые настаивали на праве сохранения публичных заведений в своих домах. Они заявляли: «Такое распоряжение нанесло нам громадный материальный ущерб, так как наши дома в настоящее время стоят пустыми. Да и в будущем мы не в состоянии будем иметь квартиросъемщиков в этих домах, так как они расположены на самом краю города, где уже начинается поле». Прошение домовладельцев ул. Борисоглебской было отклонено [12, л. 15–16].

Со временем «стали возникать дома свиданий „парных“, так называемых вольных проституток, которые первоначально поселялись на окраинах города, а затем стали снимать квартиры и по близости его центра». В 1912 г. насчитывалось более 50 подобных жилищ. Большинство падших женщин, проживавших ранее на ул. Пошехонской и Борисоглебской, переселились в «Грекову лавру» на ул. Малой Угличской, где занимали более 30 квартир. На ул. Пошехонской они также продолжали квартировать, хотя в значительно меньшем масштабе [14, л. 5–6 об.].

Передвигаться по указанным районам было небезопасно, особенно в темное время суток. Так, вечером, 22 июля 1903 г., на углу ул. Пошехонской и Борисоглебской произошло «настоящее побоище между собирающимися сюда в праздничные дни посетителями». Буянов с большим трудом усмирили, а «у городского оказалась сломана шашка. Избитых физиономий масса; некоторых участников драки препроводили в больницу» [41, с. 3]. В первый день празднования Пасхи «под вечер на Пошехонской улице произошла драка и навела панику на ютящиеся здесь дома терпимости, которые моментально закрылись во избежание разгрома» [36, с. 3].

Проститутки регулярно становились жертвами преступлений со стороны клиентов, сутенеров, хозяек, представителей власти, уличных хулиганов, ревнивых любовников. В июне 1912 г. на набережной р. Волги четверым пьяным молодым людям «у перевоза Кашина повстречалась проститутка с каким-то парнем». Произошла драка, причем один из нападавших избил девушку железной тростью [5, с. 2].

На ул. Спасской в публичном доме Кораблевой сожитель хозяйки Д. Крашенинников сильно избил девицу этого заведения К. Данилову, о чем было заявлено полиции [28, с. 3]. «Недавно была наказана „хозяйкою“ совместно с „хозяином“ проститутка М. Е-янова, которая после этого наказания отправилась в больницу, где дня 3–4 тому назад умерла» [40, с. 3]. В начале июля 1904 г. было «возбуждено преследование против рабочих фабрик Пошехонова, крестьян В. Фоминского и Л. Большакова, которые, находясь в пьяном состоянии, избili А. Карпову – „жертву общественного темперамента“» [52, с. 3].

Проживавшая в д. Вороновой на ул. Борисоглебской проститутка А. М. Перевозчикова заявила полиции, что около 2 ч. ночи она обнаружила пропажу золотой монеты. В ее комнате в тот момент находился мещанин Н. Т. Назаров, у которого приглашенный полицейский Смирнов нашел монету в левом штиблете [34, с. 3].

23 мая 1914 г. поздно ночью в квартиру содержательницы дома терпимости Е. Кузнецовой, известной под прозвищем Лиза Самодур, забрался сутенер К. Лисицын и, угрожая Кузнецовой ножом, похитил две бутылки пива. «Кроме пива Лисицын несколько раз судился за кражи и был лишен прав состояния. За похищение пива у „Самодур“ Лисицын и давал ответ в ярославском окружном суде». Свидетелями выступили проститутки и их сутенеры [31, с. 3].

В 1899 г. в Ярославле разыгралась любовная драма, где жертвой стала одна из проституток. 10 июля в 6 часов вечера в доме терпимости, принадлежащем Волкович, на ул. Борисоглебской, в отдельном спальном помещении раздались три выстрела, произведенные 27-летним С. Гульневым, который «решился убить из ревности и досады находившуюся с ним в любовной связи девицу», 18-летнюю проститутку М. Лукину [33, с. 3].

Заметное участие в жизни части проституток, особенно тайных, принимали сутенеры, которые обеспечивали нелегальную охрану своих подопечных, за что взимали с них часть доходов. В Ярославле основным местом обитания «котов» были ул. Пошехонская и Борисоглебская. «На Пошехонской улице учиняют нередко ночные дебоши так называемые „коты“, которых в общем насчитывают человек пятнадцать, из них наиболее известны два брата. Господа „коты“ тем только и занимаются, что эксплуатируют находящихся у них в подчинении „жертв общественного темперамента“. Последние, в свою очередь, видят в котях опору, на случай неприятности, когда выступающие в защиту опекаемых „коты“ охотно вступают в рукопашную с подвыпившими фланерами „Пошехонки“» [35, с. 3]. 18 июля 1905 г. на ул. Пошехонской про-

изошла драка между сутенерами и мастеровыми, причем один мастеровой был сильно изранен [45, с. 3]. 26 мая 1903 г. около 7 ч. вечера на проходящего по ул. Пошехонской солдата без всякой причины напали «так называемые коты из притонов этой улицы в числе 7 человек и стали наносить ему побои» [39, с. 4].

По сообщениям печати не проходило ни одного дня, «чтобы кто-нибудь не был искалечен разными темными личностями» на ул. Борисоглебской. 5 мая 1905 г. около 10 ч. вечера к проходившему молодому человеку И. пристал «какой-то местный субъект, по-видимому „кот“, и стал требовать с него на полбутылки водки, на что получил отказ. Тогда неизвестный субъект пригрозил молодому человеку палкой, почему И. хотел бежать, но „кот“ успел ударить изо всей силы И. палкой по шее. И. заявил об этом постовому городовому, но тот ответил ему: «ступай домой, а то еще попадет» [43, с. 3]. Этот молодой человек был дважды избит сутенером по кличке «Ванька-поляк» [44, с. 3]. 20 июля около 3 часов дня в конце ул. Борисоглебской с сутенерами в драке получил травмы грузчик Е. Маслов. Причем сутенеры «кастетом раскроили лицо Маслова» [46, с. 2].

Ярославские бордели фигурировали в местной криминальной хронике. Они могли выступать как местом, где скрывались преступники, так и пунктом, где совершались преступления. Около полуночи 20 мая 1903 г. на постоялом дворе Соболева по Большой линии «два каких-то субъекта, явившиеся туда на ночлег, затеяли скандал. Один из буянов схватил рукою за горло выпроваживавшего его хозяина, другой же стал наносить хозяину удары ножом в грудь, живот и руки». В ту же ночь в доме терпимости Богдановой на ул. Борисоглебской удалось задержать ростовского мещанина С. Шигина, который был опознан потерпевшим [37, с. 3]. Выяснилось, что Шигин несколько раз отбывал наказания в тюрьмах и арестантских ротах [38, с. 4].

В ночь на 27 октября 1904 г. рядовой Грязовецкого пехотного полка А. Семенов в доме терпимости Иоселевич на Борисоглебской ул. насильно снял сапоги с крестьянина В. Петрова, стоившие 6 р. 50 к. [55, с. 3]. В сентябре 1904 г. был привлечен к ответственности «за допущение непотребства со стороны лиц, остановившихся в номерах с тремя проститутками», содержатель гостиницы «Варшава» М. Н. Смекалов [54, с. 3]. «Сутенер с „Пошехонки“ по прозвищу Яшка-кот стащил со спавшего в „заведении Эблиной“ крестьянина С. Валяева кожаные сапоги, стоившие 5 р.» [41, с. 3].

Женщины легкого поведения получали подарки от своих клиентов, в том числе добытые криминальным путем. Такие гостинцы могли способствовать раскрытию преступлений. В ночь на 28 ноября 1898 г. у крестьянки Е. Ерохиной украли драгоценности и деньги на сумму 250 р. Виновниками оказались братья И. и А. Марголины, один из которых подарил похищенное золотое кольцо проститутке с ул. Борисоглебской. С помощью данной улики околоточный надзиратель Корольков раскрыл злодеяние [32, с. 3].

Самым распространенным видом преступлений, которое совершали ярославские проститутки, было воровство. Так, проживавшая по Борисоглебской ул. в д. Калашникова Ф. Малыгина заявила, что квартировавшая у нее проститутка Е. Сапожникова утром 17-го февраля украла на 2 руб. разных вещей. Сапожникова была разыскана, в преступлении созналась, заявив, что «вещи она продала, а деньги пропила» [58, с. 3]. Потомственный почетный гражданин Н. И. Струков сообщил, «что утром 24-го января в доме терпимости Лебедевой, где он ночевал, обнаружил у себя кражу карманных серебряных часов с цепочкой, стоящих 25 руб. и денег 3 р.». Воровство это совершила проститутка Н. Алябьева [57, с. 3]. Состоявшая в разряде публичных женщин С. В. Ушакова похитила у «содержательницы проститутки» Ф. А. Мальгиной «триковый жакет, стоящий 4 р. и батистовый платок в 3 руб., и с этими вещами скрылась» [53, с. 3].

В Ярославль периодически наведывались преступники-гастролеры. Опасную воровку, «оказавшуюся членом ускользнувшей шайки, удалось задержать в Ярославле в самый день ее сюда приезда из Москвы». Ее арестовали после совершения кражи 375 р. у одного из приказчиков в отделении государственного банка. Женщина назвалась Н. Гунази, в прошлом занимавшаяся проституцией и являвшейся хипесной воровкой-преступницей, которая заманивала богатых клиентов в номер, где сообщник обворовывал усыпленную жертву [42, с. 3].

Подобный образ жизни негативно сказывался на психическом здоровье женщин, нередко вел к пьянству, а иногда к попыткам самоубийства, часть из которых носила демонстративный характер, но другая заканчивалась летальным исходом. Основным способом ухода из жизни выбиралось отравление с помощью уксусной эссенции, реже нашатырного спир-

та. Молодые девушки таким образом пытались привлечь внимание к своей судьбе. К примеру, 28 апреля в 4 часа дня в гостинице «Коммерческая» Е. Григорьева вышла на площадку лестницы, «выпила здесь большой флакон уксусной эссенции и со стоном свалилась с ног». Григорьевой было 20 лет, «а покушалась она на свою жизнь второй раз, объяснив это тем, что ей надоело заниматься проституцией» [7, с. 2].

8 февраля в 11 ч. утра проходившая по ул. Любимской 19-летняя крестьянка П. Константинова, остановившись у Вознесенской аптеки, «вынула из кармана склянку с какой-то жидкостью, быстро выпила её содержимое, после чего со стоном упала на землю». Оказалось, что она выпила флакон уксусной эссенции. «Причина отравления – ссора с сестрой, которая запрещала ей заниматься проституцией и настаивала поступить на место» [28, с. 3].

Имелись примеры более трагичных случаев. Крестьянка Е. Караулова, состоявшая в разряде ярославских проституток и проживавшая на Малой Угличской ул. в ночь на 1 января 1914 г. бросилась под поезд на ст. Ростов. Покойная чрезвычайно тяготилась своим положением и поводом к самоубийству послужило «сознание невозможности вернуться к прежней трудовой жизни» [6, с. 2]. 21 октября в городскую больницу была доставлена 18-летняя проститутка М. Александрова, проживавшая на ул. Пошехонской, отравившаяся уксусной эссенцией. На следующий день Александрова умерла [8, с. 2]. 8 февраля на ул. Петровской был найден труп молодой женщины. Смерть произошла от принятия внутрь значительного количества уксусной эссенции. В кармане платья покойной был найден «желтый билет» на имя проститутки А. П. Румянцевой и несколько писем [29, с. 3].

Корреспонденты ярославских периодических изданий сетовали, что в городе, «к сожалению, приходится одновременно с развивающейся все больше и больше проституцией взрослых девиц констатировать факт появления малолетних от 12 лет проституток. Эти, еще совсем девочки, фланируют по бульварам и набережной, отпуская двусмысленные выражения и слова», и вопрошали общественность: «Ужели нет средств бороться с этим ужасным злом, или в городе не находятся инициаторы для организации общества для спасения несчастных детей?» [25, с. 3].

В начале XX в. официально попасть в профессию можно было достаточно легко. При достижении 18-летия, а для работы в доме терпимости – 21-летия, следовало написать соответствующее заявление на имя полицмейстера и подкрепить его рапортом пристава. Уличенных в тайной проституции освидетельствовали и заставляли легализоваться. После регистрации паспорт у проститутки забирали. Документ находился на сохранении у участкового пристава, отвечавшего за определенную часть города. Взамен выдавалась медицинская книжка [10, л. 1–50].

Сменить социальную нишу было сложнее. Начать новую жизнь стремились многие проститутки. Основная масса прошений поступала от самих женщин. Свое ремесло они называли «грязным», «постыдным», винили себя за сделанные в молодости ошибки и стремились начать «честный труд», для чего им требовались документы [10, л. 55–96]. Уход из разряда проституток мог также мотивироваться началом совместного проживания с мужчиной. Например, Е. Н. Уханова обосновывала желание исключить ее из числа проституток так: «В настоящее время в таком звании более находиться не желаю, ввиду того, что взята крестьянином И. П. Лазуриным на содержание и с ним живу» [11, л. 2]. О. И. Титова просила о возврате паспорта, заявив: «С 3 августа 1915 г. выбыла из девиц (дома № 2 по Кучерскому переулку) на совместное проживание с мещанином И. В. Дубининым, который содержит меня все время, а потому для дальнейшего сожительства паспорт мне необходим, а кроме того я не числюсь в девицах уже пять месяцев» [10, л. 25].

Были случаи, когда ходатайства поступали от представителей мужского пола. Так, крестьянин М. И. Колчин писал, что «на правах гражданской жены» с ним проживала бывшая проститутка А. М. Козлова, которая хотела «честно работать на заводе», поэтому ей требовался паспорт. Расписка Козловой и опрос соседей подтвердили, что она более 4-х месяцев проституцией не занималась [10, л. 13–14]. Или, например, крестьянин И. О. Карякин ходатайствовал за крестьянскую девицу Л. В. Шумилову и обещал взять ее на поруки [10, л. 71].

В части ответов ярославского полицмейстера на прошения проституток о выдаче паспорта после проведенной проверки, в том числе с опросом соседей, значилось, что следовало исключить даму из числа «жриц любви», но после выдачи ей паспорта следовало установить за ее поведением наблюдение, и «в случае, если она вновь станет промышлять проституцией подвергнуть ее регистрации в число последних» [10, л. 23]. Если власти знали или подозревали, что просительницы продолжали или продолжают в будущем заниматься торговлей телом, то женщин ждали отрицательные решения [16, л. 18–20, 22, 38–39].

Проститутки-одиночки должны были подвергаться еженедельным медицинским осмотрам. С этим в городе периодически возникали трудности. До конца XIX в. специального помещения для обследований в Ярославле вообще не было, а осмотры проходили «в тесной и темной квартире городского 2-ой части» [16, л. 3–4].

Позднее медицинское освидетельствование стало производиться в городской больнице. Но, в 1914 г., «находя неудобным осмотр проституток в городской больнице, где не имеется теплого помещения для ожидающих осмотра», комиссия общественного здоровья признала более удобным проводить осмотры проституток в „Сенной амбулатории“». Однако ситуация особенно не улучшилась. Городской врач А. Ф. Мицкелюнас сообщал, что в лечебнице на Сенной площади «на осмотре бывает от 80 до 130 проституток, причем одна или две из них каждый раз оказываются больными сифилисом в сильно заразной форме» [15, л. 1–3]. Заразившиеся направлялись в больницу для последующего лечения. В праздничные дни осмотры не устраивались [31, с. 3]. Врач жаловался на весьма серьезные препятствия в осуществлении своей профессиональной деятельности, в том числе на отсутствие специальных инструментов и даже элементарных предметов гигиены, просил городскую управу распорядиться, чтобы ему предоставляли хотя бы умывальник, мыло, полотенце, письменные принадлежности, без чего грозился прекратить осмотры. А 14 ноября 1915 г. «осмотр не был произведен, так как сторож амбулатории в грубой форме отказал дать стул, стол, так что не на чем было сидеть и писать». Вот в таких антисанитарных условиях осуществлялось означенное мероприятие. Спустя два месяца переписки городская управа велела предоставлять все необходимое оборудование [15, л. 3–7].

Обращает на себя внимание факт участия ярославских проституток в забастовочном движении, попытке отстоять корпоративные интересы. «Жертвы общественного темперамента» начали протест 26 ноября 1905 г. В два часа дня «они толпою в 30–40 человек направились от управления 2-й полицейской части (где были на „смотре“), к „домам терпимости“ просить остальных своих подруг присоединиться к ним. К 6 ½ часам вечера собралось свыше 200 человек. На Пошехонской улице против дома Андреева забастовщицы хором пропели вместо современных „свободных песен“: „бедная, бедная и; бедная, горькая участь моя“ <...> затем разошлись по домам, назначив собраться на следующий день к 2 часам дня на Сенной площади». Они хотели предъявить своим «хозяевам» требования об улучшении своего положения [47, с. 3].

27 ноября «с 12-ти часов дня вновь началось движение („забастовка“) среди „жертв общественного темперамента“. Центр движения – Пошехонская улица, где к 3-м часам дня забастовщиц собралось около 300 человек». Они намеревались направиться в Спасские казармы для обсуждения своих нужд. «Но дело вышло иначе: тут не замедлил явиться заведующий сысской частью в г. Ярославле Мегалинский со своими «ревностными исполнителями закона», которые и приказали толпе немедленно разойтись. Когда же из публики выступил в защиту забастовщиц оратор N, указавший между прочим, Мегалинскому на свободу собраний, то последний иронически ответил: манифест от 17-го октября не распространяется на эти продажные жертвы». Принятые меры к разгону толпы остались тщетными, и она продолжала двигаться вперед. Тогда со стороны Мегалинского последовало распоряжение о вызове казаков, которые через четверть часа были на месте происшествия и с помощью нагаек быстро рассеяли собравшихся. Участницы забастовки из страха разбежались по домам. На этом выступление закончилось [48, с. 3].

Таким образом, основную массу публичных женщин Ярославля в конце XIX – начале XX вв. составляли представительницы крестьянского и мещанского сословий, которые приезжали в столицу губернии из близлежащих уездов и соседних губерний. Легальные дома терпимости располагались во второй части города в районе ул. Пошехонской и Борисоглебской, там же было зарегистрировано большинство проституток-одиночек. Этот район считался небезопасным для простых обывателей по причине регулярных драк, хулиганства и других происшествий криминального свойства. Концентрация публичных домов и квартир с проститутками негативно сказывалась на народной нравственности и криминогенной обстановке во второй полицейской части г. Ярославля.

О неблагоприятном психическом и физическом состоянии проституток свидетельствовали частые попытки суицида с их стороны, некоторые из них заканчивались летальным исходом. Проститутки подвергались насилию со стороны самых различных лиц, с которыми сталкивала их профессия: клиентов, сутенеров, хозяек, представителей власти, хулиганов или ревнивых любовников.

Зарегистрированные проститутки систематически проходили медицинские обследования, организация которых оставляла желать лучшего. Часть женщин периодически лечилась от венерических заболеваний в городской больнице. По мнению властей, большую опасность в плане распространения половых болезней представляли тайные проститутки, которые не поддавались точному учету.

Несмотря на легализацию проституции в дореволюционной России, женщины легкого поведения вплотную соприкасались с криминальным миром. В ярославских борделях скрывались правонарушители, совершались злодеяния. Часть проституток участвовала в преступной деятельности. Обычно это проявлялось в воровстве, в том числе относительно недорогих вещей, что указывало на их сложное материальное положение. О тяжелом существовании ярославских проституток могла свидетельствовать их попытка участия в забастовочном движении в 1905 г.

Завязать с «постыдным прошлым» пытались многие ярославские женщины, на что указывали ходатайства о выдаче паспортов, благодаря получению которых можно было начать иную трудовую деятельность и устроить личную жизнь. При попытке изменения социального статуса у части проституток возникали затруднения, так как власти не всегда спешили их исключать из разряда продажных женщин. Отказ мотивировался возможностью продолжения ими своего занятия нелегально. Особенно удручающим являлся факт начала занятия проституцией несовершеннолетних девушек, чему пытался противостоять закон, но не всегда успешно.

Список литературы

1. Ахметов А. А. Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 91–96.
2. Бентовин Б. И. Торгующие телом: очерки современной проституции. М.: Л. Крумбюгель, 1907. 200 с.
3. Болтаевский А. А. «Они работают как хороший варшавский лифт: с утра до глубокой ночи»: детская и подростковая проституция в Российской империи и СССР в конце XIX – первой трети XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2014. № 4. С. 14–21.
4. Бородин Д. Н. Алкоголизм и проституция. СПб.: С.-Петербург. коммерч. типо-лит. Виленчик, 1910. 118 с.
5. Голос. 29.06.1911. № 145.
6. Голос. 15.01.1914. № 11.
7. Голос. 25.04.1914. № 94.
8. Голос. 25.10.1914. № 246.
9. Голосенко И. А. Социологические исследования проституции в России (история и современное состояние вопроса). СПб.: Петрополис, 1998. 123 с.
10. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. 288. Оп. 1. Д. 1077.
11. ГАЯО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 1091.
12. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 476.
13. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 975.
14. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1515.
15. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 3056.
16. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1128.
17. Дьяконова Е. А. Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886–1902 г. Литературные этюды, стихотворения, статьи, письма. М., 1912. 837 с.
18. Канкарович И. И. Проституция и общественный разврат: к истории нравов нашего времени. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1907. 200 с.
19. Кискидосова Т. А. «Жрицы любви» в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 8. С. 99–105.
20. Кончаковская Н. Б. Проституция в городской повседневности Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2 (49). С. 67–79.
21. Кузнецова А. Н. Проституция и нужда в Москве в конце XIX – начале XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7–2 (70). С. 29–35.
22. Лебина Н. Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 221 с.
23. Малышева С. Ю. Профессионалки, «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX – начала XX вв. // Клио. 2012. № 3. С. 72–79.
24. Мартыненко Н. К. Регламентация проституции в России в середине XIX – начале XX веков. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2010. 180 с.

25. Новый Северный край. 29.07.1907. № 44.
26. Проституция по обследованию 1-го августа 1889 года. СПб., 1890. XXXVI, 85, 39 с.
27. *Сабинин А. Х.* Проституция: Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции : ист.-профилактик. этюд. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1905. 264 с.
28. Северная газета. 09.02.1914. № 37.
29. Северная газета. 12.02.1914. № 40.
30. Северная газета. 13.02.1914. № 43.
31. Северная газета. 03.03.1914. № 58.
32. Северный край. 18.12.1898. № 17.
33. Северный край. 12.06.1899. № 210.
34. Северный край. 13.02.1899. № 69.
35. Северный край. 28.09.1902. № 255.
36. Северный край. 11.04.1903. № 93.
37. Северный край. 23.05.1903. № 133.
38. Северный край. 25.05.1903. № 135.
39. Северный край. 28.05.1903. № 137.
40. Северный край. 13.07.1903. № 182.
41. Северный край. 24.07.1903. № 192.
42. Северный край. 03.03.1904. № 58.
43. Северный край. 08.05.1905. № 119.
44. Северный край. 12.05.1905. № 122.
45. Северный край. 22.07.1905. № 179.
46. Северный край. 24.07.1905. № 181.
47. Северный край. 27.11.1905. № 281.
48. Северный край. 28.11.1905. № 282.
49. *Тарновский В. М.* Проституция и аболиционизм: Докл. Рус. сифилидол. и дерматол. о-ву проф. В. М. Тарновского. СПб. : К. Риккер, 1888. 261 с.
50. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. СПб., 1911-1912. Т. 1-2.
51. *Федоров А. И.* Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в С.-Петербурге. СПб. : Тип. С.-Петерб. градоначальства, 1897. 64 с.
52. Ярославский вестник. 07.07.1904. № 11.
53. Ярославский вестник. 05.09.1904. № 69.
54. Ярославский вестник. 08.09.1904. № 72.
55. Ярославский вестник. 29.10.1904. № 120.
56. Ярославский вестник. 11.01.1905. № 9.
57. Ярославский вестник. 26.01.1905. № 24.
58. Ярославский вестник. 19.02.1905. № 47.

Urban everyday life: prostitution in Yaroslavl in the late XIX – early XX centuries

Karandashev Gleb Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, associate professor, Department of National History,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashev@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of prostitution in urban society in the late XIX – early XX centuries using the example of the provincial city of Yaroslavl. Based on a wide range of sources: unpublished archival materials, periodicals, sources of personal origin, the socio-cultural appearance of this phenomenon, its impact on the daily life and culture of the local population is presented. In addition to statistical data, the problems associated with prostitution are considered: sexually transmitted diseases, alcoholism, crime, suicide. The issues of regulation of corrupt love in the city, the organization of medical supervision, and houses of tolerance are analyzed. The materials on the activities of pimps and brothel mistresses are presented. Information is provided on the manifestation of the class consciousness of prostitutes in 1905, their attitude to their chosen profession and attempts to end it, which did not always succeed.

The bulk of the public women of Yaroslavl in the late XIX – early XX centuries were representatives of the peasant and middle-class classes, who fell into this profession due to their difficult financial situation. Legal brothels were located in the second part of the city, where the majority of single prostitutes were registered. The concentration of brothels and apartments with prostitutes had a negative impact on national morality and the criminogenic situation.

Despite the legalization of prostitution in pre-revolutionary Russia, women of easy virtue came into contact with the criminal world. Offenders could hide in brothels, and atrocities were committed. Some of the Yaroslavl prostitutes participated in criminal activities. Many girls started prostitution at a young age. The dysfunctional mental and physical condition of prostitutes was evidenced by frequent suicide attempts, some of which ended in death.

Keywords: Yaroslavl, prostitution, crime, drunkenness, brothel.

References

1. *Otnoshenie zhitelej Saratova k prostitucii kak forme deviantnogo povedeniya na rubezhe XIX–XX vekov* [The attitude of Saratov residents to prostitution as a form of deviant behavior at the turn of the XIX–XX centuries] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. A new series. Series: History. International relations. 2021. Vol. 21. No. 1. Pp. 91–96.
2. *Bentovin B. I. Torguyushchie telom : ocherki sovremennoj prostitucii* [Body dealers : essays on modern prostitution]. M. L. Krumbugel. 1907. 200 p.
3. *Boltaevskij A. A. "Oni rabotayut kak horoshij varshavskij lift: s utra do glubokoj nochi": detskaya i podrostkovaya prostituciya v Rossijskoj imperii i SSSR v konce XIX – pervoj treti XX vv.* ["They work like a good Warsaw elevator: from morning to late at night": child and adolescent prostitution in the Russian Empire and the USSR at the end of the XIX – first third of the XX centuries] // *Genesis: istoricheskie issledovaniya* – Genesis: historical research. 2014. No. 4. Pp. 14–21.
4. *Borodin D. N. Alkogolizm i prostituciya* [Alcoholism and prostitution]. SPb. St. Petersburg commercial typ.-lit. Vilenchik. 1910. 118 p.
5. *Golos* – The voice. 29.06.1911. No. 145.
6. *Golos* – The voice. 15.01.1914. No. 11.
7. *Golos* – The voice. 25.04.1914. No. 94.
8. *Golos* – The voice. 25.10.1914. No. 246.
9. *Golosenko I. A. Sociologicheskie issledovaniya prostitucii v Rossii (istoriya i sovremennoe sostoyanie voprosa)* [Sociological studies of prostitution in Russia (history and current state of the issue)]. SPb. Petropavlovsk Limited Liability Company. 1998. 123 p.
10. SAYR (State Archive of the Yaroslavl region). F. 288. Inv. 1. File 1077.
11. SAYR. F. 288. Inv. 1. File 1091.
12. SAYR. F. 509. Inv. 1. File 476.
13. SAYR. F. 509. Inv. 1. File 975.
14. SAYR. F. 509. Inv. 1. File 1515.
15. SAYR. F. 509. Inv. 1. File 3056.
16. SAYR. F. 1150. Inv. 1. File 1128.
17. *D'yakonova E. A. Dnevnik Elizavety D'yakonovoj. 1886–1902 g. Literaturnye etyudy, stihotvoreniya, stat'i, pis'ma* [The diary of Elizabeth Dyakonova. 1886–1902. Literary sketches, poems, articles, letters]. M. 1912. 837 p.
18. *Kankarovich I. I. Prostituciya i obshchestvennyj razvrat: k istorii nraov nashego vremeni* [Prostitution and public debauchery: towards the history of morals of our time]. SPb. Tip. V. Bezobrazova and Co. 1907. 200 p.
19. *Kiskidosova T. A. "Zhricy lyubvi" v gorodah Enisejskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka* ["Priestesses of love" in the cities of the Yenisei province in the late XIX – early XX century] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* – Herald of Novosibirsk State University. Series: History, philology. 2013. Vol. 12. No. 8. Pp. 99–105.
20. *Konchakovskaya N. B. Prostituciya v gorodskoj povsednevnosti Permskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka* [Prostitution in the urban everyday life of the Perm province in the late XIX – early XX century] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* – Herald of Perm University. History. 2020. No. 2 (49). Pp. 67–79.
21. *Kuznecova A. N. Prostituciya i nuzhda v Moskve v konce XIX – nachale XX veka* [Prostitution and need in Moscow at the end of the XIX – beginning of the XX century] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* – International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 7–2 (70). Pp. 29–35.
22. *Lebina N. B. Prostituciya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (40s of the XIX century – 40s of the XX century)]. M. Progress Academy. 1994. 221 p.
23. *Malysheva S. Yu. Professional'ki, "arfistki", "lyubitel'nicy": prostitutki v rossijskom provincial'nom gorode vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Professionals, "harpists", "amateurs": prostitutes in a Russian provincial town of the second half of the XIX – early XX centuries] // *Klio – Clio*. 2012. No. 3. Pp. 72–79.
24. *Martynenko N. K. Reglamentaciya prostitucii v Rossii v seredine XIX – nachale XX vekov* [Regulation of prostitution in Russia in the middle of the XIX – early XX centuries]. Voronezh. Voronezh State Pedagogical University. 2010. 180 p.
25. *Novyj Severnyj kraj* – The New Northern Region. 29.07.1907. No. 44.
26. *Prostituciya po obsledovaniju 1-go avgusta 1889 goda* – Prostitution according to the survey of August 1, 1889. SPb. 1890. XXXVI, 85, 39 p.

27. Sabinin A. H. *Prostituciya: Sifilis i venericheskie bolezni. Polovoe vozderzhanie. Profilaktika prostitucii : ist.-profilakt. etyud* [Prostitution: Syphilis and venereal diseases. Sexual abstinence. Prevention of prostitution : hist.-prophylaxis study]. SPb. P. P. Soykin Typ. 1905. 264 p.
28. *Severnaya gazeta* – The Northern newspaper. 19.02.1914. No. 37.
29. *Severnaya gazeta* – The Northern newspaper. 12.02.1914. No. 40.
30. *Severnaya gazeta* – The Northern newspaper. 13.02.1914. No. 43.
31. *Severnaya gazeta* – The Northern newspaper. 03.03.1914. No. 58.
32. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 18.12.1898. No. 17.
33. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 12.06.1899. No. 210.
34. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 13.02.1899. No. 69.
35. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 28.09.1902. No. 255.
36. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 11.04.1903. No. 93.
37. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 23.05.1903. No. 133.
38. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 25.05.1903. No. 135.
39. *Severnyj kraj* – The Northern region. 28.05.1903. No. 137.
40. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 13.07.1903. No. 182.
41. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 27.07.1903. No. 192.
42. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 03.03.1904. No. 58.
43. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 08.05.1905. No. 119.
44. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 12.05.1905. No. 122.
45. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 22.07.1905. No. 179.
46. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 24.07.1905. No. 181.
47. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 27.11.1905. No. 281.
48. *Severnyj kraj* – The Northern territory. 28.11.1905. No. 282.
49. Tarnovskij V. M. *Prostituciya i abolicionizm: Dokl. Rus. sifilidol. i dermatol. o-vu prof. V. M. Tarnovskogo* [Prostitution and abolitionism: report to Rus. syphilidol. and dermatol. society by Prof. V. M. Tarnovskij]. SPb. K. Rikker. 1888. 261 p.
50. *Trudy Pervogo Vserossijskogo s'ezda po bor'be s torgom zhenshchinami i ego prichinami, proiskhodivshogo v S.-Peterburge s 21 po 25 aprelya 1910 goda* – Proceedings of the First All-Russian Congress on combating trafficking in women and its causes, which took place in St. Petersburg from April 21 to April 25, 1910. SPb. 1911–1912. Vol. 1–2.
51. Fedorov A. I. *Ocherk vrachebno-policejskogo nadzora za prostituciej v S.-Peterburge* [An essay on medical and police supervision of prostitution in St. Petersburg]. SPb. Typ. of St. Petersburg city government. 1897. 64 p.
52. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 07.07.1904. No. 11.
53. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 05.09.1904. No. 69.
54. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 08.09.1904. No. 72.
55. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 29.10.1904. No. 120.
56. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 11.01.1905. No. 9.
57. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 26.01.1905. No. 24.
58. *Yaroslavskij vestnik* – Yaroslavl herald. 19.02.1905. No. 47.

Земли сельскохозяйственного назначения в структуре горнозаводских округов Вятской губернии и характер деятельности горнозаводского населения в первой половине XIX в.

Васина Татьяна Анатольевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований,
Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук.
Россия, г. Ижевск. ORCID: 0000-0003-0432-8671. E-mail: tatjasch@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена вниманием современной исторической науки к экономическим вопросам. Особый интерес представляет история металлургической промышленности Урала, включая Предуралье, в частности, вопросы функционирования горнозаводских округов как сложноорганизованных территориально-хозяйственных комплексов. Научные труды, посвященные уральской горнозаводской индустрии, горнозаводским округам, послужили теоретической базой исследования.

Объектом изучения являются заводские дачи, владения предприятий горного и военного ведомств. Цель работы – определение места и роли земель сельскохозяйственного назначения в составе горнозаводских округов. В исследовательские задачи входит выявление площади пашенных, сенокосных, а также усадебных участков, их доли в структуре заводских дач; уточнение прав горнозаводского населения на пользование пашнями и покосами; рассмотрение ассортимента и урожайности огородных и сельскохозяйственных культур.

Территориальные рамки включают пять уездов Вятской губернии, где функционировали шесть индустриальных комплексов горного ведомства и один военного: чугуноплавильные и железодельные (Кирсинско-Кажимские и Шурминско-Залазинские заводы, Омутнинский, Холуницкий, Камско-Воткинский горные округа), медеплавильный (Бемышевский завод), оружейного профиля (Ижевские оружейный и железодельный заводы). Хронологические рамки исследования охватывают дореформенный период.

В качестве источниковой базы привлечены картографические и статистические материалы, выявленные в Российском государственном историческом архиве, Центральном государственном архиве Удмуртской Республики, Государственном архиве Свердловской области, Центральном государственном архиве Кировской области, а также опубликованные в «Вятских губернских ведомостях» и иных изданиях.

По результатам исследования были сделаны выводы, что покосы и пашни в горнозаводских округах, расположенные на «чистых» (безлесных) местах, в составе заводских дач занимали небольшую площадь относительно принадлежавших предприятиям лесных массивов. Право пользования пашенными и сенокосными участками принадлежало горнозаводскому населению. Виды сельскохозяйственных культур, урожайность соответствовали природно-климатическим условиям Вятской губернии. В целом структура земельных владений заводов отражала преимущественно неземледельческий характер деятельности местных жителей, занятых в сфере промышленного производства.

Ключевые слова: горнозаводские округа, Вятская губерния, заводские дачи, сельскохозяйственные угодья, картографические материалы.

Изучение горнозаводских округов Российской империи как специфической формы организации уральской промышленности получило широкое распространение в отечественной исторической науке. Термин «горнозаводской округ» – ключевое понятие данного исследования – закрепился в историографии для обозначения принадлежавших металлургическим заводам горного ведомства обширных земельных угодий с минерально-сырьевыми и топливно-энергетическими ресурсами, пашнями и лугами, домохозяйствами работников и т. д. К примеру, по определению Л. В. Сапоговской, округа были исторически сложившимися территориальными и экономическими комплексами со сложной многоотраслевой и многоукладной системой заводского хозяйства [21, с. 19]. В. А. Шкерин аналогично отмечал, что «эти образования представляли собой единые хозяйственно-территориальные комплексы, объединявшие металлургические заводы, рудники и прииски, леса, использовавшиеся для углежжения, реки и гидротехнические сооружения, дававшие энергию, вспомогательные производства» [40, с. 18]. На сочетание элементов натурального хозяйства и капиталистического производства в заводской окружной системе указывал В. В. Алексеев: «Одни авторы считают

округа крупными феодальными вотчинами, другие – организациями капиталистического типа. Учитывая натуральный характер их хозяйства и слабую связь с рынком, за исключением поставок металла, скорее всего это были все-таки предприятия первого типа, но они демонстрировали высокий уровень централизации...» [1, с. 82]. С. В. Голикова обратила внимание на «локально-дисперсный характер» формирования горнозаводских округов, освоение пространства от центров (заводов) к границам, что приводило к зонированию территории – выделению староосвоенных местностей, полуосвоенных и слабоосвоенных (периферийных) [8, с. 24–25; 9, с. 37].

В законодательстве понятие «округ» (заводская «округа») оформилось в начале XIX в. в «Проекте Горного положения для управления заводов хребта Уральского» от 13 июля 1806 г.: «Всякой Завод имеет свою Округу, ограничивающуюся отводом лесов и земель ему принадлежащих, или к нему приписанных. Сия Округа при казенных Заводах составляет его Округу, как Горного Города» (§ 15) [12, с. 5]. В Уставе горном Свода законов Российской империи округа – земля, отведенная казенным или частновладельческим заводам, – включала усадьбы при населенных пунктах, выгоны, сенокосы, пашни, леса, рудники и иные месторождения полезных ископаемых (§§ 353–354, 408) [22, с. 95–96, 105].

Каждый завод, в соответствии с законодательством, имел план округа, поэтому важнейшим информативным источником, отражающим сведения о структуре землевладения горнозаводских округов и типах земельных угодий, являются картографические материалы. В данной работе применялись хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (в фондах № 37 – «Горный департамент» и № 1424 – «Карты, планы и чертежи учреждений, ведавших промышленностью и торговлей») геометрические планы заводских дач, составленные в первой половине XIX в. в ходе Генерального межевания и описания лесов, проводившихся в Вятской губернии. Дополнительно были привлечены «статистические описания», свидетельствующие об использовании земель сельскохозяйственного назначения, и иные материалы из фондов Центрального государственного архива Удмуртской Республики, Государственного архива Свердловской области и Центрального государственного архива Кировской области, а также сведения, опубликованные в статистических изданиях и периодической печати («Вятских губернских ведомостях»).

В работе кроме общенаучных были использованы специально-научные методы (историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный), позволяющие классифицировать исследуемое явление, выявить его составные части и провести сравнение.

Появление горнозаводских округов на изучаемой территории в основном относится ко второй половине XVIII – началу XIX в., когда в бассейнах рек Камы и Вятки на базе железодобывательных, чугуноплавильных и медеплавильных производств стали складываться промышленные районы. Данные хозяйственно-территориальные комплексы, возникшие в процессе индустриального развития Уральского региона, включая Предуралье, были встроены в централизованную систему управления горным ведомством, вся их деятельность (наделение земельными владениями, формирование заводских дач, определение прав и обязанностей горнозаводского населения и многое другое) регулировалась горным законодательством.

В первой половине XIX в. в Вятской губернии (Слободском, Глазовском, Уржумском, Сарапульском и Елабужском уездах) функционировали следующие производственные комплексы, находившиеся в ведении департамента горных и соляных дел Министерства финансов: казенный Камско-Воткинский горный округ, частновладельческие посессионные чугуноплавильные и/или железодобывательные Кирсинско-Кажимские заводы (в статье проанализированы Кирсинская и Песковская заводские дачи), Шурминско-Залазнинские (рассмотрены Шурминская, Шурманикольская, Буйская и Залазнинская заводские дачи), Омутнинский горный округ (Омутнинская и Пудемская заводские дачи), Холуницкий горный округ и медеплавильный Бемышевский завод. Кроме того, уделено внимание казенным Ижевским оружейному и железодобывательному заводам, которые в начале XIX в. были переданы из горного ведомства в военное и отнесены к артиллерийскому департаменту Военного министерства.

Анализ геометрических планов заводских дач показал, что преобладающим видом земельных владений предприятий были лесные массивы, в изучаемый период занимавшие в среднем 90 % территории округов и выполнявшие функцию топливно-энергетического ресурса и строительного материала, необходимого как для развития индустрии, так и обеспечения нужд местного населения [2]. Что касается участков сельскохозяйственного назначения (пашен и покосов), то они в картографических материалах указывались в составе так называ-

емых «удобных» (для освоения) земель, относились к категории «чистых» (то есть безлесных) мест и занимали относительно небольшую площадь. Так, во втором десятилетии XIX в. «чистые» (без лесной поросли) сенные покосы в Омутнинской заводской даче охватывали всего 0,1 % территории (71 дес. 1424 саж., с учетом части, отрезанной к Холуницким заводам), в Бемышевской даче – 0,3 % (54 дес. 1327 саж.), Кирсинской – 0,5 % (648 дес. 740 саж.), Песковской – 0,9 % (553 дес. 802 саж.), Залазнинской – 1,3 % (591 дес. 1819 саж.), Пудемской (на четырех участках) – 1,3 % (292 дес. 752 саж.), Шурминской и Шурманикольской (на двух бесспорных и шести спорных земельных отводах) – 1,7 % (2603 дес. 1111 саж.) и Буйской (в двух частях) – 3,1 % (754 дес. 747 саж.). На долю пашен приходилось 0,15 % (50 дес. 1810 саж.) площади спорной территории в Красноглинской волости между Песковским и Залазнинским предприятиями, 0,3 % (234 дес. 1822 саж.) – в Омутнинской заводской даче, 3 % (687 дес. 156 саж.) – Пудемской, 3,7 % (594 дес. 141 саж.) – Бемышевской и 10,4 % (15 917 дес. 793 саж.) – Шурминской и Шурманикольской [14, л. 1; 15, л. 1; 16, л. 1; 18, л. 1; 19, л. 1; 20, л. 1].

В Холуницком горном округе, согласно опубликованному в «Вятских губернских ведомостях» статистическому описанию, при Главнохолуницком и Климовско-Боровском заводах в 1839 г. под пашнями находилось 0,7 % владений (38 дес. 300 саж.), под лугами – 1,7 % (94 дес. 100 саж.) [24, с. 72]. В Камско-Воткинском горном округе в 1830–1840-е гг. поля, луга, а также усадьбы (участки под селениями) и прочие «пустые места» (безлесные) составляли 40,4 % (153 689 дес. 1855 саж.) земельных владений [13, л. 1–2]. Наконец, Ижевским оружейному и железоделательному заводам по данным на 1855 г. принадлежали 35 909 дес. 1290 саж. пашен (9,7 % угодий), 16 963 дес. 775 саж. сенокосов (4,6 %), а также 3582 дес. 1880 саж. выгонов и пастбищ (1 %) в Сарапульском, Елабужском, частью Малмыжском и Осинском уездах [31, л. 8].

На основании «Проекта Горного положения...» горные начальники (в казенных горнозаводских округах) и заводские исправники с заводскими конторами (в частновладельческих) обязывались «привести в ясность» количество пашенных и сенокосных мест и выдавать планы на владение ими мастеровым и рабочим людям (§ 744) [12, с. 265]. Право пользования покосами получало заводское население, имевшее домашний скот. В первую очередь участки выделялись для казенных нужд, затем – для конных непрременных работников, оставшееся число покосов распределялось между прочими заводскими рабочими и служащими (§§ 745, 747, 748). Пахотная земля предоставлялась непрременным работникам в количестве 4 дес. на каждого конного (§ 746). Лица, не состоявшие в горной службе и не принадлежавшие заводу (купцы, мещане, государственные, помещичьи или удельные крестьяне), не участвовали в распределении пашен и покосов, но могли арендовать их на определенных условиях у мастеровых или предприятия (§§ 751–754) [12, с. 265–269]. Устав горный Свода законов Российской империи закрепил данные положения (§§ 356–367, 409–415) [22, с. 96–98, 105–106].

Размер земельного надела в Камско-Воткинском горном округе, по данным Н. К. Чупина, в 1858 г. был равен 5,6 дес. пашен и 0,5 дес. покосов на душу мужского пола [7, л. 12–12 об.]. Надел ижевских непрременных работников в расчете на одну ревизскую душу насчитывал 4,9 дес. пашен и 1,3 дес. покосов (1861 г.) [33, л. 34–34 об.]. Для сравнения: земельная обеспеченность государственных крестьян Вятской губернии, в отличие от заводского населения, составляла от $6\frac{1}{4}$ дес. удобной земли на душу мужского пола в Глазовском уезде, до $13\frac{3}{4}$ дес. в Сарапульском (1854 г.), а удельных крестьян – в среднем 2,92 дес. пашни и 3,17 дес. угодий (начало 1860-х гг.) [10, с. 146–147].

По сведениям М. В. Гришкиной, при соблюдении определенного баланса между пашней и сенокосами можно получить достаточное количество органических удобрений, необходимых для успешного функционирования трехполья. Идеальным считается соотношение 2 : 1 [10, с. 148]. В горных округах этот баланс был смещен в сторону преобладания лугов, необходимых для содержания казенного и домашнего скота. К примеру, представленные выше цифры картографических материалов позволили рассчитать, что соотношение пашен и покосов в Омутнинской заводской даче равнялось 1 : 3,3, Пудемской – 1 : 2,4, Бемышевской – 1 : 11, Шурминской и Шурманикольской – 1 : 6,1 [14, л. 1; 15, л. 1; 17, л. 1–3; 20, л. 1].

В статистических изданиях XIX в. отмечалось, что Вятская губерния была преимущественно земледельческим краем, чему способствовали «многоземельность» (небольшая плотность населения), развитие транспортной сети, особенно речных путей, «почва и климат довольно благоприятствующие произрастанию северных хлебных продуктов», «обилие земель, наделенных от природы достаточным запасом плодородия особенно в южных и югозападных уездах и самый климат страны хотя суровый, но... ровный и постоянный...» [3, с. 51;

11, с. 186]. Основные площади пашен здесь занимали земледельческие культуры, зарекомендовавшие себя и приспособленные к вызреванию в местных климатических условиях: устойчивые урожаи давали озимая рожь, ячмень, овес; в южных губерниях также возделывали полбу, просо, чечевицу, гречиху, пшеницу, ярицу. Из технических культур были распространены лен и конопля, с 1840-х гг. в практику земледелия стал внедряться картофель [10, с. 149]. Северные уезды считались низкоплодородными, в частности, в 1827 г. в Глазовском уезде урожайность озимых составила сам-2 – сам-3,5, яровых – сам-3 – сам-4, а в южном Сарапульском – сам-3 – сам-4 (озимые) и сам-3 – сам-5 (яровые) [10, с. 149].

В заводских округах пашни аналогично использовались для выращивания зерновых, технических и бобовых культур. Так, непрременные работники Ижевских оружейного и железоделательного заводов сеяли рожь, овес, ячмень, частично гречиху и пшеницу, горох, лен (преимущественно русское население) и коноплю (в основном удмуртское население) [28, л. 4 об.]. Посев озимых проводился в первой половине августа, яровых – в начале мая; рожь убиралась в последних числах июля, овес и другие культуры – в первой декаде августа. Урожайность ржи при благоприятных условиях доходила до сам-6 и сам-7, овса – сам-5. Выращенный хлеб практически полностью употреблялся для собственного продовольствия, а овес – для прокорма личных и казенных лошадей. В 1850 г. ижевские непрременные работники накашивали сена до 40 640 копен (или 203 200 пудов), льна – около 1180 пудов, конопля – до 1780 пудов, и «все это употребляется для собственной надобности, разве малую часть, за домашнюю потребность, некоторые продают в заводском рынке» [39, л. 6 об.].

Всего в середине XIX в. при 52 населенных пунктах непрменных работников в округе Ижевских заводов насчитывалось 28 301 дес. 1222 саж. пашен и 5438 дес. 186 саж. сенокосов, а также в общем владении с мастеровыми, государственными и удельными крестьянами – 2552 дес. 931 саж. полей и 1166 дес. 2129 саж. лугов, дополнительно в грани Камско-Воткинского завода – 62 дес. пахотных участков и 9 дес. покосов; общественная запашка, хлеб с которой пополнял запас в случае неурожая, охватывала 156 дес. [30, л. 29 об. – 30].

Мастеровые, в отличие от непрменных работников, хлебопашеством практически не занимались, за исключением немногих, вышедших в отставку. В частности, при Камско-Воткинском заводе, как отмечалось в статистическом описании 1848 г., «мастеровые люди, получая ежемесячно провиант как на себя, так и на все свое семейство, совершенно обеспечены в пропитании, почему и не имеют пахотной земли. Притом и время их занятий в заводской работе не позволяет заниматься обработкой земли, урочные же работники, проживая в округе заводском в селениях, имеют поля и свободное положенное время по штату на обработку их, но сбор с них удовлетворяет только домашнюю потребность» [35, л. 11]. Тем не менее мастеровые содержали в усадьбах домашний скот, следовательно, пользовались лугами и пастбищами заводского округа. «Имеющие дворовый скот наделены сенокосными лугами, которые во время увольнения от казенных работ обрабатывают собственными трудами и наймом» [32, л. 122], – фиксировалось в отчетах полиции. Пастухи назначались обществом мастеровых «с подтверждением им, чтобы пасли... на местах подножным кормом избыливающих» [34, л. 15–15 об.].

Покосами также владели заводские чиновники, врачи, духовенство. Например, в 1825 г. протоиерей В. Г. Блинов писал Камско-Воткинской заводской конторе, что местный клир не полностью обеспечен сенокосными участками, скудное подаяние прихожан не позволяет держать лошадей, поэтому священно- и церковнослужители вынуждены довольствоваться одной коровой на семью, в то время как мастеровые имеют скот в большем количестве [34, л. 173–177 об., 179 об., 182].

В частновладельческих горных округах Вятской губернии производство обеспечивалось крепостными заводскими крестьянами и наемными государственными. При Главнохолоуницком заводе в 1839 г. сеяли около 200 пудов ржи (ежегодный сбор составлял до 1000 пудов), 300 пудов овса (собирали 1500–2000 пудов) и ячмень. При Климовском заводе также выращивали лен (сеяли 2 пуда семян, собирали 8 пудов). Все это количество шло исключительно на удовлетворение домашних нужд, а необходимый для предприятий провиант и фураж (118,5 тыс. пудов муки и 30 тыс. пудов овса) закупался оптом у купцов и крестьян региона. При этом, как отмечали «Вятские губернские ведомости», «по недавности еще введения в сих заводах хлебопашества, никаких улучшений по этой части промышленности не введено. Для обработки полей употребляется обыкновенные соха и борона, а из скота – одне лошади» [25, с. 74–75].

При усадьбах Бемышевской заводской дачи в 1845–1847 гг. сеялось по 1–1,5 четверти ржи, 2–4 четверти овса, 3–5 пудов льна; накашивалось сена 120–200 копен (5 пудов) [5, л. 124–143 об.]. В 1848 г. местные крепостные крестьяне жаловались, что труд на предприятии отнимал у них большую часть времени и вынуждал обрабатывать пашни в темное время суток, только после выполнения заводской нормы (урока), либо нанимать работников на время страды; сенокосные дни тоже нередко тратились на заводскую работу [6, л. 11–13].

При Омутнинском и Пудемском заводах крепостные мастеровые и крестьяне хлеб практически не сеяли, так как получали провиант из заводских магазинов-складов, но для личных нужд некоторые выращивали лен. Сенокос проходил здесь с 10 июля по 15 августа: заводскими обывателями заготавливалось до 120 тыс. пудов сена (1848 г.), которое предназначалось не на продажу, а для кормления домашнего скота [38, л. 38–38 об., 41–41 об.].

В Залазнинской заводской даче хлебопашество не было развито, но каждый домохозяин владел сенокосным участком [36, л. 302]. К 1861 г. имели покосы, «расчищенные собственными трудами», 389 семей в Залазнинском заводе, 45 – в Нижнезалазнинском, 8 – в Залазнинско-Белорецком, 16 – на рудниках (Осиновском, Лавровском, Лазаревском, Верх-Осиновском) [37, л. 1–60].

Следует также отметить, что определенное место в экономике горнозаводской семьи занимало приусадебное хозяйство. Усадьба – жилой дом с подсобными хозяйственными постройками и огородом – давала дополнительный доход горнозаводскому населению: позволяла выращивать овощи, держать домашний скот и птицу. Селение при Пудемском заводе с усадьбами жителей, огородами, гуменниками и конопляниками занимало площадь в размере 15 дес. 2326 саж., Бемышевском – 32 дес. 1984 саж., Кирсинском – 33 дес. 589 саж., Песковском – 38 дес. 270 саж., Шурминском и Шурманикольском – 41 дес. 748 саж. (деревни и починки в округе – дополнительно 559 дес. 1213 саж.), Омутнинском – 55 дес. 208 саж., Залазнинском – 58 дес. 2008 саж., Буйском (с учетом участков под мельницами) – 102 дес. 52 саж. [14, л. 1; 15, л. 1; 16, л. 1; 18, л. 1; 19, л. 1; 20, л. 1].

В Холуницком горном округе под строениями и огородами числилось 154 дес. 820 саж., в том числе в Главноголуницком заводе – 58 дес. 2000 саж., Климковском – 51 дес. 20 саж., Боровском – 7 дес. 2000 саж., Чернохолуницком – 26 дес. 2000 саж., Богородском – 4 дес. 400 саж. и Нижнетроицком – 5 дес. 1600 саж. [23, с. 65–68; 26, с. 317–318].

Площадь перечисленных заводских поселений с усадьбами и огородами занимала малую долю в структуре земельных владений частных горных округов: всего от 0,03 до 0,4 % территории. Более крупными были населенные пункты при государственных предприятиях. Так, селение Ижевских заводов к середине XIX в. охватывало 850 дес., не считая площади пруда (17,5 кв. верст) [29, л. 314, 316–316 об.], а всего земельных участков под усадьбами, включая села, деревни и починки непреходящих работников, насчитывалось 2131 дес. 2166 саж. (2119 дес. 142 саж. в Сарапульском уезде и 12 дес. 2024 саж. в Елабужском) (1855 г.) [31, л. 8].

Наибольшее распространение в усадьбах получило огородничество. При Омутнинском и Пудемском заводах высаживали лук, картофель, морковь, свеклу, горох, бобы, брюкву, редьку, капусту; фруктовые деревья отсутствовали [38, л. 38–38 об., 41–41 об.]. В Холуницком горном округе песчаный грунт (и частично чернозем при Климковском заводе) позволял успешно выращивать огородные культуры: капусту, репу, редьку, морковь, свеклу, горох, бобы. Плодовые деревья здесь тоже не получили распространения, а ягоды (земляника, малина, черника, голубика, морошка, брусника, клюква, костяника, черная и красная смородина) были дикорастущими [25, с. 75–76]. При Ижевских заводах многие местные жители возделывали огороды, «так что из огородных продуктов все почти имеют годовое для себя продовольствие, а многие даже с избытком, который продают один другому на рынке» [28, л. 8], – отмечала Управа благочиния. Выращивались картофель, капуста, редька, огурцы, морковь, свекла, лук; некоторые сажали тыкву, горох простой и сахарный, бобы, брюкву, но «пряные же корни и другие растения, употребляемые для порядочного стола, сеются только у весьма немногих чиновников» [29, л. 324]. Садоводство, как и в целом в губернии, не получило развития по причине холодного климата и короткого лета. В садах возле некоторых домов росли береза, липа, сирень, рябина, черемуха, иногда кусты малины и крыжовника.

Таким образом, в заводских дачах Вятской губернии, как и в уральских горнозаводских округах, «большую часть земельных угодий горнозаводского населения составляли усадьбы, выгоны и покосы. В северных уездах Вятской и Пермской губерний и в районе Главного Уральского хребта ввиду сурового климата и каменистых почв горнозаводское население

хлебопашеством совсем не занималось. Но и там, где позволяли природные условия, им занималась лишь небольшая его часть» [4, с. 110].

В структуре заводских владений сенокосные и особенно пашенные участки, в сравнении с лесными массивами, охватывали незначительную площадь: при частновладельческих посессионных предприятиях минимум отмечен в Омутнинской заводской даче, максимум, равный десятой доле, – при Шурминском и Шурманикольском заводах, чья дача включала не только бесспорные территории, но и земельные отводы, оспариваемые государственными крестьянами и новокрещеными мари́йцами близлежащих волостей. В Камско-Воткинском горном округе, при Ижевских заводах процент земель сельскохозяйственного назначения был выше, превышал десятую часть владений: казенные предприятия обладали самыми крупными в губернии заводскими дачами и широко использовали труд непременных и урочных работников (бывших приписных крестьян), проживавших в селах, деревнях и починках с усадебной, пашенной, сенокосной и выгонной землей.

Ассортимент и урожайность сельскохозяйственных культур в заводских округах в целом соответствовали природно-климатическим условиям Вятской губернии.

Занятость в промышленном производстве являлась основным источником дохода горнозаводского населения: непременные работники освобождались для сельскохозяйственных работ только на 4 мес. в году [27, л. 195–195 об.], а мастеровые для сенокосения отпускались партиями на 20 дней с 1 июля по 1 сентября [22, с. 81]. Кроме денежных выплат (жалованья), рабочие получали на себя и семью провиант, поэтому огородничество, хлебопашество, скотоводство считались подсобными занятиями и, судя по «статистическим описаниям», обеспечивали главным образом домашнюю потребность в продуктах питания, почти не поступая на рынок.

В целом можно утверждать, что структура земельных владений заводов отражала преимущественно неземледельческий характер деятельности местных жителей: относительно небольшая доля угодий сельскохозяйственного назначения (пашен и лугов) в составе заводских дач свидетельствует о второстепенном, вспомогательном значении земледелия для горнозаводского населения.

Список литературы

1. Алексеев В. В. Протоиндустриализация на Урале // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда : сб. ст. памяти Л. В. Сапоговской. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. С. 63–94.
2. Васина Т. А. Состояние лесных дач металлургических заводов Вятской губернии в дореформенный период // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91. Ч. 4. С. 116–121. DOI: 10.18411/trnio-11-2022-197.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. II. Ч. 4. Вятская губерния. СПб. : Тип. Департамента Генерального Штаба, 1850. 109 с.
4. Гаврилов Д. В. Социальная организация металлургической промышленности Урала в преиндустриальный период // Металлургические заводы и крестьянство: Проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период : сб. науч. тр. Екатеринбург : Наука: Урал. отделение, 1992. С. 102–113.
5. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 43. Оп. 1. Д. 90.
6. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1325.
7. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 19.
8. Голикова С. В. Культура горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: Жизнеобеспечение, ритуалы, религиозные верования : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2005. 46 с.
9. Голикова С. В. Пространственная организация горнозаводского Урала (XVIII – начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 35–39.
10. История Удмуртии: конец XV – начало XX века / под ред. К. И. Куликова; введение М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 552 с.
11. Материалы для географии и статистики Вятской губернии. Состояние Вятской губернии в 1858 году / сост. старшим секретарем Вятского Губернского Правления В. Короваевым // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка : Тип. губернского правления, 1860. С. 168–224.
12. Проект Горного положения для управления заводов хребта Уральского. СПб. : Тип. Шнора, 1806. VIII, 375 с.
13. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1424. Оп. 4. Д. 53.
14. РГИА. Ф. 1424. Оп. 4. Д. 62.
15. РГИА. Ф. 1424. Оп. 4. Д. 66.

16. РГИА. Ф. 1424. Оп. 4. Д. 67.
17. РГИА. Ф. 1424. Оп. 4. Д. 70.
18. РГИА. Ф. 1424. Оп. 4. Д. 74.
19. РГИА. Ф. 1424. Оп. 4. Д. 79.
20. РГИА. Ф. 1424. Оп. 4. Д. 81.
21. Сапоговская Л. В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19–34.
22. Свод законов Российской империи. Т. VII. Свод уставов: монетного, горного и о соли. СПб. : Тип. 2-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1842. С. 85–486.
23. Статистическое описание Холуницких чугуноплавленных и железоделательных заводов // Прибавление к № 34 Вятских губернских ведомостей. 1839. № 17. С. 65–68.
24. Статистическое описание Холуницких чугуноплавленных и железоделательных заводов // Прибавление к № 36 Вятских губернских ведомостей. 1839. № 18. С. 69–72.
25. Статистическое описание Холуницких заводов // Прибавление к № 38 Вятских губернских ведомостей. 1839. № 19. С. 74–77.
26. Хозяйственное положение Слободского уезда // Вятские губернские ведомости. Отдел II. Ч. неофициальная. 1846. № 48. С. 317–320.
27. ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. 4. Оп. 1. Д. 69.
28. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320.
29. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 782.
30. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 860.
31. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1056.
32. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1314.
33. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1362.
34. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 961.
35. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5652.
36. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 494. Оп. 1. Д. 24.
37. ЦГАКО. Ф. 494. Оп. 1. Д. 25.
38. ЦГАКО. Ф. 496. Оп. 3. Д. 29.
39. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 56. Д. 127.
40. Шкерин В. А. Государство и экономика: ведомственные противоречия в управлении уральским горнозаводским регионом в XVII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 14–24.

Agricultural lands in the structure of mining districts of Vyatka province and the nature of the mining population in the first half of the XIX century

Vasina Tatyana Anatolyevna

PhD in of Historical Sciences, senior researcher at the Department of Historical Research,
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Izhevsk. ORCID: 0000-0003-0432-8671. E-mail: tatjasch@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the attention of modern historical science to economic issues. Of particular interest is the history of the metallurgical industry of the Urals, including the Urals, in particular, the functioning of mining districts as complex territorial and economic complexes. Scientific works devoted to the Ural mining industry and mining districts served as the theoretical basis for the study.

The object of study are factory cottages, the possessions of enterprises of mining and military departments. The purpose of the work is to determine the place and role of agricultural lands as part of mining districts. The research tasks include identifying the area of arable land, hay fields, as well as farmstead plots, their share in the structure of factory cottages; clarifying the rights of the mining population to use arable land and mowing; considering the assortment and yield of garden and agricultural crops.

The territorial framework includes five counties of the Vyatka province, where six industrial complexes of the mining department and one military one functioned: iron and ironmaking (Kirsinsko-Kazhinsky and Shurminsko-Zalazninsky plants, Omutninsky, Kholunitsky, Kamsko-Votkinsky mining districts), copper smelting (Bemyshevsky plant), weapons profile (Izhevsk weapons and Ironworks). The chronological framework of the study covers the pre-reform period.

The source base includes cartographic and statistical materials identified in the Russian State Historical Archive, the Central State Archive of the Udmurt Republic, the State Archive of the Sverdlovsk Region, the Central State Archive of the Kirov Region, as well as published in the Vyatka Provincial Gazette and other publications.

According to the results of the study, it was concluded that mowing and arable land in mining districts, located in "clean" (treeless) places, as part of factory cottages occupied a small area relative to the forests owned by enterprises. The right to use arable land and hay plots belonged to the mining population. The types of crops and yields corresponded to the natural and climatic conditions of the Vyatka province. In general, the structure of the factories' land holdings reflected the predominantly non-agricultural nature of the activities of local residents engaged in industrial production.

Keywords: mining districts, Vyatka province, factory cottages, agricultural lands, cartographic materials.

References

1. Alekseev V. V. *Protoindustrializaciya na Urale* [Protoindustrialization in the Urals] // *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XVII–XX vv.: dinamika i institucional'no-sociokul'turnaya sreda : [sb. st. pamyati L. V. Sapogovskoj]* – The economic history of Russia of the XVII–XX centuries: dynamics and institutional and socio-cultural environment : collection of the art. in memory of L. V. Sapogovskaya. Yekaterinburg. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2008. Pp. 63–94.
2. Vasina T. A. *Sostoyanie lesnyh dach metallurgicheskikh zavodov Vyatskoj gubernii v doreformennyj period* [The state of forest dachas of metallurgical plants of Vyatka province in the pre-reform period] // *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* – Trends in the development of science and education. 2022. No. 91. Part 4. Pp. 116–121. DOI: 10.18411/trnio-11-2022-197.
3. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Izdavaemoe po Vysochajshemu povelениyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba. T. II. Ch. 4. Vyatskaya guberniya* – Military Statistical Review of the Russian Empire. Issued by the Highest order at the 1st department of the Department of the General Staff. Vol. II. Part 4. Vyatka province. SPb. Typ. of Department of the General Staff. 1850. 109 p.
4. Gavrilov D. V. *Social'naya organizaciya metallurgicheskoy promyshlennosti Urala v predindustrial'nyj period* [Social organization of the metallurgical industry of the Urals in the pre-industrial period] // *Metallurgicheskie zavody i krest'yanstvo: Problemy social'noj organizacii promyshlennosti Rossii i Shvecii v ranneindustrial'nyj period : sb. nauch. tr.* – Metallurgical plants and the peasantry: Problems of the social organization of industry in Russia and Sweden in the early industrial period : collection of scient. tr. Yekaterinburg. Nauka: Ural department. 1992. Pp. 102–113.
5. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. 43. Inv. 1. File 90.
6. SASR. F. 43. Inv. 2. File 1325.
7. SASR. F. 129. Inv. 1. File 19.
8. Golikova S. V. *Kul'tura gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII–XIX vv.: Zhizneobespechenie, ritualy, religioznye verovaniya : dis. ... d-ra istor. nauk* [Culture of the mining population of the Urals of the XVIII–XIX centuries: Life support, rituals, religious beliefs : dis. ... Doctor of Historical Sciences] / Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg. 2005. 46 p.
9. Golikova S. V. *Prostranstvennaya organizaciya gornozavodskogo Urala (XVIII – nachalo XX vv.)* [Spatial organization of the mining Urals (XVIII – early XX centuries)] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural Historical Bulletin. 2013. No. 1 (38). Pp. 35–39.
10. *Istoriya Udmurtii: konec XV – nachalo XX veka* – History of Udmurtia: The end of the XV – beginning of the XX century / ed. by K. I. Kulikov; introduction by M. V. Grishkina, N. P. Ligenko. Izhevsk. UIIAL Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2004. 552 p.
11. *Materialy dlya geografii i statistiki Vyatskoj gubernii. Sostoyanie Vyatskoj gubernii v 1858 godu* – Materials for geography and statistics of Vyatka province. The state of Vyatka province in 1858 / comp. senior secretary of the Vyatka Provincial Government V. Korovaev // Commemorative book of the Vyatka province for 1860. Vyatka : Typ. of the provincial government. 1860. Pp. 168–224.
12. *Proekt Gornogo polozheniya dlya upravleniya zavodov hrebta Ural'skogo* – Draft of the Mountain position for the management of plants of the Uralsky ridge. SPb. Typ. Schnora. 1806. VIII, 375 p.
13. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 1424. Inv. 4. File 53.
14. RSHA. F. 1424. Inv. 4. File 62.
15. RSHA. F. 1424. Inv. 4. File 66.
16. RSHA. F. 1424. Inv. 4. File 67.
17. RSHA. F. 1424. Inv. 4. File 70.
18. RSHA. F. 1424. Inv. 4. File 74.
19. RSHA. F. 1424. Inv. 4. File 79.
20. RSHA. F. 1424. Inv. 4. File 81.
21. Sapogovskaya L. V. *"Starye" vladel'cy ural'skikh gornozavodskikh okrugov vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: opyt tipologii hozyajstvovaniya* ["Old" owners of the Ural mining districts of the second half of the XIX – early XX century: the experience of the typology of management] // *Questions of history*. 2006. No. 3. Pp. 19–34.
22. *Svod zakonov Rossijskoj Imperii* – Code of Laws of the Russian Empire. Vol. VII. Code of charters: mint, mining and about salt. St. Petersburg : Typ. of the 2nd department of its own E. I. V. chancellery. 1842. Pp. 85–486 (in Russ.).

23. *Statisticheskoe opisanie Holunickih chugunoplavilennyh i zhelezodelatel'nyh zavodov* – Statistical description of the Kholunitsky iron-smelting and iron-making plants // Addendum to No. 34 of the Vyatka provincial Gazette. 1839. No. 17. Pp. 65–68.

24. *Statisticheskoe opisanie Holunickih chugunoplavilennyh i zhelezodelatel'nyh zavodov* – Statistical description of the Kholunitsky iron-smelting and iron-making plants // *Pribavlenie k No. 36 Vyatskih gubernskih vedomostej* – Addendum to No. 36 of the Vyatka provincial Gazette. 1839. No. 18. Pp. 69–72.

25. *Statisticheskoe opisanie Holunickih zavodov* – Statistical description of the Kholunitsky factories // Addendum to No. 38 of the Vyatka provincial Gazette. 1839. No. 19. Pp. 74–77.

26. *Hozyajstvennoe polozhenie Slobodskogo uezda* – The economic situation of Slobodsky uyezd // *Vyatka gubernskie vedomosti*. Department II. Ch. unofficial. 1846. No. 48. Pp. 317–320.

27. CSA UR (Central State Archive of the Udmurt Republic). F. 4. Inv. 1. File 69.

28. CSA UR. F. 4. Inv. 1. File 320.

29. CSA UR. F. 4. Inv. 1. File 782.

30. CSA UR. F. 4. Inv. 1. File 860.

31. CSA UR. F. 4. Inv. 1. File 1056.

32. CSA UR. F. 4. Inv. 1. File 1314.

33. CSA UR. F. 4. Inv. 1. File 1362.

34. CSA UR. F. 212. Inv. 1. File 961.

35. CSA UR. F. 212. Inv. 1. File 5652.

36. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 494. Inv. 1. File 24.

37. CSAKR. F. 494. Inv. 1. File 25.

38. CSAKR. F. 496. Inv. 3. File 29.

39. CSAKR. F. 582. Inv. 56. File 127.

40. *Shkerin V. A. Gosudarstvo i ekonomika: vedomstvennye protivorechiya v upravlenii ural'skim gorno-zvodskim regionom v XVII – pervoj polovine XIX v.* [State and economy: departmental contradictions in the management of the Ural mining region in the XVII – first half of the XIX century] // *Ural'skij istoricheskij vestnik – Ural Historical herald*. 2005. No. 10–11. Pp. 14–24.

Деятельность ярославского городского самоуправления по развитию системы народного здравоохранения в 1870 – первой половине 1914 года

Пуневский Ярослав Викторович

аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени факультета истории,
политологии и права, Государственный университет просвещения,
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-7459-6538. E-mail: moskva221090an@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению вклада ярославского городского самоуправления в развитие учреждений здравоохранения. Актуальность работы обуславливается тем фактом, что ярославское городское самоуправление 1870 – первой половины 1914 г. остается одним из самых малоизученных среди губернских городов центральной России. В основе статьи лежит изучение делопроизводственной документации ярославской городской управы из фондов Государственного архива Ярославской области, статистических источников и периодической печати.

В работе установлены основные направления деятельности ярославского городского самоуправления в сфере народного здравоохранения в 1870 – первой половине 1914 г.: развитие и поддержка сети учреждений общественного здравоохранения (больниц, лечебниц и т. д.), поддержание исправного санитарного состояния города и борьба с эпидемиями. Исследован уровень расходования средств ярославской городской управы на эти цели. Среди основных мероприятий ярославской городской думы и управы в сфере медицины и санитарного надзора отмечено открытие трех городских амбулаторий, открытие детской больницы для скарлатинозных больных, переход в ведение города двух отделений больницы губернского земства в 1912 г., учреждение санитарной комиссии и института санитарных попечителей, разнообразные меры по борьбе с эпидемиями.

Несмотря на эти меры, состояние здравоохранения г. Ярославля оставалось не очень благоприятным. Автор подчеркивает главные его недостатки: отсутствие постоянной санитарной организации, больницы, находящейся целиком в ведении города, недостаточно масштабную борьбу с эпидемиями. Причины этих недостатков коренились в состоянии городского бюджета, поскольку расходы на здравоохранение начали немного увеличиваться лишь к началу XX в.

Ключевые слова: городское самоуправление, здравоохранение, расходы, амбулатория, больница, эпидемия.

Цель настоящего исследования – изучение деятельности органов ярославского городского самоуправления в 1870 – первой половине 1914 г. по развитию народного здравоохранения: основных мероприятий в этой сфере, уровня расходов на здравоохранение в структуре городского бюджета. Хронологические рамки исследования обусловлены сложившейся в историографии традицией комплексного рассмотрения самоуправления в российских городах со времени введения в действие «Городового положения» 1892 г. до начала Первой мировой войны. В основе исследования лежит изучение делопроизводственной документации ярославской городской управы, статистических источников и периодической печати. В работе применялись историко-системный, хронологический и сравнительно-исторический методы.

Одним из мероприятий по развитию системы городского здравоохранения стало открытие в 1905–1906 гг. трех городских амбулаторий: Сенной, Закоторосльской и Тверицкой с бесплатной выдачей лекарств бедным жителям [20, л. 37 об.; 52, с. 349]. Отсутствие в ведении города собственной больницы делало их открытие особенно актуальным. Закоторосльская амбулатория помещалась в наемном помещении, а амбулатория на Сенной – в городском [55]. Лекарства бедным жителям выдавались в амбулаториях бесплатно. Персонал амбулаторий состоял из врача, фельдшера, фельдшерицы-акушерки и санитаря. Появление амбулаторий вызвало наплыв больных [20, л. 56–59]. Стоит отметить, что более половины посетителей амбулаторий были жителями не города, а уезда [20, л. 60]. Проблемой для городского самоуправления был поиск подходящей квартиры для врача тверицкой амбулатории, находившейся в заволжском районе города, тем более что ситуация с наличием в городе свободных квартир традиционно было непростой [21, л. 2 об.; 34, с. 2; 61, с. 210].

Таблица 1

Число больных в городских амбулаториях за 1905 – 1911 гг.

Годы	Сенная амбулатория	Закогоросльская амбулатория	Тверицкая амбулатория	Всего
1905	1000	800	Нет данных	1800
1906	14 349	8724	6262	29 335
1907	16 330	9370	11 770	37 340
1908	14 202	11 179	10 958	36 339
1909	17 139	10 925	11 776	39 840
1910	18 595	14 314	13 441	46 320
1911	19 087	19 115	13 786	54 807
Всего	100 602	74 427	67 993	245 781

Ситуацию в здравоохранении осложняло отсутствие в ведении города собственной больницы. Чтобы хоть как-то компенсировать это, органы ярославского городского самоуправления платили ежегодное пособие уездному земству в размере 4000 р. на содержание 40 кроватей в земской больнице для городских обывателей [49, с. 68]. Но этого количества кроватей было недостаточно. Необходимость открытия собственной больницы стимулировал быстрый рост населения [54, с. 87]. Отметим, что к концу XIX в. городские больницы существовали в Твери, Костроме, Рыбинске, Плесе, Иваново-Вознесенске [57, с. 245]. В Москве к 1910 г. было 14 больниц, а к 1912 г. – 18 [42, с. 111–121; 52, с. 351].

В 1911 г. губернское земство приняло решение о закрытии двух отделений земской больницы [17, л. 10–11]. 26 ноября 1912 г. состоялось совещание представителей города и земства. На нем было выработано соглашение, в соответствии с которым: с 1 января 1913 г. губернское земство предоставляло в пользование городу три здания больницы бесплатно, с 6 марта 1913 г. окончательно переходили под контроль муниципальной власти [18, л. 114–189 об.]. О значении этих отделений больницы для города говорит более чем двукратный рост расходов на медицину в 1913 г. [43, с. 2].

Органы ярославского городского общественного управления участвовали и в финансировании других учреждений здравоохранения. Например, в 1907 г. городская управа дала землю в аренду под цветник при открываемой в доме Гороховникова лечебнице для женских болезней [13, л. 5–5 об.]. Во времена русско-японской войны в здании глазной лечебницы на Волжской набережной был городской госпиталь для больных и раненых воинов [19, л. 162]. Земельный участок получило общество врачей по Волжской набережной [16, л. 16–17 об.]. Ярославское общество врачей также получало денежное пособие со стороны городской управы в размере 1000 рублей, а с 1911 г. – 2500 рублей [50, с. 206].

В 1907 г. в пожертвованном городу доме открыта детская больница для скарлатинозных больных на 23 койки, а в 1908 г. в этой больнице появилось терапевтическое отделение для детей на 25 коек [26, л. 2–3 об.]. Расходы городской управы на содержание детской больницы в 1907–1912 гг. составляли 2808–6267 рублей. Весной 1901 г. на выделенном городом участке земли на Волжской набережной было возведено здание глазной лечебницы. Кроме того, в предоставленном городу доме существовала лечебница на Волжском берегу, где проводилось бесплатное оспопрививание [26, л. 11]. Лечебница пользовалась регулярными субсидиями городского самоуправления [15, л. 1–8].

С 1909 г. городской управой стала содержаться карета скорой помощи, которая, как отмечалось, «с момента своего существования пользуется очень широким спросом не только со стороны полиции и беднейшего класса населения, но даже и со стороны лиц состоятельных» [24, л. 29 об.]. Два фельдшера при карете скорой помощи были снабжены специальными костюмами за городской счет [28, л. 6 об.]. Обсуждалась необходимость приобретения второй кареты скорой помощи [30, л. 2–2 об.].

24 апреля 1912 г. Ю. Г. Голодухина сделала одно из самых крупных в городе пожертвований – 500 000 р. на строительство больницы [40, с. 64]. Предполагалось открыть терапевтическое, инфекционное, кожно-сифилитическое отделение в общей сложности на 300 кроватей [29, л. 18–18 об.]. На составление проекта плана больницы был объявлен конкурс при Петербургском обществе архитекторов. По плану строительство больницы было разделено на несколько этапов [58, с. 138]. Было представлено 13 проектов с 254 чертежами. К сожалению, больница так и не была построена.

Ярославская городская управа оказывала материальную поддержку медицинскому персоналу. Пособие в размере 1200 р. получал городской врач, ежегодное пособие на наем квартиры получали повивальные бабки, фельдшеры бесплатной городской лечебницы получали компенсацию за приготовление лекарств для пожарных служителей и призреваемых в городских богадельнях. Следует подчеркнуть и участие городской управы в деле развития медицинского образования. Так, в частности она посылала акушеров на екатерининские акушерско-фельдшерские курсы, за что получала благодарности от акушеров [17, л. 6–6 об.].

Большой проблемой было санитарное состояние города. В то время в обществе ясно осознавалось, что санитарное состояние города – причина эпидемий. По данным журнала «Городское дело», холера в грязных домах появлялась в 420 случаях из 1000, а в чистых – лишь в 95 [35, с. 58]. Рубрика газеты «Голос» о санитарном состоянии города называлась «Летопись санитарных безобразий». Приведем некоторые характерные описания санитарного состояния Ярославля из «Голоса»: «Никогда, говорят, не было так грязно в городе, как ныне. Вероятно, ради чумы и холеры, которые ожидаются ... городское управление не успело собрать навоз со Срубной, вдоль сквера, кучи его распустились и образовали здесь навозное болото ... около самой управы и вдоль забора, ограждающего ее владения, в воскресенье красовались эти своего рода иллюстрации состояния городских улиц» [32; 33]. Делопроизводственная документация, составленная членами городской управы и санитарными инспекторами для губернского начальства, показывает совсем другую картину. Оценивая санитарное состояние города в 1901 г., санитарный врач описывал радужную картину очистки улиц и дворов города [55].

В 1901 г. в городе была создана санитарная комиссия. Задача комиссии заключалась в проведении санитарных осмотров. Принципы работы санитарной комиссии были во многом сходными для многих городов [36, с. 128]. Город делился на санитарные участки, надзор за которыми возлагался на избираемых из числа граждан города инспекторов и попечителей [9, л. 6 об.]. На нарушения санитарных правил могли указать и сами обыватели города в своих жалобах в городскую управу [6, л. 1–1 об.]. Нарушители постановлений ярославского городского самоуправления по санитарной части подвергались наказанию. Но количество составленных санитарно-полицейских актов не было большим. К примеру, за 1886 г. 39 человек привлечены к ответственности, из них 28 подвергнуты судебному преследованию [45, с. 29]. Деятельность санитарной комиссии не была постоянной, обуславливаясь только временем эпидемий. В остальное время санитарные осмотры производились лишь периодически [27, л. 11]. Из-за занятости городских врачей для проведения санитарных осмотров приходилось прибегать к помощи земских [25, л. 1–3]. В ярославском городском самоуправлении понимали необходимость учреждения постоянной санитарной организации. За три года до образования санитарной комиссии гласный городской думы П. Я. Морозов на заседании думы 28 ноября 1898 г. высказал мнение о необходимости учреждения должности постоянного санитарного врача с довольно широким кругом обязанностей [25, л. 10–11].

Важным средством улучшить санитарную ситуацию в городе было издание городской думой обязательных постановлений [14, л. 69]. В соответствии с ними санитарные осмотры состояния продажи съестных припасов и напитков производились почти ежедневно [14, л. 33]. В 1908 г. были установлены санитарные требования для сточных вод, спускаемых в общественные водоемы [22, л. 20–20 об.]. Интенсивность законодательной деятельности ярославской городской думы в этой сфере была вариативной. Например, в 1900 г. не принято ни одного обязательного постановления по санитарной части, зато в 1901 г. появилось восемь таких постановлений [11, л. 6–20 об.].

Важное место в деятельности органов городского самоуправления в деле народного здравоохранения занимала борьба с эпидемиями. В конце XIX – начале XX вв. распространение эпидемий было насущной проблемой российской провинции. Верхневолжский регион не был исключением. На протяжении рассматриваемого в работе периода происходили эпидемии, оспы, чумы, тифа, холеры и других болезней. Особенно трудным был период конца 1870-х – начала 1880-х гг., когда на ярославский регион обрушились сразу две крупные эпидемии холеры и чумы. 1865–1872-е гг. называют третьей холерной пандемией [63, с. 67]. О масштабах заболеваемости свидетельствуют следующие данные. В 1871 г. в Ярославской губернии холерой заболело 13 366 человек, из них умерло 6486. На 100 жителей приходилось 1,6 больных [63, с. 67]. Одна из крупнейших холерных эпидемий произошла также в 1906–1910 гг. [48, с. 140]. Иногда начало этой эпидемии датируется 1907 г. и связывается с занесе-

нием болезни из Самары по р. Волге [3, с. 105]. Менее значительная эпидемия холеры зафиксирована в 1892–1894 гг. [47, с. 34]. Эпидемия тифа усилилась в Ярославской губернии во времена русско-турецкой войны 1877–1878 гг., что связано с занесением болезни пленными турками [46, с. 28]. В качестве одной из главных причин роста заболеваемости заразными болезнями С. Ф. Аманов справедливо называет приток населения в города [1, с. 14.]. По имеющимся в нашем распоряжении статистическим данным, население Ярославля за период 1888–1914 г. выросло с 63 683 до 146 246 человек, т. е. на 129 % [59, с. 10; 60, с. 18].

Одним из очагов эпидемий были рабочие окраины города. Их условия жизни способствовали распространению эпидемий [8, л. 57; 65, р. 151]. Одной из главных причин распространения заразных болезней было неудовлетворительное санитарное состояние города [3, с. 9; 7, л. 8]. Признавая то, что «появление заразных болезней часто обусловлено заносом извне», далее губернатор отмечал, что «эти болезни находят благоприятные условия для своего развития и принимают характер эпидемий» [7, л. 8].

Меры борьбы с эпидемиями заключались в улучшении санитарного состояния города, улучшении качества питьевой воды как главного средства для предотвращения холеры, контроле состояния ночлежных домов города, организации врачебно-питательных и врачебно-продовольственных пунктов, дезинфекции домов заболевших и строгого отделения больных от здоровых, строительстве холерных барачков, предупреждающих мерах: публикации памятки «Берегись холеры» и др., ограничении массовых мероприятий (например, в 1914 г. решено не устраивать во время Рождественских праздников общественные елки) [4, с. 142; 5, л. 66; 7, л. 4 об.; 8, л. 32–38; 10, л. 10–11; 12, л. 1; 31, л. 1–3; 48, с. 140; 61, р. 151]. В 1893 г. в городской думе обсуждался вопрос об ужесточении мер надзора за лицами, пребывающими из неблагоприятных в отношении заболеваемости холерой местностей, комплекс этих мер обсуждался еще на особом совещании при медицинском департаменте, происходившем в Петербурге с 21 по 30 апреля 1886 г. [9, л. 6 об.; 39, с. 71].

Особо следует остановиться на оспопрививании, значимость которого осознавалась современниками [41, с. 19]. Четвертый губернский съезд земских врачей 20–31 мая 1902 г. обращал внимание на необходимость «систематического контроля над оспопрививанием ... которое должно производиться лицами, получившими медицинское образование» [56, л. 6 об.]. Однако его эффективность снижали как недостаточные масштабы, так и то, что в числе вновь заболевших регулярно отмечались уже привитые. Для предотвращения эпидемии оспы ярославская городская управа пыталась расширить масштабы оспопрививания, причем детей бедных граждан прививали за счет средств городской управы бесплатно. Кроме больницы губернского земства и здания глазной лечебницы на Волжской набережной в 1903 г. при содействии городской управы был открыт дополнительный пункт оспопрививания в доме купца П. А. Градусова на Большой Московской улице.

Во время подъема заболеваемости оспой на протяжении 1884 г. за счет средств городской управы прививалось от 378 до 587 человек ежемесячно [5, л. 14–27]. Прививались не только городские обыватели, но и крестьяне. Проводившие бесплатное прививание врачи в дальнейшем имели право на получение вознаграждения из городских средств [5, л. 37]. Имеются сводные данные по оспопрививанию в Ярославской губернии в целом. Так, за 1880-е гг. было привито 25 000 человек [44, с. 35]. Объявления о бесплатном оспопрививании печатались в местной прессе. Проводилась и ревакцинация [23, л. 14]. Недостаточный характер оспопрививания был отмечен как в делопроизводственной документации, так и в статистических источниках [5, л. 1–2 об.; 44, с. 23]. Отметим ряд проблем с практическим воплощением вакцинации. «Несмотря на то, что прививка от оспы в амбулаториях на Сенной производится с 12 часов, фельдшера приходится ждать очень долго и многие уходят, так и не дождавшись», отмечали в городской управе. Ярославский губернатор требовал: «в виду настоящей эпидемии особенно важно, чтобы фельдшер являлся вовремя» [23, л. 21].

Для понимания масштабов деятельности ярославского городского самоуправления в области народного здравоохранения необходимо изучить уровень расходов на эти цели в структуре городского бюджета. Анализ финансовых отчетов ярославской городской управы показывает, что до 1897 г. расходы на здравоохранение не превышали 1 % расходной сметы. В 1901–1912 гг. они несколько увеличились, составив 2–8 %. Возрастание расходов было связано с открытием трех городских амбулаторий и переходом в ведение города двух отделений губернской земской больницы. Значительные средства расходовались на поддержание исправного санитарного состояния города: установку новых водосточных труб, очистку площа-

дей [14, л. 69]. Чрезвычайные расходы приносила городской управе борьба с эпидемиями. Для борьбы с холерой начала 1890-х гг. городской управе пришлось даже взять в долг у губернского земства 5000 рублей, в 1906–1910 гг. ежегодно на противохолерные мероприятия тратилось от 1078 до 3397 рублей, а всего за эти 5 лет было израсходовано 10 887 р. Расходы на противодействие эпидемиям являлись во многом ситуативными и обусловленными конкретным комплексом принимаемых мер. В частности, в 1907 г. на противодействие эпидемии холеры ярославское городское самоуправление потратило всего 1066 р., а рыбинское 11 326 р. [3, с. 47]. Основным источником ассигнования этих средств был запасный капитал [37, с. 198; 38, с. 83]. По закону от 15 мая 1911 г., одобренному Государственным советом империи, в соответствии с которым из 4 млн. рублей на противохолерные и противочумные мероприятия 2,5 млн. рублей предназначалось на выдачу пособий земским и городским общественным учреждениям, при том что данное пособие могло покрывать не более половины уже произведенных расходов [18, л. 10–12].

Как мы можем оценить развитие народного здравоохранения в Ярославле в 1870 – первой половине 1914 г.? Оно оставалось недостаточным: в городе не было собственной больницы, отсутствовала постоянная санитарная организация, для борьбы с эпидемиями приходилось все чаще прибегать к займам. Расходы на медицинскую часть в целом оставались крайне низкими даже к началу XX в. [2, с. 31; 58, с. 126]. Ситуация в здравоохранении губернии в целом также выглядит не очень развитой. Например, в 1883 г. в Ярославской губернии одна больница приходилась на 28 806 человек, один врач на 17 000, а одна аптека на 38 408 человек [62, с. 85]. Е. М. Смирнова резонно упрекала состоятельную часть гласных городской думы за равнодушие к здоровью жителей города [58, с. 121]. К 1913 г. Ярославль остался одним из немногих губернских городов с отсутствующей санитарной организацией [58, с. 125]. В то же время не стоит обвинять исключительно ярославское городское самоуправление в недостаточном развитии здравоохранения. Собственная система медицинских учреждений отсутствовала в большинстве российских городов европейской России, в том числе и уездных городах Ярославской губернии [58, с. 120]. А эпидемия тифа 1877–1878 гг. смогла поставить в тупик даже петербургские муниципальные власти [36, с. 120].

Таким образом, основными направлениями деятельности ярославского городского самоуправления в сфере народного здравоохранения было развитие сети медицинских учреждений: больниц, амбулаторий, скорой помощи, поддержание исправного санитарного состояния города и борьба с эпидемиями. Ограниченность городского бюджета сказывалась на сфере здравоохранения города, расходы на эти цели стали расти лишь с начала XX в. В городском здравоохранении Ярославля были достижения и недостатки. Как достижение следует рассматривать открытие трех городских амбулаторий, активную борьбу с эпидемиями, расширение системы оспопрививания, учреждение хоть и временной, но санитарной организации в городе. Но к 1914 г. в ведении городского самоуправления так и не появилась больница, отсутствовала постоянная санитарная организация, санитарное состояние городских улиц оставалось неудовлетворительным.

Список литературы

1. Аманов С. Ф. Повседневная жизнь уездных городов в конце XIX – начале XX века (на материалах Костромской и Ярославской губернии) : дисс. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2021. 25 с.
2. Беляев В. И. Здравоохранение Ярославля в прошлом и настоящем. Ярославль : Ярославский медицинский институт, 1961. 136 с.
3. Благовидов Н. А. Азиатская холера в Ярославской губернии за четыре года (1907–1910). Ярославль : Тип. губ. правл., 1911. 59 с.
4. Блудов А. М. Городское самоуправление в России на рубеже XIX–XX вв.: на материалах Тамбовской губернии : дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 248 с.
5. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 298.
6. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 337.
7. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 527.
8. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 581.
9. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 669.
10. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 670.
11. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 947.
12. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 948.
13. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1243.
14. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1474.

15. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1478.
16. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1479.
17. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1480.
18. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 1555.
19. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2983.
20. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.2. Д. 2984.
21. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2985.
22. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 2993.
23. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.2. Д. 2999.
24. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 3000.
25. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.2. Д. 3008.
26. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 3015.
27. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.2. Д. 3023.
28. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.2. Д. 3024.
29. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.2. Д. 3025.
30. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 3033.
31. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.2. Д. 3055.
32. Голос. 1911. № 70.
33. Голос. 1912. № 143.
34. Город Ярославль по сведениям 1898–1899 г., собранным от домовладельцев для оценки недвижимых имуществ. Вып. 2. Квартиры и другие помещения. Ярославль : Тип. губ. зем. управы, 1903. 129 с.
35. Городское дело. 1909. № 1–2.
36. Городское хозяйство Петербурга: XIX – начало XX века. СПб. : Фонд «Креатив», 2010. 399 с.
37. Журнал Ярославской городской думы за 1910 год. Ярославль : Изд-во Ярославской городской управы, 1911. 305 с.
38. Журнал Ярославской городской думы за 1911 год. Ярославль : Изд-во Ярославской городской управы, 1912. 300 с.
39. Журналы особых совещаний, происходивших при медицинском департаменте с 21 по 30 апреля 1886 г. для обсуждения вопроса о мерах против эпидемий и эпизотий в Вологодской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Санкт-Петербургской, Тверской и Ярославской губернии. СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел. 1886. 248 с.
40. Колодин Н. Н. Город древний. Ярославль: здания, люди, легенды. Т. 3: Посады и слободы. Ярославль : Канцлер, 2014. 458 с.
41. Лодзинский Б. Р. История санитарного просвещения в Ярославской области. Ярославль : ЯГМА, 2001. 50 с.
42. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 896 с.
43. Новиков П. О городской медицине в Ярославской губернии в 1911–1913 году. Ярославль : Типо-лит. губ. зем. управы, 1914. 13 с.
44. Обзор Ярославской губернии за 1883 год. Ярославль : Тип. губ. правл., 1879–1915. 38 с.
45. Обзор Ярославской губернии за 1886 год. Ярославль : Тип. губ. правл., 1879–1915. 47 с.
46. Обзор Ярославской губернии за 1887 год. Ярославль : Тип. губ. правл., 1879–1915. 54 с.
47. Обзор Ярославской губернии за 1894 год. Ярославль : Тип. губ. правл., 1879–1915. 68 с.
48. Орлов В. Л. Старый Любим и вся Россия. Ярославль : Рутман, 2000. 416 с.
49. Отчет ярославской городской управы за 1903 год. Ярославль : Тип. губ. правл., 1904. 131 с.
50. Отчет Ярославской городской управы за 1911 год. Ярославль : Тип. губ. правл., 1912. 242 с.
51. Отчеты Ярославской городской управы за 1906–1912 гг. Ярославль : Тип. губ. правл., 1906–1912.
52. Писарькова Л. Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М. : Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010. 735 с.
53. Попов П. А. Кризисные явления в городском самоуправлении Воронежа в конце 1900-х – начале 1910-х гг. // Воронежский вестник архивиста : научно-информ бюллетень. Воронеж, 2004. Вып. 1. С. 51–65.
54. Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М. : Госстатиздат, 1958. 352 с.
55. Северный край. 1905. № 56.
56. Систематический свод постановлений четвертого губернского съезда земских врачей ярославской губернии 20–31 мая 1902 года в г. Ярославле. Ярославль, 1902. 45 с.
57. Смирнова Е. М. Государство, общество и здравоохранение российской провинции в XVIII – начале XX в. (по материалам Верхней Волги). Ярославль : Аверс плюс, 2015. 466 с.
58. Смирнова Е. М. От общественного призрения к общественной медицине: Здравоохранение Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Ярославль, 2013. 271 с.
59. Справочная книга Ярославской губернии за 1888 год. Ярославль : Тип. губ. правления, 1889. 142 с.
60. Справочная книга Ярославской губернии за 1914 год. Ярославль : Тип. губ. правления, 1915. 172 с.

61. Трубецкой Е. Н. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск : Водолей, 2000. 350 с.
62. Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып. 9. Статистические сведения по Ярославской губернии за 1883 г. М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. 70 с.
63. Холерные эпидемии Ярославской губернии 1830–1872 годы. Ярославль : Изд-во Г. В. Фалька, 1885. 71 с.
64. Шефер А. Л. Органы «самоуправления» царской России. Куйбышев : Куйбыш. обл. изд-во, 1939. 62 с.
65. Daniel R. Brower The Russian city between tradition and modernity 1850–1900. University of California press, 281 p.

Activities of the Yaroslavl city government for the development of the public health system in 1870 – the first half of 1914

Punevsky Yaroslav Viktorovich

postgraduate student of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modern Times,
Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-7459-6538. E-mail: moskva221090an@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the contribution of Yaroslavl city government to the development of healthcare institutions. The relevance of the work is due to the fact that the Yaroslavl city government of 1870 – the first half of 1914 remains one of the least studied among the provincial cities of central Russia. The article is based on the study of the office records of the Yaroslavl city Council from the funds of the State Archive of the Yaroslavl region, statistical sources and periodicals.

The work establishes the main directions of activity of the Yaroslavl city government in the field of public health in 1870 – the first half of 1914: the development and support of a network of public health institutions (hospitals, asylums, etc.), the maintenance of a healthy sanitary condition of the city and the fight against epidemics. The level of expenditure of funds of the Yaroslavl city council for these purposes is investigated. Among the main activities of the Yaroslavl City Duma and the board in the field of medicine and sanitary supervision, the opening of three city outpatient clinics, the opening of a children's hospital for scarlet fever patients, the transfer of two departments of the provincial zemstvo hospital to the city in 1912, the establishment of a sanitary commission and the institute of sanitary trustees, various measures to combat epidemics were noted.

Despite these measures, the health situation in Yaroslavl remained not very favorable. The author emphasizes its main drawbacks: the lack of a permanent sanitary organization, a hospital entirely under the jurisdiction of the city, and an insufficiently large-scale fight against epidemics. The reasons for these shortcomings were rooted in the state of the city budget, since health care costs began to increase slightly only by the beginning of the 20th century.

Keywords: city government, healthcare, expenses, outpatient clinic, hospital, epidemic.

References

1. Amanov S. F. *Povsednevnyaya zhizn' uездных gorodov v konce XIX – nachale XX veka (na materialah Kostromskoj i Yaroslavskoj gubernii) : diss. ... kand. ist. nauk* [Daily life of county towns in the late XIX – early XX century (based on materials from Kostroma and Yaroslavl provinces) : diss. ... PhD in Historical Sciences]. Mytishchi. 2021. 25 p.
2. Belyaev V. I. *Zdravoohranenie Yaroslavlya v proshlom i nastoyashchem* [Yaroslavl healthcare in the past and present]. Yaroslavl. Yaroslavl Medical Institute. 1961. 136 p.
3. Blagovidov N. A. *Aziatskaya holera v Yaroslavskoj gubernii za chetyre goda (1907–1910)* [Asian cholera in Yaroslavl province in four years (1907–1910)]. Yaroslavl. Tip. of gubernia government. 1911. 59 p.
4. Bludov A. M. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: na materialah Tambovskoj gubernii : diss. ... kand. ist. nauk* [Urban self-government in Russia at the turn of the XIX–XX centuries: based on the materials of the Tambov province : diss. ... PhD in Historical Sciences]. Tambov. 2003. 248 p.
5. SAYaR (State Archive of the Yaroslavl region). F. 509. Inv. 1.1. File 298.
6. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 337.
7. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 527.
8. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 581.
9. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 669.
10. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 670.
11. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 947.
12. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 948.

13. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 1243.
14. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 1474.
15. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 1478.
16. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 1479.
17. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 1480.
18. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 1555.
19. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 2983.
20. SAYaR. F. 509. Inv. 1.2. File 2984.
21. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 2985.
22. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 2993.
23. SAYaR. F. 509. Inv. 1.2. File 2999.
24. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 3000.
25. SAYaR. F. 509. Inv. 1.2. File 3008.
26. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 3015.
27. SAYaR. F. 509. Inv. 1.2. File 3023.
28. SAYaR. F. 509. Op 1.2. File 3024.
29. SAYaR. F. 509. Inv. 1.2. File 3025.
30. SAYaR. F. 509. Inv. 1.1. File 3033.
31. SAYaR. F. 509. Inv. 1.2. File 3055.
32. *Golos* – Voice. 1911. No. 70.
33. *Golos* – Voice. 1912. No. 143.
34. *Gorod Yaroslavl' po svedeniyam 1898–1899 g., sobrannym ot domovladel'cev dlya ocenki nedvizhimyh imushchestv. Vyp. 2. Kvartiry i drugie pomeshcheniya* – The city of Yaroslavl according to information from 1898–1899, collected from homeowners to assess real estate. Is. 2. Apartments and other premises. Yaroslavl. Typ. of Gubernia land councils. 1903. 129 p.
35. *Gorodskoe delo* – Urban affairs. 1909. No. 1–2.
36. *Gorodskoe hozyajstvo Peterburga: XIX – nachalo XX veka* – Urban economy of St. Petersburg: XIX – early XX century. SPb. "Creative" Foundation. 2010. 399 p.
37. *Zhurnal Yaroslavskoj gorodskoj dumy za 1910 god* – The journal of the Yaroslavl City Duma for 1910. Yaroslavl. Publishing house of the Yaroslavl city council. 1911. 305 p.
38. *Zhurnal Yaroslavskoj gorodskoj dumy za 1911 god* – The journal of the Yaroslavl City Duma for 1911. Yaroslavl. Publishing house of the Yaroslavl city council. 1912. 300 p.
39. *Zhurnaly osobyh soveshchanij, proiskhodivshih pri medicinskom departamente s 21 po 30 aprelya 1886 g. dlya obsuzhdeniya voprosa o merah protiv epidemij i epizotij v Vologodskoj, Novgorodskoj, Oloneckoj, Pskovskoj, Sankt-Peterburgskoj, Tverskoj i Yaroslavskoj gubernii* – Journals of special meetings held at the medical Department from April 21 to April 30, 1886 to discuss measures against epidemics and epizotics in Vologda, Novgorod, Olonets, Pskov, St. Petersburg, Tver and Yaroslavl provinces. SPb. Typ. of Ministry of Internal Affairs (printing house of the Ministry of Internal Affairs). 1886. 248 p.
40. *Kolodin N. N. Gorod drevnij. Yaroslavl': zdaniya, lyudi, legendy. T. 3: Posady i slobody* [The ancient city. Yaroslavl: buildings, people, legends. Vol. 3: Posad and Sloboda]. Yaroslavl. Chancellor. 2014. 458 p.
41. *Lodzinskij B. R. Istoriya sanitarnogo prosveshcheniya v Yaroslavskoj oblasti* [History of sanitary education in the Yaroslavl region]. Yaroslavl. YaGMA. 2001. 50 p.
42. *Mironov B. N. Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu : v 3 t. T. 1* [The Russian Empire: from tradition to modernity : in 3 vols. Vol. 1]. SPb. Dmitry Bulanin. 2018. 896 p.
43. *Novikov P. O gorodskoj medicine v Yaroslavskoj gubernii v 1911–1913 godu* [On urban medicine in the Yaroslavl province in 1911–1913]. Yaroslavl. Tipo-lit. gubernia land councils. 1914. 13 p.
44. *Obzor Yaroslavskoj gubernii za 1883 god* – Review of the Yaroslavl province in 1883. Yaroslavl. Typ. of gubernia board. 1879–1915. 38 p.
45. *Obzor Yaroslavskoj gubernii za 1886 god* – Overview of the Yaroslavl province in 1886. Yaroslavl. Typ. of Gubernatorial Administration. 1879–1915. 47 p.
46. *Obzor Yaroslavskoj gubernii za 1887 god* – Review of Yaroslavl province in 1887. Yaroslavl. Tip. of gubernia government. 1879–1915. 54 p.
47. *Obzor Yaroslavskoj gubernii za 1894 god* – Review of Yaroslavl province in 1894. Yaroslavl. Tip. of gubernia government. 1879–1915. 68 p.
48. *Orlov V. L. Staryj Lyubim i vsya Rossiya* [Stary Lyubim and the whole of Russia]. Yaroslavl. Rutman. 2000. 416 p.
49. *Otchet yaroslavskoj gorodskoj upravly za 1903 god* – The report of the Yaroslavl city Council for 1903. Yaroslavl. Tip. of gubernia government. 1904. 131 p.
50. *Otchet Yaroslavskoj gorodskoj upravly za 1911 god* – Report of the Yaroslavl City Council for 1911. Yaroslavl. Tip. of gubernia government. 1912. 242 p.
51. *Otchety Yaroslavskoj gorodskoj upravly za 1906–1912 gg.* – Reports of the Yaroslavl city Council for 1906–1912. Yaroslavl. Typ. of gubernatorial board. 1906–1912.
52. *Pisar'kova L. F. Gorodskie reformy v Rossii i Moskovskaya дума* [Urban reforms in Russia and the Moscow Duma]. M. New chronograph: AIRO-XXI. 2010. 735 p.

53. Popov P. A. *Krizisnye yavleniya v gorodskom samoupravlenii Voronezha v konce 1900-h – nachale 1910-h gg.* [Crisis phenomena in Voronezh city self-government in the late 1900s – early 1910s. // *Voronezhskij vestnik arhivista : nauchno-inform byulleten'* – Voronezh herald of the archivist : scientific information bulletin. Voronezh. 2004. Is. 1. Pp. 51–65.
54. Rashin A. G. *Naselenie Rossii za 100 let* [The population of Russia over 100 years]. M. Gosstatizdat. 1958. 352 p.
55. *Severnyj kraj* – The Northern region. 1905. No. 56.
56. *Sistematicheskij svod postanovlenij chetvertogo gubernskogo s'ezda zemskih vrachej yaroslavskoj gubernii 20–31 maya 1902 goda v g. Yaroslavl* – A systematic set of resolutions of the fourth provincial Congress of zemstvo doctors of the Yaroslavl province on May 20–31, 1902 in Yaroslavl. Yaroslavl. 1902. 45 p.
57. Smirnova E. M. *Gosudarstvo, obshchestvo i zdavoohranenie rossijskoj provincii v XVIII – nachale XX v. (po materialam Verhnej Volgi)* [The state, society and healthcare of the Russian province in the XVIII – early XX century (based on the materials of the Upper Volga)]. Yaroslavl. Averse plus. 2015. 466 p.
58. Smirnova E. M. *Ot obshchestvennogo prizreniya k obshchestvennoj medicine: Zdravoohranenie Yaroslavskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [From public charity to public medicine: Healthcare of the Yaroslavl province in the second half of the XIX – early XX centuries]. Yaroslavl. 2013. 271 p.
59. *Spravochnaya kniga Yaroslavskoj gubernii za 1888 god* – The reference book of the Yaroslavl province for 1888. Yaroslavl. Typ. of gubernatorial board. 1889. 142 p.
60. *Spravochnaya kniga Yaroslavskoj gubernii za 1914 god* – The reference book of the Yaroslavl province for 1914. Yaroslavl. Typ. of gubernatorial board. 1915. 172 p.
61. Trubeckoj E. N. *Iz proshlogo. Vospominaniya. Iz putevyh zametok bezhenca* [From the past. Memories. From the travel notes of a refugee]. Tomsk. Vodoley (Aquarius). 2000. 350 p.
62. *Trudy Yaroslavskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta. Vyp. 9. Statisticheskie svedeniya po Yaroslavskoj gubernii za 1883 g.* – Proceedings of the Yaroslavl Provincial Statistical Committee. Is. 9. Statistical data on the Yaroslavl province for 1883. M. Typ. of M. G. Volchaninov. 1885. 70 p.
63. *Holernye epidemii Yaroslavskoj gubernii 1830–1872 gody* – Cholera epidemics of Yaroslavl province in 1830–1872. Yaroslavl. Publishing house of G. V. Falk. 1885. 71 p.
64. Schaefer A. L. *Organy "samoupravleniya" carskoj Rossii* [The organs of "self-government" of tsarist Russia]. Kuibyshev. Kuibyshev Regional Publishing House. 1939. 62 p.
65. Daniel R. Brower *The Russian city between tradition and modernity 1850–1900.* University of California press. 281 p.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.22 «1922/1923»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.008

Дипломатическое взаимодействие Советской России и западных держав на Лозаннской конференции 1922–1923 гг.

Быстрова Нина Евгеньевна

доктор исторических наук, ученый секретарь, Институт российской истории Российской академии наук.
Россия, г. Москва. E-mail: iriran@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые важные аспекты дипломатической истории Лозаннской конференции 1922–1923 гг., на которой была предпринята попытка нормализовать отношения между Советской Россией и странами Запада, главной задачей которых по-прежнему остается геополитическое сдерживание России. Опираясь на архивный материал, прежде всего документы Архива внешней политики РФ, опубликованные сборники документов и не потерявшие своего научного значения труды предшественников, автор особое внимание уделяет попыткам советской дипломатии обеспечить безопасность страны в Черноморском регионе. Принятая в конечном счете в Лозанне, во враждебной для советских представителей обстановке, Конвенция о проливах Босфор и Дарданеллы оказалась направленной против советских интересов. Но от дальнейшего участия в конференции Россия не отказалась, не желая демонстрировать свою изолированность от международных форумов, отметив, однако, что путь развития отношений с западными странами за счет принципиальных экономических и политических уступок для нее неприемлем.

Ключевые слова: Лозаннская конференция, Г. В. Чичерин, Черноморские проливы, Советская Россия, дипломатическое признание, М. М. Литвинов, убийство В. В. Воровского, Конвенция о Проливах.

Международные отношения в наши дни переживают весьма сложный период трансформации, идет поиск нового баланса сил и интересов, принимающий все более ожесточенный характер. В повестке дня западных стран, как и сто лет назад – в 1923 г. – остается решение «русского вопроса», а их главной задачей – геополитическое сдерживание ключевого игрока на международной арене – России.

Актуальность темы обусловлена в том числе сегодняшними коллизиями отношений России со странами «коллективного Запада». Была ли возможность в 20-е гг. прошлого века реинтеграции России в «концерт держав»? Опираясь на архивный материал, опубликованные документы и труды предшественников, автор, отвечая на этот вопрос, особое внимание уделяет важным аспектам дипломатической истории Лозаннской конференции 1922–1923 гг., на которой была предпринята попытка нормализовать политические отношения между СССР и странами Запада, обеспечить безопасность страны в районе Черного моря, чтобы не превратить этот регион в плацдарм для нападения на Россию.

Внешнеполитическая изоляция и экономическая блокада Советской России вынуждала руководителей страны принимать меры к восстановлению не только экономических, но и политических связей с западными державами. Попытки были предприняты в Генуе и Гааге в 1922 г., однако политические мотивы там взяли верх над экономическими расчетами и привели к безрезультативности переговоров с Западом, предоставив между тем опыт обсуждения и решения основных общеевропейских проблем. Эти форумы стали рубежом между конфронтацией и сотрудничеством.

Взгляды России были обращены не только на Запад. Новый этап дипломатической борьбы с западными державами был связан с ситуацией вокруг Турции. Дипломатические противоречия, заметно омрачавшие отношения стран Антанты и Турции, большевистской Россией и бывших союзников Российской Империи по Сердечному Соглашению, побуждали к пересмотру Севрского мирного договора (10.08.1920). О своем желании принять участие в посвященной этой проблеме международной конференции заявили Великобритания, Франция и Италия.

Де-факто Севрский договор не вступал в силу ввиду того, что большинство государств его так и не ратифицировали. Великое национальное собрание Турции также отказалось его принять ввиду наличия в нем статей, ущемлявших суверенитет и нарушающих территориальную целостность страны. Правительство Турции под руководством М. Кемаля Ататюрка в 1923 г. заявило о непризнании договора: его кабальные статьи, фактически лишавшие страну независимости, были совершенно неприемлемы для новой турецкой власти. В стране в этот период наблюдался подъем национализма, заставить выполнить условия договора, уже не соответствующие действительному статусу Турции, не представлялось возможным.

Ситуация усугублялась тем, что на рубеже 1921–1922 гг. наметился перелом в Греко-турецкой войне, начавшейся еще в 1919 г. по инициативе Греции, претендовавшей на часть территории бывшей Османской империи. Греция считалась стратегическим партнером Великобритании в Средиземноморье, поэтому Лондон не желал ни при каких обстоятельствах утрачивать дипломатическую инициативу и стремился любой ценой сохранить свои позиции на Ближнем Востоке.

А для беспокойства имелись серьезные основания – в ходе наступления турецкие войска вышли на линию непосредственного соприкосновения с английскими и французскими частями, в тот момент дислоцированными на анатолийском берегу Дарданелл. Так в сентябре – октябре 1922 г. возник Чанакский кризис, имевший все шансы перерасти в полномасштабную войну Турции с Великобританией. Зона Черноморских проливов вновь стала источником повышенной тревожности в международных отношениях. Лондон не мог позволить себе новую войну на периферии международных отношений, даже в таком стратегически важном для себя регионе. Во время острой фазы кризиса кабинет Ллойд Джорджа ушел в отставку. Сменившее его правительство Э. Бонар Лоу поспешило склонить Грецию и Турцию к заключению перемирия. 11 октября 1922 г. оно было подписано в турецком местечке Муданья, только что освобожденном от греческой оккупации. Следующим шагом к урегулированию стал созыв международной конференции, призванной принять решения о режиме функционирования Черноморских проливов.

Местом проведения этого международного форума была выбрана Лозанна, где заинтересованным государствам предстояло обсудить «турецкий вопрос». Ключевую роль в подготовке конференции играл министр иностранных дел Великобритании лорд Д. Н. Керзон. Нейтральная Швейцария традиционно считалась привлекательным местом для проведения международных форумов. Но на этот раз выбор переговорной площадки определялся не только удобным географическим положением, но и тем, что этот город был удачной альтернативой Женеве, не приемлемой для советской делегации из-за того, что там размещалась штаб-квартира Лиги Наций, что создавало существенный дискомфорт для советской делегации, поскольку Российская Федерация членом этого международного органа не являлась. Член Исполкома Коминтерна К. Б. Радек не случайно называл Лигу Наций «псевдонимом английского адмиралтейства» [1]. Советские представители были приглашены для участия лишь в первой части Лозаннской конференции – по вопросу о Черноморских проливах. Причем первоначально участие делегации РСФСР вообще не предполагалось, и лишь решительные протесты со стороны советского правительства и турецкого руководства вынудили Лондон направить приглашение в Москву [15, с. 590, 621–623, 761].

В конце октября 1922 г., давая интервью корреспонденту британских газет *The Observer* и *The Manchester Guardian* Майклу Фарбману, В. И. Ленин предупреждал, что не следует относиться к согласию Российской Федерации отправиться в Лозанну для того, чтобы сесть за один стол переговоров с ведущими европейскими державами, как к вопросу престижа. На самом деле эту ответственную дипломатическую миссию следовало, по его словам, рассматривать реалистично, как шанс защитить собственные национальные интересы. Он также подчеркнул, что во включении советского правительства в процессы урегулирования межгосударственных отношений в Европе заинтересованы сами европейцы, поскольку любые попытки ущемить Советскую Россию приведут к ряду «весьма практических и непосредственных, в частности экономических неудобств», чреватых значительным ущербом в первую очередь для Франции и Англии [15, с. 637–638].

24 сентября 1922 г. правительства Англии, Франции, Италии, Югославии, Болгарии, Румынии, Греции и Египта получили ноту НКВД РСФСР. Выбор адресатов не был случайным. В документе говорилось о скорейшем урегулировании кризиса, который в первую очередь касался перечисленных государств, поскольку именно они больше других страдали от роста

международной напряженности в Восточном Средиземноморье. Источником конфликта были разногласия по поводу режима проливов Босфор и Дарданеллы. Подчеркивалось, что Российская Федерация и Турция больше других заинтересованы в свободе Проливов, поскольку именно они занимают самую протяженную часть черноморского побережья. Для обсуждения сложившегося положения дел и поиска взаимоприемлемых решений предлагалось созвать конференцию с участием всех упомянутых в ноте государств [15, с. 593–595]. Россия выражала готовность выслушать предложения других держав [15, с. 598].

Инициатива Москвы отклик не нашла. У европейских государств были собственные представления о том, как следует решать ближневосточный вопрос.

Тем не менее Политбюро ЦК еще в октябре 1922 г. сформировало специальную комиссию для изучения подготовки материалов для членов советской делегации. В ее состав вошли председатель Реввоенсовета республики, нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин и К. Б. Радек (в то время являвшийся членом Исполкома Коминтерна и ЦК ВКПб). В детальной проработке ключевой проблемы повестки предстоящего форума приняли участие лучшие специалисты в области международных отношений и международного права, а также действующие дипломаты и эксперты в области военной стратегии. В итоге была в общих чертах намечена переговорная платформа советской делегации по проблеме черноморских Проливов и правилам судоходства в Черном море, состоявшая из пяти принципов: неприкосновенность суверенитета Турции; свобода Проливов для торговых судов и самолетов без различий флага; закрытие прохода через Проливы и запрещение присутствия в Черном море иностранных военных судов и самолетов; право черноморских государств, РСФСР, Турция, Болгария, Румыния, устанавливать режим пользования проливами и водами Черного моря; отмена капитуляций и отказ от военных судов, обслуживавших иностранные миссии [2].

Лозаннская конференция проходила в два этапа: с 20 ноября 1922 – по 4 февраля 1923 г. и с 23 апреля по 24 июля 1923 г. Принципиальное значение имел лишь первый этап конференции. В повестке конференции приоритетное значение имели вопросы определения территориальных границ Турции, урегулирование проблемы принадлежности Мосула, обострившейся еще в начале 1920-х гг., практически сразу после открытия там месторождения нефти, и утверждение норм, регулирующих правила прохода военных кораблей и торговых судов через проливы, соединяющие Черное и Средиземное моря.

Действующим председателем конференции был избран представитель Англии лорд Керзон. В форуме приняли участие делегации девяти стран – Англии, Франции, Италии, Греции, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Турции, Японии (США в качестве наблюдателя). В дискуссии о Проливах участвовала объединенная российско-украинско-грузинская делегация, а также делегация Болгарии. Были образованы три комиссии: политическая (территориальные и военные вопросы); юридическая (положение иностранцев и национальных меньшинств) и экономическая (финансовые и экономические проблемы).

Советская делегация под руководством Г. В. Чичерина (в ее составе были член президиума ЦК партии Грузии П. Г. Мдивани и несколько технических работников) прибыла в Лозанну 1 декабря. На следующий день Г. Чичерин писал заместителю наркома иностранных дел М. Литвинову: «Я приехал в Лозанну только вчера... но у меня сложилось впечатление нашей полной изоляции не только в Лозанне, но и вообще. Ни англичане, ни французы не обнаружили до сих пор желанья разговаривать о чем бы то ни было. Новое английское правительство по отношению к нам глубоко враждебно... Керзон – полный хозяин конференции, французы идут смиренно в его хвосте; Муссолини совершенно потерял всякую самостоятельность... Турки ведут жалкую политику, как будто кого-то хотят надуть и, в конце концов, уступают и подчиняются» [3].

М. М. Литвинов в письме Чичерину в Лозанну 11 декабря 1922 г. отмечал, что вполне согласен с его соображениями относительно изоляции России. «Столкнуться с нынешним правительством Англии по вопросу о претензиях не удастся даже в том случае, – писал он, – если в Лондоне и Брюсселе не будет достигнуто полное соглашение между союзниками... Несмотря на Лозанну, мы от признания де-юре теперь дальше, чем были год тому назад» [4]. В письме от 14 декабря он спрашивал Чичерина о возможности попытки найти контакт с лордом Керзоном и выяснить его намерения в отношении России, хоть и считал всякие переговоры с Англией на тот момент совершенно бесплодными. Литвинов настаивал на необходимости вести в Лондоне агитацию за полное отделение вопроса о признании (Советской России) от част-

ных претензий [5]. В подтверждение своих слов, он писал Чичерину 18 декабря: Бонар Лоу заявил в парламенте, что без удовлетворительного решения вопроса о реституции национальной собственности или действительной компенсации, соглашение с Россией невозможно [6].

В связи с вопросом о возможном признании Советской России вызывает интерес данная М. Литвиновым в письме от 14 декабря 1922 г. оценка внешнеполитической программы премьер-министра Италии Бенито Муссолини. Литвинов считал эту программу совершенно беспринципной; за определенные компенсации Италия, по его мнению, была готова заключать союзы с кем угодно и против кого угодно. «Своими заявлениями Воровскому, Красину и журналистам о готовности расширения базы взаимоотношений с Россией Муссолини, очевидно, шантажировал Францию и Англию, чтобы получить отступного» [7], – писал Литвинов, выражая сомнение, что Франция или Англия дадут Муссолини ожидаемые им компенсации.

3 декабря 1922 г. объединенная делегация Советской России, Украины и Грузии направила председателю конференции ноту с согласием участвовать в работах Комиссии по Проливам, «чтобы не усугублять затруднений, которые неизбежно повлекло бы за собой отсутствие России на этой конференции» [16, с. 30–31].

Советское руководство было в целом единодушно в необходимости закрыть Босфор и Дарданеллы для прохода военных кораблей Антанты. В Великобритании существовали две точки зрения на эту проблему – «грекофильская» и «туркофильская». Наиболее достижимым компромиссом Керзону представлялась интернационализация проливов. Позиция Турции была колеблющейся: она не хотела лишаться советской поддержки, однако опасалась сохранения унизительных статей Севрского договора. В советском дипломатическом руководстве это хорошо знали. Так, 5 декабря 1922 г. Чичерин писал, что турки «хитрят во всех направлениях», но нельзя «резко рвать с правительством кемалистов. Они тоже не хотят с нами рвать и даже очень нас боятся» [8].

4 декабря 1922 г. председатель советской делегации Г. В. Чичерин выступил с речью на первом заседании комиссии, созданной для рассмотрения вопросов безопасности международного судоходства через проливы. В ней говорилось, что советская делегация будет стремиться осуществить два основных принципа: равноправие России и ее союзников с другими державами; и сохранение мира и безопасности территорий России и союзных с ней республик, а также свободы их экономических отношений с другими странами [16, с. 36]. Чичерин заявил, что Черноморские проливы должны быть открыты для торговых судов и закрыты для военных кораблей всех государств, кроме кемалистской Турции [9; 16, с. 35–38]. Советский проект, однако, не был поддержан.

6 декабря Керзон внес на рассмотрение конференции документ, представляющий консолидированную позицию союзников по вопросу о проливах Босфор и Дарданеллы. Права прохода по ним лишались только корабли государств, в данный момент воюющих с Турцией. Для всех остальных торговых судов и боевых кораблей, независимо от их государственной принадлежности и времени прохода, предусматривался свободный режим [18, л. 28–35, 36–46].

Неоднократные попытки Г. В. Чичерина в ходе дальнейших дискуссий внести поправки в британский документ и довести до сведения партнеров по переговорам озабоченность Российской Федерации в связи тем, что свободный проход военных кораблей представляет угрозу безопасности России, а частичными ограничительными мерами невозможно устранить это фундаментальное обстоятельство, не увенчались успехом. Между тем Керзон не стал игнорировать предложенную советским наркомом компромиссную формулировку, основанную на идее «условного» закрытия проливов [10], и предложил ему личную встречу. Она состоялась 17 декабря. После завершения разговора Чичерин передал в Москву, что Керзон не проявлял резкой враждебности, высказывал убеждение в стабильности большевистского режима. Но он подчеркнул, что правительство Его Величества обеспокоено в связи с очевидным ростом антибританских настроений в восточных владениях Империи, одной из главных причин которых он считал активизацию антибританской пропаганды со стороны местных просоветски настроенных организаций, находивших сочувствие и поддержку в лице советских полпредов. Глава советской делегации возражал, чем, похоже, все же вывел из себя уравновешенного британца, так как, согласно отчету Чичерина, тот закончил обмен мнениями скрытой угрозой, сказав, что если Россия не подпишет договор о проливах, он будет подписан без нее, хотя и будет иметь при этом меньшую силу.

Сравнивая международный форум в Лозанне с предыдущими международными конференциями в Генуе и Гааге, Чичерин заключил, что на этот раз советская делегация чувствовала

ла себя гораздо более одинокой, что можно было считать одним из свидетельств растущей изоляции Российской Федерации. «Теперь, – отметил нарком в телеграмме для советского руководства от 9 декабря, – весь вопрос в том, чтобы удержать турок от слишком далеко идущих уступок» [11].

В одном из писем Георгий Валентинович прямо указывал, что согласно его впечатлениям, наиболее концентрированный импульс враждебности исходит от Великобритании, и пока внешней политикой Лондона руководит лорд Керзон, рассчитывать на подписание существенных международных соглашений с этой страной не следует [16, с. 82–90].

18 декабря 1922 г. на рассмотрение конференции официально был внесен советский проект международной конвенции о проливах Босфор и Дарданеллы. Он предусматривал закрытие проливов для военных кораблей любых нечерноморских государств и разрешал проход торговых судов. Однако идея комбинированного режима участников конференции не привлекла, проект был без обсуждения отклонен. Аргументы Чичерина, говорившего о том, что настаивая на согласованном делегациями Запада английском варианте, делегаты навязывают Советской России замысел Лондона «сделать невозможной защиту проливов и Константинополя и поставить Россию под удары крупных флотов», никакого впечатления не произвели [16, с. 99–104].

14 декабря 1922 г. заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов писал Чичерину, что его вопрос о подписании соглашения в Лозанне обсуждался в Политбюро. «Нам кажется, – сообщал Максим Максимович, что, отказав дать свою подпись, мы ничего не достигнем ни в смысле демонстрации, ни в практическом отношении, а лишь подчеркнем нашу изолированность и дадим пищу для агитации на тему о невозможности соглашения с нами по каким бы то ни было международным вопросам и совершенной бесполезности нашего участия в международных актах. Мы имели в виду подпись на соглашении по всем вопросам, связанным с проливами, т. е. о международной контрольной комиссии об укреплении берегов, прохождения торговых судов и т. д., причем мы оговорим свое несогласие с теми отдельными пунктами, против которых мы возражаем, как например, о пропуске военных судов. Пусть с оговорками, заявлениями, особым мнением, – мы должны закрепить хотя бы для прецедента свое действительное участие в международном акте» [12]. Литвинов информировал, что не следовало ставить подпись в том случае, если соглашение примет характер Брестского договора.

В Лозанне глава советской делегации не смог сыграть на противоречиях между англичанами и французами, как вначале планировалось, и не смог добиться компромисса, фактически смирившись с дипломатическим поражением. Конвенция о проливах в конечном счете оказалась направленной против советских интересов, оставляя открытым доступ в Черное море для военных кораблей не только в мирное время, но и во время войны. И хотя Чичерин отверг проект итогового документа о режиме проливов и, не дожидаясь завершения, выехал из Лозанны 7 февраля 1923 г., этот жест нельзя оценивать как obstruction. Советская сторона была заинтересована в выходе из международной изоляции, поэтому делегация РСФСР, на этот раз уже во главе с В. Воровским вскоре вернулась в Швейцарию для того, чтобы принять участие во втором этапе этого важного международного форума.

К обострению общей международной ситуации в Европе в 1923 г. привел Рурский кризис. Франция и Бельгия ввели войска на территорию Рурской области Германии, пытаясь заставить ее выплачивать репарации, определенные по Версальскому договору в пользу стран Антанты. Единственным государством, вслед за Германией заявившим решительный протест в связи с оккупацией Рура, был Советский Союз.

Напряженность общеевропейской обстановки усиливали постоянные антисоветские акции западных стран. Так, 8 мая 1923 г. официальный британский представитель в Москве Ф. Ходжсон вручил М. М. Литвинову меморандум английского министра иностранных дел Э. Керзона с рядом ультимативных требований к советской стороне. Главными из них были прекращение советскими представителями и агентами Коминтерна открытой антибританской пропаганды в Персии, Афганистане, Индии и других странах [16, с. 297–302]. Между тем конфликт между Москвой и Лондоном, вызванный посланием Керзона, по дипломатическим каналам был вскоре урегулирован. Одновременно с «ультиматумом Керзона» тревожная новость пришла из Лозанны.

В ходе конференции вокруг принимавших в ней участие советских представителей сложилась вначале неблагоприятная, а затем и неприкрыто враждебная обстановка, что было следствием не только острых разногласий между ее участниками по обсуждаемым вопросам.

Не меньшую роль в этом сыграло резкое ухудшение весной 1923 г. отношений СССР с одним из главных организаторов конференции – Великобританией, а также откровенно недоброжелательное отношение к советским представителям властей Швейцарии, не стремившихся устанавливать официальные дипломатические отношения с Россией.

Советский представитель в Италии В. В. Воровский 27 апреля 1923 г. прибыл в Лозанну и столкнулся с большими трудностями – члены советской делегации были лишены дипломатических прав, дипкурьерам отказали в визе. Делегацию СССР пытались отстранить от дальнейшего участия в конференции под предлогом того, что вопрос о Проливах решен, а подписать Конвенцию Г. В. Чичерин отказался. Как отказ Москвы подписать конвенцию были восприняты слова главы советской делегации о проекте конвенции держав как угрозе безопасности России, Украины и Грузии, и о том, что без участия этих союзных стран не может быть решен вопрос о проливах [16, с. 178]. По сообщению Воровского, представители Советского государства находились в Лозанне в качестве наблюдателей. Швейцарские власти отказывались обеспечить советскому делегату и сопровождавшим его сотрудникам соблюдение элементарных дипломатических норм, в том числе права личной безопасности и дипломатической неприкосновенности. Это обернулось трагедией. 10 мая 1923 г. В. В. Воровский был убит белогвардейскими эмигрантами Б. Конради и А. Полуниным. После гибели Воровского контакты советской делегации с другими участниками конференции на уровне членов официальных делегаций были прекращены.

15 мая 1923 г. Г. В. Чичерин обратился к Сталину с просьбой обсудить в Политбюро вопрос о Лозаннской конференции, в частности, о подписании Конвенции о Проливах. По мнению наркома, имелись две возможности: «1) Или мы ждем до момента подписания договора, с которым связана проливная конвенция, и тогда заявляем, что по таким-то основаниям мы эту конвенцию отвергаем, не признаем, что нас удалили с конференции, что нас даже не спрашивали, согласны ли мы ее подписать, и что мы из этого сделали выводы; 2) или же мы теперь же заявляем, в связи с нынешними событиями, что мы уходим с Лозаннской конференции и опорочиваем всякий будущий заключенный на ней договор, – говорилось в сообщении. – Мы высказываемся за вторую возможность, т. е. за немедленное заявление о нашем уходе с Лозаннской конференции, так как мы не знаем, окончится ли она вообще подписанием договора, и если мы упустим нынешний момент для принципиального выступления, этот момент может не вернуться и наше отношение к конференции и к проливной конвенции останется неясным. Именно ввиду того, что нынешний момент создает обстановку для декларативного ухода с конференции, мы предлагаем сделать это выступление теперь» [13].

Советское правительство выбрало иной путь: 16 мая Швейцарии и приглашающим державам были направлены ноты протеста в связи с убийством В. Воровского, 29 июня были прекращены отношения с Швейцарией [16, с. 313–318].

24 июля 1923 г. на последнем заседании Лозаннской конференции представителями Великобритании, Франции, Италии, Японии, Греции, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, с одной стороны, и Турцией, с другой, был подписан заключительный акт и 17 документов, важнейшими из них стали Мирный договор и Конвенция о режиме Проливов [23, с. 143–189], в основе которой лежал проект Керзона, предусматривавший право свободного прохода через проливы военных кораблей любой страны как в мирное, так и в военное время.

Ни у Турции, ни у РСФСР не было оснований для того, чтобы считать итоги конференции удовлетворительными. Хотя договор, подписанный с западными державами, гарантировал международное признание и территориальное единство Турции в рамках ее этнографических границ, проблема Проливов была решена наименее желательным для нее способом. В Москве также принятая в Лозанне «Конвенция о Проливах» оценивалась как неприемлемая. Все предложения советской делегации по поводу режима Босфора и Дарданелл были отвергнуты. Несмотря на то, что 14 августа 1923 г. по поручению правительства РСФСР полпред в Риме И. О. Иорданский подписал этот документ, ратифицирован он не был, хотя и исполнялся в течение всего периода его действия [21, с. 354–390; 10, с. 139–262]¹.

¹ Принятая в 1936 г. в Монре́е новая «Конвенция» восстановила суверенитет Турции над Босфором и Дарданеллами. Турция обязалась соблюдать принципы международного морского права, но получила право на ремилитаризацию зоны проливов. В отношении военных кораблей устанавливался различный режим для флотов черноморских и нечерноморских государств.

Конференция в Лозанне в очередной раз (как это было уже в Генуе и Гааге) показала, что страны Западной Европы по-прежнему находятся в плену стереотипов собственной исторической памяти и воспринимают Советскую Россию как угрозу своим границам, ценностям и образу жизни. Возвращение России в «большую политику» они расценивали как удар по престижу и угрозу своим заокеанским владениям. Наличие у России собственных национальных устремлений, включая интересы безопасности, они предпочитали игнорировать. Между тем полученный участниками международных конференций 1922–1923 гг. опыт показал, что если Запад по-настоящему заинтересован в установлении длительного и справедливого мира, то ему придется договариваться с Москвой, потому что без этого не удастся прийти к сбалансированному состоянию Европы, основанному если и не на доверии, то хотя бы на возможности согласовывать спорные вопросы и поддерживать цивилизованный диалог.

Вспоминаются слова Ивана Александровича Ильина, который писал, что у России нет в мире искренних доброжелателей, а «русский народ может надеяться только на Бога и на себя... По существу, никто из иностранцев нисколько не прозрел, ни в чем не передумал, никак не изменил своего отношения к национальной России и не вылез из своего презрения и властолюбия. И те из нас, которые имеют возможность следить за мировым общественным мнением, с тревогой предвидят в будущем все то же движение по тем же рельсам, ведущим западных политиков в тупик прежних ошибок. ...Россия спасается только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою полную духовную независимость!» [22, с. 189].

Список литературы

1. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 3.
2. АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. Д. 37. Л. 10.
3. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 27, 28. Письмо Чичерина Литвинову 2 декабря 1922 г.
4. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 62. Письмо Литвинова Чичерину 11 декабря 1922 г.
5. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 72–74.
6. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 89.
7. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 74.
8. АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. Д. 6. Л. 343.
9. АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 14–16. Выступление Чичерина, 4 декабря 1922 г.
10. АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 3. Предложение советской делегации на Лозаннской конференции. 7 декабря 1922 г.
11. АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 332–335. Чичерин – Литвинову, 9 декабря 1922 г.
12. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 72, 73. Литвинов – Чичерину, 14 декабря 1922 г.
13. АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 10. Д. 59580. Л. 140. Чичерин – Сталину, 15 мая 1923 г.
14. Быстрова Н. Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М., 2020. 277 с.
15. Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961.
16. Документы внешней политики СССР. Т. 6. М., 1962.
17. История дипломатии. Т. 3. М., 1965. 832 с.
18. Кутовой Е. Г. Международные переговоры на перекрестках цивилизаций. М.; СПб., 2016. 512 с.
19. Международная политика РСФСР в 1922 г. М., 1923. 83 с.
20. Нежинский Л. Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. 323 с.
21. Нежинский Л. Н. Советская дипломатия и Лозаннская конференция (1922–1923 гг.) // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 353–390.
22. Российская политическая наука : в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. А. И. Соловьева. 1920–1950-е гг. М., 2008. 639 с.
23. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927. 303 с.
24. Советская внешняя политика. 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. 347 с.
25. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. 516 с.

Diplomatic cooperation between Soviet Russia and the Western Powers at the Lausanne Conference of 1922–1923

Bystrova Nina Evgenyevna

Doctor of Historical Sciences, academic secretary, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. E-mail: iriran@mail.ru

Abstract. The article examines some important aspects of the diplomatic history of the Lausanne Conference of 1922–1923, at which an attempt was made to normalize relations between Soviet Russia and Western countries, whose main task remains the geopolitical containment of Russia. Based on archival material, primarily documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, published collections of documents and the works of predecessors that have not lost their scientific significance, the author pays special attention to attempts by Soviet diplomacy to ensure the country's security in the Black Sea region. Ultimately adopted in Lausanne, in an environment hostile to Soviet representatives, the Convention on the Bosphorus and Dardanelles Straits turned out to be directed against Soviet interests. But Russia did not refuse further participation in the conference, not wanting to demonstrate its isolation from international forums, noting, however, that the path of developing relations with Western countries through fundamental economic and political concessions is unacceptable for it.

Keywords: Lausanne Conference, G. V. Chicherin, Black Sea Straits, Soviet Russia, diplomatic recognition, M. M. Litvinov, murder of V. V. Vorovsky, Straits Convention.

References

1. AFP RF (Archive of Foreign Policy of the Russian Federation). F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 3.
2. AFP RF. F. 0421. Inv. 1. File 37. Sh. 10.
3. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 27, 28. Chicherin's letter to Litvinov on December 2, 1922.
4. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 62. Litvinov's letter to Chicherin on December 11, 1922.
5. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 72–74.
6. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 89.
7. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 74.
8. AFP RF. F. 0421. Inv. 1. File 6. Sh. 343.
9. AFP RF. F. 421. Inv. 1. Item 2. File 22. Sh. 14–16. Chicherin's speech, December 4, 1922
10. AFP RF. F. 0421. Inv. 1. Item 2. File 24. Sh. 3. Proposal of the Soviet delegation at the Lausanne Conference. December 7, 1922
11. AFP RF. F. 0421. Inv. 1. Item 1. File 6. Sh. 332–335. Chicherin to Litvinov, December 9, 1922
12. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 72, 73. Litvinov – Chicherin, December 14, 1922
13. AFP RF. F. 028. Inv. 1. Item 10. File 59580. Sh. 140. Chicherin to Stalin. May 15, 1923
14. Bystrova N. E. *Sovetskaya Rossiya na konferencyah v Genue i Gaage 1922 g.: vzglyad iz Kremlya* [Soviet Russia at the conferences in Genoa and The Hague in 1922: a view from the Kremlin]. M. 2020. 277 p.
15. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR – Documents of the foreign policy of the USSR*. Vol. 5. M. 1961.
16. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR – Documents of the foreign policy of the USSR*. Vol. 6. M. 1962.
17. *Istoriya diplomatii – History of diplomacy*. Vol. 3. M. 1965. 832 p.
18. Kutovoj E. G. *Mezhdunarodnye peregovory na perekrestkah civilizacij* [International negotiations at the crossroads of civilizations]. M. ; St. Petersburg. 2016. 512 p.
19. *Mezhdunarodnaya politika RSFSR v 1922 g.* – International policy of the RSFSR in 1922. M. 1923. 83 p.
20. Nezhinskij L. N. *V interesah naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godah* [In the interests of the people or in spite of them? Soviet international politics in 1917–1933]. M. 2004. 323 p.
21. Nezhinskij L. N. *Sovetskaya diplomatiya i Lozannskaya konferenciya (1922–1923 gg.)* [Soviet diplomacy and the Lausanne Conference (1922–1923)] // *Rossiya i Chernomorskie prolivy (XVIII–XX stoletiya) – Russia and the Black Sea Straits (XVIII–XX centuries)*. M. 1999. Pp. 353–390.
22. *Rossijskaya politicheskaya nauka : v 5 t. T. 2 – Russian political science : in 5 vols. Vol. 2 / under the gen. ed. of A. I. Solovyov. 1920–1950-ies*. M. 2008. 639 p.
23. *Sevrskij mirnyj dogovor i akty, podpisannye v Lozanne – The Treaty of Sevres and the acts signed in Lausanne*. M. 1927. 303 p.
24. *Sovetskaya vneshnyaya politika. 1917–1945 gg. Poiski novyh podhodov – Soviet foreign policy. 1917–1945. The search for new approaches*. M. 1992. 347 p.
25. Chicherin G. V. *Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoj politiki* [Articles and speeches on international politics]. M. 1961. 516 p.

Проблемы межкультурного взаимодействия в посольстве К. Г. Мачехнина во Францию в 1654 г.

Манин Даниил Олегович

лаборант-исследователь лаборатории эдиционной археологии,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-0141-8009. ResearcherID: AFH-1918-2022.
E-mail: daniil-manin@mail.ru

Аннотация. В статье на основе сохранившихся комплексов русских и французских источников проанализированы проблемы взаимодействия с инокультурной средой посольства К. Г. Мачехнина, направленного во Францию в 1653–1654 гг. Посольство имело как внешнеполитическое, так и дипломатическое значение для восстановления позиций России в системе отношений между странами Европы, гонец должен был не только уведомить французского короля о событиях в Восточной Европе, но также и обосновать причины начинавшейся русско-польской войны. При этом в своих контактах гонец не остался ограничен миссией к королю, но также взаимодействовал с королевой-матерью, английской королевой в изгнании, французскими придворными, эмигрантами с Британских островов и торговавшими в России голландскими купцами. Целью статьи является анализ особенностей межкультурного взаимодействия в контексте новой дипломатической истории с особым вниманием к проблемам репрезентации власти, личности дипломатов и культурной стороне их миссии. Такой акцент придает исследованию актуальность, в связи с небольшим вниманием в историографии к этой миссии в контексте более классической истории международных отношений. В качестве материалов для исследования послужили французские придворные отчеты о церемониях, публикации в изданиях *La Gazette* и *La muze historique*, переписка французских придворных и статейные списки русских гонцов. Сделаны выводы о дипломатическом и внешнеполитическом значении миссии, о существовавших проблемах взаимодействия русской и французской дипломатической культуры в середине XVII в., влиянии личности гонца К. Г. Мачехнина на процесс складывания дипломатических отношений, а также об особенностях передачи известий о посольстве в сохранившихся источниках. Результаты исследования могут быть привлечены для исследований по дипломатической культуре XVII в., истории внешней политики и международных отношений.

Ключевые слова: история дипломатии, Английская революция, двор Людовика XIV, Тринадцатилетняя война, русско-французские отношения.

Одним из основных событий русской внешней политики XVII в. стала Тринадцатилетняя русско-польская война 1654–1667 гг. Она обусловила возвращение России к активному дипломатическому взаимодействию с европейскими странами [9, с. 237] и трансформацию русских дипломатических практик. Этот процесс коснулся и русско-французских отношений. Прямое взаимодействие между двумя странами было приостановлено после закрепления в Европе результатов Вестфальского мира, но в связи с возвращением России к противостоянию с Речью Посполитой должно было возродиться.

Миссия К. Г. Мачехнина в 1654 г. стала частью дипломатической подготовки к началу русско-польской войны. Эта подготовка широко отражена в современной отечественной историографии, в частности, в работах В. Л. Загоровского и Б. Н. Флори, подробно посвященных дипломатической подготовке конфликта [5; 15]. Отдельно миссия К. Г. Мачехнина привлекала меньшее исследовательское внимание, во французской историографии за ней закрепилось представление как о незначительной миссии, не способствовавшей завязыванию диалога между странами, в связи с чем основное внимание исследователей обычно уделялось миссии П. И. Потемкина во Францию 1668 г. [30, р. 324]. В советской историографии также существовало представление о незначительности этой миссии [см. 10, с. 4–17], что обуславливалось не только проблемами доступа к французским источникам, но и марксистским макроисторическим подходом в целом. Так Б. Ф. Поршнев, реконструируя систему межгосударственных отношений в 1650-х гг., писал: «Конечно, между Францией и Россией были кое-какие и прямые связи. Может быть, для чистоты эксперимента было бы лучше, если бы их не было вовсе, если бы французы и русские даже не слышали ничего друг о друге» [9, с. 320]. Наиболее подробно

посольство К. Г. Мачехнина было рассмотрено в монографии Ф. Гроненбаума в 1968 г., однако было сделано без использования русскоязычных архивных материалов [21]. В современной историографии дипломатии раннего Нового времени значение отдельных посольств было пересмотрено, особую ценность для работ историков получили сведения источников о дипломатической культуре и межкультурных взаимодействиях [17; 20; 23; 24; 31 и др.].

Развитие направления новой дипломатической истории актуализирует материалы, сохранившиеся от посольства К. Г. Мачехнина. Целью представленного исследования стал анализ особенностей взаимодействия посольства с инокультурной средой и введение в научный оборот сведений об истории этой дипломатической миссии.

Французский королевский двор к середине XVII в. был вовлечен в польскую политику в связи с женитьбой Яна II Казимира на принцессе Людовике-Марии Мантуйской. Ее брак имел существенное внешнеполитическое и дипломатическое значение, сближая польский и французский дворы, и привлекал внимание даже царя. Так, в Приказе тайных дел отложился перевод польского известия из Парижа о сватовстве польского короля [11]. Завязывавшийся конфликт между Речью Посполитой и Россией в 1650-х гг. был нежелателен для союзнически настроенного по отношению к Яну Казимира французского двора, именно поэтому парижское официальное периодическое издание *La Gazette* крайне негативно оценило роль русских слов в Варшаве, развязывавших конфликт [21, s. 11].

Возрождение русско-французских дипломатических связей могло стать важным фактором для внешней политики России. К началу 1650-х гг. уже существовал опыт прямых контактов XVI и начала XVII вв. между двумя государствами, однако во второй половине XVII в. он редко использовался для организации дипломатических связей между ними. Это было обусловлено рядом проблем, среди которых М.-К. Шоб выделяла слабое знакомство России с Францией, слишком формальные церемонии репрезентации царя в России и широко распространенное подозрительное, ксенофобское, отношение административных и политических элит России к иностранцам [31, p. 324]. Представляется, что похожие проблемы существовали и в отношениях французов к русским. Вероятно, к 1650-м гг. опыт предшествующих контактов между Россией и Францией использовался нерегулярно, об этом может свидетельствовать сообщение Г. Ф. Котошихина, что материал по ним к середине XVII в. сгорел [7, с. 40–41].

Посольства 1653–1654 гг. имели широкий внешнеполитический контекст для русского правительства [21, s. 9]. Несмотря на то, что царь и его окружение сознательно стремились к локализации конфликта [14, с. 10], достичь невмешательства в него других стран необходимо было поддержанием с ними дипломатических связей, а не изоляцией от Европы. Судьба Речи Посполитой касалась всей европейской дипломатической системы и в т. ч. Франции.

В советской историографии существовала точка зрения, что русские и французские политические деятели к началу 1650-х гг. уже «чувствовали» враждебность в отношениях между странами [10, с. 23]. Однако изучение русских дипломатических миссий 1653–1654 гг. Л. В. Заборовским показало, что хотя первые гонцы были отправлены в Швецию и Республику Соединенных провинций, а дипломаты во Францию, Швецию, Голландию и Данию были направлены позже, тем не менее это было сделано в связи с антигабсбургской ориентацией этих стран, именно они, как вероятно представлялось в окружении царя и в Посольском приказе, могли иметь более благожелательное отношение к русской внешней политике [5, с. 30–31]. В проектах грамот, направляемых во Францию и Голландию, содержалась просьба оказывать России всяческую поддержку и, напротив, не помогать ничем Речи Посполитой, но в окончательный текст она не вошла. Л. В. Заборовский считал, что отказ от этого положения был связан с дипломатической гибкостью, т. к. реально этим странам было бы сложно поддерживать Россию [5, с. 31]. Однако из Франции происходила поддержка Речи Посполитой, а в дальнейшем даже существовали планы прямой военной помощи [27, s. 44], предотвратить ее заранее могло быть принципиально важным. Вероятно, русская дипломатия рассчитывала на невмешательство Франции в русско-польский конфликт [5, с. 36], либо на то, что это вмешательство останется ограниченным.

Таким образом, главной целью посольства К. Г. Мачехнина во Францию в 1654 г. было проинформировать Людовика XIV о начале войны и объяснить ее причины. Аргументация причин в грамоте к французскому королю была выстроена вокруг умаления царского титула и прямого бесчестия по отношению к нему. В ней приводились примеры неправильного написания царского титула, его умаления, ошибок в имени царя, преувеличения титула польского короля за счет царских титулов, в т. ч. продолжение именованя Владислава IV обран-

ным великим князем Московским. Наконец в грамоте обращалось внимание, что многие оскорблявшие царя в печатных трудах поляки не понесли наказания [1, с. 198–201]. Наказания поданных за оскорбления иностранных князей были распространенной практикой в Западной Европе, показательным стал случай 1644 г., когда парижский публицист, оскорбивший в печати императора, был посажен в тюрьму [9, с. 68]. При этом это происходило до подписания комплекса Вестфальских соглашений, т. е. в период когда король Франции и император находились в состоянии войны, в отличие от отношений России и Речи Посполитой, сохранявших Поляновский мир 1634 г.

Гонца К. Г. Мачехнина с дьяком А. К. Богдановым отправили из Москвы 6 (16) декабря 1653 г. [10, с. 23; 12, л. 2], еще до официального вступления России в войну и Переяславской рады. Помимо гонца и дьяка в состав их свиты входили переводчик Роман Болдвиннов, толмач Юрий Михайлов и 8 слуг [19, fol. 172], что соответствовало стандартной свите для гонца в русской дипломатической практике [18, с. 57–58; 19, 173г.]. Путешествие гонцов осуществлялось сухопутным маршрутом, переводчик Р. Болдвиннов занимался организацией найма подвод, договаривался с местными властями о выдаче посольству продовольствия и предоставлении сопровождающих [12, л. 3 об.], иногда в переговорах также участвовал толмач Ю. Михайлов [12, л. 4 об. – 5]. Маршрут гонца был сухопутный и проходил через Прибалтику и Северогерманские земли [12, л. 3 об. – 6].

Однако когда посольству удалось добраться до Гааги, 27 апреля (6 мая) 1654 г., внутри посольской свиты произошел конфликт, в 4 часа ночи толмач Нечай Дрябин, как указано в статейном списке, «поколел ножом переводчика Романа Болдвинова, а за што у них стало, тово не ведомо, а писано об его, Романове, смерти к Москве с подьячим с Офонасьем Буколовым» [12, л. 22]. Смерть переводчика стала проблемой для посольства, потому что в небольшой посольской свите никто не мог полноценно восполнить его языковые компетенции. В отличие от более ранних и поздних практик [8, с. 222–231; 13, с. 118–122], гонец К. Г. Мачехнин не стал нанимать нового переводчика в Голландии, который бы мог способствовать работе с французской языковой средой. Вместо этого он встретился в Гааге с Матвеем Поливановым, русским гонцом, направленным в Республику Соединенных провинций, и попросил передать ему переводчика Ивана Вильнера. Новый переводчик был московским торговым иноземцем фламандского происхождения, поэтому мог переводить с русского на фламандский [2, с. 14; 29, р. 43], вероятно, что он также владел немецким языком, однако сведений о знании им латыни не сохранилось [3, с. 85]. Таким образом, проблема перевода на французский язык на этом этапе решена не была.

Еще более острой проблемой для гонца стал проезд во Францию: на морских путях, несмотря на завершение англо-голландской войны 1652–1654 гг., сохранялась опасность английских каперов¹, а в испанских Нидерландах шли активные боевые действия между армиями Франции и Испании [12, л. 26].

Неудачное стечение обстоятельств с морским маршрутом привели посольство к попытке совершить сухопутное путешествие. Для него голландские власти подготовили собственные письма для подтверждения статуса гонца [12, л. 37]. Посольству удалось успешно добраться до Антверпена и Брюсселя [12, л. 37 об. – 38], однако испанские власти не предоставили миссии продовольствия, подвод, не выделили сопровождающего и настаивали, что им необходимо дожидаться возвращения эрцгерцога Леопольда, либо его победы [12, л. 41 об.]. В это время эрцгерцог руководил длившейся уже несколько месяцев осадой Арраса. Гонцу пришлось вернуться в Гаагу 3 (13) августа, где голландские власти отказали ему в оплате проживания и снабжении продовольствием, а опасность отсутствия попутного ветра вынудила Г. К. Мачехнина рассчитывать на длительное ожидание [12, л. 43 – 45 об.]. Чтобы оплатить дальнейшее проживание, гонец связался в Амстердаме с торговавшими в Москве гостями Маркусом де Вогеларом и Томасом Сваном. Когда они прибыли в Гаагу, то Мачехнин оформил у них займ для государева дела и приложил грамоты о нем к статейному списку [12, л. 47 об. – 48].

О намерении русского гонца отправиться во Францию был уведомлен французский посол в Гааге П. Шаню, который проинформировал государственного секретаря иностранных дел Франции Л. де Бриенна о прибытии гонца в Гаагу [17, с. 247; 21, с. 9; 29, р. 43], после чего в Париже знали о готовящейся миссии. Власти Голландии все же выделили гонцу новый корабль, на который он сел 29 августа (8 сентября) 1654 года и 10 (20) октября прибыл во французский порт Гавр [12, л. 49; 21, с. 9], таким образом путешествие из Москвы до Франции

¹ Мирный договор был ратифицирован Генеральными штатами 22 апреля 1654 г. [см. 6, с. 151].

в общей сложности заняло 10 месяцев. Несмотря на известия, П. Шаню в Гавре не были готовы к приему гонца, и К. Г. Мачехнин послал переводчика И. Вильнера к губернатору, чтобы ему назначили пристава, выдали продовольствие (корм), а также предоставили подводы и сопровождающих до Парижа [12, л. 49 об.]. Губернатор не был уполномочен организовать прием русского гонца и даже после личной встречи с К. Г. Мачехниным просил его написать письмо к королю, чтобы получить официальный ответ на его просьбы [12, л. 50]. Губернатор также отметил, что во Франции нет общепринятой практики снабжения иностранных посольств за счет королевской казны, на что гонец ответил, что в прочих странах принято снабжать русских дипломатов средствами принимающей стороны. Несмотря на сохранявшееся недопонимание, губернатор пытался проявить вежливость (*honnête*) по отношению к дипломату и пригласил его к себе на обед, что было общепринятой нормой французской социальности (*sociabilité*), в т. ч. в отношении иностранных дипломатов [25, р. 265], на что гонец не мог согласиться из-за принятых в России норм дипломатического церемониала, согласно которым дипломатам не было позволено быть у кого-либо прежде иностранного монарха, к которому они были направлены [12, л. 4 об., 51–51 об.; 18, с 176–178].

Гонец не стал затягивать уже затянувшуюся миссию и вместо того, чтобы ждать ответ из Парижа, отправился в Руан за свой счет, наняв там провожатого самостоятельно [12, л. 51 об. – 52]. Обсуждение обеспечения миссии продолжилось, когда посольство остановилось 17 (27) октября в гостинице Королевская шпага (*Érêé Royale*) в Сен-Дени и откуда отправило переводчика и нанятого провожатого в Париж для дальнейших переговоров о приеме посольства [12, л. 52 об.; 19, fol. 172]. Переводчик И. Вильнер встретился с государственным секретарем иностранных дел Л. де Бриенном, после консультации с королевой-матерью и кардиналом Дж. Мазарини о переводе миссии на обеспечение из королевской казны суперинтендант финансов А. Сервьен выделил на посольство 2400 ливров из казны [21, s. 9; 29, р. 43]. Из них 100 ливров в день должно было идти на ежедневные траты послов, начиная с момента, как гонца посадили в королевскую карету [19, fol. 172].

24 октября (3 ноября) в Сен-Дени были присланы кареты для торжественного въезда в Париж, одной из основных дипломатических церемоний Франции [17, с. 76], вместе с каретами к гонцу прибыл посольский интродуктор Н. де Берлиз (*de Berlize*), основное лицо, занимавшееся организацией дипломатических церемоний в Париже [12, л. 53 об.; 17, с. 62]. Именно К. Г. Мачехнин, как считается в историографии, стал первым русским дипломатом, совершившим торжественный въезд в Париж [21, s. 9–10]. В конце церемонии их отвезли в посольский отель на улицу Дофина и кормили, как приказывал кардинал [19, fol. 172]. Необходимо отметить, что в статейном списке гонца церемониал торжественного въезда в Париж практически не был отражен, в отличие от статейных списков более поздних посольств, вероятно, что для К. Г. Мачехнина он представлялся менее значимым, чем церемонии с личным участием короля. В целом ни в русских, ни во французских источниках не зафиксированы дипломатические конфликты вокруг этой церемонии. Несмотря на то, что малочисленная свита гонца была не предназначена для полноценной репрезентации статуса царя, их торжественный въезд привлек внимание парижской публики: парижан удивляло богатство необычной одежды гонца и его слуг в зеленых кафтанах, их находили похожими на турок [21, s. 9–10; 29, р. 43]. От них русских в глазах французов отличали длинные волосы, дубленные мехом шляпы и длинные кафтаны, доходящие до лодыжек [19, fol. 172].

Несмотря на то, что посольство добралось до Парижа, попасть на королевскую аудиенцию было невозможно из-за временного отсутствия короля в городе, но уже на этом этапе к ним послали голландского банкира Жана Фрисса для перевода с фризского языка, которым владел их переводчик, на французский [2, с. 14; 12, с. 54; 29, р. 43]. Проблемы перевода их языка также притягивали к ним внимание парижской публики, так, в письме драматурга Ж. Расина к баснописцу Ж. де Лафонтену из южнофранцузского города Юзес от 11 ноября 1661 отмечалось, что без переводчика с окситанского он находится среди жителей Лангедока в таком же положении, как русский (*moscovite*) в Париже [21, s. 9; 28, р. 82]². История с поиском переводчика также вошла и в придворную стихотворную газету в *La muze historique* (письмо от 7 ноября 1654 года) [26, р. 564]³.

² Используемые в России языки привлекали внимание Ж. Расина и в других письмах [28, р. 177].

³ *La muze historique* была небольшой развлекательной газетой в стихах, издаваемая в Париже придворным поэтом герцогини М. де Лонгвиль Ж. Лоретом в 1650–1665 гг., отразившая основные культурные события Парижа [см. 22, pp. 289–290].

Изначально французская сторона планировала принять гонца за 5–6 дней, но из-за отсутствия короля и необходимости получить его аудиенции посольство затянулось [19, fol. 172], чтобы не задерживать гонца, ему предложили посетить королеву-регента и государственного секретаря иностранных дел Л. де Бриенна, подчеркивая их особое значение в связи с малолетством короля, а также у них запросили копию царской грамоты, чтобы проверить написание титулов и узнать цель приезда [12, л. 54 – 54 об.]. Тем не менее К. Г. Мачехнин отказался от этих встреч до официальной королевской аудиенции и настоял на том, что грамоту должен вручить лично в руки королю, в соответствии с церемониалом [12, л. 4 об. – 55 об.], т. е. отдать грамоту раньше аудиенции у монарха считалось серьезным недочетом в русской дипломатической традиции [18, с. 57, 134]. Аудиенция у короля была назначена на 30 октября (9 ноября) 1654 г., с учетом традиционного для русской дипломатии условия – отсутствия в этот день других иностранных дипломатов у короля [12, л. 56 об.]. Практика участия находившихся при дворе иностранных дипломатов в посольском церемониале была распространена во Франции [17, с. 76], но не была обязательной, это условие было соблюдено. Именно благодаря исключению прочих иностранных представителей, русские дипломаты могли избежать с ними дискуссий о статусе [23, р. 52], что значительно усложнило бы существовавший церемониал.

Несмотря на интерес к посольству, на королевской аудиенции присутствовали только брат короля Филипп Орлеанский, два прочих герцога и государственный секретарь иностранных дел Л. де Бриенн [12, л. 59]. В своем статейном списке К. Г. Мачехнин воздержался от пространного описания церемониала аудиенции, отметив лишь, что король, встречая их, встал, снял шляпу и стоя спрашивал про здоровье царя [12, л. 57 об.]. Иное описание было составлено при французском дворе, в записке де Берлиза. Им было отмечено, что король, спрашивая о здоровье царя, не встал, из-за чего толмач (*truchements*) выразил протест, сказав, что в России принято подниматься, говоря о царе, но король согласился лишь снять шляпу в знак уважения к царю [19, fol. 172r.]. Тем не менее эта норма не закрепилась во французском церемониале, а также, вероятно, не стала известна в России из-за отсутствия упоминания ее в отчетных документах посольства, что потребовало уточнения в ходе дальнейшего дипломатического взаимодействия.

После королевской аудиенции де Берлиз пригласил К. Г. Мачехнина к королеве-матери, объяснив это тем, что она рада прибытию царских дипломатов, которые уже давно не посещали Францию [12, л. 59]. Гонец и его свита глубоко поклонились королеве, как им показал де Берлиз, и высказали ей формальные комплименты [19, fol. 172r.]. Анна Австрийская сказала им, что много слышала про царя, и рада, что он прислал любительскую грамоту [12, л. 59 об. – 60], а при упоминании царского имени она встала [19, fol. 172r.]. Гонец сказал, что для нее у него царской грамоты нет⁴, что ограничивало его возможности для переговоров. Встреча с королевой-матерью имела важное значение для дипломатической системы рассматриваемого периода, потому что при польском дворе королева Людовика-Мария имела большое влияние и ее планы о наследовании польского престола касались взаимодействия с другими европейскими королевами, в особенности с Анной Австрийской.

На следующий день, 31 октября (10 ноября) гонец попросил о второй аудиенции у короля, чтобы передать ему книгу, перечисляющую причины, почему царь объявил войну полякам, принимающей стороне удалось его убедить вручить книги государственному секретарю иностранных дел Л. де Бриенну, а не лично в руки короля [19, fol. 173; 21, s. 10]. Встреча с государственным секретарем произошла 1 (11) ноября, гонца на нее также сопровождал посольский интродуктор де Берлиз, а Л. де Бриенн встретил их у палаты, а после аудиенции проводил до крыльца, что гонец зафиксировал в статейном списке [12, л. 60 об. – 62]. Государственный секретарь обещал отдать книги королю и передавал гонцу, что Людовик XIV рад его приезду, но считает, что с польским королем царь должен оставаться в мире. К. Г. Мачехнин, не будучи уполномоченным, не стал вступать в переговоры по этому вопросу и попросил лишь о назначении ему в ближайшее время отпускной аудиенции у короля, после того как тот ознакомится с книгами и будет подготовлена ответная грамота [12, л. 61 об.].

⁴ В европейской дипломатической практике существовала норма отправлять дипломатов от монарха к монарху и отдельно от супруги одного монарха к супруге другого, в отношении России она имела место быть в предложении гетмана великого литовского П. Сапеги, 27 декабря 1656 г. предложившего направить посланника от русской царицы к польской королеве Людовике-Марии, чтобы способствовать избранию царевича преемником польского короля, впрочем, к королеве все равно были направлены письма от царя [14, с. 181–182].

Аудиенции гонца у короля, королевы-матери и государственного секретаря иностранных дел вновь привлекли внимание французского придворного общества. Прием К. Г. Мачехнина отразился в письме от 14 ноября, опубликованном в уже упоминавшейся *La muze historique* Ж. Лоретом. Придворный поэт подчеркивал внимание публики к миссии гонца, но также обращал внимание на курьезность ее восприятия, что, в частности, длинного царского титула, который поэт иронично написал следующим образом: граф здесь, маркиз там, великий князь, великий король Черкессии, Великий император России, князь Колхидских островов, с которых происходит плод, зовущийся кокос, обладатель Кападокии, сороковой степени Шотландии, владетель Кавказа и Захары, султан, халиф и так далее⁵.

Вероятно, что в России такой титул сочли бы не меньшим оскорблением, чем сочинения польских авторов, ставшими формальным поводом для русско-польской войны 1654–1667 гг. Сознательное искажение титулов имело место и в Москве, в частности, оно встречается в переводе иностранных памфлетов о турецком султанине [16, с. 149–152]. Однако искажение титула султана, не претендовавшего на то, чтобы быть частью христианского мира и европейского сообщества князей, не могло становиться угрозой для дипломатической практики, в отличие от исключения из нее царя.

С другой стороны, личность гонца не рассматривается с курьезной стороны, его называют «достойным иностранцем» (*étranger de mérite*), а возможность королю Франции стать арбитром в русско-польском конфликте оценивается как достойная его статуса. К тому же благодаря этому сообщению из придворных кругов можно сделать вывод, что идея о посредничестве французского короля возникла после полученных гонцом аудиенций и уже стала известна среди придворных, прежде чем предложение о посредничестве было официально зафиксировано в ответной королевской грамоте [5, с. 60].

Пока К. Г. Мачехнин и его свита ожидали в посольском отеле список с королевской грамоты, их посещали еще несколько человек, что было зафиксировано в статейном списке. Первыми из них были французские придворные вместе с переводчиком И. Фриссом. Из сохранившихся документов сложно определить цель их визита, но гонец воспользовался этой ситуацией, чтобы уточнить детали внешнеполитической обстановки. Он интересовался франко-испанской войной 1635–1659 гг., с которой лично столкнулся при попытке путешествия через Нидерланды. Ему попытались объяснить династические связи между королями Франции и Испании и причины войны, объявили о победе французов при Аррасе, осада которого не давала гонцу добраться до Парижа по суше, а также о том, что люди французского короля уже стоят в 6-и милях от Брюсселя [12, л. 64]. Более подробно К. Г. Мачехнину рассказали и о переходе французского принца Конде на сторону испанцев, о котором гонец помнил и интересовался со времен своего путешествия [12, л. 41 об.].

После французов посольский отель посетили двое шотландцев, служивших королю Шотландии и Ирландии Карлу II. Их визит был обусловлен тем, что дядя одного из них, Иван Бутлер, находился на царской службе. Они рассказали о своем участии в интервенции против О. Кромвеля, а также попросились на царскую службу, несмотря на то, что после казни Карла I из России, как они слышали, изгнали англичан [12, л. 65].

Уже после официального отпуска у французского короля к К. Г. Мачехнину приехал граф Жерми напрямую от английской королевы в изгнании [12, л. 69]. Со времен Английской революции царское правительство не только формально поощряло планы английских роялистов, но и материально поддерживало будущего английского короля Карла II [15, с. 207]. Английская королева Генриетта-Мария в Париже также старалась всячески способствовать объединению международных сил для поддержки интервенции против Английской республики [9, с. 142]. Прибывший от нее к русскому гонцу Жерми сообщил, что наследник престола Карл

⁵ Comte d'icy, marquis de-là,
Grand duc, grand roy de Circassie,
Grand Empereur de la Russie,
Prince de l'isle de Colcos,
D'où vient le fruit nommé cocos,
Potentat de la Capadoce,
A quarante degrez d'Ecosse,
Chef du Caucaze et Zahara,
Soldan, Caliphe, et cetera [26, p. 565].

признан королем Шотландии и Ирландии, но разбит англичанами, уехал в Германию, из-за акта устранения [6, с. 152], принятого в Республике Соединенных провинций, а королева с младшими братьями Карла II живет в Париже и надеется на царскую милость [12, л. 69 об. – 70]. Таким образом, это был уже второй визит подданных короля Карла к гонцу, и он отражал не только особую значимость отношений между русским и английским двором, которая сохранялась даже после Английской революции, но и определенное признание статуса царя в системе международных отношений, вынужденной реагировать на последствия гражданской войны в Англии.

Вокруг отпуска гонца возник дипломатический конфликт, т. к. согласно русским традициям, К. Г. Мачехнин должен был получить ответную грамоту лично из рук короля на отпускной аудиенции, но вместо этого принимающая сторона стремилась его убедить принять ответную грамоту у государственного секретаря иностранных дел. С этой целью посольский интродуктор де Берлиз ездил к нему каждый день с 11 (21) по 15 (25) ноября, но К. Г. Мачехнин стоял на своем [12, л. 67 об.]. В статейном списке он указал, что аргументировал это тем, что раз отдал королю царскую грамоту лично в руки, то и ответную должен взять из его рук [12, л. 67]. В записке де Берлиза указано, что гонец также сказал, что если возьмет письмо у Л. де Бриенна, то ему отрубят в Москве голову [19, fol. 173; 21, s. 10]. Король пошел на уступки, на 17-е (27) ноября была назначена официальная отпускная аудиенция. Помимо короля на аудиенции присутствовала королева-мать, Филипп Орлеанский и государственный секретарь иностранных дел Л. де Бриенн, державший грамоту для царя. Король встал и сказал, что рад быть с царем в вечной дружбе, сняв шляпу, передал грамоту Мачехнину, который отдал ее дьяку А. Богданову и поклонился королю [12, л. 68]. Ранее список с грамоты был проверен И. Вильнером, дискуссий вокруг царского титула не возникло⁶. На этом завершилась официальная миссия гонца к французскому королю.

Советский историк В. П. Преображенский считал, что прием К. Г. Мачехнина у малолетнего Людовика XIV и Анны Австрийской был крайне «сухим» [10, с. 24]. Однако важно привлечь внимание, во-первых, к статусу дипломата, являвшемуся гонцом (аналогично французскому *courtier*), которым во французской традиции обычно не предоставлялось право аудиенции у монарха, в отношении К. Г. Мачехнина это было уступкой с французской стороны [18, с. 51; 23, р. 105]. Во-вторых, целью посольства не было ведение переговоров и получение соответствующих аудиенций, а исключительно вручение царской грамоты в ходе церемонии официального приема дипломатов у монарха, вручение книг, подтверждающих правомерность обвинений в адрес польского короля и получение ответной королевской грамоты. Именно направленная с гонцом грамота имела первостепенное значение в этой миссии. Так, Ф. Гроненбаум подчеркивал, что письмо, отправленное с Мачехниным, было самым длинным среди посланных к французскому монарху до времен Петра I [21, s. 9]. Он также отмечал, что несмотря на то, что К. Г. Мачехнин был всего лишь гонцом, ему дали 3 аудиенции, что было не принято для западноевропейских гонцов, сближая его со статусом посланника. Исследователь связывал это с тем, что дипломатический протокол русско-французских отношений только зарождался в XVII в. и окончательно был установлен уже при позднем Старом порядке [21, s. 11]. Однако нам представляется, что в дипломатическом протоколе XVII в. существовала определенная логика, действительно часто статус русских посольств во Франции фактически становился более высоким, к тому же на посещениях лично короля настаивали сами русские дипломаты, король в большинстве случаев шел им навстречу. О том, что во Франции имели представление о системе дипломатических рангов России, показывает записка посольского интродуктора де Берлиза, посвященная посольству Мачехнина. Описывая эту систему, посольский интродуктор сообщал, что к иностранным принцам они отправляют 3 вида людей: послов (*ambassadeurs*), посланников (*envoyé*) или малых послов (*ambassadeurs*) и гонцов (*courriers*), их послы приезжают со свитой из 300 людей, посланники – с 30-ю или 40, а гонцы – с 10 или 12, а по возвращении им дают наместничества (*gouvernements*) в зависимости от сделанных ими расходов [19, fol. 173r.]. Таким образом, представляется, что повышение статуса К. Г. Мачехнина французской стороной было осознанным, аналогичные случаи известны из русской дипломатической практики [18, с. 139].

Тем не менее между деятельностью русского гонца и французскими представлениями о дипломатах существовал ряд противоречий. Например, сопровождающие также предлагали

⁶ Копия содержала только титулатуру, содержание грамоты для царя гонцу не раскрывали [12, л. 66 об. – 67].

посольству более тесное взаимодействие с парижским окружением, в т. ч. посмотреть Лувр и другие красивые места, но гонец отказывался [19, fol. 173; 21, s. 10; 29, p. 44]. Это отсутствие любопытства (*curiosité*) в отношении парижского окружения, одной из характерных черт французской светской жизни XVII в., отмечалось французами и создавало пропасть, затруднявшую более тесное межкультурное взаимодействие, т. к. именно этикет, частью которого во Франции было любопытство, создавал в дипломатии возможность общения между лицами разного происхождения и рангов [18, с. 176]. В дополнение к этому французами подчеркивалось, что К. Г. Мачехнин не мог сказать, ни к какому дому относится супруга великого князя, ни его мать, что он даже практически не умел писать. К этому добавлялось и представление о его невысокой компетенции в области дипломатии, в частности, де Берлиз подчеркивал, что гонец был настолько плохо осведомлен в иностранных делах, что не знал предков никого из князей, даже самых близких их соседей [19, fol. 173r.]. В историографии существует точка зрения, что гонец был плохо информирован, так как одна была из первых миссий во Францию [23, p. 58], но вполне возможно, что гонец в принципе не имел должных компетенций, потому что не должен был выполнять задач сверх данного ему наказа. Отсутствие интереса к светской культуре было характерно не только для французского посольства, аналогичной замкнутостью отличалось и посольство в Вену, лишь отправленный в Венецию И. Чемоданов глубоко познакомился с театрами этого итальянского города, однако необходимо отметить, что он был посланником и его миссия имела более высокий статус [24, p. 58].

Несмотря на то, что потребление пищи гонцом и его свитой представлялось французам более культурным, в сравнении с поляками и турками, их отказ от табака и пристрастие к бренди (*eau-de-vie*), которое гонец, дьяк и переводчик потребляли, согласно сообщению де Берлиза, до 8 пинт в день создавали в целом негативное впечатление [19, fol. 173r.]. Особенно посольскому интродуктору запомнился случай, когда швейцарцам, охранявшим покои гонца, пришлось вмешаться в драку между ним и дьяком. Причем, согласно его известию, после того как ссора была улажена, швейцарцы остались пить с ними до раннего утра [21, s. 10; 29, p. 44]. Тем не менее этот случай не стал серьезным дипломатическим инцидентом и не попал во французскую прессу, несмотря на его курьезность, вероятно, из-за необходимости поддерживать престиж прибывшего к королю посольства.

Из-за ограниченных целей миссии и редкости русско-французских контактов в предшествующий период в миссии не были предусмотрены дары к королю. Тем не менее 18 (28) ноября 1654 г. гонцу привезли королевские подарки: К. Г. Мачехнину вручили золотую цепь за 1000 экю, другую золотую цепь за 100 экю вручили дьяку, ордонанс на 200 ливров – переводчику И. Фриссу и 100 экю – переводчику И. Вильнеру [12, л. 69 об. – 70; 19, fol. 173r.; 29, p. 44]. При этом размер цепи для гонца пришлось уменьшить на одно звено, стоимостью 600 ливров, из-за нехватки денег, которые выделили на прием посольства [21, s. 11]. Тем не менее главным в этих дарах были репрезентативные функции, как писал Ж. Лорет в издании *La muze historique*: не это драгоценное золото, блеск которого завораживает глаза, следует наиболее ценить, но этот королевский образ, чарующее величие которого вдыхает счастье в душу каждого человека, особенно если сам король его дарит⁷. Вероятно, что в связи с тем, что подарки в дипломатических практиках европейских государств, в т. ч. и России, подразумевали ответные дары [15, с. 204], можно предположить, что этот жест говорил о намерениях французского двора продолжать контакты с Россией, со стороны которой теперь подразумевался ответный дар.

Отпуск гонца был назначен на 19 (29) ноября, ему выделили сумму, эквивалентную 100 рублям на найм корабля, а сопроводить его до границ должен был толмач И. Фрисс, который, впрочем, смог довести миссию только до Руана из-за недостатка средств. До Гавра дипломаты добрались за свой счет и наняли в нем корабль до Амстердама [12, л. 70 об. – 71].

⁷ Ce n'est pas cét or précieux
Dont l'éclat enchante les yeux,
Qu'on doit estimer davantage,
Mais c'est cette royale image,
Dont la charmante majesté
Inspire la félicité
Dans l'ame de toute personne,
Sur tout quand c'est luy qui la donne [26, p. 571].

Посольство К. Г. Мачехнина вернулось последним из посольств 1653–1654 гг. в европейские страны. С собой гонец привез королевскую грамоту, содержащую предложение заключения мира между Россией и Речью Посполитой и предложение французского посредничества [5, с. 33–34]. Тем не менее при русском дворе вряд ли рассматривалась необходимость французского посредничества и в целом заключения мира с Речью Посполитой в связи с военными успехами в 1654–1655 гг. В целом среди стран, в которые были направлены посольства в 1653–1654 гг., только Франция выступила за прекращение конфликта, при этом не приняв активные шаги к нему [14, с. 11]. Русской дипломатии не удалось локализовать русско-польский конфликт и изолировать от него Францию, некоторые французские дворяне приняли в нем участие.

Возвращаясь к обстоятельствам посольства, необходимо отметить, что К. Г. Мачехнин не приобщился к французской культуре и его посольство вряд ли можно рассматривать как значимое для культурного трансфера между Россией и Западной Европой, в чем намного более выигрышным выглядело посольство И. Чемоданова в Венецию [24, р. 58]. Тем не менее оно сохраняло важность для дипломатической истории, стало частью процесса повторного включения России в европейскую дипломатическую систему.

Немецкий исследователь Ф. Гроненбаум считал, что прибывший гонец попал в самоуверенное, замкнутое придворное общество, в котором он и его свита вызывали недовольство, особенно своим иностранным, высокомерным поведением [21, s. 10]. Однако несмотря на сомнительное поведение гонца, зафиксированное в источниках о его приеме, показательным, что они не были включены в печатные издания, хотя и были достаточно курьезными, чтобы привлечь внимание читателей. Это способствовало сохранению высокого статуса прибывшего гонца, а данные дипломату аудиенции, выделенное его миссии содержание и выданные по французской инициативе дары, демонстрируют значение, которое королевский двор уделял контактам с Россией.

Миссия во Францию стала важной частью служилой карьеры К. Г. Мачехнина, вскоре после своего возвращения в 1656/1657 г. он был пожалован в стряпчие [4, с. 96]. Во время миссии он не участвовал в дискуссиях о написании царского титула, избегал большинства церемониальных конфликтов и не стремился изучить парижскую жизнь и достопримечательности, однако справился с основной задачей – передачей царской грамоты, назначением аудиенций лично у короля и получением от него ответной грамоты. Сопоставление датировок его статейного списка с французскими источниками показывает, что, вероятнее всего, он зафиксировал все значимые, с его точки зрения, события и их даты, и сведения о них получили в Посольском приказе. Таким образом, его миссия стала значимым шагом для возрождения русско-французских контактов и привела к дальнейшему развитию отношений между двумя странами.

Список литературы

1. «Брату нашему Лудвигу...»: переписка русских царей с королями Франции в конце XVI – начале XVIII в. (2021) / под. ред. С. М. Каштанова. М.; Берлин : Директмедиа Паблишинг. 272 с.
2. *Безобразов П. В.* О сношениях России с Францией. М. : Университетская типография. 468 с.
3. *Беляков А. В., Гуськов А. Г.* Переводчики Посольского приказа в XVII в. : мат-лы к словарю / Д. В. Лисейцев, С. М. Шагин. М. : Индрик, 2021. 304 с.
4. Боярская книга 1658 года. М. : Ин-т российской истории РАН, 2004. 333 с.
5. *Заборовский Л. В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М. : Наука, 1981. 179 с.
6. *Израэль Д. И.* Голландская республика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806. Т. II. 1651–1702. М. : Клио, 2018. 618 с.
7. *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. : Изд. археографической комиссии, 1884. 260 с.
8. *Манин Д. О.* Стратегии и практики взаимодействия П. И. Потемкина с переводчиками в посольствах во Францию в 1667–1668 и 1680–1681 гг. // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия : мат-лы междунар. науч. конф. Вып. 3. М., 2023. С. 222–231.
9. *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М. : Наука, 1970. 385 с.
10. *Преображенский В. Д.* Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. 2 // Ярославский пед. ин-т. Уч. зап. Вып. 9. 1947. С. 4–17.
11. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 27. Оп. 1. Д. 71.
12. РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 4.

13. Рыбина Е. А. Три внештатных переводчика Посольского приказа и одна подпись на французской грамоте // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия : мат-лы междунар. науч. конф. М., 2019. С. 118–122.
14. Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.). М. : Индрик, 2010. 656 с.
15. Хеннингс Я. Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в. // На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2016. С. 201–225.
16. Шамин С. М. Иностранные памфлеты и курьезы в России XVI – начала XVIII столетия. М. : Весь Мир, 2020. 392 с.
17. Шукло М. И. Дипломатический церемониал как способ репрезентации королевской власти во Франции второй половины XVII – начала XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 2016. 277 с.
18. Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 344 с.
19. Archives Nationales de France (AN). Mar. B7 204.
20. Bély L. La société des princes. Paris : Fayard, 1999. 651 p.
21. Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russ. Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH, 1968. 234 s.
22. Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. I. Paris : Poulet-Malassis et de Broise, 1859. 483 p.
23. Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge : Cambridge University Press. 297 p.
24. Jensen C. R., Maier I. Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century / S. Shamin, D. C. Waugh. Bloomington : Indiana University Press, 2021. 295 p.
25. Lilti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris : Fayard, 2005. 568 p.
26. Loret J. La muze historique. T. I. Paris : Chez P. Jannet. 582 p.
27. Nagielski M. Druga wojna domowa w Polsce: Z dziejaow polityczno-wojskowych Rzeczypospolitej u schyku rznadaow Jana Kazimierza Wazy. Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2011. 375 s.
28. Oeuvres completes de Jean Racine. T. VII. Paris : Normant, 1808. 633 p.
29. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la revolution française. T. VIII. Paris : Ancienne librairie G. Baillié et cie F. Alcan. 500 p.
30. Seydoux M. Les ambassades russes à la cour de Louis XIV // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1968. Vol. 9. № 2. Pp. 235–244.
31. Shaub M.-K. Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle). Paris, 2009. Pp. 323–336.

Problems of intercultural interaction at the Embassy of K. G. Machechnin to France in 1654

Manin Daniil Olegovich

research assistant at the Laboratory of Alternative Archaeography,
Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-0141-8009.
ResearcherID: AFH-1918-2022. E-mail: daniil-manin@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problems of interaction with the foreign cultural environment of the embassy of K. G. Machechnin, sent to France in 1653–1654, on the basis of the preserved complexes of Russian and French sources. The embassy had both foreign policy and diplomatic significance for restoring Russia's position in the system of relations between European countries, the messenger had not only to notify the French king about events in Eastern Europe, but also to substantiate the reasons for the outbreak of the Russian-Polish war. At the same time, in his contacts, the messenger did not remain limited to a mission to the king, but also interacted with the Queen Mother, the English Queen in exile, French courtiers, emigrants from the British Isles and Dutch merchants who traded in Russia. The purpose of the article is to analyze the features of intercultural interaction in the context of a new diplomatic history, with special attention to the problems of representation of power, the personality of diplomats and the cultural side of their mission. This emphasis gives the study relevance, due to the little attention in historiography to this mission in the context of a more classical history of international relations. The materials for the study were French court reports on ceremonies, publications in La Gazette and La muze historique, correspondence of French courtiers and article lists of Russian messengers. Conclusions are drawn about the diplomatic and foreign policy significance of the mission, about the existing problems of interaction between Russian and French diplomatic culture in the middle of the XVII century, the influence of the personality of the messenger K. G. Stepmother's view of the process of establishing diplomatic

relations, as well as the specifics of transmitting news about the embassy in preserved sources. The results of the study can be used for research on the diplomatic culture of the XVII century, the history of foreign policy and international relations.

Keywords: history of diplomacy, the English Revolution, the court of Louis XIV, the Thirteen Years' War, Russian-French relations.

References

1. "Bratu nashemu Ludvigu...": perepiska russkih carej s korolyami Francii v konce XVI – nachale XVIII v. (2021) – "To our brother Ludwig...": correspondence of the Russian tsars with the kings of France at the end of the XVI – beginning of the XVIII century (2021) / ed. by S. M. Kashtanov. M. ; Berlin. Directmedia Publishing. 272 p.
2. Bezobrazov P. V. *O snosheniyah Rossii s Franciej* [On relations between Russia and France]. M. University Printing House. 468 p.
3. Belyakov A. V., Gus'kov A. G. *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v. : mat-ly k slovaryu* [Translators of the Embassy order in the XVII century : materials for the dictionary] / D. V. Liseitsev, S. M. Shamin. M. Indrik. 2021. 304 p.
4. *Boyarskaya kniga 1658 goda* – Boyar book of 1658. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2004. 333 p.
5. Zaborovskij L. V. *Rossiya, Rech' Pospolitaya i Shveciya v seredine XVII v.: iz istorii mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Evrope* [Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden in the middle of the XVII century: from the history of international relations in Eastern and Southeastern Europe]. M. Nauka (Science). 1981. 179 p.
6. Izrael' D. I. *Gollandskaya respublika. Ee pod'em, velichie i padenie. 1477–1806. T. II. 1651–1702* [The Dutch Republic. Its rise, greatness and fall. 1477–1806. Vol. II. 1651–1702]. M. Clio. 2018. 618 p.
7. Kotoshihin G. *O Rossii v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha* [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. SPb. Publishing House of the Archeographic Commission. 1884. 260 p.
8. Manin D. O. *Strategii i praktiki vzaimodejstviya P. I. Potemkina s perevodchikami v posol'stvah vo Francii v 1667–1668 i 1680–1681 gg.* [Strategies and practices of P. I. Potemkin's interaction with translators at embassies to France in 1667–1668 and 1680–1681] // *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya : mat-ly mezhdunar. nauch. konf. Vyp. 3* – Translators and translations in Russia before the beginning of the XVIII century : materials of the international scientific conference. Is. 3. M. 2023. Pp. 222–231.
9. Porshnev B. F. *Franciya, Anglijskaya revolyuciya i evropejskaya politika v seredine XVII v.* [France, the English Revolution and European politics in the middle of the XVII century]. M. Nauka (Science). 1970. 385 p.
10. *Preobrazhenskij V. D. Franko-russkie otnosheniya v XVI–XVII vv. Ch. 2* [Franco-Russian relations in the XVI–XVII centuries. Part 2] // *Yaroslavskij ped. in-t. Uch. zap. Vyp. 9* – Yaroslavl Pedagogical Institute. Scient. notes. Is. 9. 1947. Pp. 4–17.
11. RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 27. Inv. 1. File 71.
12. RSAAA. F. 93. Inv. 1. Book 4.
13. Rybina E. A. *Tri vneshtatnyh perevodchika Posol'skogo prikaza i odna podpis' na francuzskoj gramote* [Three freelance translators of the Embassy order and one signature on the French letter] // *Perevodchiki i perevody v Rossii konca XVI – nachala XVIII stoletiya : mat-ly mezhdunar. nauch. konf.* – Translators and translations in Russia of the late XVI – early XVIII century : materials of the International scientific conference M. 2019. Pp. 118–122.
14. Florya B. N. *Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1665–1661 gg.)* [The Russian state and its Western neighbors (1665–1661)]. M. Indrik. 2010. 656 p.
15. Hennings Ya. *Neudachnyj podarok: kul'turnyj shok ili politicheskaya kul'tura? O funkcii i znachenii diplomaticheskogo dara v anglo-russkih otnosheniyah XVII v.* [A bad gift: cultural shock or political culture? On the function and meaning of the diplomatic gift in Anglo-Russian relations of the XVII century] // *Na yazyke darov: pravila simvolicheskoy kommunikacii v Evrope* – In the language of gifts: rules of symbolic communication in Europe. 1000–1700. M. Political Encyclopedia. 2016. Pp. 201–225.
16. Shamin S. M. *Inostrannye pamflety i kur'езy v Rossii XVI – nachala XVIII stoletiya* [Foreign pamphlets and curiosities in Russia of the XVI – early XVIII century]. M. Ves' mir (The whole world). 2020. 392 p.
17. Shikulo M. I. *Diplomaticheskij ceremonial kak sposob reprezentacii korolevskej vlasti vo Francii vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII v. : dis. ... kand. ist. nauk* [Diplomatic ceremonial as a way of representing royal power in France in the second half of the XVII – beginning of the XVIII century : dis. ... PhD in Historical Sciences. M. Moscow State University. 2016. 277 p.
18. *Yuzefovich L. Put' posla. Russkij posol'skij obyčaj. Obihod. Etiket. Ceremonial* [The way of the ambassador. Russian embassy custom. Everyday life. Etiquette. Ceremonial]. SPb. Ivan Limbach Publishing House. 2007. 344 p.
19. Archives Nationales de France (AN). Mar. B7 204.
20. Bély L. *La société des princes*. Paris. Fayard. 1999. 651 p.
21. Grönebaum F. *Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russ. Beziehungen von 1648–1689*. Wiesbaden : Franz Steiner Verlag GMBH, 1968. 234 p.

22. *Hatin E.* Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. I. Paris : Poulet-Malassis et de Broise. 1859. 483 p.
23. *Hennings J.* Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge : Cambridge University Press. 297 p.
24. *Jensen C. R., Maier I.* Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century / S. Shamin, D. C. Waugh. Bloomington : Indiana University Press. 2021. 295 p.
25. *Lilti A.* Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris. Fayard. 2005. 568 p.
26. *Loret J.* La muze historique. Vol. I. Paris. Chez P. Jannet. 582 p.
27. *Nagielski M.* Druga wojna domowa w Polsce: Z dziejow polityczno-wojskowych Rzeczypospolitej u schyłku rządu Jana Kazimierza Wazy. Warszawa : Wydawnictwo Neriton. 2011. 375 p.
28. Oeuvres completes de Jean Racine. Vol. VII. Paris. Normant. 1808. 633 p.
29. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu' à la révolution française. Vol. VIII. Paris : Ancienne librairie G. Baillié et cie F. Alcan. 500 p.
30. *Seydoux M.* Les ambassades russes à la cour de Louis XIV // Cahiers du monde russe et soviétique. Année 1968. Vol. 9. No. 2. Pp. 235–244.
31. *Shaub M.-K.* Comment régler des incidents protocolaires? Diplomates russes et français au XVIIe siècle // L'incident diplomatique (XVIe–XVIIIe siècle). Paris. 2009. Pp. 323–336.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327(091)(560) «2021/2023»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.010

Нормализация отношений Турции с арабским миром (2021–2023 гг.)

Гасанов Камран Низами оглы

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики
филологического факультета, Российский университет дружбы народов.
Россия, г. Москва. E-mail: kamran-bey@mail.ru

Аннотация. После начала «Арабской весны» отношения Турции с арабскими странами пережили кризис. Хотя КСА/ОАЭ вместе с Турцией поддержали сирийскую оппозицию, разногласия из-за Катара, Египта и Ливии привели к охлаждению их отношений. Турция поддерживала «братьев-мусульман» в Египте, против которых при поддержке саудитов и эмиратцев боролись военные во главе с А. Ас-Сиси. В Ливии Турция выступила в поддержку Правительства национального согласия, а КСА, ОАЭ и Египет – генерала Х. Хафтара. Третий пункт разлома образовался в Катаре: саудовско-эмиратская коалиция ввела блокаду против него, а правительство Р. Эрдогана выступило в поддержку Дохи. В Сирии изначально и Турция, и арабские страны стояли на стороне оппозиции, однако со временем КСА и ОАЭ начали нормализацию с правительством Б. Асада, а Турция осталась фактически единственным спонсором антиа-садовских сил.

Несмотря на эти противоречия, в 2021–2022 гг. стороны пошли на восстановление своих связей. В чем причина нормализации? В СМИ основной акцент был сделан на экономике [7; 41]. После пандемии коронавируса страны региона понесли финансовые потери. Наиболее серьезно кризис затронул Турцию. Визиты Эрдогана в страны Персидского залива проходили на фоне падающей лиры и после масштабного землетрясения. Финансовый фактор играл важную роль. Турция получила от КСА и ОАЭ многомиллиардные контракты и инвестиции. Однако главная причина нормализации их отношений состояла в неспособности дальше вести конфронтацию. К началу 2020-х гг. на Ближнем Востоке сформировалась новая реальность и новый баланс сил.

Ключевые слова: Турция, ССАГПЗ, Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, Ливия, Сирия, Катар, экономические факторы, геополитика.

Введение. «Арабская весна» 2011 г. создала новую реальность на Ближнем Востоке. Она поставила страны перед выбором: поддержать революционные силы, представленные в основном «братьями-мусульманами» (запрещены в РФ), или диктаторские режимы, которые находились под угрозой свержения, но не представляли идеологическую угрозу для монархий. Правительство Реджепа Тайипа Эрдогана заняло однозначно сторону протестующих и приветствовало приход к власти в Тунисе, Ливии и Египте «братьев-мусульман», идеологически близких к его Партии справедливости и развития. Саудовская Аравия и ОАЭ не сопротивлялись смене режимов, но в то же время президенты Туниса и Египта З. А. Бен Али и Х. Мубарак нашли убежище в КСА. В Сирии, как и Турция, страны Залива поддержали и финансировали вооруженную оппозицию Башару Асаду.

При этом по идеологическим соображениям КСА и ОАЭ не были заинтересованы в приходе к власти «братьев-мусульман» в странах региона. Ярким примером служит Египет и Ливия. В 2015 г. Саудовская Аравия приложила руку к успешной реализации госпереворота, в результате которого был свергнут лидер «братьев-мусульман» Мохаммед Мурси и пришел к власти генерал Абдель Фаттах ас-Сиси [5; 6; 9]. Из-за контрреволюции в Каире испортились отношения Египта и Турции, которая на пару с Катаром оказали поддержку правительству Мурси.

В Ливии после свержения Муаммара Каддафи было образовано Правительство национального согласия (ПНС), костяк которого составляли «братья-мусульмане». Саудовская Ара-

вия, ОАЭ и правительство Ас-Сиси в Египте начали вооружать и финансировать оппозицию ПНС в лице Ливийской национальной армии (ЛНА) Халифы Хафтара. По информации Al Jazeera, Египет через границу поставлял оружие и материально-техническую помощь Хафтару, ОАЭ также участвовали в отправке оружия, а Саудовская Аравия выделила десятки миллионов долларов для финансирования наступления ЛНА в Триполи [34]. В конце 2019 г. Хафтар оказался близок от захвата Триполи. Турция направила своих военных на помощь ПНС. Египет угрожал военным вторжением, но воздержался от конкретных действий [28]. В итоге в начале 2020 г. атаки Хафтара были отбиты, армии ПНС удалось продвинуться на восток.

Противоречия Турции и монархий Залива в регионе вышли на новый уровень в 2017 г. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет ввели торгово-транспортную блокаду против Катара, обвинив его в финансировании терроризма. Турция направила в Доху военных и гуманитарную помощь. Нарушение Турцией блокады вызвало протест у стран Залива. Глава МИД ОАЭ Анвар Гаргаш написал в твиттере: «Военное присутствие Турции в Арабском заливе является чрезвычайной ситуацией. Оно усиливает поляризацию, а также не учитывает суверенитет государств и интересы стран Залива и его народов» [43].

В отличие от Ливии, Египта и Катара, где Турция и его конкуренты поддерживали разные стороны конфликта, в Сирии ситуация оказалась менее конфликтной. Суннитские монархии вместе с Турцией поддерживали оппозицию. Однако когда в Сирию вошли ВКС России, Асад усилился и начал штурмовать города под контролем оппозиции, как Восточная Гута, Алеппо и Дера. В обмен на свой нейтралитет Турция получила от России «зеленый свет» на свои операции на севере Сирии против YPG. Три турецкие операции («Щит Евфрата», «Оливковая ветвь», «Источник мира») вкуче с выдавливанием оппозиции с юга укрепили позиции Анкары и лишили влияния Саудовскую Аравию и ОАЭ. Сирийская вооруженная оппозиция (за исключением проамериканских сил в Эт-Танфе) были консолидированы Турцией в Сирийскую национальную армию (СНА). Такое изменение расклада сил вынудило Саудовскую Аравию, ОАЭ и Бахрейн пойти на нормализацию с Асадом и вернуть Сирию в Лигу Арабских Государств.

Кроме самих ближневосточных конфликтов, на отношения Турции и арабских государств сказывались события в Восточном Средиземноморье. В споре за месторождения газа ОАЭ и Египет присоединились к греческо-кипрской коалиции, которую также поддерживал Израиль и Франция. Они также раскритиковали соглашение между Анкарой и ПНС в Ливии о делимитации морских границ. В августе 2020 г. ОАЭ отправили на Крит четыре истребителя F-16 для совместных военных учений с Грецией [17]. МИД Турции критиковал регулярные совместные заявления лидеров Греции, Кипра и Египта, в которых осуждалась геологоразведка энергетических ресурсов в восточном Средиземноморье со стороны турецких судов в сопровождении военных кораблей [40].

Определенный негатив в отношении Турции и стран Залива добавили и другие события, пришедшие на период после Арабской весны, например, убийство журналиста Джамала Хашукджи в саудовском консульстве в Стамбуле в октябре 2018 г. Власти КСА обвинили Анкару в политизации и интернационализации уголовного дела. Анкара также осудила развертывание войск ОАЭ на Сокотре, назвав его угрозой целостности Йемена. В свою очередь Абу-Даби обвиняли Анкару в нарушении целостности Сирии во время турецких операций против курдов [8]. Турция обвиняла ОАЭ в спонсировании Рабочей партии Курдистана. Эрдоган также вменял эмиратским властям спонсирование попытки госпереворота в Турции в 2016 г.

Научная разработанность. Тема конфликта Турции с арабскими странами и восстановления отношений затрагивается в ряде отечественных и зарубежных исследований. Б. Башкан раскрывает развитие отношений Турции и КС после начала «арабской весны» и причины их ухудшения [23]. В другой работе он объясняет причины непоколебимой и молниеносной поддержки Турцией Катара во время блокады [24]. Б. Араш, П. Акпинар разбирают причины создания военной базы Турции в Катаре во время кризиса [20]. Изменению отношений Турции с арабскими странами на фоне катарского кризиса посвящены статьи А. Бакира [21], Н. Хабиби [32]. Н. Афзал, З. Ясин анализируют растущее сближение Катара и Турции и его последствия для Саудовской Аравии [18].

М. М. Бишку описывает турецко-эмиратские отношения с момента основания ОАЭ и рассматривает связи Турции с «братьями-мусульманами» критическим фактором ухудшения отношений Анкары с Абу-Даби и Эр-Риядом [25].

А. Аль-Фавваз разбирает причины ухудшения отношений Турции и Египта, относя к таковым разногласия из-за Ливии, Судана и Восточного Средиземноморья [19].

Д. Галип изучил мотивы Турции и ОАЭ для нормализации своих отношений в 2021 г. [31]. М. Бардакчы акцентируется на внутренних и внешних причинах изменения внешней политики Турции по отношению к арабским странам, выделяя среди главных смену администрации в США и растущую изоляцию Турции в регионе [22]. Ш. Рамадантис исследует причины урегулирования конфликтов между Турцией и ОАЭ, выделяя в качестве главной взаимозависимость в двусторонних экономических отношениях [35]. Т. Абдуссалам анализирует динамику турецко-экономических отношений в контексте региональных кризисов [1].

Ш. Кардаш выделяет основные драйверы улучшения отношений Турции с ОАЭ, КСА и Египтом: «взаимовыгодный тупик» в возникших региональных конфликтах, снижение доверия в американские гарантии безопасности после ухода США из Афганистана, растущая нестабильность в соседстве Турции (особенно после начала кризиса на Украине), ухудшение экономики Турции, отсутствие двусторонних геополитических споров между Анкарой и Абу-Даби [33].

Б. Дуран оценивает динамику и перспективы примирения Турции со странами ЛАГ. Он отмечает лимиты процесса нормализации ввиду сохранения идеологических разногласий и конфликтов интересов среди региональных и крупных международных игроков [27].

Шаги, направленные на нормализацию. Египет. Одним из первых шагов на пути к восстановлению отношений между Турцией и ее противниками стали переговоры с Египтом. В апреле 2021 г. премьер-министр Египта Мустафа Медбули выразил благодарность Эрдогану за его усилия при председательстве в Организации экономического сотрудничества восьми развивающихся стран (D-8). Вслед за этим глава турецкого МИД Мевлют Чавушоглу поздравил своего коллегу Самеха Шукри с наступлением священного месяца Рамадан. Шукри ответил, что Каир придает большую значимость нормализации отношений с Анкарой. 5–6 мая в египетскую столицу прибыла делегация с замминистра иностранных дел Турции Седатом Онолом. В ее заявлении консультации с коллегами из Египта, затронувшие ситуацию в Ливии, Сирии и Ираке, оценивались как «позитивные» и «содержательные» [2]. За три дня до этих переговоров в качестве жеста доброй воли в Турции закрыли спутниковый канал Mekameleen TV, связанный с египетскими «братьями-мусульманами» [3].

Примирение с Египтом развивалось медленно, но поступательно. В марте 2023 г. турецкий глава МИД впервые спустя 11 лет посетил Каир. Визит состоялся по приглашению Шукри. До этого в феврале в знак солидарности глава МИД Египта отбыл в зону землетрясения в Турции. Египет направил Турции гуманитарную помощь. В апреле того же 2023 г. Шукри прибыл в Анкару. С Чавушоглу они обсудили подготовку встречи президентов двух стран и перспективу назначения послов. Турецкий дипломат заявил об открытии «новой страницы» двусторонних отношений [15]. 4 июля страны спустя десять лет перерыва назначили своих послов.

Хотя на момент написания материала Эрдоган и Ас-Сиси не провели официальные двусторонние переговоры, но личные беседы и встречи имели место на полях многосторонних мероприятий. Первое рукопожатие состоялось уже 20 ноября 2022 г. на церемонии открытия чемпионата мира по футболу в Катаре. Аналогичные беседы состоялись в 2023 г. на G20 в Нью-Дели и внеочередном саммите Организации исламского сотрудничества в Эр-Рияде в связи с обострением в секторе Газа.

ОАЭ. В ноябре 2021 г. стартовал процесс турецко-эмиратской нормализации. Наследный принц Абу-Даби шейх Мохаммед бен Заид ан-Нахайян посетил с визитом Анкару и провел «плодотворные» переговоры с Эрдоганом. В рамках встречи Турецкий фонд благосостояния (TVF) и Инвестиционное управление президента Турции подписали меморандумы о взаимопонимании с Холдингом развития Абу-Даби (ADQ). Они подразумевали инвестиции в турецкую экономику на сумму более \$10 млрд. В марте ОАЭ провели переговоры с турецкой компанией Baykar Defense о поставках 120 беспилотников Bayraktar TB2. По сообщениям СМИ, еще в сентябре 2021 г. эмиратцы закупили 20 «байрактаров» [39].

Ответный и первый спустя десять лет визит Эрдогана в Абу-Даби состоялся 14 февраля 2022 г. Турецкий президент и наследный принц ОАЭ Мухаммед бен Зайед подписали 13 соглашений в оборонной, торговой, технологической, сельскохозяйственной и других отраслях. В знак гостеприимства небоскреб Бурдж Халифа окрасился в цвета турецкого флага, и на нем появилась надпись *Hos Geldiniz* (добро пожаловать с турецкого). Тот самый бывший глава МИД и действующий на тот момент советник президента ОАЭ Анвар Гаргаш, который обвинял Турцию в дестабилизации региона во время катарского кризиса и призывал в 2020 г. Европу к совместному отпору попыткам восстановить Османскую империю, написал, что визит Эрдогана «открывает новую позитивную страницу в двусторонних отношениях» [29].

Сам Эрдоган заявил, что его поездка направлена на формирование следующих 50 лет «дружбы и братства с ОАЭ» [29]. Турецкий лидер дал понять, что безопасность Персидского залива неотделима от безопасности Турции, имея в виду недавнюю атаку хуситов на ОАЭ. Мухаммед бен Зайед поблагодарил Эрдогана за его «дружественную позицию» и осуждение действий хуситов. Эмиратский лидер обозначил стремление своей страны «сотрудничать с Турцией для решения многочисленных общих проблем, наблюдаемых в регионе», путем диалога [42]. Накануне переговоров ОАЭ и Турция подписали 13 соглашений в различных областях.

В дальнейшем ОАЭ и Турция продолжили развивать диалог и сотрудничество. В мае 2022 г. Эрдоган повторно побывал в Абу-Даби, чтобы выразить личные соболезнования в связи с кончиной бывшего президента ОАЭ шейха Халифы бен Заида Аль Нахайяна. 19 июля 2023 г. состоялся наиболее масштабный с точки зрения двусторонних экономических отношений визит Эрдогана в Эмираты. Он прошел в рамках трехдневного турне по странам ССАГПЗ, включавший Катар и КСА. Президент Реджеп Тайип Эрдоган и президент ОАЭ шейх Мухаммед бин Заид Аль-Нахайян подписали 13 соглашений в сфере экономики, ПИИ, промышленности, ВПК, права, судебной системы, ВИЭ и космоса. Общая сумма сделок оценивалась в \$50,7 млрд. В знак дружбы Эрдоган вручил своему коллеге первый турецкий электромобиль Togg.

30 ноября 2023 г. Эрдоган прибыл с визитом в ОАЭ для участия во Всемирном саммите по борьбе с изменением климата (COP28). До этого председатель совета директоров эмиратской оборонной компании Edge Фейсал Аль Баннаи подтвердил приобретение беспилотников Bayraktar TB2, не назвав точное количество [14].

Саудовская Аравия. Важной вехой в улучшении турецко-саудовских связей стал визит наследного принца КСА Мухаммеда бен Салмана в Турцию 22 июня 2022 г. Визит стал первым спустя девять лет и состоялся по приглашению турецкой стороны. Лидеры анонсировали решимость «начать новую эру сотрудничества в двусторонних отношениях, в том числе в политической, экономической, военной сфере и в области безопасности». Турция поддержала КСА в проведении ЕХРО-2030. Саудовская Аравия объявила о размещении \$5 млрд в Центробанке Турции. Бен Салман и Эрдоган обсудили упрощение торговли и инвестиционные возможности. 29 апреля 2022 г. в Джидду с официальным визитом прибыл турецкий президент. Эрдоган не посещал КСА с катарской блокады 2017 г., поэтому охарактеризовал свою поездку как «новую эру в наших отношениях». Перед визитом президент Турции дал понять, что Анкара продолжает «позитивную дискуссию» с Эр-Риядом и готова к практическим действиям для нормализации связей. Менее чем за месяц до переговоров в Джидде Минюст Турции решил прекратить судебный процесс по делу об убийстве Хашукджи и передать его саудовским властям [10].

Через год Эрдоган снова побывал в Саудовской Аравии в рамках вышеупомянутого турне по странам Персидского залива. Он прибыл в сопровождении около 200 турецких бизнесменов. Стороны подписали пять соглашений о сотрудничестве в области инвестиций, оборонной промышленности, энергетики, связи и ВПК, включая контракт на поставку беспилотников Bayraktar Akinci. Точное количество БПЛА неизвестно, но генеральный директор Ваукар Халук Байрактар заявил, что это крупнейший экспортный контракт оборонной и авиационной отрасли в истории Турции [37]. Как и в ОАЭ, Эрдоган вручил бен Салману автомобиль Togg.

Накануне визита Эрдогана 12 июля состоялся саудовско-турецкий бизнес-форум, на котором подписано 16 соглашений в разных областях, в том числе промышленности и недвижимости. Министр торговли Турции Омер Болат отметил, что товарооборот в 2022 г. составил \$6,5 млрд, а в первой половине 2023 г. – \$3,4 млрд. По его оценкам, Анкара и Эр-Рияд хотят в ближайшей перспективе нарастить торговлю до \$10 млрд.

Несмотря на долгий перерыв в двусторонних визитах, контакты между странами не обрывались даже после блокады Катара. В июне 2017 г. Эрдоган в телефонном разговоре с королем КСА Салманом бен Абдель Азизом аль-Саудом и кронпринцем Мухаммедом бен Салманом обсудил пути снижения напряженности вокруг Катара [33]. Через год в таком же формате состоялась беседа Эрдогана с саудовским королем, и последний поблагодарил турецкого лидера за создание совместной группы для расследования убийства Хашукджи [13]. Лидеры двух стран также пересекались на многосторонних саммитах, как G20 и ОИС.

Факторы улучшения отношений. Ближневосточное турне Эрдогана в 2023 г. преподносилось мировыми СМИ как желание руководителя Турции привлечь инвестиции в кризисную турецкую экономику [12]. При более тщательном анализе можно прийти к выводу о том, что причины нормализации отношений Турции со странами ЛАГ лежали, в первую очередь, не в экономике.

Урегулирование геополитических конфликтов. В 2022 г. большинство из спорных региональных вопросов исчерпали себя. 5 января 2021 г., спустя три года после ввода блокады, в саудовском городе Аль-Ула прошел саммит Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, пригласив на него эмира Катара Тамима бен Хамада Аль Тани. В знак примирения Мухаммед бен Салман обнял у трапа самолета катарского эмира. КСА, ОАЭ, Бахрейн и Египет сообщили о полном восстановлении дипломатических отношений. Накануне бен Салман отметил, что «существует острая необходимость» для стран Ближнего Востока объединить усилия против иранской угрозы. Эту же концепцию поддерживала ушедшая администрация Дональда Трампа. Поэтому зять президента США Джаред Кушнер прибыл в Аль-Улу, чтобы стать свидетелем примирения. Одновременно катарский вопрос перестал быть конфликтным в отношениях Турции и антикатарской коалиции, а Анкара лишилась козыря в лице Дохи в противоборстве с другими арабскими странами.

В Ливии конфликтующие стороны согласились прекратить вооруженный конфликт. 5 февраля 2021 г. по итогам женевской конференции под эгидой ООН сформировано временное Правительство национального единства (ПНЕ) во главе с премьером Абдул Хамидом Дбейбой. Прагматичный настрой Дбейбы и его нежелание расширять власть исламистов способствовало перекалибровке политики ОАЭ. Абу-Даби смягчил тон и методы в отношении Триполи, а предложение Дбейбы восстановить старые контракты в области телекоммуникации, строительства и энергетики эпохи Каддафи было позитивно воспринято эмиратцами [38].

Ориентирующееся во многом на Турцию правительство Дбейбы признано и теми странами, которые изначально боролись против Триполи. В феврале и июле 2023 г. Дбейба и президент ОАЭ Мухаммед бен Зайед провели встречи в Абу-Даби и Риме, на которых указали на необходимость расширения сотрудничества. В мае 2023 г. представители разведки Египта встретились с коллегами из Триполи. Через пару дней 20 египетских компаний приняли участие в Libya Build Exprot. Посетивший египетский павильон Дбейба призвал компании из Египта поучаствовать в восстановлении Ливии и развивать ее инфраструктуру. 4 января 2024 г. глава ПНЕ встретился с послами африканских, мусульманских и арабских стран, включая представителей Бахрейна, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Катара, Судана, Ирака, Туниса [26].

В случае с Египтом главным драйвером нормализации стало принятие Анкарой новой реальности в Каире и отказ от попыток продвигать к власти «братьев-мусульман». Сдвиги в ливийском урегулировании тоже способствовали улучшению турецко-египетских отношений. Создание ПНЕ с учетом интересов арабских стран сняло опасения у Каира в том, что Ливия превращается в плацдарм для экспорта исламистской идеологии в регионе. В то же время прекращение боев со стороны союзника Египта Хафтара давало Турции уверенность в том, что достигнутые ею успехи в Ливии не будут оспариваться спонсорами ЛНА. Продолжение газового спора в Средиземноморье между Турцией и могущественной коалицией¹ с участием Египта мешало освоению месторождений.

Резюмируя все три конфликта, можно отметить, что противоборствующие силы осознали бесперспективность продолжения борьбы. Катарская блокада не увенчалась уступками со стороны Дохи в пользу саудовской коалиции. Несмотря на поддержку ОАЭ, Египта и Франции, Хафтар в Ливии не смог захватить Триполи, а ПНС сохранился силой турецкого оружия. Власть Ас-Сиси оказалась устойчивой давлению поддерживаемых Турцией «братьев-мусульман», и Эрдогану пришлось смириться со статус-кво в Египте.

Экономические факторы. С 2017 г. турецкая лира последовательно ослабевала, но после пандемии экономика пережила рекордную инфляцию. В ноябре 2021 г. лира потеряла 70 % стоимости, а к осени 2022 г. инфляция достигла 80 %. Несмотря на позитивные экспортные показатели, финансы страны нуждались в поддержке. Валютные свопы на сумму \$5 млрд от ОАЭ и размещение Саудовской Аравией \$5 млрд в Центробанке Турции помогли поддержать турецкую экономику на плаву. Деньги из залива понадобились также на преодоление последствий мощного землетрясения в Турции 6 февраля 2023 г. Суверенный фонд Абу-Даби выделил \$8,5 млрд облигаций помощи [41]. Пандемия коронавируса подтачивала и финансы стран Персидского залива. Тратить деньги на продолжение войн в Йемене и Ливии оказалось дорогим и бессмысленным мероприятием, так как атаки на хуситов и ПНЕ не приносили ожи-

¹ Еще в 2018 г. Египет вместе с Израилем, Кипром, Грецией, Иорданией и Италией объявил о формировании Газового форума Восточного Средиземноморья. В нем ОАЭ и ЕС стали наблюдателями. Нефтегиганты Eni, Total, Exxon и Notec приступили к геологоразведке. Турцию не пригласили в Газовый форум.

даемые результаты. Восстановление отношений расширяло рынки сбыта турецкой продукции, в том числе военной. В 2019–2020 гг. по импорту в КСА Турция опустилась с 11 места на 58-е, продолжая падение [11]. Падала и торговля с ОАЭ, в 2021 г. – на 9 % до \$7,5 млрд. В пиковые периоды товарооборот между Турцией и Эмиратами составлял \$14,7 млрд [4]. В 2022 г. после визитов на высшем уровне Саудовская Аравия и Турция нарастили торговлю на 32,6 % до почти \$6 млрд. На встрече деловых кругов поставлена цель нарастить торговлю до \$30 млрд [36]. Во время визита Эрдогана в Абу-Даби летом 2023 г. стороны заключили контракты на сумму в \$50 млрд. Со своей стороны Турция становилась важным каналом выхода для ОАЭ на новые рынки в Азии и Африке. Анкара могла также помочь странам Залива с диверсификацией их нефтяной экономики.

Новые геополитические реалии на Ближнем Востоке. К 2021–2023 гг. произошли изменения в третьих странах, подталкивавшие к восстановлению связей Турции и стран ЛАГ. Одним из таких стало *избрание Джоозефа Байдена президентом США*. В январе 2021 г. США приостановили продажу оружия Эмиратам и Саудовской Аравии из-за их йеменской кампании. В Турции Байдена не устраивали укрепление власти Эрдогана и его внешняя политика на Ближнем Востоке и в отношениях с Россией. Давление США и в целом Запада способствовало объединению региональных сил. Кроме того, *вывод американских войск из Афганистана* по решению Байдена подточил уверенность стран Залива в США как гаранта безопасности. ОАЭ нацелены на поиск новых альянсов, чтобы избежать зависимости от США, говорилось в статье Atlantic Council [16]. Д. Галип отмечает, что Турция и ОАЭ пошли на сближение ввиду сокращения США своих обязательств по региональной безопасности при Байдене [14]. Турция со своей стороны стремится выйти из политической/идеологической рамки, в которой она оказалась с начала арабских восстаний, и уменьшить экономические издержки своего геополитического активизма во время углубляющегося экономического кризиса внутри страны. Хотя экономические интересы могут сблизить две страны, геополитика может с такой же легкостью их разлучить. Несмотря на кажущееся потепление, основные источники напряженности в этих отношениях сохраняются.

Иранский фактор со своей стороны подталкивал к нормализации с Турцией арабов. Ряд экспертов указали на то, что сближение ОАЭ и Турции на фоне «продвижения иранских ядерных разработок, а также серии атак дронов и ракет на ОАЭ, ответственность за которые в основном возлагается на йеменских повстанцев-хуситов» [30].

Заключение. В целом к 2023 г. Турции удалось нормализовать отношения со всеми тремя арабскими странами – Саудовской Аравией, ОАЭ и Египтом. С первыми двумя странами у Анкары произошло полное восстановление отношений, включая торговлю, инвестиции и обмен визитами на высшем уровне. С Египтом Турция восстановила работу посольств, но встречи руководителей ограничились территорией третьих стран. Основным фактором улучшения связей Анкары и стран ЛАГ стал прогресс в ливийском урегулировании, а также прекращение блокады Катара. Дополнительное влияние на процесс оказали отчасти политика США в регионе и иранский фактор.

Список литературы

1. Абдуссалам Т. Эволюция отношений Турции и ОАЭ в 2002–2022 годах в контексте региональных кризисов на Ближнем Востоке // Альманах «Казачество». 2023. № 69. С. 158–171.
2. АНАЛИТИКА – Египет кардинально меняет внешнюю политику в отношении Турции, Катара, Ливии и ХАМАС // Anadolu Ajansi. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/анализ-новостей/аналитика-египет-кардинально-меняет-внешнюю-политику-в-отношении-турции-катара-ливии-и-хамас/2258773> (дата обращения: 21.01.24).
3. В Турции закрыт телеканал «Братьев-мусульман»* из-за нормализации между Анкарой и Каиром // МК-Турция. URL: <https://mk-turkey.ru/life/2022/05/03/p-telekanal-bratev-musulman-prekratil-rabotu-v-turcii.html> (дата обращения: 20.01.24).
4. Визит Эрдогана в ОАЭ: новые возможности для торговли и инвестиций // Anadolu Ajansi. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/визит-ердогана-в-оаэ-новые-возможности-для-торговли-и-инвестиций/2500681> (дата обращения: 10.01.24).
5. Исламский мир раскололся о Египет // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2258639> (дата обращения: 22.01.24).
6. Король Саудовской Аравии заплатил \$ 1 млрд, чтобы помочь египетской армии свергнуть Мурси // NewsStreet. URL: <http://newsstreet.ru/blog/2658.html> (дата обращения: 22.01.24).
7. ОАЭ в помощь: как Эрдоган пытается спасти экономику Турции // Абзац. URL: <https://absatz.media/v-mire/42468-oae-v-pomosh-kak-erdogan-pytaetsya-spasti-ekonomiku-turcii> (дата обращения: 11.01.24).

8. ОАЭ осудили операцию Турции в Сирии // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191009/1559604383.html> (дата обращения: 09.01.24).
9. Последствия свержения тиранов // Независимое военное обозрение. URL: <https://nvo.ng.ru/gazeta/> (дата обращения: 22.01.24).
10. Президент Турции прибыл с первым за пять лет визитом в Саудовскую Аравию // МК-Турция. URL: <https://mk-turkey.ru/blog/tass/2022/04/29/saudovskaya-araviya-erdogan3.html> (дата обращения: 14.01.24).
11. Президент Турции прибыл с первым за пять лет визитом в Саудовскую Аравию // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14511025> (дата обращения: 08.01.24).
12. Реджеп Тайип Эрдоган поехал в тур за деньгами // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/07/18/985757-erdogan-poechal-za-dengami> (дата обращения: 10.01.24).
13. Саудовский король поблагодарил Эрдогана за поддержку в деле Хашукджи // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20181014/1530638331.html> (дата обращения: 11.01.24).
14. Турция и ОАЭ договорились о сотрудничестве // Caliber.az. URL: <https://caliber.az/post/203989/> (дата обращения: 15.01.24).
15. Чавушоглу: Мы открыли новую страницу отношений с Египтом // Anadolu Ajansı. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/чавушоглу-мы-открыли-новую-страницу-отношений-с-египтом/2871508> (дата обращения: 18.01.24).
16. Reuters: Эрдоган обсудил блокаду Катара с королем Саудовской Аравии // Газета.Ру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/06/22/n_10210373.shtml (дата обращения: 02.01.24).
17. Times о совместных учениях Афин и Дубая: ОАЭ встали на сторону Греции в ее споре с Турцией // RT. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2020-08-25/Times-o-sovmestnih-uchenyah-Afin> (дата обращения: 16.01.24).
18. Afzal N., Yaseen Z. Power Competition in the Middle East: Emerging Alliance of Turkey and Qatar, And Response of Saudi Arabia // *Global International Relations Review*. 2023. № 5 (4). Pp. 76–83.
19. Al-Fawwaz A. Egypt-Turkey Relations towards Libya: Political and Economic Dimensions // *Journal of Liberty and International Affairs*. 2021. № 3. Pp. 356–372.
20. Aras B., Akpınar P. Turkish Foreign Policy and the Qatar Crisis // *Istanbul Policy Center*. 2017. № 2. 10 p.
21. Bakır A. The Evolution of Turkey – Qatar Relations Amid a Growing Gulf Divide // *Contemporary Gulf Studies*. 2019. Pp. 197–215.
22. Bardakçı M. Turkey's New Middle East Policy: The Challenges and Ramifications of “Normalization” // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2021. № 3 (15). Pp. 441–457. DOI: 10.1080/23739770.2021.2026050.
23. Başkan B. Turkey between Qatar and Saudi Arabia: Changing Regional and Bilateral Relations // *Uluslararası İlişkiler*. 2019. № 62. Vol. 16. Pp. 85–99.
24. Başkan B., Pala Ö. Making Sense of Turkey's Reaction to the Qatar Crisis // *The International Spectator*. 2020. № 55. Vol. 2. Pp. 65–78.
25. Bishku M. B. Turkey and the United Arab Emirates: From Cooperation to Rivalry // *Contemporary Review of the Middle East*. 2022. № 9 (2). Pp. 184–199.
26. Dbaiba meets with ambassadors of Arab, African and Islamic countries accredited to Libya // *Libyan News Agency*. URL: <https://lana.gov.ly/post.php?lang=en&id=298977> (дата обращения: 12.01.24).
27. Duran B. Türkiye and the Future of Normalization in the Middle East // *Insight Turkey*. 2022. № 24 (2). Pp. 161–180.
28. Egypt threatens military action in Libya if Turkish-backed forces seize Sirte // *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/e6aa87b0-5e0b-477f-9b89-693f31c63919> (дата обращения: 04.01.24).
29. Erdogan visits UAE to bolster political, economic ties // *Al Jazeera*. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/2/14/erdogan-to-visit-uae-to-bolster-political-economic-ties> (дата обращения: 06.01.24).
30. Erdogan's celebrity welcome in the UAE affirms a sea-change in relations, lifeline for Turkey's economy // *VIEW FROM THE GULF*. URL: <https://www.cnb.com/2022/02/15/erdogans-uae-visit-affirms-shift-in-relations-help-for-turkeys-economy.html> (дата обращения: 14.01.24).
31. Galip D. Turkey-UAE relations: Economic cooperation against the backdrop of geopolitical incompatibility // *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 2022. № 1. P. 6. DOI:10.18449/2022C01.
32. Habibi N. Turkey's Economic Relations with Gulf States in the Shadow of the 2017 Qatar Crisis // *Middle East Brief*. 2019. № 132. 10 p.
33. Kardaş Ş. The normalization agenda in Turkish foreign policy: drivers and parameters // *Trends Research & Advisory*. 2023.
34. Libya's war: Who is supporting whom // *Al Jazeera*. URL: <https://www.alja-zeera.com/news/2020/1/9/libyas-war-who-is-supporting-whom> (дата обращения: 22.01.24).
35. Ramadhanty S. Turkey-UAE Bilateral Relations: Interdependency in Causes of Conflict Reconciliation // *Indonesian Journal of Multidisciplinary Science*. 2022. № 9 (1). 17 p. DOI: 10.55324/ijoms.v1i9.181.
36. Saudi Arabia and Turkey eye \$30bn trade relationship // *Arabian Business*. URL: <https://www.arabianbusiness.com/politics-economics/saudi-arabia-and-turkey-eye-30bn-trade-relationship> (дата обращения: 14.01.24).

37. Saudi Arabia buys Turkish drones during Erdogan's visit // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-turkey-sign-mous-energy-defence-other-fields-2023-07-18/> (дата обращения: 14.01.24).

38. The UAE is making a precarious shift in its Libya policy. Here's why // Atlantic Council. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-uae-is-making-a-precarious-shift-in-its-libya-policy-heres-why/> (дата обращения: 12.01.24).

39. The UAE just received twenty drones from Turkey. What's the backstory? // Atlantic Council. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-uae-just-received-twenty-drones-from-turkey-whats-the-backstory/> (дата обращения: 18.01.24).

40. Turkey irked over joint declaration by Cyprus, Greece and Egypt // Arab News. URL: <https://www.arabnews.com/node/1752791/middle-east> (дата обращения: 09.01.24).

41. Turkey's Erdogan signs \$50 billion in deals during UAE visit // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-ends-gulf-tour-with-abu-dhabi-visit-2023-07-19/> (дата обращения: 03.01.24).

42. UAE keen to strengthen partnership with Turkiye, says crown prince // Anadolu Ajansi. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/uae-keen-to-strengthen-partnership-with-turkiye-says-crown-prince/2502590> (дата обращения: 17.01.24).

43. UAE official says Turkish base in Qatar destabilises region // MEM. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20201011-uae-official-says-turkish-base-in-qatar-destabilises-region/> (дата обращения: 19.01.24).

Normalization of Turkey's relations with the Arab world (2021–2023)

Gasanov Kamran Nizami oglu

PhD in Political Sciences, senior lecturer at the Department of Theory and History of Journalism,
Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow. E-mail: kamran-bey@mail.ru

Abstract. After the beginning of the "Arab Spring", Turkey's relations with Arab countries went through a crisis. Although KSA/The UAE, along with Turkey, supported the Syrian opposition, disagreements over Qatar, Egypt and Libya led to a cooling of their relations. Turkey supported the Muslim Brotherhood in Egypt, against which the military led by A. Al-Sisi fought with the support of the Saudis and the Emiratis. In Libya, Turkey supported the Government of National Accord, and the KSA, the UAE and Egypt supported General X. Haftar. The third fault point was formed in Qatar: the Saudi-Emirati coalition imposed a blockade against it, and the government of R. Erdogan came out in support of Doha. Initially, both Turkey and the Arab countries sided with the opposition in Syria, but over time, the KSA and the UAE began normalization with the government of Bashar al-Assad, and Turkey remained virtually the only sponsor of the anti-Assad forces.

Despite these contradictions, in 2021–2022 the parties agreed to restore their ties. What is the reason for normalization? In the media, the main focus was on the economy. After the coronavirus pandemic, the countries of the region suffered financial losses. Turkey has been most seriously affected by the crisis. Erdogan's visits to the Persian Gulf countries took place against the backdrop of the falling lira and after a large-scale earthquake. The financial factor played an important role. Turkey has received multibillion-dollar contracts and investments from the KSA and the UAE. However, the main reason for the normalization of their relations was the inability to continue the confrontation. By the early 2020s, a new reality and a new balance of power had formed in the Middle East.

Keywords: Turkey, GCC, Egypt, Saudi Arabia, UAE, Libya, Syria, Qatar, economic factors, geopolitics.

References

1. Abdusselam T. *Evolyciya otnoshenij Turcii i OAE v 2002–2022 godah v kontekste regional'nyh krizisov na Blizhnem Vostoke* [The evolution of relations between Turkey and the UAE in 2002–2022 in the context of regional crises in the Middle East] // *Al'manah "Kazachestvo"* – Almanac "Cossacks". 2023. No. 69. Pp. 158–171.

2. ANALITIKA – *Egipet kardinal'no menyaet vneshnyuyu politiku v otnoshenii Turcii, Katara, Livii i HAMAS* – ANALYTICS – Egypt is radically changing its foreign policy towards Turkey, Qatar, Libya and Hamas // *Anadolu Ajansi* – Anadolu Ajansi. Available at: <https://www.aa.com.tr/ru/analiz-novostey/analitika-egipet-kardinalno-menyaet-vneshnyuyu-politiku-v-otnoshenii-turcii-katara-livii-i-hamac/2258773> (date accessed: 21.01.24).

3. *V Turcii zakryt telekanal "Brat'ev-musul'man"* iz-za normalizacii mezhdru Ankaroj i Kairom* – The Muslim Brotherhood TV channel* is closed in Turkey due to normalization between Ankara and Cairo // *MK-Turciya* – MK-Turkey. Available at: <https://mk-turkey.ru/life/2022/05/03/p-telekanal-bratev-musulman-prekratil-rabotu-v-turcii.html> (date accessed: 20.01.24).

4. *Vizit Erdogana v OAE: novye vozmozhnosti dlya torgovli i investicij* – Erdogan's visit to the UAE: new opportunities for trade and investment // *Anadolu Ajansi* – Anadolu Ajansi. Available at: <https://www.aa.com.tr/>

ru/турция/визит-эрдогана-в-оаэ-новые-возможности-для-торговли-и-инвестиций/2500681 (date accessed: 10.01.24).

5. *Islamskij mir raskololsya o Egipet* – The Islamic world has split about Egypt // *Kommersant* – Kommersant. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2258639> (date accessed: 22.01.24).

6. *Korol' Saudovskoj Aravii zaplatil \$ 1 mlrd, chtoby pomoch' egipetskoj armii svergnut' Mursi* – The King of Saudi Arabia paid \$ 1 billion to help the Egyptian army overthrow Morsi // *NewsStreet*. Available at: <http://newsstreet.ru/blog/2658.html> (date accessed: 22.01.24).

7. *OAE v pomoshch': kak Erdogan pytaetsya spasti ekonomiku Turcii* – The UAE to help: how Erdogan is trying to save the Turkish economy // *Abzac* – Paragraph. Available at: <https://absatz.media/v-mire/42468-oae-v-pomoshch-kak-erdogan-pytaetsya-spasti-ekonomiku-turcii> (date accessed: 11.01.24).

8. *OAE osudili operaciyu Turcii v Sirii* – The UAE condemned Turkey's operation in Syria // *RIA Novosti* – RIA News. Available at: <https://ria.ru/20191009/1559604383.html> (date accessed: 09.01.24).

9. *Posledstviya sverzheniya tiranov* – The consequences of the overthrow of tyrants // *Nezavisimoe voennoe obozrenie* – Independent Military Review. Available at: <https://nvo.ng.ru/gazeta/> (date accessed: 22.01.24).

10. *Prezident Turcii pribyl s pervym za pyat' let vizitom v Saudovskuyu Araviyu* – The President of Turkey has arrived on his first visit to Saudi Arabia in five years // *MK-Turciya* – MK-Turkey. Available at: <https://mk-turkey.ru/blog/tass/2022/04/29/saudovskaya-araviya-erdogan3.html> (date accessed: 14.01.24).

11. *Prezident Turcii pribyl s pervym za pyat' let vizitom v Saudovskuyu Araviyu* – The President of Turkey has arrived on his first visit to Saudi Arabia in five years // *TASS*. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14511025> (date accessed: 08.01.24).

12. *Redzhep Tajip Erdogan poekhal v tur za den'gami* – Recep Tayyip Erdogan went on tour to get money // *Vedomosti* – News. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/07/18/985757-erdogan-poekhal-za-dengami> (date accessed: 10.01.24).

13. *Saudovskij korol' poblagodaryl Erdogana za podderzhku v dele Hashukdzhi* – The Saudi king thanked Erdogan for his support in the Khashoggi case // *RIA Novosti* – RIA News. Available at: <https://ria.ru/2018-1014/1530638331.html> (date accessed: 11.01.24).

14. *Turciya i OAE dogovorilis' o sotrudnichestve* – Turkey and the UAE have agreed on cooperation // *Caliber.az*. Available at: <https://caliber.az/post/203989/> (date accessed: 15.01.24).

15. *Chavushoglu: My otkryli novuyu stranicu otnoshenij s Egiptom* – Cavusoglu: We have opened a new page in relations with Egypt // *Anadolu Ajansi* – Anadolu Ajansi. Available at: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/чавушоглу-мы-открыли-новую-страницу-отношений-с-египтом/2871508> (date accessed: 18.01.24).

16. *Reuters: Erdogan obsudil blokadu Katara s korolem Saudovskoj Aravii* – Reuters: Erdogan discussed the blockade of Qatar with the King of Saudi Arabia // *Gazeta.Ru*. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/news/2017/06/22/n_10210373.shtml (date accessed: 02.01.24).

17. *Times o sovместnyh ucheniyah Afin i Dubaya: OAE vstali na storonu Grecii v ee spore s Turciej* – Times on the joint exercises of Athens and Dubai: The UAE sided with Greece in its dispute with Turkey // *RT*. Available at: <https://russian.rt.com/inotv/2020-08-25/Times-o-sovmestnih-ucheniyah-Afin> (date accessed: 16.01.24).

18. *Afzal N., Yaseen Z.* Power Competition in the Middle East: Emerging Alliance of Turkey and Qatar, And Response of Saudi Arabia // *Global International Relations Review*. 2023. No. 5 (4). Pp. 76–83.

19. *Al-Fawwaz A.* Egypt-Turkey Relations towards Libya: Political and Economic Dimensions // *Journal of Liberty and International Affairs*. 2021. No. 3. Pp. 356–372.

20. *Aras B., Akpinar P.* Turkish Foreign Policy and the Qatar Crisis // *Istanbul Policy Center*. 2017. No. 2. 10 p.

21. *Bakir A.* The Evolution of Turkey – Qatar Relations Amid a Growing Gulf Divide // *Contemporary Gulf Studies*. 2019. Pp. 197–215.

22. *Bardakçı M.* Turkey's New Middle East Policy: The Challenges and Ramifications of "Normalization" // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2021. No. 3 (15). Pp. 441–457. DOI: 10.1080/23739770.2021.2026050.

23. *Başkan B.* Turkey between Qatar and Saudi Arabia: Changing Regional and Bilateral Relations // *Uluslararası İlişkiler*. 2019. No. 62. Vol. 16. Pp. 85–99.

24. *Başkan B., Pala Ö.* Making Sense of Turkey's Reaction to the Qatar Crisis // *The International Spectator*. 2020. No. 55. Vol. 2. Pp. 65–78.

25. *Bishku M. B.* Turkey and the United Arab Emirates: From Cooperation to Rivalry // *Contemporary Review of the Middle East*. 2022. No. 9 (2). Pp. 184–199.

26. *Dbaiba* meets with ambassadors of Arab, African and Islamic countries accredited to Libya // *Libyan News Agency*. Available at: <https://lana.gov.ly/post.php?lang=en&id=298977> (date accessed: 12.01.24).

27. *Duran B.* Türkiye and the Future of Normalization in the Middle East // *Insight Turkey*. 2022. No. 24 (2). Pp. 161–180.

28. *Egypt threatens military action in Libya if Turkish-backed forces seize Sirte* // *Financial Times*. Available at: <https://www.ft.com/content/e6aa87b0-5e0b-477f-9b89-693f31c63919> (date accessed: 04.01.24).

29. *Erdogan visits UAE to bolster political, economic ties* // *Al Jazeera*. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2022/2/14/erdogan-to-visit-uae-to-bolster-political-economic-ties> (date accessed: 06.01.24).

30. *Erdogan's celebrity welcome in the UAE affirms a sea-change in relations, lifeline for Turkey's economy* // *VIEW FROM THE GULF*. Available at: <https://www.cnn.com/2022/02/15/erdogans-uae-visit-affirms-shift-in-relations-help-for-turkeys-economy.html> (date accessed: 14.01.24).

31. *Galip D.* Turkey-UAE relations: Economic cooperation against the backdrop of geopolitical incompatibility // *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 2022. No. 1. P. 6. DOI:10.18449/2022C01.
32. *Habibi N.* Turkey's Economic Relations with Gulf States in the Shadow of the 2017 Qatar Crisis // *Middle East Brief*. 2019. No. 132. 10 p.
33. *Kardaş Ş.* The normalization agenda in Turkish foreign policy: drivers and parameters // *Trends Research & Advisory*. 2023.
34. *Libya's war: Who is supporting whom* // *Al Jazeera*. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2020/1/9/libyas-war-who-is-supporting-whom> (date accessed: 22.01.24).
35. *Ramadhanty S.* Turkey-UAE Bilateral Relations: Interdependency in Causes of Conflict Reconciliation // *Indonesian Journal of Multidisciplinary Science*. 2022. No. 9 (1). 17 p. DOI: 10.55324/ijoms.v1i9.181.
36. *Saudi Arabia and Turkey eye \$30bn trade relationship* // *Arabian Business*. Available at: <https://www.arabianbusiness.com/politics-economics/saudi-arabia-and-turkey-eye-30bn-trade-relationship> (date accessed: 14.01.24).
37. *Saudi Arabia buys Turkish drones during Erdogan's visit* // *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-turkey-sign-mous-energy-defence-other-fields-2023-07-18/> (date accessed: 14.01.24).
38. *The UAE is making a precarious shift in its Libya policy. Here's why* // *Atlantic Council*. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-uae-is-making-a-precarious-shift-in-its-libya-policy-heres-why/> (date accessed: 12.01.24).
39. *The UAE just received twenty drones from Turkey. What's the backstory?* // *Atlantic Council*. Available at: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/the-uae-just-received-twenty-drones-from-turkey-whats-the-backstory/> (date accessed: 18.01.24).
40. *Turkey irked over joint declaration by Cyprus, Greece and Egypt* // *Arab News*. Available at: <https://www.arab-news.com/node/1752791/middle-east> (date accessed: 09.01.24).
41. *Turkey's Erdogan signs \$50 billion in deals during UAE visit* // *Reuters*. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkeys-erdogan-ends-gulf-tour-with-abu-dhabi-visit-2023-07-19/> (date accessed: 03.01.24).
42. *UAE keen to strengthen partnership with Turkiye, says crown prince* // *Anadolu Ajansi*. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/uae-keen-to-strengthen-partnership-with-turkiye-says-crown-prince/2502590> (date accessed: 17.01.24).
43. *UAE official says Turkish base in Qatar destabilises region* // *MEM*. Available at: <https://www.middleeastmonitor.com/20201011-uae-official-says-turkish-base-in-qatar-destabilises-region/> (date accessed: 19.01.24).

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1 (7) «199»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.011

Североамериканская историография Коммунистического интернационала 1990-х гг.

Суздальцев Илья Алексеевич

кандидат исторических наук, преподаватель истории, школа № 1381.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-5204-0117. ResearcherID: AAN-2890-2021. E-mail: ialoko90@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу североамериканской историографии Коммунистического интернационала 1990-х гг. Выбор стран обусловлен тем, что значительное количество исследований, посвященных Коминтерну, опубликованы в 1990-е гг. именно в США и Канаде. Об актуальности исследования говорит факт того, что в это десятилетие изучение политики Коминтерна и национальных коммунистических партий оставалось одной из задач англоязычных историков: утвердился новый концептуальный подход (ревизионистский) к изучению данной темы, представители которого расходились с «традиционалистами» по ряду ключевых вопросов. Увидели свет публикации, посвященные как непосредственно данной организации, так и зарубежным коммунистическим партиям, международным отношениям Советской России, коммунистическому движению в отдельных странах. Это обусловило цель статьи: обобщить данные публикации в одном исследовании. Результаты: большинство исследований, изданных в 1990-х гг., в которых историки придерживаются традиционалистского подхода, опираются на гораздо более ранние работы, однако благодаря открытию ряда российских архивов, в достаточном количестве стали привлекаться архивные материалы, что повысило объективность научных трудов, написанных в том числе с позиций противоположных концепций. Историографическая традиция Коминтерна, существовавшая до конца 1980-х – начала 1990-х гг., была подвергнута изменениям: формирование нового ревизионистского подхода повлекло за собой смену акцентов и пересмотр некоторых устоявшихся точек зрения. Авторы, придерживавшиеся этой концепции, стали опираться на более современную литературу (в том числе российскую) и широкую источниковую базу, представленную материалами как зарубежных архивов, так и Российского государственного архива социально-политической истории. Автор приходит к выводам о том, что аргументы каждой из сторон достаточно убедительны, что, вероятнее всего, скажется на продолжении научного спора, что будет способствовать росту научных публикаций по данной теме. Согласно логике статьи, по каждому из рассматриваемых вопросов сначала представлены мнения «традиционалистов», затем «ревизионистов».

Ключевые слова: Коммунистическая партия США, Коммунистическая партия Канады, «сталинизация», «третий период», национальные секции Коминтерна.

Коминтерн – международная организация, объединявшая коммунистические партии в 1919–1943 гг. 1990-е гг. отмечены ростом публикаций, в которых изучается его деятельность, особенно периода с 1919 г. по конец 1930-х гг. Однако, проанализировав ситуацию с исследованиями, посвященными Коминтерну в британской историографии 1990-х гг. [1], а также в целом современной англоязычной историографии (2000-е гг.) [3], нами был сделан вывод, что в российской исторической науке также отсутствуют публикации, посвященные оценке ситуации с изучением Коминтерна в 1990-х гг. североамериканскими исследователями, хотя этот период является, пожалуй, одним из наиболее важных в изучении Коминтерна, так как характеризуется «архивной революцией», которая способствовала оформлению тенденций по пересмотру некоторых устоявшихся взглядов на III Интернационал.

На основе изученного материала можно выделить два концептуальных подхода в североамериканской историографии 1990-х гг.: традиционалистский и ревизионистский. Представители первого еще в годы холодной войны подчеркивали политическое подчинение западных коммунистических партий Советскому Союзу и политике Коммунистического интернационала, в котором доминировала российская коммунистическая партия; считали, что

период реализации тактики «класс против класса» (1928–1934 гг.) был самым мрачным часом в истории Коминтерна, временем, когда сталинизм нанес максимальный ущерб рабочему движению, а лидеры национальных компартий были вынуждены регулярно предоставлять Москве доказательства верности политической линии, заданной руководством III Интернационала. Ревизионистская концепция стала формироваться в 1980-е гг. Те исследователи, которые отождествляли себя с этим подходом, считали, что коммунистические партии были вправе разрабатывать стратегию по своему усмотрению и отмечали их положительный вклад в социальные процессы в своих странах [2, с. 86–94].

Профессор Мичиганского университета (США) Дж. Эли, по мнению современных историков Дж. Макилроя и А. Кэмпбелла, с энтузиазмом отнесся к социальной истории и повороту от институционального и идеологического анализа к реконструкции деятельности партийных ячеек и рядовых членов партии [25, р. 125]. Изучая особенности национальных корней Коммунистической партии США, он подчеркивал автономный характер и индивидуальное развитие партии, а также утверждал, что тяга к социальной истории может иногда уменьшать значение формальной коммунистической принадлежности, ведущей в крайних случаях к истории коммунизма без коммунизма [9, р. 91], также критикуя представителей традиционалистского подхода [8, pp. 375–431]. Его коллега по университету Д. Мэйфилд, отрицая утверждения времен Холодной войны о коммунизме как о советском заговоре, также пришел к выводу, что историки-традиционалисты во многом игнорировали национальные особенности и традиции коммунистических партий [24, р. 352].

Несмотря на факт того, что историки-ревизионисты представили достаточно обстоятельные обоснования новой концепции, традиционалистский подход оставался и остается доминирующим в североамериканской историографии. В отличие от более поздних работ, в которых приоритетными становятся проблемы тактики и стратегии Коминтерна, исследования, опубликованные в 1990-е гг., в основном посвящены оценкам влияния III Интернационала на зарубежные секции. Наиболее полно данное направление представлено американскими историками. У. Лакер и Р. Такер, рассуждая о зависимости национальных компартий от Коминтерна, приводят факт репрессий иностранных коммунистов в СССР: более тысячи немецких коммунистов, около 800 югославов, более 120 итальянцев, сотни венгров и болгар к весне 1938 г. были репрессированы; также репрессии коснулись большого количества румынских, австрийских, греческих, эстонских, швейцарских, турецких, индийских, иранских и корейских коммунистов [22, pp. 17–44; 32, pp. 2–24].

Профессор Массачусетского университета Г. Леви придерживается традиционного тезиса историографии времен Холодной войны о рабском подчинении компартий Коминтерну, в подтверждение своих слов приводит пример, когда в 1922–1924 гг. Коммунистической партии США (КП США) удалось завоевать влияние в профсоюзном движении в Миннесоте. Однако, пишет Леви, в 1924 г. У. Фостер (один из лидеров КП США) вернулся из Москвы с известием о том, что Коминтерн считает этот союз недопустимым, и партия была вынуждена оперативно менять направление, в том числе отказываться от поддержки на будущих президентских выборах сенатора Роберта Лафоллета, популярного лидера Прогрессивной партии [23, р. 7].

Профессор Городского университета Нью-Йорка Е. Вейц, с одной стороны, соглашается с «ревизионистами», заявляя, что социальная среда во многом сформировала характер и стратегию отдельных коммунистических партий [34, pp. 27–70], с другой стороны, в более поздней работе, подробно проанализировав эту «социальную среду» в Германии, отмечает, что враждебность к действующим профсоюзам привела к тому, что Коммунистическая партия Германии (КПГ), в соответствии с директивами Коминтерна, в 1919–1923 и 1929–1933 гг. стремилась создать независимые революционные союзы, которые должны были привлечь рабочих, входящих в социал-демократические, христианские и либеральные объединения. Однако эта неправильная тактика привела к недовольству среди рабочих, в том числе входящих в КПГ и настроила профсоюзы против коммунистов [33, р. 151]. По мнению Е. Вейца, Москва устанавливала стратегию КПГ, а ее партийные лидеры – П. Леви, Э. Мейер, Г. Брандлер, Р. Фишер – лишались своих постов, потеряв поддержку руководства Коминтерна [33, р. 234]. На ошибки в профсоюзной деятельности в отношении коммунистических партий США и Канады из-за неправильной тактики Коминтерна указывает также Р. Киран [17, pp. 163–197]. Р. Пайпс, посвятивший целый ряд работ внутренней политике Советской России, так же как и Г. Леви, полностью соглашаясь с «традиционалистами», приходит к выводу, что Коминтерн был тоталитарной организацией с момента его создания, имела место прямая прием-

ственность между ленинским и сталинским этапами его истории, а террор конца 1930-х гг. стал прямым следствием политики этой организации [29, pp. 172–239].

В духе указанных выше работ опубликованы исследования Дж. Хейнса, главный вывод которых: американский коммунизм был не более чем придатком к Советскому тоталитаризму [14, pp. 3–16]. В коллективной монографии, написанной совместно с Х. Клером и К. Андерсоном, утверждается, что американские коммунисты были «солдатами Сталина», готовыми изменить свою политическую позицию всякий раз, когда это соответствовало потребностям внешней политики Советского Союза [19, p. 1]. Например, по мнению авторов, КП США по указанию Москвы не поддержала кандидатуру Р. Лафоллета на президентских выборах в 1924 г., баллотировавшегося от Прогрессивной партии, хотя ему была оказана поддержка большинством левых сил и среди коммунистов также было много желающих поддержать его кандидатуру [19, pp. 14, 25]. В итоге Лафоллет выступил достаточно успешно, набрав 17 % голосов, в Висконсине и вовсе одержав победу (*Прим. авт.*). Также авторы в качестве примера приводят 1936 г., когда после возвращения Э. Браудера (генерального секретаря КП США), американские коммунисты практически перестали критиковать политику Ф. Рузвельта, имея новую цель – направить огонь по республиканцу А. Лэндону, чтобы добиться его поражения на президентских выборах [19, pp. 33–34]. Профессор Университета штата Калифорния в Лонг-Бич Х. Уилфорд считает КП США монолитной, так как она строилась по образцу большевистской партии и выполняла все директивы Коминтерна [35, pp. 225–233].

Канадских историков также достаточно давно волновала проблема взаимоотношения Коминтерна с коммунистическими партиями, главным образом, безусловно, с канадской (КПК). Например, историк Д. Эйкерс, обходя вопрос о гегемонии Коминтерна на протяжении всего времени его существования, сосредотачивается только на Третьем периоде (период реализации тактики «класс против класса»), который он считает самым губительным этапом для КПК. Его статья посвящена Джеку Каване – лидеру Социалистической партии Канады с 1908 по 1921 г., в 1921 г. возглавившему КПК. Кавана, по мнению Эйкерса, изначально поддерживал все директивы Коминтерна, однако с укреплением сталинской гегемонии в III Интернационале был низложен как австралийский председатель партии, в 1929 г. исключен как «правый уклонист», в начале 1931 г. вновь принят в партию после серьезной самокритики, а затем снова выведен из рядов партии как «троцкист» в 1934 г. [4, pp. 9–42].

Преподаватель Университета Макмастера Р. Фрейгер в схожей с предыдущим исследователем риторике заявляет, что история КПК в 1920-е гг. была мрачной, канадские коммунисты во многом из-за тактики Коминтерна не смогли способствовать объединению рабочих для защиты своих непосредственных экономических интересов, и закончили десятилетие в упадке, будучи изгнанными из профсоюзного мейнстрима [12, pp. 35–54, 180–210]. К. Кэмпбелл, так же как и свои соотечественники, высказывает мнение, что КПК контролировалась из Москвы, цитируя одного из лидеров Социалистической партии Канады Билла Причарда, который в 1921 г., после встречи с представителями Коминтерна писал, что «Москва выступает не с советами, а с директивами», и что руководство III Интернационала считает, что они знают больше о национальных особенностях Канады, чем местные социалисты, которые существовали еще до Первой мировой войны [6, pp. 59–60].

Историки-ревизионисты (главным образом из США) в 1990-е гг. значительно расширили свое представительство в исторической науке. Изучая в основном деятельность коммунистических партий на местном уровне, они пришли к ряду любопытных выводов. Например, профессор истории в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) Р. Келли отмечает, что предпосылки Третьего периода сформировались среди местных коммунистов в США и Великобритании, отрицает его исключительно негативные последствия, указывая, что были достигнуты значительные успехи в организации защиты прав неквалифицированных рабочих и безработных [18, p. 221]. Изучая иницилируемый ревизионистами характер национальных особенностей на примере коммунистов Алабамы, Келли приходит к выводу, что их стратегия и тактика была разработана в соответствии с местными обстоятельствами, которые в большинстве случаев не имели ничего общего с тактикой Коминтерна. Кроме того, добавляет Келли, если бы алабамские коммунисты терпеливо ждали приказы Москвы, они могли бы ждать их по сегодняшний день [18, p. XIV]. Преподаватель Университета Южной Флориды Ф. Оттанелли, во многом соглашаясь с Р. Келли, считает, что стратегия КП США сформировалась главным образом с учетом стремления коренных народов к политике, общих культурных форм, отечественных реалий и политических традиций, в том числе сформировавших

радикализм американских коммунистов [27, pp. 4–5]. Майкл Э. Браун также отмечает, что изменения в политике КП США вызваны социокультурным опытом американских коммунистов [5, pp. 15–44].

Дж. Гетти и Р. Мэннинг, сосредоточившись на изучении сталинского террора, сделали вывод, что намерения подчинить своему влиянию национальные компартии, возможно, имелись у Советского правительства и Коминтерна, однако на практике это было сделать практически невозможно [13, pp. 261–274]. Преподаватель истории Нью-Йоркского университета Э. Йоханнингсмайер посвятил свою монографию, опубликованную в 1994 г., председателю Национального комитета КП США (1929–1957) У. Фостеру. Изучая биографию Фостера, Йоханнингсмайер так же, как и ряд предыдущих историков, сфокусировался на национальных особенностях, что позволило ему прийти к выводу о том, что хотя американский коммунизм был напрямую связан с советской идеологией и политикой, его импульс был получен в основном из американских источников. Например, забастовки и другие акции протеста имели спонтанный характер и вызваны теми или иными местными причинами и зачастую не соответствовали политической линии Коминтерна в тот или иной период [16, р. XII]. Преподаватель Университета Северного Иллинойса Р. Фейрер, также изучая национальные особенности коммунизма в США, конкретно в 1930-е гг., отмечает, что в Чикаго существовала партийная культура, в которой имелись разнообразные модели поведения; в Калифорнии – сопротивление ряду директив Коминтерна, автономия в разработке тактики, а также заключает, что в КП США существовала значительная степень автономии в разработке политики со стороны как национальных, так и местных лидеров [10, pp. 27–50]. Профессор Симмонс-колледжа М. Соломон так же, как и Р. Келли (см. выше), оценивает время Третьего периода положительно, отмечая вклад коммунистов в забастовочные мероприятия, а также антирасистскую борьбу [31, р. XXIV].

Профессор истории Университета Трента (Питерборо, Канада) Б. Палмер, в отличие от ряда историков-ревизионистов, оправдывающих тактику «класс против класса», отмечает губительность этой тактики для Канады, так как она была оторвана от канадской реальности. Но его оценки других периодов деятельности Коминтерна позволяют отнести его скорее к ревизионистам, так как, например, он считает, что до 1928 г. КПК занималась массовой пропагандой, был серьезно отлажен контакт партии с массами, воспитывались партийные кадры, главным образом, из рабочих. Период Народного фронта – это время, когда необходимо было восстанавливать то, что было потеряно на политическом и культурном фронтах, а также в промышленной сфере в 1928–1934 гг. [28, pp. 228–229]. Такая оценка тактики «класс против класса» свойственна также американскому историку-ревизионисту Б. Нельсону в отношении Коммунистической партии Германии: по его мнению, упадок КПГ был самым трагичным западноевропейским последствием катастрофической ультралевой политики «третьего периода», что во многом вызвано ошибочной тактикой Коминтерна [26, pp. 79–80]. Исходя из этого, можно отметить, что ревизионистская историография занимается не только поиском аргументов на национальном уровне и попытками найти положительные итоги в той или иной тактике Коминтерна для оппонирования историкам-традиционалистам, им свойственен и значительный критический подход с признанием фактов, не всегда удовлетворяющих предмет их научных изысканий.

Несмотря на то, что, как было указано выше, североамериканские историки, посвятившие напрямую или опосредованно свои работы изучению деятельности Коминтерна, главным образом сосредоточились на изучении стратегий ряда национальных компартий, в некоторых публикациях все же существовал анализ «внутренней политики» Коминтерна, в том числе вопросы его сталинизации, а также изменения тактики. Американский историк Р. Такер связывал начало «сталинизации» Коминтерна с 1932 г., когда в Великобритании в течение непродолжительного периода был закрыт ряд околомарксистских организаций – Общество рабочего кино, Лига против империализма, Театральное движение, из-за, по его мнению, перехода к «культурной левизне» в России [32, pp. 102–108, 552–563]. Такер, а также Дж. Чэннон, опубликовавший свое исследование в 1998-х гг., считают окончательным оформлением «сталинизации» 1938 г., когда была закрыта Международная ленинская школа, так как Сталин больше не нуждался в ней для закрепления своей власти в филиалах Коминтерна [7, pp. 93–114; 32, pp. 552–563]. Профессор Городского университета Нью-Йорка Е. Вейц, чья монография увидела свет одной из самых последних среди представленных здесь историков, связывал начало «сталинизации» с 1925 г., когда произошло назначение Тельмана председателем КПГ [33, р. 235].

Почетный профессор Чикагского университета Ш. Фицпатрик, стоявшая у основ формирования ревизионизма как направления в изучении Коминтерна, вместе со своими сподвижниками, делавшими акцент главным образом на социальной истории, названными «новой когортой» [21], пришла к выводу, что политика «класс против класса» возникла автономно, а И. В. Сталин решил поддержать ее только тогда, когда ее поддержали лидеры европейских коммунистических партий [11, pp. 113–114]. Американский историк Дж. Джейкобсон одним из первых среди англоязычных историков высказал мнение (в 2000-е гг. эта точка зрения получила развитие в ряде работ его соотечественников [20, p. 38; 30, p. 217]), что Коминтерн создавался не только для осуществления мировой революции, но и как средство защиты Советского Союза [15, pp. 11–31].

Его соотечественник М. Соломон, изучая американский коммунизм, также отчасти сосредотачивается на «внутренней кухне» Коминтерна, отмечая, что особенно в период становления III Интернационала, дебаты были бурными и свободными, даже взгляды Ленина не были застрахованы от возможной корректировки. Его тезисы по национальному и колониальному вопросам на II конгрессе (1920 г.) были подвергнуты бурным обсуждениям и приняты только после доработки. Дискуссия о негритянском вопросе на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г., считает Соломон, была очень масштабной, при этом выступавшим часто не хватало понимания афроамериканского опыта [31, p. XXII].

Таким образом, североамериканская историография Коминтерна 1990-х гг. представлена достаточно масштабно: исследователям чаще всего свойственен именно анализ национальных компартий, на организационную структуру, стратегию и тактику Коминтерна в их работах в этот период сделан незначительный акцент. В 1990-е гг. в ней по сравнению с предыдущими десятилетиями произошли значительные изменения: помимо значительного увеличения публикаций по теме, сформировавшийся ревизионистский подход способствовал смене акцентов и пересмотру некоторых существующих тенденций. При этом следует отметить, что историки, рассматривающие Коминтерн как централизованное советское учреждение, чаще всего изучают эту международную организацию в контексте какой-либо более глобальной темы, опираясь в основном на работы, написанные в разгар Холодной войны. Это во многом сказывается на их научном подходе, который обуславливает определенный схематизм в их взглядах на политику III Интернационала. Публикации, посвященные непосредственно Коминтерну, его политике в отношении компартий, чаще всего написаны с использованием ревизионистского подхода, и им свойственна, как правило, опора на более широкую источниковую базу и использование современной литературы.

Список литературы

1. Суздальцев И. А. Британская историография Коммунистического интернационала 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 6. С. 147–167.
2. Суздальцев И. А. Об особенностях англоязычной историографии Коминтерна // Научный журнал «Вестник гуманитарного образования». 2023. № 2. С. 86–94.
3. Суздальцев И. А. Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 4. С. 18–30.
4. Akers D. Rebel or Revolutionary? Jack Kavanagh and the Early Years of the Communist Movement in Vancouver, 1920–1925 // Labour/Le Travail. 1992. No. 30. Pp. 9–42.
5. Brown M. E. The History of the History of U.S. Communism / Michael E. Brown, Randy Martin, Frank Rosengarten & George Snedeker, eds. // New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism. New York : Monthly Review, 1993. Pp. 15–44.
6. Campbell C. Making Socialists: Bill Pritchard, the Socialist Party of Canada, and the Third International // Labour/Le Travail. Fall 1992. No. 30. Pp. 45–63.
7. Channon J. Politics, Society and Stalinism in the USSR. Basingstoke : Macmillan, 1998. 220 p.
8. Eley G. History with the politics left out – again? // The Russian Review. 1987. No. 46. Pp. 375–431.
9. Eley G. International Communism in the hey-day of Stalin // New Left Review. January–February 1986. No. 157. Pp. 90–100.
10. Feurer R. The Nutpickers Union, 1933–34: Crossing the Boundaries of Community and Workplace / Staughton Lynd (ed.). // 'We Are All Leaders': The Alternative Unionism of the 1930s. Urbana and Chicago : University of Illinois Press, 1996. Pp. 27–50.
11. Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca : Cornell univ. press, 1992. 296 p.
12. Frager R. Sweatshop Strife: Class, Ethnicity, and Gender in the Jewish Labour Movement of Toronto 1900–1939. Toronto : University of Toronto Press, 1992. 300 p.

13. *Getty J., Manning R.* Stalinist Terror. New Perspectives. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 294 p.
14. *Haynes J. E.* Red Scare or Red Menace? American Communism and Anti-Communism in the Cold War Era? Chicago : Ivan R. Dee, 1996. 232 p.
15. *Jacobson J.* When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley : University of California Press, 1994. 400 p.
16. *Johanningsmeier E.* Forging American communism: the life of William Z. Foster. Princeton : Princeton University Press, 1994. 458 p.
17. *Keeran R.* The Communist Influence on American Labor // New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism / Edited by Michael E. Brown. New York : Monthly Review Press, 1993. Pp. 163-197.
18. *Kelley R.* Hammer and Hoe: Alabama Communists during the Great Depression. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1990. 412 p.
19. *Klehr H., Haynes J. E., Anderson K. M.* The Soviet World of American Communism. Yale University Press : New Haven and London, 1998. 420 p.
20. *Kocho-Williams A.* Russia's International Relations in the Twentieth Century. London – New York : Routledge, 2013. 208 p.
21. *Landers T. M.* An overview of the Historiography of Stalin, 1956-2018. Wellington, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/339088999_Landers_T_M_Stalin_Historiography_Overview_1956_2018.
22. *Laqueur W.* Stalin: The Glasnost Revelations. New York : Scribner, 1990. 382 p.
23. *Lewy G.* The cause that failed: Communism in American political life. New York : Oxford University Press, 1990. 384 p.
24. *Mayfield D.* What is the significant context of Communism? A review of the University of Michigan Conference on International Communism, 14-15 November 1986 // Social History. 1988. No. 13. Pp. 351-362.
25. *Mcilroy J., Campbell A.* A peripheral vision: Communist historiography in Britain // American Communist History. 2005. Vol. 4. No. 2. Pp. 125-157.
26. *Nelson B.* Workers on the Waterfront: Seamen, Longshoremen, and Unionism in the 1930s. Urbana and Chicago : University of Illinois Press, 1990. 352 p.
27. *Ottanelli F. M.* The Communist Party of the United States: From the Depression to World War II. New Brunswick : Rutgers University Press, 1991. 307 p.
28. *Palmer B.* Working-Class Experience: Rethinking the History of Canadian Labour, 1800-1991. Toronto : McClelland & Stewart, 1992. 455 p.
29. *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime. New York : Columbia University Libraries, 1993. 587 p.
30. *Rieber A. J.* How Persistent Are Persistent Factors? // Russian foreign policy in the twenty-first century and the shadow of the past / ed. R. Legvold. New York, 2007. Pp. 205-278.
31. *Solomon M.* The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917-1936. Jackson : University Press of Mississippi, 1998. 403 p.
32. *Tucker R.* Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928-1941. New York : W. W. Norton & Company, 1992. 707 p.
33. *Weitz E. D.* Creating German Communism, 1890-1990: From Popular Protests to Socialist State. Princeton : Princeton University Press, 1997. 445 p.
34. *Weitz E. D.* Popular Communism: Political Strategies and Social Histories in the Formation of the German, French, and Italian Communist Parties, 1919-1948. Ithaca : Cornell University Institute for European Studies, 1992. 84 p.
35. *Wilford H.* The Communist International and the American Communist Party / Tim Rees and Andrew Thorpe (eds.) // International Communism and the Communist International, 1919-1943. Manchester : Manchester University Press, 1998. Pp. 225-233.

The North American Historiography of the Communist International of the 1990s

Suzdalcev Ilya Alekseevich

PhD in Historical Sciences, history teacher, School No. 1381.

Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-5204-0117. Researcher ID: AAN-2890-2021. E-mail: ialoko90@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the North American historiography of the Communist International of the 1990s. The choice of countries is due to the fact that a significant number of studies on the Comintern were published in the 1990s in the USA and Canada. The relevance of the research is evidenced by the fact that in this decade the study of the politics of the Comintern and national communist parties remained one of the tasks of English-speaking historians: a new conceptual approach (revisionist) to the study of this topic was established, whose representatives differed from the "traditionalists" on a number of key issues. Publica-

tions devoted both directly to this organization and to foreign communist parties, international relations of Soviet Russia, and the communist movement in individual countries have been published. This determined the purpose of the article: to summarize the publication data in one study. Results: most of the studies published in the 1990s, in which historians adhere to a traditionalist approach, are based on much earlier works, however, thanks to the opening of a number of Russian archives, archival materials began to be involved in a fairly significant number, which increased the objectivity of scientific works written, including from the positions of opposite concepts. The historiographical tradition of the Comintern, which existed until the late 1980s and early 1990s, was subjected to changes: the formation of a new revisionist approach entailed a change of emphasis and a revision of some established points of view. The authors who adhered to this concept began to rely on more modern literature (including Russian) and a wide source base, represented by materials from both foreign archives and the Russian State Archive of Socio-Political History. The author concludes that the arguments of each side are quite convincing, which is likely to affect the continuation of the scientific dispute, which will contribute to the growth of scientific publications on this topic. According to the logic of the article, the opinions of "traditionalists" and then "revisionists" are presented on each of the issues under consideration.

Keywords: The Communist Party of the USA, the Communist Party of Canada, "Stalinization", "the third period", national sections of the Comintern.

References

1. Suzdalcev I. A. *Britanskaya istoriografiya Kommunisticheskogo internacionala 1990-h gg.* [British historiography of the Communist International of the 1990s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya – Herald of Moscow University. Episode 8: History.* 2022. No. 6. Pp. 147–167.
2. Suzdalcev I. A. *Ob osobennostyah angloyazychnoj istoriografii Kominterna* [On the peculiarities of the English-language historiography of the Comintern] // *Nauchnyj zhurnal "Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya" – Scientific journal "Herald of humanitarian education".* 2023. No. 2. Pp. 86–94.
3. Suzdalcev I. A. *Sovremennaya angloyazychnaya istoriografiya Kommunisticheskogo internacionala* [Modern English-language historiography of the Communist International] // *Novaya i novejschaya istoriya – New and modern history.* 2021. Is. 4. Pp. 18–30.
4. Akers D. Rebel or Revolutionary? Jack Kavanagh and the Early Years of the Communist Movement in Vancouver, 1920–1925 // *Labour/Le Travail.* 1992. No. 30. Pp. 9–42.
5. Brown M. E. *The History of the History of U.S. Communism* / Michael E. Brown, Randy Martin, Frank Rosengarten & George Snedeker, eds. // *New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism.* New York. Monthly Review. 1993. Pp. 15–44.
6. Campbell C. Making Socialists: Bill Pritchard, the Socialist Party of Canada, and the Third International // *Labour/Le Travail.* Fall 1992. No. 30. Pp. 45–63.
7. Channon J. *Politics, Society and Stalinism in the USSR.* Basingstoke : Macmillan, 1998. 220 p.
8. Eley G. History with the politics left out – again? // *The Russian Review.* 1987. No. 46. Pp. 375–431.
9. Eley G. International Communism in the hey-day of Stalin // *New Left Review.* January–February 1986. No. 157. Pp. 90–100.
10. Feurer R. *The Nutpickers Union, 1933–34: Crossing the Boundaries of Community and Workplace* / Staughton Lynd (ed.). // *'We Are All Leaders': The Alternative Unionism of the 1930s. Urbana and Chicago.* University of Illinois Press. 1996. Pp. 27–50.
11. Fitzpatrick S. *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia.* Ithaca. Cornell univ. press. 1992. 296 p.
12. Frager R. *Sweatshop Strife: Class, Ethnicity, and Gender in the Jewish Labour Movement of Toronto 1900–1939.* Toronto. University of Toronto Press. 1992. 300 p.
13. Getty J., Manning R. *Stalinist Terror. New Perspectives.* Cambridge. Cambridge University Press. 1993. 294 p.
14. Haynes J. E. *Red Scare or Red Menace? American Communism and Anti-Communism in the Cold War Era?* Chicago. Ivan R. Dee. 1996. 232 p.
15. Jacobson J. *When the Soviet Union Entered World Politics.* Berkeley. University of California Press. 1994. 400 p.
16. Johanningsmeier E. *Forging American communism: the life of William Z. Foster.* Princeton. Princeton University Press. 1994. 458 p.
17. Keeran R. *The Communist Influence on American Labor* // *New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism* / ed. by Michael E. Brown. New York. Monthly Review Press. 1993. Pp. 163–197.
18. Kelley R. *Hammer and Hoe: Alabama Communists during the Great Depression.* Chapel Hill : University of North Carolina Press. 1990. 412 p.
19. Klehr H., Haynes J. E., Anderson K. M. *The Soviet World of American Communism.* Yale University Press. New Haven and London. 1998. 420 p.
20. Kocho-Williams A. *Russia's International Relations in the Twentieth Century.* London – New York. Routledge. 2013. 208 p.
21. Landers T. M. *An overview of the Historiography of Stalin, 1956–2018.* Wellington, 2020. Available at: https://www.researchgate.net/publication/339088999_Landers_T_M_Stalin_Historiography_Overview_1956_2018.

22. *Laqueur W.* Stalin: The Glasnost Revelations. New York. Scribner. 1990. 382 p.
23. *Lewy G.* The cause that failed: Communism in American political life. New York. Oxford University Press. 1990. 384 p.
24. *Mayfield D.* What is the significant context of Communism? A review of the University of Michigan Conference on International Communism, 14–15 November 1986 // *Social History*. 1988. No. 13. Pp. 351–362.
25. *Mcilroy J., Campbell A.* A peripheral vision: Communist historiography in Britain // *American Communist History*. 2005. Vol. 4. No. 2. Pp. 125–157.
26. *Nelson B.* Workers on the Waterfront: Seamen, Longshoremen, and Unionism in the 1930s. Urbana and Chicago. University of Illinois Press. 1990. 352 p.
27. *Ottanelli F. M.* The Communist Party of the United States: From the Depression to World War II. New Brunswick. Rutgers University Press. 1991. 307 p.
28. *Palmer B.* Working-Class Experience: Rethinking the History of Canadian Labour, 1800–1991. Toronto. McClelland & Stewart. 1992. 455 p.
29. *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime. New York. Columbia University Libraries. 1993. 587 p.
30. *Rieber A. J.* How Persistent Are Persistent Factors? // *Russian foreign policy in the twenty-first century and the shadow of the past* / ed. R. Legvold. New York. 2007. Pp. 205–278.
31. *Solomon M.* The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936. Jackson. University Press of Mississippi. 1998. 403 p.
32. *Tucker R.* Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. New York. W. W. Norton & Company. 1992. 707 p.
33. *Weitz E. D.* Creating German Communism, 1890–1990: From Popular Protests to Socialist State. Princeton. Princeton University Press. 1997. 445 p.
34. *Weitz E. D.* Popular Communism: Political Strategies and Social Histories in the Formation of the German, French, and Italian Communist Parties, 1919–1948. Ithaca. Cornell University Institute for European Studies, 1992. 84 p.
35. *Wilford H.* The Communist International and the American Communist Party / Tim Rees and Andrew Thorpe (eds.) // *International Communism and the Communist International, 1919–1943*. Manchester. Manchester University Press. 1998. Pp. 225–233.

Лингвокогнитивный и прагматический уровни реализации концепта «Россия» в творчестве Н. С. Лескова (на примере романа «Некуда»)

Пулов Евгений Викторович

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет.
Россия, г. Саранск. E-mail: puool@yandex.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов реализации концепта в творчестве писателя. Автор анализирует способы репрезентации концепта «Россия». Сформулирован вывод о том, что репрезентация концепта «Россия» в романе Н. С. Лескова «Некуда» является отражением языковой картины писателя. Выявлены разнообразные способы реализации концепта. Сделана попытка спрогнозировать дальнейшее развитие концепта «Россия» в современной картине мира. Главной целью настоящей статьи является когнитивный и прагматический анализ концепта «Россия» в романе Н. С. Лескова «Некуда». Особое внимание на лингвокогнитивном уровне уделить лексемам, репрезентирующим концепт «Россия» на данном уровне «страна», «государство», «империя», «держава», «славянство», «патриотизм», «демократия», «духовность», «власть», «правительство», «отечество», проанализировать их ядерные и периферийные значения. На прагматическом уровне мы будем говорить о цитации, переводах, пародиях, взаимосвязях с родственными произведениями и известными текстами культуры, а также о соотношении языка и культуры в романе Н. С. Лескова «Некуда». Для достижения поставленной цели был сделан анализ большого объема современных научных лингвистических исследований, посвященных данной проблеме, определены основные мнения ученых – лингвокультурологические и лингвокогнитивные – в изучении и описании концептов. Таким образом, лингвистические исследования концептов основаны на связях концепта и понятия, концепта и смысла, концепта и ментальности. Проведена черта между учеными, придерживающимися одного из трех подходов. В нашем исследовании мы будем опираться на третий подход, основывающийся на связи концепта и ментальности автора. Выделим лингвокогнитивный и прагматический уровень репрезентации концептов.

Ключевые слова: концепт, Россия, Н. С. Лесков, репрезентация, языковая картина мира.

Рассмотрение главных концептологических связей в художественном дискурсе через текстовый анализ, на наш взгляд, считается актуальным подходом в рамках концептологии, дискуртологии и проблем, связанных с языковой личностью [11]. Мы считаем, что нужно основываться не только на языковой основе, но и обращаться к компаративистике [13]. В современном языкознании можно выделить следующие подходы к разъяснению понятия «концепт».

1) Связь концепта и понятия. Эта позиция принадлежит Ю. С. Степанову, который говорит, что концепт является содержательной и ведущей единицей памяти. Он полагает, что концепт – сгусток культурной памяти в ментальной способности человека. Ю. С. Степанов пишет, что в культурологии понятие «концепт» употребляют, если пытаются абстрагироваться от общественного содержания, когда имеют в виду лишь культуры, отрывая ее от носителей. Его мысли продолжает Т. Н. Ефименко, говоря, что подобный подход свойственен математической логике [10; 20].

Другие ученые, В. З. Демьянков, Н. Ф. Алефиренко, не видят принципиальных различий между понятием и концептом и считают их историческими дублетами, но на современном этапе они имеют разную семантику по культурологическим причинам [1; 7].

2) Связь концепта и смысла. Е. С. Кубрякова соотносит понятия «концепт» и «смысл». Под последним она понимает результат освоения мира человеком. Целостность концепта (здесь его понятие близко к гештальту – «собранный единице») заключается в его способно-

сти к замещению знаний, оценок, мнений. Из этого формируется определяющая функция концептов – смыслозамещающая [14].

3) Связь концепта и ментальности. Этот подход мы можем наблюдать в работах В. И. Карасика, который определяет концепт как квант переживаемого опыта и говорит, что к концепту относятся понятие, ценности, образы. Концепты являются «лакмусовой бумажкой» этнических, культурных, социологических устоев, исторически обусловленных; канонов жанра, функционально-смысловых стилей. Этот ученый классифицирует концепты по параметрам. Непараметрические представляют собой предметное содержание, а параметрические – классификационные категории [12].

Другой исследователь, Г. Г. Слышкин, понимает под концептом единицу менталитета, обладающую лингвокультурным комплексом и появляющуюся как результат усечения части окружающего мира до границ памяти человека. Этот редукционный компонент включается в культурный контекст и вербализуется [19].

О. Л. Арискина определяет концепт как лингвокогнитивный компонент в структуре совокупной языковой личности [2].

М. Вл. Пименова тоже представляет свое определение концепта. В первую группу она относит фундаментальные единицы языка – это базовый концептологический подход. Вторая группа включает дескрипторные концепты, которые являются классификаторами базовых концептов. Третья группа концептов определяется релятивными концептами, реализующими различные типы отношений [18].

С. Г. Воркачев считает, что под «концептом» следует понимать способность к квантификации и категоризации языковой картины мира, потому что его категориями выступают сущности менталитета, образуются которые уровнем абстрагирования, модель которого определяется данным концептом. Иными словами, объект создается самим концептом [5].

Не принимает этих точек зрения В. Ф. Новодранова. Она сравнивает концепт и понятие и приходит к выводу, что терминологичность здесь неоднозначна, так как исследователи ставят рамки для логического структурирования семантики понятий, для того чтобы подчинить это универсалию научного дискурса. Концепты же формируются естественно [17].

Новые исследования концептов направлены не только на русскую языковую картину мира [6], но и на репрезентацию языковой личности и идентичности [8].

Для описания концептосферы писателя нам близка третья интерпретация концепта, потому что, по нашему мнению, она пытается отразить языковую картину мира с помощью текстов, принадлежащих художественному дискурсу. Интерес к творчеству писателя не утихает [16].

Предмет исследования: роман Н. С. Лескова «Некуда».

Методы исследования: сбор информации, анализ полученных сведений, синтез, моделирование, аналогия.

Цель данной статьи – провести когнитивный и прагматический анализ концепта «Россия» в романе Н. С. Лескова «Некуда». Особое внимание на лингвокогнитивном уровне уделить лексемам, репрезентирующим концепт «Россия» на данном уровне «страна», «государство», «империя», «держава», «славянство», «патриотизм», «демократия», «духовность», «власть», «правительство», «отечество», проанализировать их ядерные и периферийные значения. На прагматическом уровне мы будем говорить о цитации, переводах, пародиях, взаимосвязях с родственными произведениями и известными текстами культуры.

Задачи предпринятого исследования: выявить ядро концепта «Россия», определить возможные перспективы данного исследования.

Лингвокогнитивный уровень реализации концепта представляет собой описание тех единиц мышления, которые ассоциируются с описываемой лексемой. Для концепта «Россия» ценностный компонент, на наш взгляд, обладает культурной маркированностью. Поэтому «высшая духовная сущность» [11, с. 64–72] выбранного концепта реализуется лексемами страна, государство, империя, держава, славянство, патриотизм, демократия, духовность, власть, правительство, отечество и оборотами с ними. Учитывая языковую картину мира автора, мы не можем абстрагироваться от личного восприятия Н. С. Лескова данного концепта. Априори авторское начало будет присутствовать – это обусловлено материалом исследования. Итак, обратимся к примерам из романа, реализующим концепт «Россия» на когнитивном уровне языковой личности.

«Хотя губернский архитектор, случайно видевший счеты, во что обошелся этот манеж правительству, и утверждал, что здание это весьма замечательно, но это нимало не касается

нашего романа» [15, с. 119]. Это один из значимых признаков концепта «Россия». В данном примере «правительство» интерпретируется как государство, являющееся главной распорядительной и экономической силой страны.

«– Стую мне моздно сделать! – восклицал Сафьянос, многозначительно засосав губу, – у мэнэ есть свой король, свое *правительство*» [15, с. 215]. Здесь уже лексема «правительство» моделируется как самостоятельное, независимое и этносоотносящее объединение.

Синонимом к «правительству» выступает в романе слово «власть». «Гловацкий, Вязми-тинов, Зарницын, доктор и даже Бахарев были, конечно, знакомы и с Никоном Родионовичем, и с *властями...*» [15, с. 119]. Использование множественного числа интерпретируется как ассоциация с реальными людьми, занимающими государственные посты и гарантирующими безопасность граждан во всех сферах деятельности.

Множественно реализует концепт «Россия» лексема «страна». Это ярко представлено в стихотворной форме:

Страна была
В судах черна, неправдой черной,
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна [15, с. 121].

Обращение Н. С. Лескова к стихотворению А. С. Хомякова в данном фрагменте можно объяснить исторической и романтической традициями, в которых выражается прошлое России, и акцент сделан на негативных сторонах. Страна понимается как мать, как народ, как что-то родное, неправомерно обиженное. На рубежах своей истории Россия сталкивалась с комплексом проблем: черные суды, ложь, рабство, лесть, лень, мерзость – таковы главные пороки нашей страны, по мнению автора.

Наблюдается еще один контекст, где лексема «страна» используется в составе устойчивого оборота: В описываемую нами эпоху, когда ни одно из смешных и, конечно, скоропреходящих стремлений людей, лишенных серьезного смысла, не проявлялось с нынешнюю резкостью, когда общество слепо верило Белинскому, даже в том, например, что «самый почтенный мундир есть черный фрак русского литератора», добрые люди из деморализованных сынов нашей *страны* стремились просто к добру [15, с. 131]. Здесь мы не будем заострять наше внимание на слове «русского», которое является вербально-семантической реализацией концепта «Россия». Этот уровень уже описан и апробирован на научных конференциях (г. Тольятти). Обратимся к метафоре «сын своей страны». Здесь наблюдается, на наш взгляд, индивидуально-авторский фразеологический оборот. Так как существует устойчивое выражение «сыны отечества» со значением «те люди, которые готовы защищать свою родину и ее интересы». Н. С. Лесков же показывает нам «продукт страны», человека, впитавшего в себя нравственные качества патриота, но оказавшегося на задворках эпохи, потому что время, описываемое автором, не способно вознести по карьерной лестнице человека с моральными качествами. Так репрезентуется концепт «Россия» на лингвокогнитивном уровне. Здесь писатель вступает в небольшую полемику с устоявшимися понятиями, чтобы показать новое направление в развитии страны, особенно ее карьерно-чиновнической линии.

Продолжая рассматривать данный уровень реализации концепта «Россия», обратим внимание на использование лексемы «страна». На 145 странице романа «Некуда» встречаем следующий контекст: – Вот место замечательное, – начал он, положив перед Лизою книжку и, указывая костяным ножом на открытую страницу, заслонив ладонью рот, читал через Лизино плечо: «В каждой цивилизованной *стране* число людей, занятых убыточными производствами или ничем не занятых, составляет, конечно, пропорцию более чем в двадцать процентов сравнительно с числом хлебопашцев» [15, с. 145]. Отметим, что данное словопотребление «страна» наблюдается в цитации из другой книги. Герой Помада читает этот абзац из «Русского вестника». Н. С. Лесков использует этот художественный прием «чужой речи» в качестве неоспоримого доказательства определенной теории. Помимо этого, на наш взгляд, важно обратить внимание на употребление устойчивого выражения «цивилизованная страна», так называемого политического клише, которое распространено в России. И здесь есть отсылка к значению лексемы «цивилизация», которая отправляет нас к странам Запада, которые являлись образцом политического и экономического развития, уровня культуры и толерантности. Но Лесков далее приводит отрицательный пример, затрагивая процент безработицы на Запа-

де. Тем самым развенчивается миф об идеальности европейской экономической системы. Этот прием, с одной стороны, показывает проблемы западных стран, а с другой, подразумевает, что не стоит слепо следовать за Европой, что Россия должна искать свой экономический путь, а не копировать чужую модель и вместе с ней проблемы.

Следующий контекст репрезентует концепт «Россия» также с положительной стороны: «Чёрт знает, что это в самом деле за проклятие лежит над людьми этой благословенной страны!» [15, с. 213]. Стоит обратить внимание на эпитет «благословенной», который ярко презентует коннотацию необходимой нам лексемы. Во-первых, в словаре С. И. Ожегова она дается с пометой (*высок.*). Во-вторых, имеет значение «счастливый, благополучный». Поэтому здесь речь о прекрасной стране с низким уровнем жизни людей, в причинах которого автор пытается разобраться на страницах романа.

Продолжаем анализировать употребление лексемы «страна» в реализации концепта «Россия». Обратимся к интересному диалогу между доктором Розановым – главным положительным героем произведения – и Араповым: «– Враждебная нам сила, сила, давящая свободные стремления лучших людей страны. – Нет, мечтания. Я знаю Русь не по-писаному. Она живет сама по себе, и ничего вы с нею не поделаете» [15, с. 237]. Первое высказывание принадлежит Арапову, второе – Розанову. Выражение «лучшие люди страны» рисует в нашей голове ученых, врачей, писателей, которые своим трудом, нравственными ценностями и отношением к жизни представляют образец русского человека.

Но в России таким людям необходим ориентир, который исторически был представлен в образе государя и царя. У Н. С. Лескова встречаем следующий контекст: «– Туда же, к государю! Всякую этакую шушвару-то так тебе представят. Ведь этакая прыть! К самому царю доступно. Только ему, царю-то нашему, и дела, что вас, пигалиц этаких, с мужьями разбирать» [15, с. 196]. Тут прослеживается мысль, что царь, государь и всякая власть в России стоит очень высоко, она от Бога, и не готова заниматься бытовыми разладами между мужем и женой. Ее цели велики, глобальны. С помощью этого небольшого примера автор рисует иерархию власти в нашей стране. Обращение простого человека с бытовыми неурядицами к царю невозможно, это противоречит норме жизни в России.

Но сильна Россия в представлении Н. С. Лескова прежде всего своей духовностью: «...то он начнет расспрашивать Розанова о провинции, о *всепобеждающем духе народа*, о настроении высшего общества...» [15, с. 233]. Выражение «дух народа» является нравственной скрепой, общей идеей для жителей нашей страны. Прибавляем эпитет «всепобеждающий» со стилистической пометой (*высок.*) и значением «побеждающий всех, всё». И получаем яркую и положительную репрезентацию концепта «Россия» на лингвокогнитивном уровне.

Безусловно, реализацией вышеозначенного концепта является употребление лексем «Отечество», «Патриотизм». Например, интересный контекст встречается на странице 238: «*Отечество* человеческое безгранично» [15, с. 238]. Словарь С. И. Ожегова дает следующее определение вновь с пометой (*высок.*): *Страна, в которой человек родился и к гражданам которой он принадлежит.* У Лескова происходит в данном отрывке расширение границ значения данного слова. Если словарная статья ограничивает лексему «Отечество» территорией государства, то этот контекст обращен именно к человеческим границам родства друг с другом. И используется это, на наш взгляд, не случайно. Николай Семенович в романе характеризует эпоху начинающих революционеров, которые, как известно, раздували пожары мировой революции и не ограничивались границами государств. Таким образом, рисуется человек нового сознания, появляющийся в России в середине 60-х годов XIX в. Мы видим, что концепт «Россия» репрезентуется через выстраивание образа человека, живущего в ней. Тем более в историческом экскурсе лексемы «Отечество» мы, конечно, найдем корневую отсылку к слову «отец». И интерпретация будет звучать так: Отечество – земля отцов, страна отцов. Но у Н. С. Лескова в данном репрезентативном контексте концепта «Россия» это слово и его окружение приобретают новый, революционный характер. Возможно, это и явилось основой для периодического запрета к печати романа «Некуда».

В продолжение этой мысли обратимся к лексеме «патриотический» и рассмотрим контекст ее употребления: «Да, если хотите смотреть с своей узкой, *патриотической* точки зрения, это будет, может статься, чужой человек» [15, с. 238]. Вновь одной лексеме недостаточно для полной репрезентации. Автор имеет в виду, на наш взгляд, небольшое изменение коннотации слова «патриотический». Патриотическая точка зрения является узкой, по мнению описанных героев, так как регламентирует их деятельность только на территории нашей страны.

Перейдем к третьему (высшему) уровню репрезентации концепта «Россия» в творчестве Н. С. Лескова на примере романа «Некуда». Прагматический уровень отражает интенции автора, его переосмысление прецедентных текстов, цитаты из других источников, переводы, пародии, взаимосвязь с родственными произведениями, а также известные тексты и образы культуры.

Устойчивые выражения, характерные для русской языковой картины мира, встречаются у Н. С. Лескова часто и ярко характеризуют ту или иную мысль героев. Например: «Это мысль наша родная; мы с ней родились; ее сосали в материнском молоке» [15, с. 271]. В этом контексте заключается ответ на высказывание: «Этих мыслей еще никто в России не понимает» [15, с. 271]. Интертекстуальность прослеживается в метафорах «мы с ней родились» и «сосали в материнском молоке». Последнее выражение представляет переключку с фразой «впитать с материнским молоком». Но выражение Н. С. Лескова является прямым переводом латинского выражения «Cum lacte nutriticis suxisse», а «впитать с материнским молоком» является более поздним русским образованием, встречающимся в литературе примерно с XX в.

Интересным представляется употребление французского эквивалента русского выражения «московские бояре»: «des boyards moskovites» [15, с. 272]. Ни в одном словаре, из рассмотренных, не встречается такое выражение. И это легко объяснить: этот слой населения встречался только в России. Употребление перевода на французский язык создает художественный образ западника Арапова и вместе с тем указывает на тенденцию использовать французскую речь в качестве образцовой на территории нашей страны. Это яркая репрезентация концепта «Россия».

В целом отсылки истории страны к ее политическому строю раскрывают тему исследования. Например: «Народ наш исповедует естественное право аграрного коммунизма. Он гнушается правом поземельной собственности» [15, с. 273]. Здесь автор имеет в виду социальный аспект, мысли о котором только зарождались в XIX в. и стали основой для развития нашей страны в веке XX. Учитывая дату публикации книги (1864), можно сделать вывод, что мысли Н. С. Лескова были пророческими.

Мудрость нашего народа, которая помогала делать такие прогрессивные предположения, формировалась веками и нашла свое отражение в паремических выражениях. Интересным представляется отрывок, в котором происходит объяснение изменения состава устойчивого выражения: «– Мое дело – скачи, враже, як мир каже», – шутливо сказал Барилочка, изменяя одним русским словом значение грустной пословицы: «Скачи, враже, як пан каже» [15, с. 273]. Замена лексемы «пан» на «мир» расширяет границы применения этого выражения. Из польской языковой картины мира оно переходит в русскую и, соответственно, репрезентует концепт «Россия».

Но не только пословицы отражают мирозерцание русского человека. Большой акцент делается на песнях, в которых затрагиваются социальные, бытовые и другие виды отношений. В ответ на польскую песню Ярошиньского «Бычков запел известную арию из оперы Глинки:

Славься, свобода и честный труд наш!

– О, сильные эти российские спевы! Поментая, як их поют на Волге, – проговорил Ярошиньский» [15, с. 278–280]. Ссылки на великих авторов, на великие географические объекты, тем более в речи персонажа другой национальности, представляют собой не только реализацию нашего концепта, но и формирование международной оценки России, которая происходит еще и в полемических приемах. Например: «– А у вас что? Что там у вас? Гггааа! Ни одного человека путного не было, нет и не будет. – Не будет потому, что ваш воздух и болота не годятся для русской груди... у вас Марат – бог; золото, чины да разврат – вот ваши боги» [15, с. 301–302]. Это фрагмент спора Пархоменко и русской маркизы. В нем показана широта русского человека, о которой говорил еще Ф. М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Действительно, ценности русского человека отличны от европейских, которые указаны в данном отрывке.

Переключка Н. С. Лескова происходит не только с Ф. М. Достоевским, но и с Н. В. Гоголем: «В поэтической душе старичка, правда, было и нечто маниловское, но это *маниловское* выходило как-то так мило, что чувствующему человеку над этим никак нельзя было засмеяться ядовито и злобно» [15, с. 326]. Этот персонаж поэмы Н. В. Гоголя предполагает под собой мечтания, не имеющие практической пользы. Если рассматривать маниловщину – построение грандиозных планов без всякого желанья и стремления к ним приблизиться – как черту рус-

ского национального характера, то репрезентация концепта «Россия» данным способом не вызывает сомнений.

Но переключка происходит не только с авторами, но и с устойчивыми выражениями: «– У всякого есть свой *царь в голове*, говорится по-русски, – заметил Стрепетов. – Ну, а я с вами говорю о тех, у которых свой царь-то в отпуске» [15, с. 360]. Фразеологизм берет свои корни от старой русской поговорки. Звучит она следующим образом: «У каждого свой царь в голове». Нетрудно догадаться, что под словом «царь» в данном выражении подразумевается ум человека. Некоторые специалисты утверждают, что поговорка звучала несколько иначе: «Свой ум – царь в голове». Как бы то ни было, это не влияет на трактовку и понимание рассматриваемого фразеологизма. Обыгрывание данного выражения является, с одной стороны, способом создания комического, с другой – реализацией концепта.

На 403-й странице романа встречаем названия книг, характеризующих общественные настроения того времени: «Вопросы жизни» Пирогова, «Русский народ и социализм» [15, с. 403]. «Дневник старого врача» Пирогова – замечательное свидетельство духовных поисков, пути от атеизма к вере. Упоминание сочинений Н. И. Пирогова и А. И. Герцена является показателем социального дискурса. Русский народ уже в XIX в. начал искать новые пути развития, общественного строя.

Исходя из темы исследования, мы ограничиваем исследования концепта «Россия» временными рамками – временем, когда написан роман, и временем, когда происходят события в произведении. Обратим внимание на следующий фразеологизм: «Поживи, брат, здесь, так и увидишь. Я все видел, и с опыта говорю: некуда метаться. Россия *идет своей дорогой*, и никому не свернуть ее» [15, с. 405]. Здесь мы наблюдаем реализацию концепта «Россия» с помощью лексического средства – фразеологического оборота. Значение его таково: «Делать выбор, руководствуясь собственными понятиями, не завися от мнения и выборов других». Безусловно, это реализация концепта, так как подобное выражение достаточно прочно закрепилось в том культурном пласте, который доступен для каждого носителя культуры с самых ранних лет.

Отсылка к действиям из произведений мировой культуры и литературы является, на наш взгляд, репрезентацией концепта и в то же время показателем включенности нашей страны в мировое культурное пространство: «*Воевать с ветряными мельницами*, воевать с обществом, злить понапрасну людей и покрывать это именем какого-то нового союза» [15, с. 422]. Это выражение стало фразеологическим и означает борьбу с воображаемыми врагами и бесцельно потраченные силы. Источником этого высказывания является роман испанского писателя Мигеля Сервантеса. Реализацией концепта мы считаем именно фразеологическое значение, так как оно характеризует деятельность активных общественных организаций и подразумевает бесполезность революционного движения, не имеющего шансов на успех.

Яркой репрезентацией концепта представляется нам использование имени сказочного персонажа из русского фольклора: «Розанов говорил ему по-прежнему ты; когда тот начинал топорщиться, он шутя называл его *«царем Берендеем»*, подтрунивал над привычкой его носить постоянно орден в петлице фрака и даже с некоторым цинизмом отзывался о достоинствах консервативного либерализма» [15, с. 516]. В сказочном мире Берендей – это отец Ивана-царевича. В русских революционных кругах «Иваном-царевичем» называли самозванца, который получит власть после свержения монархии. Это описано у Ф. М. Достоевского в романе «Бесы» в диалоге Ставрогина и Верховенского: «Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого? – Кого – Ивана-Царевича. – Кого-о? – Ивана-Царевича; вас, вас! Ставрогин подумал с минуту. – Самозванца? – вдруг спросил он, в глубоком удивлении смотря на испуганного. – Э! так вот наконец ваш план. – Мы скажем, что он «скрывается», – тихо, каким-то любовным шепотом проговорил Верховенский, в самом деле как будто пьяный» [9, с. 379–380].

Параллель между романами и идеями очевидна. Поскольку Розанов у Н. С. Лескова оценивает начало революционного движения в России, то вполне логичным является употребление этого имени – «Берендей», как начальный и неподготовленный этап в развитии русской революции.

Но не только романы великих писателей переплетены с нашим произведением. Имеют место библейские мотивы: «Я в этом случае *Фома неверный*» [15, с. 238]. Известный фразеологизм, характеризующий человека, которого сложно в чем-либо убедить. Такими были люди и персонажи того времени, которые не видели иного пути развития России, кроме монархии.

Выводы: таким образом, концепт «Россия» репрезентуется у Н. С. Лескова на когнитивном и прагматическом уровнях следующими средствами:

- 1) фразеологизмы с библейскими и сказочными мотивами;
- 2) связь с произведениями Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, Сервантеса;
- 3) использование пословиц и упоминание выдающихся людей нашей страны;
- 4) перевод на другие языки безэквивалентной лексики;
- 5) обращение к истории страны;
- 6) интертекстуальные метафоры;
- 7) употребление лексем «Отечество», «Дух народа», «Патриотизм», «Страна», «Государь»

с отсылками на поэтические контексты.

На основании это можно сделать вывод, что цель исследования достигнута. Репрезентация концепта «Россия» в романе Н. С. Лескова «Некуда» является отражением языковой картины писателя. Н. С. Лесков был человеком, горячо любящим народ и страну – это было главным в его отношении к России. В этом и заключается патриотизм, который сейчас необходим нам всем.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : мат-лы Междунар. симпозиума. Волгоград : Перемена, 2003. С. 3–13.
2. *Арискина О. Л.* Концепт «энергия» в дискурсе коучей XXI в. // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. М. : Флинта, 2021. С. 35–43.
3. *Арискина О. Л., Дрянгина Е. А.* Концепты «сердце», «душа», «разум» в дискурсе игумена Никона Воробьева // Русский язык в поликультурном мире. Симферополь : Крымский федеральный ун-т, 2022. С. 170–174.
4. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. Тамбов : Грамота, 2001. № 1. С. 64–72.
5. *Воркачев С. Г.* Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской памиологии // НДВШ ФН. М. : Наука, 1995. № 3. С. 56–66.
6. *Гасанова М. А.* Концепты «милость» и «милосердие» в исламском дискурсе // Вестник Дагестанского университета. Махачкала : Дагестанский гос. ун-т, 2023. № 3. С. 40–45.
7. *Демьянков В. З.* Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М. : МГУ, 1994. 205 с.
8. *Дондоков Д. Д.* Репрезентация языковой личности VS. Репрезентация идентичности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17 № 1. С. 20–23.
9. *Достоевский Ф. М.* Бесы. М. : АСТ, 2021. 608 с.
10. *Ефименко Т. Н.* Концептуальные основы формирования смысла в научном дискурсе / науч. ред. О. В. Афанасьева, О. Г. Чупрына, сост., отв. ред. Е. В. Суворина // Сегодня и всегда: актуальные проблемы литературоведения, лингвистики и лингводидактики : сб. науч. трудов по литературоведению, лингвистике, лингводидактике, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ К. М. Барановой. М. : Языки Народов Мира, 2023. С. 125–132.
11. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
12. *Карасик В. И., Слышкин Г. Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. научн. тр. Воронеж : ВГУ, 2001. С. 75–80.
13. *Касьян Л. А.* Термин концепт в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник ЮГУ. Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 2 (17). С. 50–53.
14. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М. : Наука, 1986. 159 с.
15. *Лесков Н. С.* Некуда. Собр. соч. : в 12 т. Т. 4. М. : Правда, 1989. 670 с.
16. *Немолякина Н. О.* Произведения Н. С. Лескова в кинематографе, как экранизация произведений Н. С. Лескова влияет на их прочтение? // Научно-исследовательская деятельность как фактор личностного и профессионального развития студентов : сб. мат-в III Международной студенческой научно-практической конференции среди образовательных учреждений. Орел, 2019. Т. 1. С. 148–150.
17. *Новодранова В. Ф.* Когнитивная карта науки // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сб. мат-в. Тамбов : Общероссийская общественная организация Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2006. С. 69–70.
18. *Пименова М. В.* Концептуальные исследования. М. : Флинта : Наука, 2011. 176 с.
19. *Слышкин Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.
20. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Linguistic cognitive and pragmatic levels of the realization of the concept of "Russia" in the work of N. S. Leskov (using the example of the novel "Nowhere")

Pulov Evgeny Viktorovich

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian as a Foreign Language,
National Research Mordovian State University. Russia, Saransk. E-mail: puool@yandex.com

Abstract. The article is devoted to the consideration of the implementation of the concept in the work of the writer. The author analyzes the ways of representing the concept of "Russia". The conclusion is formulated that the representation of the concept of "Russia" in N. S. Leskov's novel "Nowhere" is a reflection of the writer's linguistic picture. Various ways of implementing the concept have been identified. An attempt is made to predict the further development of the concept of "Russia" in the modern picture of the world. The main purpose of this article is a cognitive and pragmatic analysis of the concept of "Russia" in N. S. Leskov's novel "Nowhere". At the linguocognitive level, special attention should be paid to lexemes representing the concept of "Russia" at this level, "country", "state", "empire", "power", "Slavism", "patriotism", "democracy", "spirituality", "power", "government", "fatherland", to analyze their nuclear and peripheral values. On a pragmatic level, we will talk about citations, translations, parodies, relationships with related works and well-known cultural texts, as well as the relationship between language and culture in N. S. Leskov's novel "Nowhere". To achieve this goal, an analysis of a large volume of modern scientific linguistic research devoted to this problem was made, the main opinions of scientists – linguocultural and linguocognitive – in the study and description of concepts were determined. Thus, linguistic research of concepts is based on the connections of concept and concept, concept and meaning, concept and mentality. A line is drawn between scientists who adhere to one of the three approaches. In our study, we will rely on the third approach, based on the connection between the concept and the author's mentality. Let's highlight the linguocognitive and pragmatic level of representation of concepts.

Keywords: concept, Russia, N. S. Leskov, representation, linguistic picture of the world.

References

1. Alefirenko N. F. *Verbalizaciya koncepta i smyslovaya sinergetika yazykovogo znaka* [Verbalization of a concept and semantic synergetics of a linguistic sign] // *Problemy verbalizacii konceptov v semantike yazyka i teksta : mat-ly Mezhdunar. simpoziuma – Problems of verbalization of concepts in the semantics of language and text* : International symposium. Volgograd. Peremena (Brake). 2003. Pp. 3–13.
2. Ariskina O. L. *Koncept "energiya" v diskurse kouchej XXI v.* [The concept of "energy" in the discourse of coaches of the XXI century] // *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: nacional'noe i internacional'noe – Active processes in modern Russian: national and international.* M. Flint. 2021. Pp. 35–43.
3. Ariskina O. L., Dryangina E. A. *Koncepty "serdce", "dusha", "razum" v diskurse igumena Nikona Vorob'yova* [Concepts of "heart", "soul", "mind" in the discourse of Abbot Nikon Vorobyov] // *Russkij yazyk v polikul'turnom mire – Russian language in the multicultural world.* Simferopol. Crimean Federal University. 2022. Pp. 170–174.
4. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics] // *Filologicheskie nauki – Philological Sciences.* Tambov. Gramota. 2001. No. 1. Pp. 64–72.
5. Vorkachev S. G. *Nacional'no-kul'turnaya specifika koncepta lyubvi v russkoj i ispanskoj paremiologii* [National and cultural specificity of the concept of love in Russian and Spanish paremiology] // *NDVSh FN. M. Nauka (Science).* 1995. No. 3. Pp. 56–66.
6. Gasanova M. A. *Koncepty "milost'" i "miloserdie" v islamskom diskurse* [Concepts of "mercy" and "mercy" in Islamic discourse] // *Vestnik Dagestanskogo universiteta – Herald of Dagestan University.* Makhachkala. Dagestan State University. 2023. No. 3. Pp. 40–45.
7. Dem'yankov V. Z. *Morfologicheskaya interpretaciya teksta i ee modelirovanie* [Morphological interpretation of the text and its modeling]. M. Moscow State University. 1994. 205 p.
8. Dondokov D. D. *Reprezentaciya yazykovoj lichnosti VS. Reprezentaciya identichnosti* [Representation of the linguistic personality VS. Representation of identity] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke – Social and humanitarian sciences in the Far East.* 2020. Vol. 17 No. 1. Pp. 20–23.
9. Dostoevskij F. M. *Besy* [Besy]. M. AST. 2021. 608 p.
10. Efimenko T. N. *Konceptual'nye osnovy formirovaniya smysla v nauchnom diskurse* [Conceptual foundations of the formation of meaning in scientific discourse] / scient. ed. O. V. Afanasyeva, O. G. Chuprina, comp., ed. E. V. Suvorin // *Segodnya i vsegda: aktual'nye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i lingvodidaktiki : sb. nauch. trudov po literaturovedeniyu, lingvistike, lingvodidaktike, posvyashchennyj yubileyu doktora filologicheskikh nauk,*

professora, zaveduyushchego kafedroj anglijskoj filologii IYа MGPU K. M. Baranovoj – Today and always: actual problems of literary studies, linguistics and linguodidactics : collection of scientific works on literary studies, linguistics, linguodidactics, dedicated to the anniversary of the Doctor of Philology, Professor, head of the Department of English Philology of the IIA MGPU K. M. Baranova. M. Languages of the Peoples of the World. 2023. Pp. 125–132.

11. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd. Peremena (Brake). 2002. 477 p.

12. Karasik V. I., Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnyj koncept kak edinica issledovaniya* [Linguistic and cultural concept as a unit of research] // *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki : sb. nauchn. tr. – Methodological problems of cognitive linguistics : collection of scientific works*. Voronezh. VSU. 2001. Pp. 75–80.

13. Kas'yan L. A. *Termin koncept v sovremennoj lingvistike: razlichnye ego tolkovaniya* [The term concept in modern linguistics: its various interpretations] // *Vestnik YuGU – Herald YuGU*. Khanty-Mansiysk. 2010. Is. 2 (17). Pp. 50–53.

14. Kubryakova E. S. *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti* [Nominative aspect of speech activity]. M. Nauka (Science). 1986. 159 p.

15. Leskov N. S. *Nekuda. Sobr. soch. : v 12 t. T. 4* [Nowhere to go. Collected works : in 12 vols. Vol. 4]. M. Pravda (Truth). 1989. 670 p.

16. NemoLyakina N. O. *Proizvedeniya N. S. Leskova v kinematografe, kak ekranizaciya proizvedenij N. S. Leskova vliyaet na ih prochtenie?* [N. S. Leskov's works in cinematography, how does the adaptation of N. S. Leskov's works affect their reading?] // *Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' kak faktor lichnostnogo i professional'nogo razvitiya studentov : sb. mat-v III Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii sredi obrazovatel'nyh uchrezhdenij – Scientific research activity as a factor of personal and professional development of students : collection of materials of the III International student scientific and practical conference among educational institutions*. Orel. 2019. Vol. 1. Pp. 148–150.

17. Novodranova V. F. *Kognitivnaya karta nauki* [Cognitive map of science] // *Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike : sb. mat-v – International Congress on cognitive linguistics : coll. mat.* Tambov. All-Russian Public Organization Russian Association of Linguists and Cognitologists. 2006. Pp. 69–70.

18. Pimenova M. V. *Konceptual'nye issledovaniya* [Conceptual studies]. M. Flint : Nauka (Science). 2011. 176 p.

19. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty : diss. d-ra filol. nauk.* [Linguistic and cultural concepts and metaconcepts : diss. ... Dr. of philol. sciences] Volgograd. 2004.

20. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. M. Languages of Russian culture. 1997. 824 p.

Особенности художественного мира Нины Дашевской

Денисова Марина Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации,
Воронежский государственный технический университет,
Россия, г. Воронеж. ORCID: 0009-0008-9977-8467. E-mail: deni-mar@list.ru

Аннотация. Статья посвящена творчеству известного современного детского писателя, чьи произведения не раз становились победителями престижных литературных конкурсов, среди которых Всероссийский конкурс «Книгуру» (2013, 2014, 2015), Международная детская литературная премия имени В. Крапивина (2013, 2014), конкурс «Новая детская книга» (2014), Литературная премия им. С. Я. Маршака (2018) и другие. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостатком теоретических работ, посвященных анализу произведений Нины Дашевской, опубликованных в течение последнего десятилетия. Целью работы является изучение целостной системы текстов автора, обладающей определенными характеристиками. Объектом изысканий становятся сборники рассказов «Около музыки» (2015), «Второй» (2018), «Ключ» (2022), повестей «Скрипка неизвестного мастера» (2015), «Я не тормоз» (2016), «День числа Пи» (2018), «Тимофей: блокнот; Ирка: скетчбук» (2020), «Поиск звука. Творогов» (2021).

В результате сделан вывод о том, что герои автора – современные подростки, самобытные, увлеченные, талантливые, они ищут свой путь, учатся общаться, принимать решения, взаимодействовать с другими людьми. Автор поднимает проблемы социальной изолированности, отсутствия друзей и взаимоотношений между братьями и сестрами. В работе проанализированы ценности художественного мира автора, доминанты художественного пространства, особенности сюжетного построения произведений. Рассматривается музыкальность и ее реализация в текстах как основополагающая черта прозы Дашевской. Произведения демонстрируют воспитательный аспект и серьезную познавательную направленность рассказов и повестей, которая реализуется в сведениях из области музыки, живописи и литературы. Настоящая работа представляет собой этап в изучении современной литературы для детей и творчества Нины Дашевской, в частности, и открывает перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: современная детская литература, проблема, герой, сюжет, композиция.

Произведения Нины Дашевской появились на книжном рынке сравнительно недавно, однако быстро сумели не только привлечь внимание экспертов и критиков, но и завоевать любовь читателей, среди которых как дети и подростки, кому первоначально и были адресованы тексты, так и взрослые. Ее рассказы востребованы на уроках в школьном курсе литературы [2; 3; 12], они нередко становятся предметом анализа исследовательских работ школьников и студентов [13; 16; 17; 20]. Профессиональный музыкант, скрипач Нина Дашевская в своих книгах создает особую вселенную, функционирующую по своим законам. Жанровое и сюжетное разнообразие изданий тем не менее позволяет вычленить черты, характерные для ее художественного мира.

Главные герои большинства произведений – современные подростки 13-14 лет, по имуществу мальчишки, живущие в большом городе. Их жизнь, их становление тесно связаны со школой, часто не только общеобразовательной, но и музыкальной. Одной из их особенностей является уникальность, самобытность, богатый внутренний мир. Попытки разобраться в себе, осмыслить происходящее порой сопровождаются способностью настолько погружаться в собственные мысли, что теряется связь с реальностью. Герой подчас приходит в себя в совершенно неожиданном месте, не понимая, как он там оказался: «Идешь, идешь, вроде как обычно. И вдруг – бац! – совсем не то!» («Пространственный кретинизм») [7, с. 136], «Голова думает себе, а ноги идут совершенно отдельно» («Цветок липы») [15, с. 66–67], «Среди самого обычного дня он вдруг выпадал из реальности. Будто кто-то ставил жизнь на паузу. И в это время показывал ему совсем другое кино» («Лук») [15, с. 19].

Эта черта трактуется не как недостаток, болезнь, а порой как свидетельство увлеченности, талант, который следует лишь научиться использовать. Подобная способность характерна прежде всего для творческих людей любого возраста. Поэтому в произведениях Дашевской ею обладают и родители. Мама Игната – театральная художница. «Когда она утром кашу ва-

рит, мешает в кастрюле, а вокруг листки бумажные валяются. И каша потом... Э... Ну не в каше счастье ... А потом – бац, звездочет с листков этих – на занавесе. В огромном театре» («Я не тормоз») [12, с. 36], родители Ивана Творогова – оперные певцы, папа перед премьерой ночью несколько часов смотрит клавиш, спросишь – не ответит, каждый раз наливает себе чай и забывает о нем: «Так и сидит... сто чашек вокруг себя соберет» («Поиск звука. Творогов») [9, с. 19]. Папа Ильи – музыкант – признается сыну, что тоже, как и он, задумывается и улетает, но уже реже, чем в юности. Постепенно он научился это прятать, однако знает, что машину ему водить опасно («Лук»). Такие откровения способствуют взаимопониманию, может быть, поэтому в художественном мире писателя нет противостояния между родителями и детьми.

Персонажи часто неуклюжи, неловки, забывчивы, не всегда могут верно рассчитать время. Например, Миша из рассказа «Очки» идет в кино с классом, он рад, что все сложилось благополучно: и пришел вовремя, и кинотеатр не перепутал, и деньги не забыл, но, как только он сел на свое место, из очков вылетело стекло. Иван Творогов, который выбрал для себя роль лентяя, часто просто лежит на диване. Однажды, когда он все-таки решил встать, то зацепился ногой за провод от торшера, разбил и лампочку в торшере и плошку с цветком на окне. Вышел из дома – оступился, упал, разбил очки, решил прокатиться на самокате – не заметил трещину в асфальте, упал, порвал джинсы.

Уникальность героя порой граничит с инаковостью: перу Дашевской принадлежат два романа об особенных детях: «Я не тормоз» и «День числа Пи». Оба главных действующих лица демонстрируют выдающиеся способности и высокий интеллектуальный уровень, при этом, с точки зрения обывателя, их поведение неадекватно. Так, например, Лев Иноземцев («День числа Пи») воспринимает мир в красках и звуках, и если сочетание, с его точки зрения, ужасно, он испытывает почти физическую боль: «Это слово похоже на птицу ... Я не могу его написать, не могу его слышать. Это какой-то взрыв фиолетового и коричневого цветов: причем таких оттенков, что это совершенно невыносимо и хочется орать только оттого, что я представил это» [6, с. 22]. У Льва – синдром Аспергера, у Игната Волкова («Я не тормоз») – СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности. «У меня без движения ноги отваливаются и руки» [12, с. 34], – так мальчик пытается объяснить свою неспособность сидеть спокойно хоть какое-то время.

Первого диагноза нет в тексте, автор упоминает его лишь в интервью, указывая, однако, что у нее не было цели показать больного ребенка [1]. Эти люди воспринимаются окружающими как странные, тогда как сами герои себя таковыми не считают: «Я не странный, я нормальный. Это все остальные странные. Представь себе: ты оказалась в обществе, где все такие, как я. Как бы тебе это понравилось? Все бы говорили, что ты странная» [6, с. 47]. Повествование от первого лица позволяет автору максимально откровенно передать мысли и чувства этих нетипичных персонажей, раскрыть перед читателем их внутренний мир. Повесть «День числа Пи» является диалогией. Первая часть написана от лица Льва Иноземцева, вторая – его одноклассника Кирилла Комлева. Структура повести дает возможность понять, как разнится самоощущение героя с его восприятием окружающими [14, с. 38].

Герои Дашевской по преимуществу талантливы: они пишут стихи и сочиняют музыку, они прекрасные исполнители, делают необыкновенные по содержанию фотоснимки. В школе им удается писать отличные сочинения и решать сложные олимпиадные задачи по математике. Есть способности и не слишком очевидные: умение находить общий язык с малышами («Грошик»), тонко чувствовать другого человека («Второй»). Важной особенностью художественного мира автора становится и дар видеть красоту в обыденном. Предметом восхищения может стать тень от решетки моста с переплетением в виде кельтского узора, сосулька, похожая на чудовище («Пространственный кретинизм»), старая стена, которую множество раз штукатурили и красили («Подросток N»), монетка на булыжной мостовой («Кнехт»), старая колонка для воды недалеко от небоскреба как соединение двух миров («Лук»), дождь, превращающий обычный город в волшебный («Дождь») и многое другое. Одаренность выступает у автора чертой каждого подростка, думающего, развивающегося, способного заглянуть в себя.

В склонностях и интересах персонажей легко увидеть предпочтения и самого автора. Нина Дашевская в многочисленных интервью не раз признавалась, что ее любимым школьным предметом была математика и она до сих пор занимается детской олимпиадной математикой. Говорит она и о связи музыки и математики, которая прослеживается во многих ее художественных текстах: «Музыка работает с числами, звуковыми волнами. Человеку нравится

сочетание звуков, но, если копнуть, окажется, что звуковые волны находятся в очень строгих взаимоотношениях между собой. Иногда мне хочется знать в музыке, «как это устроено»; иногда – это чистые эмоции, ощущения» [18].

Несмотря на очевидную для читателя благополучность, успешность героев, их самооценка обычно ниже, чем мнение, которое высказывают о них окружающие, персонажи никогда не только не говорят о своих достижениях или о своих успехах, но даже и не думают об этом. Прохор из рассказа «Второй» считает, что он поступил в специальную музыкальную школу со второго раза случайно: «Не должен был, но прошел. Взяли авансом» [8, с. 165], он убежден, что играет хуже всех: «Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И все. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести ее» [8, с. 165]. Этому высказыванию противопоставлено мнение о нем его одноклассницы Оли Коровиной: «Из маленькой музыкальной школы в райцентре, я талантливый, добился, поступил с нуля» [8, с. 173]. И это не единственное суждение: выясняется, что в классе только Прохор обладает способностью в ансамбле «сдерживать в себе солиста» [8, с. 171] и дать прозвучать другому.

В диалогии «Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук» Тимофей в парном бадминтоне занял четвертое место в соревнованиях «конечно, просто потому, что Степанов играл как терминатор» [11, с. 16]. В повести «Канатоходец» Доминик Штрохольм по тросу, натянутому над площадью, забирается на колокольню, чтобы разбудить город и спасти жителей от наводнения, но не видит в этом своей заслуги, убежденный, что герои те, кто предсказал стихийное бедствие и вывозил людей. То есть персонажи Дашевской скромны и самокритичны, однако не из-за робости или завышенных требований со стороны родителей или учителей, а благодаря благополучной семье, уважению к личности и интересам подростка и верным жизненным ценностям, которые транслирует автор.

Очень хороши у Дашевской женские образы: умные, тонко чувствующие, внимательные, отзывчивые, всегда готовые прийти на помощь. Конечно, читатели, как правило, видят их глазами рассказчиков, испытывающих безусловную симпатию к героиням, тем не менее поступки девочек подтверждают, что симпатия неслучайна. Таня Соловьева из повести «Скрипка неизвестного мастера» не только не испугалась поддержать одноклассников, выступивших против учителя, но и была инициатором разговора с директором. Соня из повести «День числа Пи» стала, по ее меткому выражению, своеобразным адаптером между Львом Иноземцевым и остальным миром, Варя М. из повести «Поиск звука. Творогов» подтолкнула героя к поиску своего звука, дела своей жизни.

Основной проблемой, стоящей перед героями, является их некая социальная изолированность, отсутствие друзей. «В школе у меня нормально. В смысле, что и друзей особых нет, но и не достает никто. Я сама по себе. Не с кем особо там дружить, неинтересно» [7, с. 77–78], «Друзей у меня нет. Ну, можно сказать, я со всеми дружу; врагов у меня нет тоже. Но так, чтобы прямо друг – нет» [12, с. 12]. С этими суждениями Сони Арсеньевой из рассказа «Панкратьев» и Игната Волкова («Я не тормоз») согласились бы большинство героев. Дружба в художественном мире Дашевской выступает огромной ценностью, способной наполнить жизнь. Потеря друга из-за досадного недоразумения или появления новых интересов крайне болезненна. Общеобразовательной школе в этой связи иногда противопоставлена музыкальная, где тебя понимают, где вокруг – единомышленники. Героиня рассказа «Весенняя соната» переехала в другой район, но раз в неделю она отправляется домой, подразумевая под этим словом не старый дом, и не двор, а музыкальную школу. А в рассказе «Наушники» герой планирует пережить, как-то дотянуть до 9 класса и поступить в музыкальное училище, где плохих людей просто не может быть.

Частотным сюжетным ходом автора, позволяющим раскрыть подростка как личность, как интересного, думающего человека, становится его случайное сближение с одноклассником, которого он вроде бы давно знал, но никогда не общался с ним. В рассказе «Наушники» Иосифа и Никиту, которые «учились в одном классе шесть лет и абсолютно не замечали друг друга» [7, с. 6], в поездке поселили в один гостиничный номер, в рассказе «Подросток N» мальчик, гуляющий по городу, неожиданно встречает одноклассницу Зою Синицкую, а Соня, героиня рассказа «Панкратьев», сталкивается с одноклассником, чье имя даже не помнит, на школьной крыше, куда обычно приходит, когда хочет побыть одна. Повествование в таком случае ведется от первого лица, а неожиданное столкновение и доверительный разговор обогащают обоих участников диалога, выявляют неординарность героев и помогают рассказчику разобраться в себе.

В диалогии «День числа Пи» сюжетная коллизия немного усложняется: герои не переносят друг друга, но несчастный случай заставляет их начать общаться, а затем и дружить. Важная роль здесь принадлежит третьему действующему лицу – Соне, сознающей неординарность обоих персонажей и пытающейся приблизить их друг к другу. Именно ее вмешательство помогает героям лучше узнать друг друга и разобраться в себе. Осознание себя и собеседника как близкого человека, друга, после произошедшего реализуется в финале рассказов через обращение к личному имени. Соня на страничке класса выясняет, что Панкратьева зовут Дима, подросток Н превращается в Гришу, а Оська, который не любит свое имя, становится Иосифом. В повести «День числа Пи» Кирилл про себя называет Льва Иноземцева Моцартом, тогда как себе отводит роль Сальери. Соня разрушает это надуманное противостояние героев, вспоминая имя, которым называла друга в детстве: «Так что ты никакой не Сальери ... ты мой Паразауролоф навсегда!» [6, с. 195].

Доверительный разговор со сверстником, продолжающийся в переписке в социальных сетях и сообщениях, дающий возможность поделиться своими мыслями, интересами, откровенно говорить о том, что беспокоит, для героев порой важнее, чем романтические отношения. Так, Иван Творогов, которому нравится Варя М., готов смириться с ее симпатиями к другим: «Пусть Джефф... пусть Дима Федченко, пусть – все, что угодно... Кто угодно. Только говори со мной, Варя. Иначе я умру. Просто умру, и все» [9, с. 87]. Ценность такого общения осознает и Варя, она не хочет смешивать его с личными привязанностями, чтобы не потерять собеседника. И когда Иван пытается обнять ее, отстраняется: «Всем – может быть и надо. А ты не все. Понял? Ты – не все! ... Мне с тобой – говорить, понимаешь? Я ни с кем так не могу говорить... Пожалуйста, не как все» [9, с. 89].

Показательно, что отрицательных героев у Дашевской почти нет. В эту категорию попадает разве что второстепенный персонаж рассказа «Наушники» Гиреев, демонстрирующий пренебрежительное отношение к людям других национальностей. Но он лишь вскользь упоминается в тексте. Кажется, что если бы автор уделила ему чуть больше времени, то и он предстал бы интересной личностью. Так, в рассказе «Цветок липы» Гордеев характеризуется как «двоечник и хулиган» [5, с. 67], его даже хотят исключить из школы за распитие спиртных напитков. Но ни его поведение, ни речевая характеристика не создают отрицательного образа, напротив, тот факт, что он не выдал никого, с кем был на крыше, заставляет уважать его. Автор не оставляет вопросов по поводу его дальнейшей судьбы, сообщает, что в школе его поддержал молодой преподаватель истории, занимался с ним, Гордеев выдержал огромный конкурс и поступил в Нахимовское училище.

Дашевская не создает трагических ситуаций и неразрешимых конфликтов, избегает расставаний, ссор, болезней и утрат, она строит светлый мир, в котором нет несчастных людей, а есть лишь сомневающиеся, переживающие сложный период взросления герои, которые обязательно будут счастливы. А если она и упоминает о проблемах в семье, то очень аккуратно, не давая оценок. Например, из уст одного из персонажей читатели узнают, что родители Гордеева «классические асоциальные элементы. Алкаши, по-русски говоря. Кажется, сидит кто-то» [5, с. 79]. Но информация не комментируется, а сведения о том, как сложилась дальнейшая судьба героя, на первый взгляд, излишние для сюжета, дают читателю установку на то, что несмотря на сложные жизненные обстоятельства, человек, который прикладывает усилия и стремится к своей мечте, добивается желаемого.

Если отношения со сверстниками у героев Дашевской складываются не всегда и не сразу, то с родителями ни у кого серьезных конфликтов нет. Бабушка и дедушка, воспитывающие Льва Иноземцева, резко отличающегося от других своим поведением и мышлением, из повести «День числа Пи», обладают безграничным терпением. Мама со смирением терпит эксперименты дочери с одеждой и прической в рассказе «Весенняя соната»: «И она купила в переходе черную куртку с черепом во всю спину ... Назвала ее «моя черепаха» и носила не снимая. Джинсы – подарок дяди Лёни – порезала ножницами. Еще постриглась – совсем. То есть абсолютно, под «ноль». Мама все молчала, только когда увидела лысую Лелькину голову, кажется, заплакала» [7, с. 32]. Родители видят, чем интересуются их дети, стараются помочь развитию способностей. Так, папа, заметив, что дочка не рисует красками, а только черной гелевой ручкой, покупает ей перьевую ручку, уголь и тушь («Ирка: скетчбук»). В рассказе «Лук» папа приносит домой укулеле, маленькую гавайскую гитару, чтобы увлечь сына.

Конечно, случаются недопонимания, иногда ребенок не может соответствовать тому идеальному образу, на котором настаивает отец («День числа Пи: Сальери»), порой родители

ссорятся друг с другом («Подросток N») или даже иногда кричат на детей («Ирка: скетчбук»), но это не нарушает устойчивого равновесия настоящей семьи, где все доверяют друг другу: «У нас договоренность такая: не врать. Поэтому они стараются не давить на меня, чтобы это не испортить. Я не вру, ну и они мне тоже ... Это такая штука, доверие. Таким не бросаются» [7, с. 93]. Доверие и отсутствие лжи – еще одна ценность в художественном мире Дашевской. Все герои писателя имеют дом, где их любят и ждут. Хотя дружбу с ровесником не могут заменить даже самые лучшие отношения с родителями: «Но им ведь все равно всего не расскажешь» [7, с. 94].

В книге «Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук», изданной как перевертыш, автор выносит на обе обложки фразу, указывающую на общую проблему этих повестей: «У Тимофея младший брат, а у Ирки старший. Они незнакомы, но оба чувствуют себя одинокими в семье, где есть кто-то близкий» [8]. Действительно, у родителей очень много времени отнимает работа: так, мама Иры, только оказавшись в больнице с аппендицитом, находит время спросить у дочери, с кем та сейчас дружит. Однако с братьями и сестрами взаимоотношения теплые, случающиеся размолвки естественны, и они быстро разрешаются. Младшим хотелось бы больше времени проводить со старшими, им очень нужно это общение. Например, Ира иногда разговаривает с воображаемым братом, то есть моделирует разговор, который вполне мог бы состояться, она собирает все рисунки, которые брат считает неудачными и выбрасывает. Брату же неприятно такое пристальное внимание младшей сестры, он воспринимает его как посягательство на свою свободу.

В этих текстах нет пронзительного чувства покинутости, непонятости, речь скорее идет об одиночестве как неотъемлемой черте подросткового возраста, когда ребенок начинает воспринимать себя как уникальную личность, а потребность в общении у младших вступает в противоречие с потребностью уединения у старших. В этот период ребята нередко начинают вести дневник, чтобы разобраться в себе и своих взаимоотношениях с миром. Функцию личного дневника у Иры выполняет скетчбук, где она рисует, а у Тимофея есть блокнот, где он записывает свой рассказ. Страничками из них и заканчивается каждая повесть. Взаимоотношениям братьев и сестер посвящен и рассказ «Полторы курицы», где так же, как и в этой книге, есть примеры заботливого, трогательного отношения старших и младших друг к другу, да и в повести «Я не тормоз» герой с большой любовью пишет о брате.

Интересно, что, подробно повествуя о мыслях и чувствах своих героев, Дашевская дает очень краткие описания внешности персонажей, иногда используя для этого лишь несколько слов: «светлая растрепанная голова» [6; 7], «маленький, шуплый, в очках, уши торчат» [7, с. 25], «долговязый нескладный парень» [7, с. 32], «лицо у него такое треугольное, острое. На какого-то зверька похож. Маленький быстрый» [7, с. 88]. Более развернутые описания редки: «У Ани Лернер узкие плечи, тонкие пальцы – спичка, а не человек. Только волосы густые, черные, сильные-сильные, и глаза яркие» [5, с. 6]. Большинство персонажей и вовсе лишено упоминаний о наружности. В повествованиях от первого лица такая информация о самом герое вводится, лишь если тот сравнивает кого-то с собой: «У нее светлые вьющиеся волосы, как у меня ... И у нее темные-темные глаза, тоже как у меня» [11, с. 25].

Часто герои недовольны своим именем или фамилией: Яков Дьяков не переносит получившейся рифмы («Дождь»), Никите Кукушкину свое имя кажется рабоче-крестьянским, а Иосифу, Оське просто некрасивым («Наушники»), Ирка не хочет быть Ирочкой («Ирка: скетчбук»), Анна-Мария не терпит, когда ее зовут Анечкой, Максим Матерьялов планировал даже взять мамину фамилию («Льжи») и пр. А вот недовольство внешним видом демонстрируют лишь две героини: у Сони из рассказа «Панкратьев» оттопыренные уши, а Зоя Синицкая полная («Подросток N»). Однако обе не слишком расстраиваются: «Да чего ты, я же знаю, что я толстая. Знаешь, как это удобно! Все переживают: ах, красивая или некрасивая, какую бы прическу, какие ногти... А я – нет! Мне и переживать нечего, все ясно» [8, с. 234]. Зою «спас» ее отчим, объяснив ей, что она может быть любой, ее значимость в индивидуальности, а особенности внешности можно компенсировать: «А мой старик Синицкий сразу сказал: надо интеллектом брать» [8, с. 234]. Признание недостатка внешности вкупе с отсылкой к интеллекту, высказанное сверстником, успокаивает и Соню.

Действие большинства произведений Дашевской происходит в большом городе. Подросток N выходит не на своей станции метро и отправляется туда, где никогда раньше не был, Никита из рассказа «Пространственный кретинизм», решая сократить путь до новой школы, оказывается на другом конце города на железнодорожной станции, по весеннему городу гу-

ляют герои рассказа «Панкратьев», Лев Зайцев из повести «Я не тормоз» на роликах проезжает Москву с севера на юг, рассказывая о знакомых зданиях и мостах. Город, река и мосты – это своеобразные доминанты художественного пространства текстов автора. Они не просто упоминаются как место действия, а интерпретируются как объекты, с помощью которых герой познает себя. «Мы идем, не останавливаемся: мимо домов, мимо трамваев, мимо проводов, мимо балконов – мимо всего ...я на все смотрю. И все вижу. Я – не мимо, я все пропускаю через себя [9, с. 12], – делится Иван Творогов. – Мне нравится это: ходить и смотреть. Смотреть и ходить. Такой вот у меня план на жизнь» [9, с. 17].

Подростки пока не очень хорошо знают свой город, порой теряются, оказываются не там, где планировали, но постепенно учатся ориентироваться. Пространство города метафорически осмысливается здесь и как взрослая жизнь, куда вступают герои. Это свобода, большие расстояния и много возможностей. В дороге они любят городом, размышляют, осмысливают сложившуюся ситуацию, приобретают опыт, взрослеют. «Мой главный сюжет – это «я иду и думаю». Мне кажется, ходить и думать – из самых главных вещей в жизни» [18], – признается автор в одном из интервью. Так, в рассказе «Дублин и море» кружащий по городу в поисках моря, а затем в попытках отыскать отель Аркашка, примеряя на себя чужую жизнь, выбирает свой жизненный путь: музыка или Нахимовское училище.

Металлические дуги мостов, четкие, лаконичные, или причудливые, кружевные, колонны, держащие мост, и даже металлические накладки-укрепления не раз становятся предметом описаний автора. Игнат Волков, представляя свой маршрут, рассказывает о каждом из шести мостов, которые встречаются ему на пути, так подробно, что читатель, живущий в Москве, может легко отправиться той же дорогой («Я не тормоз»). Ирка гуляет по пешеходному мосту или по железнодорожному и даже рисует их, тщательно прописывая болты и гайки («Ирка: скетчбук»), Никита оценивает красоту кованой решетки моста со знанием дела, он признается, что разбирается в мостах, знает и любит их, потому что его папа всю жизнь их строит («Пространственный кретинизм»), Рома сидит под мостом и наблюдает за рекой («Черепашка»). Многочисленны и описания реки: темной воды, в которой отражается город, весенней реки с огромными льдинами, похожими на пятна на шкуре леопарда, и реки в дождь. Мост же, соединяющий два берега, порой представляется героям мостом в другую жизнь, где все иначе: «Там, на том берегу, все не так; там бывает другое настроение, даже другая погода. Я там брожу и думаю: а если бы я жила здесь?» [11, с. 21].

В композиционном плане тексты Дашевской лишены яркой интриги, исключение составляет лишь повесть «Скрипка неизвестного мастера», где можно проследить жанровые черты детектива [15]. Лишенные экспозиции, по преимуществу представляющие собой повествование от 1 лица, произведения предлагают читателю понаблюдать за процессом изменений, которые претерпевают взгляды персонажа, его жизнь, взаимоотношения с окружающими или интересы. Хороший конец не только дает возможность не беспокоиться о героях, но и позволяет надеяться, что и в жизни читателей, подростков, сталкивающихся с похожими проблемами, все тоже будет хорошо. Интересно, что герои лишены и выразительной речевой характеристики, Дашевская избегает жаргонизмов, профессионализмов, сниженной лексики. Стройный, тонкий язык повествования напоминает нежную приятную мелодию, где нет ни одной фальшивой ноты.

Одной из важнейших черт не только персонажей Дашевской, но в целом ее художественного мира выступает музыкальность – способность чувствовать музыку, дышать ею, воспринимать ее как неотъемлемую часть жизни: «Оля иногда думала музыкой, а не словами, но чаще всего это звенело в голове одновременно» («Цветок липы») [6, с. 66], «... у меня все время музыка в голове. Иногда сразу несколько мелодий друг на друга накладываются» («Пространственный кретинизм») [7, с. 137], «Я включил у себя в голове концерт Рахманинова погромче и пошел домой» («Второй») [5, с. 19]. В большинстве текстов Дашевской есть музыка: ее герои посещают музыкальную школу, играют музыкальные произведения по собственному выбору, выходя далеко за рамки программы, слушают музыку. Нередко профессия родителей героев связана с музыкой, и тогда ребята получают сведения об этом исподволь, сами того не замечая.

Если герои и не имеют музыкального образования, то часто чувствуют в этом потребность и демонстрируют хорошие способности. Так, например, в рассказе «Лук»: «Илюха музыкой не занимался. Пробовали, конечно, но он с самого начала так расстраивался, что у него не выходит. В ушах есть, а руками не получается ... Потом уже, в седьмом классе, научился играть

на укулеле, маленькой гавайской гитаре. Слух, оказалось, хороший, и все аккорды уже будто были в голове, ждали своего часа: он не знал их названий, просто чувствовал, какой подойдет именно сейчас» [6, с. 24]. Панкратьев в одноименном рассказе тоже пробовал заниматься, но не сложилось: «Я пробовал учиться. Пианино пробовал, потом гитару... И не смог, пальцы вот эти, ноты. Ужас. Не смог я. Дурак, наверное. Понимаешь, слышу, а пальцами сыграть не могу» [7, с. 108]. Подобным же образом ситуация сложилась у Никиты из рассказа «Пространственный кретинизм» и у Саши («Ой, то не вечер...»).

Музыка в произведениях Дашевской выполняет разные функции: она держит на плаву, когда жизненные обстоятельства меняются, помогает пережить и осмыслить не только радостные, но и грустные перемены («Весенняя соната», «Виолончель»), дает возможность понять другого человека, увидеть его настоящим («Второй», «Ой, то не вечер...», «День числа Пи», «Поиск звука. Творогов»), а то и вовсе преодолевает языковые барьеры между людьми, находит общий язык даже с морем, заставляя его, злое, бурлящее, плескаться как ручеек («Дом над морем»). Владение инструментом без преувеличения можно назвать волшебным навыком, помогающим преодолеть все сложности: «Скучно тебе, плохо или, наоборот, радость – играй! Знаешь... Люди, они разные бывают. И в жизни бывает всякое. А твой инструмент не предаст никогда» [8, с. 53]. Такое напутствие дает педагог выпускнице музыкальной школы в рассказе «Весенняя соната».

Профессиональный музыкант, Нина Дашевская подбирает удивительно точные слова для передачи красоты мелодии, которой можно заслушаться: «музыка волшебная, нежная, тонкая, весенняя» [7, с. 43], «Она (виолончель) не пела, а как будто говорила негромко, и голос ее был такой... Словно на всей планете нет ничего, только снег, снег и в лучах фонаря она, виолончель» [7, с. 26]. Автор не раз указывает и на притягательность настоящей музыки, обладающей способностью повести за собой: «Я тогда оцепенел. Впервые замер от музыки, думал только: пускай не кончается, не кончается! И потом эта музыка звучала в моей голове долго, долго...» [6, с. 6], «Меня как будто крепко взяли и повели за собой. И я пошел. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце ... И думаешь: только бы не кончилось, не кончилось» [6, с. 8], «Он вообще ни о чем не думал – как будто кто-то подошел к нему, взял за руку и повел за собой. И Кешка пошел. Пошел без оглядки, не думая – на край света, в огонь и воду! И идти ему было хорошо» [10, с. 39].

Музыка может быть слышна в звучании имени: «Мне нравилось слово «Никита». Простое и крепкое. Говоришь, будто орех перекатываешь за щекой. Ни-ки-та. Согласные, как сухие полешки. Как ксилофон. Ему подходит, он ударник. Никита Кукушкин, па-парам, там-тирам. Будто барабан и тарелочка» [7, с. 8]. Излишний напор педагога по виолончели воспринимается ее ученицей через неприятное звучание ее имени и отчества: «Капитолина Валентиновна. Слышите, какое имя? Слышите, как вам будто два раза надавили прямо в солнечное сплетение?». В повести «День числа Пи» Лёва постигает мир через музыку, которую воспринимает в цвете, поэтому, омет для него «соль диез минор» [6, с. 45], а любимые брюки кирпичного цвета «дорийский минор, повышенная шестая ступень» [6, с. 56]. Но и имя он тоже слышит нотами: «Я поднимаю глаза и вижу Анну Вячеславовну, географичку (слышите в этом имени три бемоля, нет?)» [6, с. 39], а лицо может записать нотами, то есть воспринимает его как музыку.

Город с его улицами и площадями тоже предстает музыкой: «Проспект Космонавтов, например, это основная мелодия, фортепьяно играет. А маленькие улочки – подголоски. Флейта там, кларнет. И они вливаются в основную мелодию, каждый в своем месте. А речка – виолончель, потому что темная вода. Виолончельный звук течет через весь город, а по дороге – стройные аккорды мостов. А на площадях сливаются, переплетаются мелодии всех улиц, и выходит вихрь звуков: с барабанами, с тарелками, валторна на пять четвертей, а контрабасы на три, и посередине – пожарная каланча, это труба, конечно. Звонкая труба на самом верху» [7, с. 163–164]. У героя рассказа «Пространственный кретинизм» в голове всегда слышна музыка, он часто теряет и мечтает записать город нотами, чтобы больше не заблудиться. Музыка становится для него способом освоения пространства.

В текстах фигурируют самые разные инструменты: виолончель, скрипка, ударные (барабан, ксилофон), пианино, гитара, флейта и другие, приводятся фамилии композиторов, названия их произведений [19]. Читатель подспудно получает массу сведений о музыке, которые легко могут быть увеличены за счет самостоятельного обращения читателя к источ-

никам информации. Современная доступность интернета позволяет не только прочитать, например, о восхищении героини «Весенней сонатой» Бетховена», но и прослушать ее. А увлечение персонажа, который тебе симпатичен, музыкой того или иного композитора вызывает желание сравнить впечатления: «А я влюбился в Моцарта по уши ... Она мне показала, как он дышит, как звучит – будто чистую воду пьешь; и из первой ноты так естественно вытекает вся соната, будто другой музыки там и быть не могло. Как скульптор достает уже готовую скульптуру из неотесанного камня, шаг за шагом, так и Моцарт – из мира звуков высекал одно единственно возможное произведение, удивительная штука, чудо. Музыка натянута от начала до конца, как леска, нигде не провисает, нигде не рвется... Моцарт прожил всего тридцать семь. Когда он успел столько?» [6, с. 15–16].

Именно личностное восприятие музыки того или иного композитора, представленное в текстах, представляется наиболее ценным: «Гайдн – чистый, как вода из горной речки. Бах – сложный, умный; кажется, что старую тяжелую книгу читаешь; и вдруг понимаешь, что там... Моцарт – что тут скажешь, это сама музыка... летит, не касаясь земли» [7, с. 37]. Яркие, образные сравнения широко используются автором для передачи впечатления от звучащей музыки: «На уроке я играю Баха. От солнца мой Бах растекается в лужу, расплывается, разбитое яйцо на полу, пальцы путаются. А я ведь выстроил его, и уже было, было здание, такое стройное, но хрупкое... Растеклось, рассыпалось» [6, с. 3–4]. Читателям произведений Дашевской не обязательно иметь музыкальное образование, но определенный культурный уровень необходим, чтобы в полной мере понять все аллюзии. Так, вторая часть повести «День числа Пи» носит название «Сальери» по имени итальянского композитора, который, по версии одной из трагедий Пушкина, отравил Моцарта. Кирилл Комлев называет себя Сальери, признавая талантливость музыки, написанной Львом Иноземцевым, и немного завидуя его дару, тогда как сам герой, искренне любящий музыку, такого создать не может.

Занятия музыкой, ежедневные, многочасовые, сложны. И порой у героев появляется желание изменить свою жизнь, тогда они как бы примеривают на себя другую. А если бы бросить музыку? Соня из рассказа «Панкратьев» обдумывает, чем бы она занялась в освободившиеся четыре часа в день: поехала бы в Москву, гуляла бы по своему городу и узнавала его, или читала. А Аркашка из рассказа «Дублин и море», оказавшийся с оркестром музыкальной школы на гастролях в Ирландии, и вовсе перевоплощается в некоего Стюарта. Он представляет, каким бы он был, если бы жил в этом городе у моря. Но ведь и Стюарт мог бы грезить о другой жизни – задумывается Аркашка. Множественность вариантов заставляет героя посоветовать на необходимость выбора только одного пути: «Как жалко, что жизнь одна. Так хочется, чтобы их было много. Ну хотя бы две. Чтобы и Нахимовское, и Мендельсон» [7, с. 130]. А вот бросившая музыкальную школу Ирка из рассказа «Ирка: скетчбук» признается: «Думала, времени появится вагон! И нет, все равно некогда» [11, с. 21].

Не раз Дашевская проводит мысль о важности занятий, о том, что это и есть настоящее дело. В рассказе «Панкратьев» герой объясняет это так: «Понимаешь, в тебе только и есть – музыка твоя. А без музыки – что? Кто вот ты без музыки? Просто Сенька. Ну, симпатичная. Есть и посимпатичней еще. ... У тебя дело есть. И ты его делаешь супер как. ... Поэтому ты круче всех» [8, с. 98]. В уста Михаила Соломоновича, преподавателя скрипки в музыкальном училище из повести «Скрипка неизвестного мастера», автор вкладывает мысль об ответственности человека за талант, который ему дан, и необходимости развивать его. Речь идет не только о музыке. Кнехт, художник, герой одноименного рассказа, уже немолодой человек, приходит к мысли, что нельзя предавать творчество, нужно трудиться, не размениваясь на деньги.

Следует отметить и высокий образовательный потенциал текстов Нины Дашевской. В произведениях есть имена художников и композиторов, писателей и поэтов: Ван Гога, Лейтенса, Тышлера, Шёнберга, Бродского, Набокова и других, есть и стихотворные строки, принадлежащие разным авторам. Количество такой информации невелико, но рассчитано на пытливого читателя, который обязательно обратится к справочной информации, если встретил незнакомое имя, что может стать поводом к изучению их творчества. Эти фамилии служат своеобразным кодом, который понимают только посвященные. Так, в повести «Скрипка неизвестного мастера» герой, идущий по трубе, падает и с досадой иронизирует над собой: «Тоже мне, канатоходец Тибул», героиня, случайно увидевшая падение и поспешившая на помощь, протягивая ему руку, спрашивает: «Ты зачем сюда лез, канатоходец Тибул, а?» [10, с. 32]. Такое совпадение в упоминании редко кому из подростков известного сегодня героя повести Ю. Олеша «Три толстяка» становится для него сигналом о том, что это человек, который сможет его понять.

Таким образом, тематика и проблематика произведений Нины Дашевской, принципы их построения, образы персонажей, сквозные мотивы являются основополагающими чертами ее художественного мира.

Список литературы

1. Александров Н. Интервью с Ниной Дашевской: «В каждом герое есть кусочек себя – ни один не получился окончательно плохим. Я не умею создавать отрицательных героев». URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-nina-dashevskaya-v-kazhdom-geroe-est-kusochek-sebya-poetomu-ni-odin-ne-poluchilsya-okonchatelno-plohim-ya-ne-umeyu-sozdavat-otricatelnyh-geroev-mozhet-byt-eto-minus-38777.html?ysclid=liw0yflk4a393012407> (дата обращения: 22.09.2023).
2. Бикбаева Э. П. Большие тайны малых жанров: проект урока литературы по рассказу Н. Дашевской «Крендельков» // Филологический класс. 2018. № 2. С. 129–133.
3. Гутрина Л. Д. Современная проза на уроках литературы: книга Н. Дашевской «Около музыки» // Филологический класс. 2015. № 4. С. 52–54.
4. Данилова О. А. Прием «медленного чтения» на уроках по современной прозе: рассказ Нины Дашевской «Ой, то не вечер» // Филологический класс. 2017. № 1. С. 34–37.
5. Дашевская Н. С. Второй : рассказы. М. : КомпасГид, 2018. 128 с.
6. Дашевская Н. С. День числа Пи : повесть. М. : Самокат, 2022. 200 с.
7. Дашевская Н. С. Около музыки : рассказы. М. : РОСМЭН, 2015. 176 с.
8. Дашевская Н. С. Около музыки и другие рассказы. М. : КомпасГид, 2022. 432 с.
9. Дашевская Н. С. Поиск звука. Творогов : повесть. М. : Самокат, 2021. 144 с.
10. Дашевская Н. С. Скрипка неизвестного мастера : повесть. СПб. : Детское время, 2017. 144 с.
11. Дашевская Н. С. Тимофей: блокнот. Ирка: скетчбук : повести. М. : Самокат, 2022. 176 с.
12. Дашевская Н. С. Я не тормоз : повесть. М. : Самокат, 2022. 160 с.
13. Курочкина А. В. Особенности прозы Нины Дашевской на примере сборника рассказов «Второй». URL: <https://eee-science.ru/item-work/2023-2922/?ysclid=ln21gh95mz721706862> (дата обращения: 27.09.2023).
14. Кутейникова Н. Е. Одаренные дети в реалиях жизни и художественной литературе XXI века: Нина Дашевская. «День числа Пи». VII–IX классы // Литература в школе. 2019. № 2. С. 37–40.
15. Малыгина М. В. Жанровые традиции в «Скрипке неизвестного мастера» Нины Дашевской. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60627/1/initium_2018_029.pdf?ysclid=lkwp16saho813650945 (дата обращения: 22.09.2023).
16. Малыгина М. В. Книга рассказов Нины Дашевской «Около музыки» как художественное единство. URL: <https://zhivye-litsa.com/?Article=8> (дата обращения: 27.09.2023).
17. Малыгина М. В. Особенности прозы Н. Дашевской: методика жанрового анализа. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/11862/2/2018Malygina.pdf?ysclid=ln21mfshs1232733941> (дата обращения: 27.09.2023).
18. Фёдорова Н. Интервью с Ниной Дашевской: «Молодому автору издать книгу не за свой счет сейчас намного проще». URL: <https://realnoevremya.ru/articles/148634-nina-dashevskaya-ob-eticheskikh-granichah-pisatelya?ysclid=liubgi2v5t672806734> (дата обращения: 22.06.2023).
19. Хормушко Е. А. Лексическая доминанта в характеристиках главных героев произведений Нины Дашевской // Технологии образования. 2022. № 3. С. 38–41.
20. Цуйцуй Чжан. Поэтика рассказов Нины Дашевской (по сборнику «Рассказы Волчка») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 4 (115). С. 158–169.

Features of Nina Dashevskaya's art world

Denisova Marina Aleksandrovna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University.
Russia, Voronezh. ORCID: 0009-0008-9977-8467. E-mail: deni-mar@list.ru

Abstract. The article is devoted to the work of the famous modern children's writer, whose works have repeatedly won prestigious literary competitions, including the All-Russian Kniguru Competition (2013, 2014, 2015), the International Children's Literary Prize named after V. Krapivin (2013, 2014), the New Children's Book Competition (2014), the Literary Prize named after S. Ya. Marshaka (2018) and others. The relevance of this study is due to the lack of theoretical works devoted to the analysis of Nina Dashevskaya's works published over the past decade. The purpose of the work is to study the integral system of the author's texts, which has certain characteristics. The object of research are collections of short stories "About Music" (2015), "The Second" (2018), "The Key" (2022), the novels "The Violin of an unknown master" (2015), "I am

not a brake" (2016), "The Day of Pi" (2018), "Timofey: notebook; Irka: Sketchbook" (2020), "Sound Search. Cottage cheese" (2021).

As a result, it is concluded that the author's characters are modern teenagers, original, enthusiastic, talented, they are looking for their own way, learning to communicate, make decisions, interact with other people. The author raises the problems of social isolation, lack of friends and relationships between brothers and sisters. The paper analyzes the values of the author's artistic world, the dominant artistic space, and the peculiarities of the plot structure of the works. Musicality and its realization in texts are considered as a fundamental feature of Dashevskaya's prose. The works demonstrate an educational aspect and a serious cognitive orientation of short stories and novellas, which is realized in information from the field of music, painting and literature. This work represents a stage in the study of modern literature for children and the work of Nina Dashevskaya, in particular, and opens up prospects for further research.

Keywords: modern children's literature, problem, hero, plot, composition.

References

1. Aleksandrov N. *Interv'yu s Ninoj Dashevskoj: "V kazhdom geroe est' kusocek sebya – ni odin ne poluchilsya okonchatel'no plohim. Ya ne umeyu sozdavat' otricatel'nyh geroev"* [Interview with Nina Dashevskaya: "Every character has a piece of himself – none turned out to be completely bad. I don't know how to create negative characters"]. Available at: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/pisatel-nina-dashevskaya-v-kazhdom-geroe-est-kusocek-sebya-poetomu-ni-odin-ne-poluchilsya-okonchatel'no-plohim-ya-ne-umeyu-sozdavat-otricatelnyh-geroev-mozhet-byt-eto-minus-38777.html?ysclid=liw0yfk14a393012407> (date accessed: 22.09.2023).
2. Bikbaeva E. R. *Bol'shie tajny malyh zhanrov: proekt uroka literatury po rasskazu N. Dashevskoj "Krendel'kov"* [Big secrets of small genres: a draft literature lesson based on N. Dashevskaya's story "Pretzels"] // *Filologicheskij klass – Philological class*. 2018. No. 2. Pp. 129–133.
3. Gutrina L. D. *Sovremennaya proza na urokah literatury: kniga N. Dashevskoj "Okolo muzyki"* [Modern prose in literature lessons: N. Dashevskaya's book "About Music"] // *Filologicheskij klass – Philological class*. 2015. No. 4. Pp. 52–54.
4. Danilova O. A. *Priem "medlennogo chteniya" na urokah po sovremennoj proze: rasskaz Niny Dashevskoj "Oj, to ne vecher"* [The reception of "slow reading" in modern prose lessons: Nina Dashevskaya's story "Oh, it's not evening"] // *Filologicheskij klass – Philological class*. 2017. No. 1. Pp. 34–37.
5. *Dashevskaya N. S. Vtoroj : rasskazy* [The second : stories]. M. KompasGid. 2018. 128 p.
6. *Dashevskaya N. S. Den' chisla Pi : povest'* [Day of Pi : a story]. M. Samokat (Scooter). 2022. 200 p.
7. *Dashevskaya N. S. Okolo muzyki : rasskazy* [About music : stories]. M. ROSMAN. 2015. 176 p.
8. *Dashevskaya N. S. Okolo muzyki i drugie rasskazy* [About music and other stories]. M. KompasGid. 2022. 432 p.
9. *Dashevskaya N. S. Poisk zvuka. Tvorogov : povest'* [Sound search. Cottage cheese : a story]. M. Samokat (Scooter). 2021. 144 p.
10. *Dashevskaya N. S. Skripka neizvestnogo мастера : povest'* [The violin of an unknown master : a story]. SPb. Children's Time. 2017. 144 p.
11. *Dashevskaya N. S. Timofej: bloknот. Irka: sketchbuk : povesti* [Timofey: notebook. Irka: sketchbook : stories]. M. Samokat (Scooter). 2022. 176 p.
12. *Dashevskaya N. S. Ya ne tormoz : povest'* [I am not a brake : a story]. M. Samokat (Scooter). 2022. 160 p.
13. Kurochkina A. V. *Osobennosti prozy Niny Dashevskoj na primere sbornika rasskazov "Vtoroj"* [Features of Nina Dashevskaya's prose on the example of the collection of short stories "The Second"]. Available at: <https://eee-science.ru/item-work/2023-2922/?ysclid=ln21gh95mz721706862> (date accessed: 27.09.2023).
14. Kutejnikova N. E. *Odarennye deti v realiyah zhizni i hudozhestvennoj literature XXI veka: Nina Dashevskaya. "Den' chisla Pi". VII–IX klassy* [Gifted children in the realities of life and fiction of the XXI century: Nina Dashevskaya. "The day of Pi." VII–IX grades] // *Literatura v shkole – Literature at school*. 2019. No. 2. Pp. 37–40.
15. *Malygina M. V. Zhanrovye tradicii v "Skripke neizvestnogo мастера" Niny Dashevskoj* [Genre traditions in the Violin of an Unknown Master by Nina Dashevskaya]. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60627/1/initium_2018_029.pdf?ysclid=lkwp16saho813650945 (date accessed: 22.09.2023).
16. *Malygina M. V. Kniga rasskazov Niny Dashevskoj "Okolo muzyki" kak hudozhestvennoe edinstvo* [Nina Dashevskaya's book of short stories "About Music" as an artistic unity]. Available at: <https://zhivye-litsa.com/?Article=8> (date accessed: 27.09.2023).
17. *Malygina M. V. Osobennosti prozy N. Dashevskoj: metodika zhanrovogo analiza* [Features of N. Dashevskaya's prose: a method of genre analysis]. Available at: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/11862/2/2018Malygina.pdf?ysclid=ln21mfshs1232733941> (date accessed: 27.09.2023).
18. *Fyodorova N. Interv'yu s Ninoj Dashevskoj: "Molodomu avtoru izdat' knigu ne za svoj schet sejchas namnogo proshche"* [Interview with Nina Dashevskaya: "It is much easier for a young author to publish a book not at his own expense now"]. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/148634-nina-dashevskaya-ob-eticheskikh-granichah-pisatelya?ysclid=liubgi2v5t672806734> (date accessed: 22.06.2023).

19. *Hormushko E. A. Leksicheskaya dominanta v harakteristikah glavnyh geroev proizvedenij Niny Dashevskoj* [Lexical dominance in the characteristics of the main characters of Nina Dashevskaya's works] // *Technologies of education*. 2022. No. 3. Pp. 38–41.

20. *Cuicui Zhang. Poetika rasskazov Niny Dashevskoj (po sborniku "Rasskazy Volchka")* [The poetics of Nina Dashevskaya's short stories (based on the collection "Stories of a Spinning Top")] // *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Cherepovets State University*. 2023. No. 4 (115). Pp. 158–169.

Гулливер в XXI веке: Максим Ладин и его «Путешествие в Страну мудраков»

Алпатьева Наталья Викторовна

старший преподаватель, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица. Россия, г. Санкт-Петербург. AuthorID: 950536. E-mail: xru93@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается повесть современного российского писателя Максима Ладина «Путешествие в Страну мудраков. По следам Гулливера» (2017), являющуюся своего рода сиквелом к знаменитому роману Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» (1726). Филологический анализ данного произведения предваряется кратким рассказом о других литературных продолжениях книги Свифта, написанных в разных жанрах разными авторами XX в. (Л. Н. Андреевым, М. Я. Козыревым, А. В. Аникиным, В. И. Савченко, Г. Гориним). В статье анализируется сюжет повести Ладина, авторский стиль и интертекстуальные связи с английским романом. Многие из того, о чем говорится в книге российского писателя, может напомнить читателю современную реальность – от бытовых деталей (фонари карет, похожие на дневные ходовые огни в машинах) до нравов общества (лилипутские знаменитости, готовые ради славы на все). В тексте Ладина присутствуют аллюзии на оригинальные «Путешествия Гулливера» – как прямые (упоминание таких персонажей Свифта, как гуингнмы и еху), так и косвенные (использование дат и координат для создания эффекта правдоподобия). Ладин, как и его великий предшественник, пользуется различными сатирическими приемами при описании общественно-политической жизни героев, не чураясь порой и физиологичности, в которой нередко упрекали Свифта. Книга Ладина написана «в духе» знаменитых «Путешествий Гулливера» и также является сатирой на нравы общества, современного ее автору. Данная повесть ранее не была изучена, однако представляет несомненный интерес с точки зрения литературной рецепции.

Ключевые слова: Свифт, Гулливер, Ладин, повесть, сатира.

Книга под названием «Путешествия в некоторые удаленные страны мира в четырех частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей» увидела свет в 1726 г. Этот роман – самое крупное и, наверное, самое известное на данный момент произведение знаменитого английского сатирика Джонатана Свифта (1667–1745). Сатирическая сказка для взрослых с глубоким социально-политическим подтекстом быстро приобрела популярность (в том числе и скандальную) и стала визитной карточкой писателя на долгие годы. По прошествии почти трехсот лет общественные реалии сменились, но сатира Свифта не потеряла остроты, а поднимаемые в книге темы – актуальности. Помимо этого, существует масса пересказов романа для детей и подростков – фантастический колорит «Путешествий...» по-прежнему увлекает и юную публику. По мнению исследователей (как и читателей), «Путешествия Гулливера» с равным интересом читают в детстве, и в зрелом возрасте, и в пожилые годы – каждый находит для себя в книге что-то важное и интересное» [8, с. 199].

В русскоязычной литературе XX в. имеется целый ряд «сиквелов» к эпохальному роману Джонатана Свифта. Первым из них считается рассказ Леонида Андреева «Смерть Гулливера» – реквием по Л. Н. Толстому. Впервые данное произведение было опубликовано в 1911 г. с примечанием: «Как бы дополнительная глава к «Путешествиям Гулливера» [17]. По сюжету рассказа, лилипуты провожают Гулливера в последний путь, произносят речи над его гробом – настолько же пафосные, насколько и нелепые, – однако в эпилоге показаны по-настоящему скорбящие маленькие человечки: «И ушло из мира огромное человеческое сердце. И наступила тишина. И с ужасом прислушивался к ней и плакал горько осиротевший беззащитный лилипут» [5, с. 230]¹.

Существуют также три повести разных авторов – М. Я. Козырева, А. В. Аникина и В. И. Савченко – с одинаковым названием «Пятое путешествие Гулливера». Первая из них – сатирическая повесть Михаила Яковлевича Козырева – была подготовлена к печати в 1936 г.,

однако свет увидела лишь в 1991 г. [10, с. 300]. Гулливер Козырева прилетает на воздушном шаре в страну под названием Юбераллия, где все – даже зеркала – врут и лицемерят. Он живет при дворе деспотичного короля, однако позднее, заслужив его немилость, сбегает в лес, где знакомится с грубыми фермерами, которые нравятся ему гораздо больше местной знати. Манера повествования действительно похожа на свифтовскую; критики даже называли писателя «русским Свифтом» [11].

Андрей Владимирович Аникин в 1978 г. публикует в сборнике «Фантастика-78» повесть «Пятое путешествие Гулливера», обращенную, по мнению составителей, «к острым политическим проблемам современной действительности» [18, с. 5]. Аникинский Гулливер посещает две страны: Пекуньярию, над которой царят три божества – Деньги, Собственность и Конкуренция, и Эквигомию – «страну равных» [4, с. 78]. По мнению А. Д. Кузьмичева, под «страной равных» Эквигомией, в которой происходит основное действие повести, подразумевается социалистический Китай, а капиталистическая страна Пекуньярия символизирует США [12]².

«Пятое путешествие Гулливера» Владимира Ивановича Савченко, опубликованная в 1988 г. [15], приводит героя на остров Тикитакию. Местные жители – тикитаки – абсолютно прозрачны; общаться между собой они могут с помощью внутренних органов. Гулливер живет с ними и понимает, что они не дикари, а вполне разумный народ. Он постепенно привыкает к своей новой жизни, находит в Тикитакии друзей и даже жену, однако в конце все же решает вернуться в Англию. Исследователи находят в тексте Савченко параллели с «оригинальными» путешествиями героя Свифта: «прозрачность исключает всякую ложь (лжи не знает и мир гуингмов)»; «в повести Савченко усугубляется мысль из третьего путешествия Гулливера (небесный остров Лапута) о возможности и осуществимости невербального общения. Но здесь оно создается не вещами, а изменением внутренних органов – Гулливер так и не может им овладеть» [6, с. 346].

Театральная фантазия Григория Горина «Дом, который построил Свифт» 1982 г. [7], ставшая впоследствии основой сценария одноименного фильма, также наполнена образами из романа Свифта. В центре авторского внимания, однако, находится не Гулливер, а свифтовские герои «второго плана»: лилипуты, великан, Некто (струльдбруг), йеху и лапутяне. По сюжету пьесы, все вышеперечисленные персонажи (кроме лапутян, прилетевших из будущего) живут в «доме, который построил Свифт», где у каждого из них своя роль. Л. П. Обухова отмечает, что композиция данной пьесы, как и большинства драматических работ Горина, носит фрагментарный характер: «В «Доме» Горин объединяет в целое фрагменты с разными действующими лицами, «минутными» героями. Это подчеркнуто тем, что герои появляются в действии небольшими группами, каждая со своей собственной проблемой» [14, с. 212–213]³.

Повесть российского писателя Максима Ладина «Путешествие в Страну мудраков. По следам Гулливера» увидела свет в 2017 г. в формате eBook (электронная книга)⁴. Данную работу, не исследовавшуюся ранее литературоведами, также можно назвать продолжением линии русскоязычных «вариаций на тему» Свифта. Обращение нашего современника к саге о приключениях корабельного врача, безусловно, заслуживает внимания – как с точки зрения рецепции классики, так и благодаря собственно содержанию, поскольку описываемые Ладинами миры не могут не напомнить нашу нынешнюю действительность.

По сюжету повести, юный Генри Грин знакомится со своим соседом по имени Лэмюэль Гулливер – чудаковатым любителем лошадей, в прошлом заядлым путешественником. Генри увлекается его рассказами о далеких странах, выучивается на врача, как и его старший друг, и мечтает когда-нибудь тоже отправиться в плавание. Из-за финансовых трудностей в семье герой, повзрослев, переезжает из Лондона за город и становится сельским врачом. Он плохо ладит с местным богатым землевладельцем капитаном Бароуном и вступает с ним в жестокую драку после того, как собаки последнего загрызают помощника Генри, паренька по имени Джим. Грин спасается от возможных преследователей и уходит в море на суденышке под названием «Радостный». После нескольких дней штиля и последовавшего за ним сильного шторма герой попадает в страну лилипутов. Он посещает вечно конфликтующие Лилипутию

² Подробнее см. нашу статью «Пятое путешествие Гулливера» А. Аникина: дивный новый мир всеобщего равенства» [4].

³ Подробнее см. нашу статью «Образы героев романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» в пьесе Г. И. Горина «Дом, который построил Свифт» [3].

⁴ В данной статье цитируется версия, выложенная на сайте ЛитРес (www.litres.ru).

и Блефуску, а затем менее развитую, но гораздо более мирную Страну семи племен. Все местные жители благодаря росту считают Грина никем иным как Гулливером, Человеком-Горой – и Грин не спешит их разубеждать. Больше всего времени герой проводит в Лилипутии – «самом свободном в мире государстве», где людей больше всего интересует обогащение любым способом и популярность, зачастую скандальная. Герой наблюдает за бытом и нравами в стране, становится свидетелем и участником военного конфликта между Блефуску и Лилипутией, а затем бежит в Страну семи племен и активно участвует в ее индустриализации, помогая местным жителям стать более современными. Но дальнейшие события развиваются совсем не так, как хотел герой: островитяне увлекаются политикой и забывают обычаи предков, мечтая теперь только о богатстве. Генри Грин принимает решение покинуть их страну и отплывает обратно в Англию.

У литературоведов нет никаких сомнений, что Свифт в своем романе иносказательно изображал Англию, а в «роли» Блефуску предстала противоборствующая на тот момент Англии Франция. Какие страны изображал Ладин? Ответ на этот вопрос, по-видимому, спрятан в главе 19, в которой рассказчик повествует о быте и нравах своих новых знакомых:

«Вообще-то лилипутский язык теперь почти наполовину состоит из блефускуанских слов. Очень многие знают блефускуанский лучше родного и пытаются по поводу и без повода блеснуть этими знаниями» [13].

Блефускуанский язык является для лилипутов международным – в современной нам реальности такую роль играет английский. Данный факт позволяет нам сравнить Блефуску (у Ладына, не у Свифта) с Англией, либо, что вероятнее, с Западом в целом. Ладинская Лилипутия же, судя по всему, Россия. На это в повести содержится еще несколько намеков: и система непростых, однако не прекращающихся до конца экономических отношений между двумя странами, и живущие «на два фронта» лилипутские богачи, и выполняющие в Лилипутии грязную работу «дикари» – жители соседних менее развитых стран. Также говорится, что «современная» рассказчику Лилипутия является государством, в котором должности правителей и членов ассамблеи являются выборными; ранее же она была империей (как в романе Свифта). Можно предположить, что под «империей» Ладин подразумевает СССР. В той же 19 главе мы читаем про одного из лилипутов – благородного уборщика по имени Грундерлинг, который осуждал современные ему порядки, бескорыстно помогал своей большой семье и «в душе продолжал жить в империи, хоть и понимал, что милой его сердцу старины больше нет» [13]. Таких людей в Лилипутии было мало, однако Генри Грин заметил: «Я думаю, что если эта страна когда-нибудь вернется к временам прежней славы, то только благодаря таким лилипутам, как Грундерлинг» [13].

Главным оружием Свифта практически в любом произведении является сатира – на современное писателю общество и его уклад, на известных деятелей, на человеческие нравы в целом. Исследователи называют оригинальные «Путешествия Гулливера» сатирой, направленной на индивидуальные и социальные пороки, нередко подчеркивая, что она носит одновременно общий и топический характер, т. е. обращается к темам, актуальным на момент написания книги [19, р. 154]. При этом, по мнению многих, при чтении Свифта никому не удастся избежать «полного замешательства» [20, р. 234] – на которое, возможно, рассчитывал и сам автор.

«Путешествие в Страну мудраков» также можно назвать сатирической повестью. При этом текст Ладына не отличается чрезмерной экспрессивностью и обилием восклицательных знаков, стиль повествования достаточно размерен, события изложены последовательно – что в целом также характерно для романа Свифта. Однако Ладин больше внимания уделяет душевному состоянию своего героя – в частности, приятным для него моментам, которые для «оригинального» Гулливера были сами по себе редкостью. Например, в главе 9 рассказчик говорит о своем морском путешествии (до бури):

«Впервые я чувствовал настоящий покой и умиротворение. Эти облака были тогда, когда не было ни меня, ни людей, ни зверей. И когда я покину этот мир, они будут также плыть по небу никому не приметные. Мы не обращаем внимания на красоту, когда она привычна. Мы редко смотрим в небо» [13].

В начале повести сатиры не слишком много — с 1 по 10 главу (всего их в повести 34). Генри Грин знакомит читателя со своей биографией, а также рассказывает, как попал по морю к лилипутам. Ладына как сатирику удастся «развернуться» примерно к середине истории – при описании общественно-политического уклада Лилипутии. Когда протагонист при-

бывает в «лучшую на свете страну», выясняется, что находиться в Лилипутии иностранцу можно только 3 месяца (90 дней, как россиянину с Шенгенской визой в недалеком прошлом). Лилипуты предоставляют гигантскому гостю временное место жительства и провизию, однако сообщают, что, если он не заплатит за еду через месяц, ему отрежут палец на руке. Герой пытается добиться приема у правителя Лилипутии, но ему это так и не удается. От членовредительства его спасает бегство в Страну семи племен.

Генри Грин много наблюдает за жизнью лилипутов и рассказывает об их социальной иерархии. Самыми уважаемыми людьми в Лилипутии считаются так называемые «мудраки» – люди, которых знают все, вне зависимости от того, чем они знамениты, а также «мудроболы» (сокращенно от «мудрые болтуны») – якобы остроумные личности, постоянно говорящие обо всем и ни о чем. Последние часто устраивают между собой словесные дуэли, на которых осыпают друг друга ругательствами (может напомнить читателю современные ток-шоу или рэп-баттлы). Весьма почитают в стране также лингвосов — сплетников, распространяющих сомнительные новости, которые мы называем «фейками». Творческая «элита» в Лилипутии именуется креатинами; про них рассказчик замечает: «Среди креатинов немало людей, которые вообще ничего не умеют делать, но каким-то непостижимым образом признаются креатинами» [13]. Уважают в этой стране также эфемеджеров – представителей закрытого сословия, имеющих возможность (но не всегда способность) распоряжаться чем угодно: «Такого эфемеджера можно сегодня увидеть управляющим обувной лавкой, а завтра – угольной шахтой» [13]. Людей же, подобных уборщику Грундерлингу, большинство соотечественников пренебрежительно именуется «простаками».

Страна Семи племен была третьей из лилипутских стран, упомянутых в повести. До ее переустройства «дикари» – местные жители – были простоваты, но миролюбивы и явно наиболее симпатичны и герою, и его автору. Генри Грин, которого «дикари» поначалу принимают за божество, активно помогает им со строительством. Более развитые и современные Семь племен могли бы стать утопией Грина (и его автора), но этого не произошло: «осовременившись» и назвавшись страной Бирутинией (по имени самого многочисленного племени), местные жители забывают столь любимые ими искусства и начинают мечтать о деньгах и власти. Те же их земляки, что остаются верными прежним идеалам, считаются изгоями – как Грундерлинг в Лилипутии.

Сатирические фрагменты текста Ладына по стилю напоминают «Путешествия Гулливера» – по крайней мере, «Путешествия...» в наиболее известном русскоязычном переводе А. А. Франковского (1928 г.) [16, с. 21–270]. Например, в главе 13 Грин пытается добиться аудиенции лилипутского правителя, но получает отказ в следующей форме:

«Чиновник ответил, что когда Лилипутия страдала от деспотии императора, последний проводил свои дни в праздности и имел время на встречи с подданными, а у правителя свободной страны очень много важных государственных дел, и представится ли такая возможность, никто не может знать наперед» [13].

После этого Генри Грин делает о главе государства следующие иронически-восторженные выводы:

«Это был великий правитель, поглощенный заботами о благе государства. Он не мог тратить свое драгоценное время на пустяки. Наверное, если бы в мою страну прибыл человек высотой с Тауэрскую башню, то это стало бы самым важным событием для короля и правительства, ради этого события они бы отложили бы все остальные дела. Но не таков был этот могущественный правитель лилипутов» [13].

Свифта нередко упрекали в излишней физиологичности. Исследователи, однако, полагают, что для него это был всего лишь «еще один способ скомпрометировать персонаж или какую-нибудь сторону человеческого поведения, выразить к ним свое отношение, иногда же эти детали попросту гарнир, назначение которого, как и многих приключений Гулливера, сделать более удобоваримым, усвояемым содержание книги» [9]. Подобное встречается и в повести Ладына – также главным образом для описания нравов лилипутов, готовых на что угодно ради популярности:

«Как мне рассказывали, несколько девиц много лет безуспешно пытались попасть в мудраки. Они уже отчаялись добиться возжеленного признания. Тогда они разделись догола, обмазались собачьим дерьмом и, бегая по площади, пачкали этим дерьмом прохожих. Их поймали и даже судили, но зато девицы попали в мудраки и пользуются теперь всеобщим почитанием» [13].

Ладин, как и Свифт, не обходится без такого приема, как парадокс. Так, Лилипутию именуют «самым свободным в мире государством», но при ближайшем знакомстве с системой законодательства рассказчик делает вывод, что «больше всего на свете лилипуты любят все запрещать» [13]. Например, один из законов гласил, что всем жителям страны, путешествующим в каретах, никогда нельзя выключать фонари, даже днем. Читателю это может напомнить дневные ходовые огни в наших современных автомобилях.

С точки зрения построения текста среди ключевых «свифтовских» приемов в повести Ладина можно отметить географическую точность и даты вымышленных событий. Свифт нередко пользовался цифрами, чтобы фантастические истории выглядели правдоподобнее; прием «мнимой документальности» был в целом характерен для раннего английского романа [1, с. 127]. Тем же приемом пользуется и российский автор: «В 1735 году наша семья переехала в Лондон», «Весной 1747 года я на каботажном судне «Лилия» прибыл в бухту Коннорс», «Утром 10 июля 1748 года я, как обычно, встал утром, сверил курс и хотел уже заняться своими обычными делами, как вдруг чутье моряка подсказало мне – что-то изменилось» [13]. Едва ли наш современник рассчитывает, что его рассказ будет принят за чистую монету, однако с точки зрения построения текста эта «псевдоточность» почти наверняка является сознательной аллюзией на Свифта. Кроме того, в повести Ладина присутствуют подробные, на несколько страниц, описания некоторых действий и событий из жизни лилипутов и главного героя (через призму видения последнего): ремонт судна Генри Грина, подготовка к войне с Блефуску, сама битва, а затем – масштабные строительные работы в Стране семи племен. Детальные описания вымышленных, однако реалистичных событий, которые могли бы случиться в жизни не только фантастических героев, но и реальных людей, также придают рассказу оттенок достоверности.

Прямыми текстуральными аллюзиями на Свифта в данной повести являются упоминание в первой же главе книгоиздателя Ричарда Симпсона, самого Гулливера, его былых странствий. Генри Грин, общаясь с соседом, изучает лилипутский язык – который впоследствии пригождается ему в его собственном путешествии. Важными фигурами начала повести являются также гуингнмы, или лошади: Гулливер держит у себя двух коней, общение с которыми предпочитает диалогам с людьми. В финале пролога же Генри, победив в драке Бароуна, вспоминает о еху – выродившихся людях, о которых ему рассказывал Гулливер, – и делает вывод о том, что он сам является одним из них, поскольку ему доставили удовольствие страдания и боль себе подобного. Позднее, рассказывая о государственном устройстве Лилипутии, Ладин вкладывает в уста своего героя еще одну аллюзию на Свифта: «Кое-кто из лилипутов говорил мне, что теперь не нужно прыгать на канате, как во времена императора, но что нужно делать, очевидно, держится в глубочайшей тайне» [13]. См. у Свифта в переводе Франковского: «Эти упражнения производятся только лицами, которые состоят в кандидатах на высокие должности и ищут благоволения двора. Они смолodu тренированы в этом искусстве и не всегда отличаются благородным происхождением или широким образованием. Когда открывается вакансия на высокую должность, вследствие смерти или опалы (что случается часто), пять или шесть таких соискателей подают прошение императору разрешить им развлечь его императорское величество и двор танцами на канате; и кто прыгнет выше всех, не упавши, получает вакантную должность» [16, с. 47].

За финальной, 34-й, главой повести следует послесловие от имени автора – якобы всего лишь «издателя» заметок героя: «Это были разбросанные заметки, обрывки мыслей, наблюдений и суждений. Я взял на себя смелость отредактировать и опубликовать их, но должен предупредить, что ни в коем случае не отвечаю за достоверность всего, о чем рассказывает Генри Грин» [13]. Заканчивается книга следующими словами: «Мы уже никогда не узнаем, нашел ли он <Генри Грин> свою счастливую страну или так и остался вечным скитальцем, бороздящим бескрайние моря в погоне за мечтой. Мечтой найти справедливость в несправедливом мире» [13].

Повесть «Путешествие в Страну мудраков. По следам Гулливера» на данный момент издана только в электронном виде и едва ли является широко известным произведением. Однако попытка нашего современника написать о реалиях XXI в., обыграв текст Свифта, представляется небезынтересной и достойной внимания читающей публики. Максима Ладина можно назвать если не последователем, то по крайней мере подающим надежды учеником Свифта – и пожелать ему дальнейших творческих успехов.

Список литературы

1. *Алеева Е. З.* Культурологические аспекты мифа в романе Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Казань, 2010. Т. 152. Кн. 2. С. 125–136.
2. *Алпатьева Н. В.* Лилипутский реквием: мотивы и образы романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» в рассказе Л. Н. Андреева «Смерть Гулливера» // Литературная традиция и индивидуальное творчество : мат-лы Всероссийской научной конференции. СПб., 2018. Вып. 22. С. 97–101.
3. *Алпатьева Н. В.* Образы героев романа Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» в пьесе Г. И. Горина «Дом, который построил Свифт» // Рецепция литературного произведения в иноязычной среде : межвуз. сб. науч. статей. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. (Comparativistica Petropolitana. Вып. 1). С. 9–18.
4. *Алпатьева Н. В.* «Пятое путешествие Гулливера» А. Аникина: дивный новый мир всеобщего равенства // VII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Русско-зарубежные литературные связи». Нижний Новгород : НГПУ им. К. Минина, 2017. С. 78–82.
5. *Андреев Л. Н.* Иуда Искариот : рассказы. М. : АСТ, 2010. 285 с.
6. *Бологова М. А.* Реминисценции «Путешествий Гулливера» Д. Свифта в «Похитителях авто» // Современная русская проза: проблемы поэтики и герменевтики. Новосибирск, 2010. С. 338–355.
7. *Горин Г. И.* Дом, который построил Свифт // Формула любви: Киносценарии, пьесы. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2013. С. 5–96.
8. *Зартайский В. Г.* Послесловие // Д. Свифт Путешествия Гулливера (пересказ Т. Габбе). СПб. : Вита Нова, 2004. С. 198–199.
9. *Ингер А.* Несколько слов о Джонатане Свифте и о том, что увидел капитан Гулливер во время своих путешествий. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/inger_1.htm (дата обращения: 26.07.2023).
10. *Козырев М. Я.* Пятое путешествие Гулливера и другие повести и рассказы. М. : Текст : Риф, 1991. 303 с.
11. *Кузьмин В.* «Козырев – пишет Гоголем». URL: http://nlt2000.narod.ru/4_2000/1.html (дата обращения: 26.07.2023).
12. *Кузьмичёв А. Д.* Шкала Кузьмичёва. Пятое путешествие Гулливера – 12 баллов. URL: <http://clip.bmstu.ru/2016/04/anikin1978/> (дата обращения: 26.07.2023).
13. *Ладин М.* Путешествие в Страну мудраков. По следам Гулливера. URL: <https://www.litres.ru/book/maksim-ladin/puteshestvie-v-stranu-mudrakov-po-sledam-gullivera-21994058/> (дата обращения: 26.07.2023).
14. *Обухова Л. П.* Своеобразие композиции пьесы Г. Горина «Дом, который построил Свифт» // VI Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование»: (15–20 апр. 2002 г.). Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2003. Т. 2. С. 212–214.
15. *Савченко В. И.* Пятое путешествие Гулливера // Похитители суеты. Киев : Рад. Письменник, 1988. С. 147–240.
16. *Свифт Д.* Путешествия Гулливера. Сказка бочки. Дневник для Стеллы. Письма. Pamфлеты. Стихи на смерть доктора Свифта / пер. с англ. М. : НФ «Пушкинская библиотека» : АСТ, 2007. 843 с.
17. «Смерть Гулливера»: примечания и комментарии. URL: http://leonidandreev.ru/comments/ocherki/smert_gullivera.htm (дата обращения: 16.05.2018).
18. Фантастика-78. Сборник. М. : Молодая гвардия, 1978. 336 с.
19. *Higgins I.* Swift's politics: a study in disaffection. Cambridge etc. : Cambridge univ. Press, 2004. 232 p.
20. *Marshall A.* Gulliver, Gulliveriana, and the Problem of Swiftian Satire // Philological Quarterly. Iowa City, 2005. Vol. 84. № 2. Pp. 211–239.

Gulliver in the 21st century: Maxim Ladin and his "Journey to the Land of Mudraks"

Alpatieva Natalia Viktorovna

senior lecturer, St. Petersburg State Art and Industrial Academy n. a. A. L. Stieglitz.
Russia, St. Petersburg. AuthorID: 950536. E-mail: xru93@yandex.ru

Abstract. This article examines the novel by the modern Russian writer Maxim Ladin "Journey to the Land of Mudraks. In the Footsteps of Gulliver" (2017), which is a kind of sequel to Jonathan Swift's famous novel Gulliver's Travels (1726). The philological analysis of this work is preceded by a brief story about other literary sequels of Swift's book, written in different genres by different authors of the twentieth century (L. N. Andreev, M. Ya. Kozyrev, A. V. Anikin, V. I. Savchenko, G. Gorin). The article analyzes the plot of Ladin's novel, the author's style and intertextual connections with the English novel. Much of what is said in the book by the Russian writer can remind the reader of modern reality – from household details (carriage lights, similar to daytime running lights in cars) to the mores of society (Lilliputian celebrities who are ready to do anything for fame). Ladin's text contains allusions to the original Gulliver's Travels – both direct (mentioning Swift's characters such as the

Houyhnhnms and yahoos) and indirect (using dates and coordinates to create a plausibility effect). Ladin, like his great predecessor, uses various satirical techniques when describing the socio-political life of the characters, sometimes not shying away from physiology, which was often reproached by Swift. Ladin's book is written "in the spirit" of the famous "Gulliver's Travels" and is also a satire on the mores of society, modern to its author. This story has not been studied before, but it is of undoubted interest from the point of view of literary reception.

Keywords: Swift, Gulliver, Ladin, novella, satire.

References

1. Aleeva E. Z. *Kul'turologicheskie aspekty mifa v romane Dzh. Svifta "Puteshestviya Gullivera"* [Cultural aspects of myth in the novel by J. Swift's "Gulliver's Travels"] // Scientific Journal. Kazan State University. Kazan. 2010. Vol. 152. Book 2. Pp. 125–136.
2. Alpat'eva N. V. *Liliputskij rekviem: motivy i obrazy romana Dzh. Svifta "Puteshestviya Gullivera" v rasskaze L. N. Andreeva "Smert' Gullivera"* [Lilliput requiem: motives and images of the novel by J. Swift's "Gulliver's Travels" in L. N. Andreev's short story "Gulliver's Death"] // *Literaturnaya tradiciya i individual'noe tvorchestvo: mat-ly Vserossijskoj nauchnoj konferencii* – Literary tradition and individual creativity: materials of the All-Russian Scientific Conference. SPb. 2018. Is. 22. Pp. 97–101.
3. Alpat'eva N. V. *Obrazy geroev romana Dzh. Svifta "Puteshestviya Gullivera" v p'ese G. I. Gorina "Dom, kotoryj postroil Svift"* [Images of the heroes of the novel by J. Swift's "Gulliver's Travels" in the play by G. I. Gorin "The House that Swift Built"] // *Recepciya literaturnogo proizvedeniya v inoyazychnoj srede: mezhvuz. sb. nauch. statej* – Reception of a literary work in a foreign language environment: interuniversity scientific collection. articles. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 2019. (Comparativistica Petropolitana. Is. 1). Pp. 9–18.
4. Alpat'eva N. V. *"Pyatoe puteshestvie Gullivera" A. Anikina: divnyj novyj mir vseobshchego ravenstva* ["Gulliver's Fifth journey" by A. Anikin: a brave new world of universal equality] // *VII Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem "Russko-zarubezhnye literaturnye svyazi"* – VII All-Russian scientific and practical conference with international participation "Russian-foreign literary relations". Nizhny Novgorod. NSPU n. a. K. Minin. 2017. Pp. 78–82.
5. Andreev L. N. *Iuda Iskariot: rasskazy* [Judas Iscariot: stories]. M. AST. 2010. 285 p.
6. Bologova M. A. *Reminiscencii "Puteshestvij Gullivera" D. Svifta v "Pohititelyah avto"* [Reminiscences of Gulliver's Travels by D. Swift in The Car Thieves] // *Sovremennaya russkaya proza: problemy poetiki i germenev-tiki* – Modern Russian prose: problems of poetics and hermeneutics. Novosibirsk. 2010. Pp. 338–355.
7. Gorin G. I. *Dom, kotoryj postroil Svift* [The house that Swift built] // *Formula lyubvi: Kinoscenarii, p'esy* – The formula of love: Screenplays, plays. SPb. Azbuka: Azbuka-Atticus. 2013. Pp. 5–96.
8. Zartajskij V. G. *Posleslovie* [Afterword] // *D. Svift Puteshestviya Gullivera (pereskaz T. Gabbe)* – D. Swift Gulliver's Travels (retelling by T. Gabbe). SPb. Vita Nova. 2004. Pp. 198–199.
9. Inger A. *Neskol'ko slov o Dzhonatanе Svifte i o tom, chto uvidel kapitan Gulliver vo vremya svoih puteshestvij* [A few words about Jonathan Swift and what Captain Gulliver saw during his travels]. Available at: http://www.fandom.ru/about_fan/inger_1.htm (date accessed: 26.07.2023).
10. Kozyrev M. Ya. *Pyatoe puteshestvie Gullivera i drugie povesti i rasskazy* [Gulliver's Fifth journey and other novels and short stories]. M. Text – Rif. 1991. 303 p.
11. Kuz'min V. *"Kozyrev – pishet Gogolem"* ["Kozyrev – writes Gogol"] Available at: http://nlt2000.narod.ru/4_2000/1.html (date accessed: 26.07.2023).
12. Kuz'michyov A. D. *Shkala Kuz'michyova. Pyatoe puteshestvie Gullivera – 12 ballov* [Kuzmichev scale. Gulliver's fifth journey – 12 points]. Available at: <http://clip.bmstu.ru/2016/04/anikin1978/> (date accessed: 26.07.2023).
13. Ladin M. *Puteshestvie v Stranu mudrakov. Po sledam Gullivera* [Journey to the Land of Mudraks. In Gulliver's footsteps]. Available at: <https://www.litres.ru/book/maksim-ladin/puteshestvie-v-stranu-mudrakov-po-sledam-gullivera-21994058/> (date accessed: 26.07.2023).
14. Obuhova L. P. *Svoeobrazie kompozicii p'esy G. Gorina "Dom, kotoryj postroil Svift"* [The originality of the composition of G. Gorin's play "The house that Swift built"] // *VI Obshcherossijskaya mezhvuzovskaya konferenciya studentov, aspirantov i molodyh uchenyh "Nauka i obrazovanie": (15–20 apr. 2002 g.)* – VI All-Russian Interuniversity Conference of students, postgraduates and young scientists "Science and Education": (April 15–20, 2002). Tomsk. Publishing House of the State Pedagogical University. 2003. Vol. 2. Pp. 212–214.
15. Savchenko V. I. *Pyatoe puteshestvie Gullivera* [Gulliver's Fifth journey] // *Pohititeli sutej* – The Abductors of the essence. Kiev. Rad. Pischinnik. 1988. Pp. 147–240.
16. Svift D. *Puteshestviya Gullivera. Skazka bochki. Dnevnik dlya Stelly. Pis'ma. Pamflety. Stihi na smert' doktora Svifta* [Gulliver's Travels. The tale of the barrel. A diary for Stella. Letters. Pamphlets. Poems on the death of Dr. Swift] / transl. from English. M. SF "Pushkin Library": AST. 2007. 843 p.
17. *"Smert' Gullivera": primechaniya i kommentarii* – "Gulliver's Death": notes and comments. Available at: http://leonidandreev.ru/comments/ocherki/smert_gullivera.htm (date accessed: 16.05.2018).
18. *Fantastika-78. Sbornik* – Fiction-78. Collection. M. Molodaya Gvardiya (Young Guard). 1978. 336 p.
19. *Higgins I. Swift's politics: a study in disaffection*. Cambridge etc.: Cambridge univ. Press. 2004. 232 p.
20. *Marshall A. Gulliver, Gulliveriana, and the Problem of Swiftian Satire* // *Philological Quarterly*. Iowa City. 2005. Vol. 84. No. 2. Pp. 211–239.

Своеобразие паузы в драматургии А. П. Чехова

Ненашев Михаил Иванович

доктор философских наук, профессор.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-7779-3876. E-mail: mnenashev@inbox.ru

Аннотация. В настоящее время становится актуальным перенос центра тяжести в исследовании творчества А. П. Чехова с содержания его произведений на особенности художественного языка. В драматургии эти особенности проявляются кроме всего прочего в виде так называемой чеховской паузы. Однако в литературе чеховские паузы в большинстве случаев описываются через общие функции театральных пауз как таковых, тем самым не затрагивается их специфика. В статье рассматриваются фрагменты пьес «Безотцовщина», «На большой дороге», «Чайка», «Три сестры». В качестве методологической основы используется феноменологический метод, который, согласно М. Хайдеггеру, означает способ «дать увидеть то, что себя кажет, из него самого так, как оно себя от самого себя кажет». Обнаруживается, что Чехов посредством паузы в ткань сценического действия вводит дополнительное измерение – мыслительное действие, или акт сознания (понимание, узнавание, переосмысление), который, как все на свете, длится, занимает время. Такие паузы позволяют преодолевать те «непреодолимые трудности» (Павел Флоренский), которые связаны с тем, чтобы показать, как происходящее на сцене воспринимают сами герои пьесы.

Анализируются фрагменты фильма-спектакля «Три сестры» в постановке МХАТа и демонстрируется, что сведение чеховской паузы к обычным функциям приводит к смысловым абберациям. Проводится параллель между паузами в пьесах Чехова и фрагментами его рассказов, выполняющими роль осмысления и переосмысления героями того, что с ними происходит. Показывается, что пауза в качестве акта сознания выступает частным случаем важнейшей особенности чеховских рассказов и пьес, состоящей в описании сдвига сознания, или работы сознания (В. Б. Катаев).

Ключевые слова: пауза, феноменологический метод, акт сознания, сдвиг сознания, драматургия А. П. Чехова.

Когда мы обращаемся к паузам в драматургии А. П. Чехова, то обнаруживаем, что эта тема уже рассматривалась в работах таких авторов, как С. А. Лишаева, В. Г. Одинокова, А. Н. Панамарева, О. В. Шалыгина [9; 10; 12; 22]. Наиболее развернуто проблематику пауз в драматургии А. П. Чехова проанализировали А. Б. Криницин и Дж. Б. (Джиллиан Берджи) Костелло.

А. Б. Криницин в статье «Поэтика и семантика пауз в драматургии Чехова» различает в пьесах Чехова интонационные паузы внутри реплики героя, они несут эмоционально-выразительную функцию и обозначают смену темы или настроения. Наряду с ними выделяются диалогические паузы между репликами персонажей, такие паузы свидетельствуют о вялости разговора или невозможности его продолжать, они выполняют коммуникативную функцию. Различаются сценические паузы, разграничивающие диалоги, явления и сцены между собой, они выполняют сюжетно-композиционную функцию [7].

Так, в юношеской пьесе Чехова с условным названием «Безотцовщина» преобладают интонационные паузы, обозначающие резкую смену чувств героя, а в его монологах – тягостное раздумье; диалогические паузы возникают при отсутствии ответа на вопрос, такие паузы учащаются с усилением драматизма в отношениях между персонажами.

В пьесе «Чайка» количество пауз нарастает от действия к действию, они делаются психологически тоньше и становятся «знаком утверждения, констатации, как будто в высказывании ставится некая точка». Последние пьесы Чехова («Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад») начинают походить на музыкальное произведение с ведением и развитием главной, побочной и соединяющих тем. Соответственно паузы играют роль, аналогичную паузам в

музыкальном произведении, заполняются звуками и часто музыкой. Такие паузы становятся семантически и даже символически значимыми, особенно если повторяются, например, звук лопнувшей струны [там же].

Дж. Б. (Джиллиан Берджи) Костелло в статье «Значение и функции паузы в пьесе А. П. Чехова «Чайка» указывает на драматическую и музыкальную функции паузы, а также функцию лакуны. В первом случае пауза может разделять слова, придавать значимость речи персонажей, но также может стать пародией на театральные приемы. Например, монолог Нины в самом начале пьесы «Чайка» заканчивается паузой: «Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно. Пауза». Нина считает, что добавляет словам драматическое звучание, на деле пауза теряется в смехе других персонажей и зрителей. Чехов знал, что пауза в речи Нины будет неуместной, но «одновременно в этом и заключается значимость данного момента тишины, поскольку пауза подобного рода привлекает своей несуразностью и ненужностью зрителей пьесы «Чайка» [6, с. 5].

Музыкальная функция состоит в том, что пауза управляет динамикой действий на сцене, так же как тишина в музыке управляет динамикой мелодии. Например, паузы в сцене, где Аркадина предлагает Сорину лечиться или поехать на воды, замедляют разговор, который может очень быстро проходить. Дж. Б. Костелло подчеркивает, что «скорость действия имеет огромное значение на сцене. Если сцена слишком медленная или слишком быстро происходит, то, вероятно, актеры теряют внимание своих зрителей, и пьеса может даже оказаться провальной» [там же].

Наконец, прием-лакуна используется, когда пауза добавляет словам значение, которое персонажи не могут выразить словами. Это «реальная пустота в коммуникации, где слова и даже жесты теряют свою силу. Однако этот прием является той лакуной в тексте пьесы, которую зрители все же могут ощущать» [там же]. Дж. Б. Костелло также определяет лакуну, используя формулировку Ю. М. Лотмана, как минус-прием.

Так, пауза Константина в его последней сцене связана не с его внешней речью, но с внутренним эмоциональным состоянием, которое невозможно выразить словами.

Замечание Дж. Б. Костелло о том, что в пьесах Чехова пауза управляет динамикой действий на сцене, переключается со словами А. П. Чудакова о роли пауз в драмах Чехова: «Паузы ослабляют концентрацию эпизодов, высокую во всякой драме. Ритм движения эпизодов замедляется, прерывается искусственная каскадность; впечатление неупорядоченности усиливается» [21, с. 201]. А. П. Чудаков считает, что этот прием Чехова пришел из его прозы, но с этим можно спорить. Известно, что первым произведением Чехова является пьеса «Безотцовщина» (1878 г.), во всяком случае неизвестно о прозаических произведениях Чехова, написанных в более ранний период. В этой пьесе Чехов сразу и широко использует прием паузы. И во второй ранней пьесе «На большой дороге» (1884 г.) пауза также широко используется.

Объединяя идеи трех названных авторов, мы получаем следующие функции паузы в драматургии Чехова: эмоционально-выразительную, коммуникативную, сюжетно-композиционную, драматическую, музыкальную и функцию лакуны.

Обратим внимание на то, что все эти виды пауз можно обнаружить не только у Чехова, но также в пьесах других драматургов его времени, даже при отсутствии ремарок «пауза». Рассмотрим фрагмент из комедии «Без вины виноватые», написанной А. Н. Островским в период 1881–1883 гг.

Отрадина. Да ты что-то и всегда стал рано приходиться ко мне, как будто боишься кого.

Муров. Ах, боже мой! Разумеется, боюсь, только не за себя, а за тебя. Очень просто, я не хочу, чтоб про тебя дурно говорили.

Отрадина. Благодарю, мой милый, благодарю! Однако ты прежде этого не боялся. Да ведь уж разве скроешься? Уж и теперь мне намекают: «Скоро ли, барышня, Григорий Львович женится на вас». Лучше бы не прятаться, а эти толки прекратить.

Муров. Уж чего бы лучше, но, к несчастью, мой друг, это пока невозможно [11, с. 381].

Очевидно, что актеры и режиссер, при постановке этого эпизода должны считаться с тем, что если действие будет происходить слишком быстро, то будет потеряно внимание зрителей. Также можно представить в середине реплики Отрадиной интонационную паузу, несущую эмоционально-выразительную функцию. Например:

Отрадина. Благодарю, мой милый, благодарю! Однако ты прежде этого не боялся.

Пауза.

Да ведь уж разве скроешься? Уж и теперь мне намекают: «Скоро ли, барышня, Григорий Львович женится на вас». Лучше бы не прятаться, а эти толки прекратить.

Паузы, выполняющие другие функции, тоже могут присутствовать без использования ремарки «пауза» при постановке пьес разных авторов режиссерами и актерами, при условии, конечно, что все они мастера своего дела. Вообще предполагать отсутствие такого рода пауз в реальной сценической игре было бы странным.

Получается, что многочисленные прямые указания на паузы, а ими пестрят пьесы Чехова, являются либо избыточными и отражают личные психологические черты, например, педантизм, придирчивость, недоверие к режиссеру и актерам, стремление их «вести за руку» и т. п. Либо эти указания необходимы, но тогда паузы должны играть дополнительную или параллельную роль к тем функциям, которые перечисляют цитируемые авторы. Попробуем эту роль определить.

Будем рассматривать фрагменты из чеховских пьес так, как они сами даются, не переходя ни к чему другому, кроме очередного фрагмента, и абстрагируясь от каких-либо предвзятых идей и соображений.

Предлагаемый подход соответствует тому, что в философии получило название феноменологического метода. В «Бытии и времени» Мартин Хайдеггер пишет о том, что феноменология выдвигает максиму «К самим вещам!». Эта максима выступает «против всех свободнопарящих конструкций, случайных находок, против заимствования любых лишь мнимо доказанных концепций, против мнимых вопросов, которые часто на протяжении поколений выпячиваются как «проблемы» [17, с. 45]. Далее он определяет феноменологию как способ «...дать увидеть то, что себя кажет, из него самого так, как оно себя от самого себя кажет» [17, с. 52], а феномен определяет как «себя-в-себе-самом-показывание» [17, с. 48]. В более ранней работе «Пролегомены к истории понятия времени» Хайдеггер пишет, что «феномен» означает то, каким образом нам встречается сущее само по себе, как оно показывает само себя.

Начнем с простого случая. В ранней пьесе Чехова «На большой дороге» (1884) есть место, когда содержатель кабака Тихон узнает Мерика.

Мерик. ... (Подходит к Тихону.) Здорово, мордастый! Аль не опознал?

Тихон. Коли ежели вас всех пьяниц спознавать, что по большой дороге ходит, так для этого самого во лбу, почитай, десять дыр надо.

Мерик. А ты погляди. . .

Пауза.

Тихон. А и то спознал, скажи на милость! По глазищам спознал! *(Подает руку.)* Андрей Поликарпов?

Мерик. Был Андрей Поликарпов, а нынче, почитай, Егор Мерик [19, с. 188].

Безусловно, пауза в этом фрагменте выполняет коммуникативную функцию, так как оба персонажа общаются. Но даже если мы паузу удалим, все равно сохранится то же самое содержание коммуникации (то, о чем идет разговор). Что же привносит пауза, которую выдерживает перед своим ответом Тихон? Очевидно, что речь идет об акте вглядывания в стоящего перед ним человека и узнавания, в результате Мерик из одного из «всех пьяниц» превратился для Тихона в человека, которому можно подать руку, то есть одна ситуация превратилась в другую.

Подчеркнем этот момент. В ткань сценического действия наряду с речевой организацией пьесы (Г. Шалюгин [23]) посредством паузы Чехов вводит дополнительное измерение: *мыслительное действие, или акт сознания*, который, разумеется, как все на свете, длится, занимает какое-то время.

Обратимся к более сложной ситуации, к эпизоду из первого действия пьесы Чехова «Три сестры».

Ольга. Мне двадцать восемь лет, только... Все хорошо, все от бога, но мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше. *(Пауза.)* Я бы любила мужа [20, с. 120–122].

Фактически в этом эпизоде две паузы. Первая в виде многоточия после фразы «Мне двадцать восемь лет, только». Если эту фразу рассматривать изолированно, то получится, что Ольга имеет в виду, что ей только двадцать восемь лет. И что у нее все впереди.

Рассмотрим эту фразу вместе с последующими словами, убрав многоточие. Получится усиление: мне только двадцать восемь лет, все хорошо, все от Бога. То есть тем более не о чем беспокоиться. Однако в этом случае следующая фраза с противительным союзом – «но мне кажется, если бы...» – будет выглядеть неуместной. Таким образом, удаление многоточия придает смысл, по крайней мере, не совсем тот, который имел в виду Чехов, использовав союз «но».

И вот теперь обнаруживается, что многоточие поставлено не случайно, получившаяся лакуна не является просто отсутствием речи, или минус-приемом: помолчать одну-две секунды, потому что внутреннее эмоциональное состояние невозможно или трудно выразить словами. За многоточием в реплике Ольги стоит содержательное мыслительное действие, в данном случае *примирение* с тем, что ей уже двадцать восемь лет. Поэтому – все хорошо, все от бога.

Перейдем к окончанию реплики Ольги. Снова рассмотрим сначала часть реплики перед паузой. Ольга говорит, что ей кажется, если бы она вышла замуж и сидела дома, то было бы лучше. Если этим ограничиться, то получается противоречие: ведь очевидно, что замуж выходят не просто чтобы сидеть дома. Тем более что Ольга может позволить себе это без всякого замужества. В третьем действии брат Андрей напоминает Ольге и Ирине, что в отличие от него они получают пенсию (очевидно, как генеральские дочери). Поэтому реплика Ольги на этом не может закончиться.

Теперь представим, что Ольга без паузы переходит к словам, что любила бы мужа. В этом случае противоречие исчезает: выйдя замуж, Ольга сидела бы дома и любила мужа. Но Чехов разрывает эту ситуацию вставкой паузы. И мы вынуждены допустить, что в ходе этой паузы Ольга спохватывается, что, вообще говоря, замужество не состоит в том, чтобы сидеть дома. Это – ситуация *понимания* необходимости прибавить «я бы любила мужа», то есть снова акт сознания, который и выступает в виде длящейся паузы.

Очевидно, что речь идет не об интонационной паузе с ее эмоционально-выразительной функцией, каковая вставляется внутри реплики героя и обозначает смену темы или настроения. Но – об *осознании* того, что сказано не совсем то, что нужно, и необходимо, так сказать, исправить ситуацию.

Оговорка Ольги с добавлением после паузы «любила бы мужа», едва ли случайна. У сестер мать умерла 11 лет назад, весь этот период их воспитывал отец-генерал, что называется, без женского глаза, в окружении денщиков. (Во втором действии Маша говорит Вершинину, что сестры после смерти отца долго не могли привыкнуть к тому, что у них теперь нет денщиков.) Но зато сестер приучили вставать в семь утра, они знают три иностранных языка, а Ирина знает даже четыре языка, – знание этих языков ненужная роскошь, по словам Маши. Очевидно, что некоторые стороны воспитания дочерей, связанные с формированием, скажем так, чисто женских качеств, генералом были упущены.

Рассмотрим ситуацию с паузами в общем виде. Для этого обратимся к идеям Павла Флоренского по поводу театрального искусства. В своей работе «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» он пишет, что когда *читатель* текста трагедии Шекспира «Гамлет» воспринимает сцену с «мышеловкой», то эта сцена может представляться ему с точки зрения короля, королевы, Гамлета и остальных, которые выступают в данный момент в качестве зрителей. Но *зритель, сидящий в зале*, неизбежно будет видеть эту сцену со *своей* точки зрения и *своими* глазами, а не с точки зрения, например, короля. Поэтому «двустепенность пространства его сознанию (зрителя в зале. – *Авт.*) не дается», здесь возникают, как замечает П. Флоренский, «трудности непреодолимые» [16, с. 118]. Под двустепенностью имеется в виду ситуация *сцены на сцене*.

Ну а все-таки, можно ли преодолеть эти трудности и отобразить, как происходящее на сцене воспринимается героями пьесы? Ясно во всяком случае, что сам акт восприятия (понимания, узнавания, истолкования) является прежде всего актом сознания, который, как мы уже отметили, длится, то есть занимает временной интервал. И вот если эти акты восприятия не проговариваются в виде бесконечных «реплик в сторону» или монологов: думаю или вижу то-то и то-то (на которые, кстати, тоже требуется время), – то они должны выполняться именно в виде паузы.

Продолжим рассматривать ситуации с паузами в пьесах Чехова. Обратимся к последней встрече Константина и Нины в «Чайке». Дж. Б. Костелло пишет о несоответствии паузы словам Константина, внутреннее состояние которого «никак не отражено в простоте последующих за паузой высказанных им слов» [6, с. 7]. Имеются в виду слова: «Нехорошо, если кто-нибудь встретит ее (Нину. – *Авт.*) в саду и потом скажет маме. Это может огорчить маму». Дело в том, отмечает Костелло, что пауза обычно заставляет зрителей ждать следующих слов персонажа, так как подчеркивает самые важные слова в пьесе. Однако в данной сцене слова, следующие за паузой, оказываются несущественными. Отсюда делается вывод, что эта пауза является лакуной, или минус-приемом, отражающим эмоциональное состояние Константина, которому «сложно выразить свои чувства словами, поэтому он использует совсем несвязанную речь» [там же].

Соглашаясь с возможностью такого подхода, посмотрим, можно ли взглянуть на ситуацию иначе, опираясь на проделанный нами опыт анализа реплики Ольги.

Костелло исходит из несущественности того, что произносит Константин после паузы. Но сам текст пьесы не говорит однозначно, что эти слова именно несущественны. Вполне можно предположить обратное – важность и существенность этих слов. В таком случае пауза означает то, что все-таки можно выразить словами, а именно то, что сказал Константин.

А теперь уберем паузу. В этом случае эти слова все равно будут означать существенное и важное для Константина. Что же тогда добавляет чеховская пауза?

Если возможность огорчить маму оказывается существенным для Константина, то это означает, что для него перестает быть существенным только что произошедший уход Нины. Таким образом, пауза означает еще и факт *отстранения* Нины из своей жизни.

Константин *молча* рвет рукописи, и так как мы знаем, к чему это приведет, то эта новая пауза должна означать перенос отстранения на все остальное, в том числе теперь уже на мать и на все окружение, огорчение которых после выстрела теперь уже не переживается как существенное. В молчании происходит стирание, удаление всего, что связывает с жизнью в качестве значимого и существенного, в том числе писательства. Мы снова видим, что речь идет об актах сознания, и эти акты сознания состоят в подготовке к уходу из жизни.

Здесь уместны слова из «Гамлета» Шекспира: «Да, я изглажу из памяти моей все, что я помнил, все мысли, чувства, все мечты, всю жизнь» [2, с. 21]. (См. параллели между историей Константина Треплева и шекспировского Гамлета в [1]).

Для полноты, хотя бы относительной, обзора рассмотрим фрагмент с паузой в пьесе Чехова «Безотцовщина».

Анна Петровна и Трилецкий играют в шахматы, и Анна Петровна начинает осторожно выяснять степень развития отношений между Трилецким и Марией Ефимовной Грековой.

Анна Петровна. Любовь, значит?

Трилецкий (пожимает плечами). Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

Анна Петровна. Вот это мило! Вам же лучше знать. . .

Трилецкий. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

Анна Петровна. Хожу. Не понимаю, Николая! Женщине трудно понять вас в этом отношении...

Пауза.

Трилецкий. Она хорошая девочка.

Анна Петровна. Мне нравится. Светленькая головка... Только вот что, приятель... Не наделяйте-ка вы ей как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошляетесь, пошляетесь, наговорите кучу вздора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... [19, с. 10].

Рассмотрим часть диалога, которая предшествует паузе. Здесь интересно то, что Трилецкий на стремление Анны Петровны уточнить, можно ли назвать его отношения с Грековой любовью, неожиданно спрашивает, что она сама думает по поводу этого. Как нам представляется, в этом ответе в виде вопроса обнаруживается особенность чеховской драматургии, которую фиксирует в своей статье «Страсти по Татьяне Репиной» Г. Шалюгин.

Чехов считает, пишет Шалюгин, что в современной ему драматургии реплики и монологи героев отражают не логику развития характеров и действия, но логику движения мысли автора, логику доказательства авторского тезиса. В результате речь лишена оттенка незаданности, естественности, свободы. Реплики и монологи выступают единой авторской речью и стыкуются по принципу логического дополнения. Шалюгин пишет о логизированном способе выражения содержания, который приводит к подмене движения действия движением речи, в результате герои не столько совершают поступки, сколько их объясняют [23].

В качестве примера того, как реплики героев дополняют или, скажем так, подхватывают, друг друга, Шалюгин приводит фрагмент из пьесы А. С. Суворина «Татьяна Репина»:

Адашев. Он разменялся на деньги, и у них такая же сверхъестественная сила...

Котельников. Которой ныне пользуются и Фаусты, и мы, грешные [Цит. по: 14, с. 77].

Мы хотели бы обратить внимание на автоматизм ответа Котельникова, который выражается в предсказуемости, конечно, до определенной степени его ответной реплики.

В рассматриваемом же диалоге из «Безотцовщины» Трилецкий вместо того, чтобы предсказуемо ответить на то, что интересуется Анну Петровну (любовь или все-таки не любовь), делает так, что уже Анне Петровне приходится отвечать на его вопрос о том, что она

думает по поводу его отношений с Грековой, он берет бразды правления в свои руки и придает разговору характер простого трепа. В результате Анна Петровна перестает «понимать» направление разговора.

Рассмотрим продолжение диалога, при этом уберем чеховскую паузу. Получается абсурдное со стороны Трилецкого объяснение своих отношений с Грековой: встречаюсь, потому что хорошая девочка. Нелепо выглядит и ответ Анны Петровны: Грекова ей *тоже* нравится, потому что у нее светленькая головка...

Но вернем на место чеховскую паузу. И выясняется, что пауза нужна Трилецкому, чтобы перевести разговор от темы любви на нейтральную почву. И он говорит после паузы, что Грекова хорошая девочка.

А. Б. Криницин пишет в своей статье, что в «Безотцовщине» диалогические паузы возникают, когда отсутствует ответ на вопрос, и паузы учащаются с усилением драматизма в отношениях между героями. Мы считаем, что по крайней мере в *данном* фрагменте речь не идет о том, что Трилецкий не знает, что ответить, и это приводит к заминке в разговоре. Трилецкий знает, что он хочет сказать, но подбирает нужные слова, чтобы перевести разговор в иное русло, и вот на этот подбор слов затрачивается время паузы. А Анне Петровне приходится только просить Трилецкого, чтобы он не наделал Грековой как-нибудь неприятностей. Этот подбор Трилецким нужных слов есть мыслительное действие, то есть снова акт сознания.

Можно предположить, что в реальных постановках чеховских пьес, более или менее соответствующих исходному тексту, должны встречаться ситуации, когда режиссер будет воспринимать авторские паузы исключительно в контексте указанных выше функций. В частности, придавать паузам внутри реплик эмоционально-выразительное значение (А. Б. Криницин), а паузы между репликами использовать для замедления ритма движения эпизодов (Дж. Б. Костелло).

Одновременно режиссер естественным образом может стремиться представить эпизоды там, где это возможно, в виде относительно целостных фрагментов с определенным сюжетом. Поясним на примере, о чем идет речь, для этого вернемся к реплике Ольги по поводу ее предполагаемого замужества. Мы видели, что чеховская пауза разрывает то, что без этой паузы выглядело бы нормальным сюжетом: если бы Ольга вышла замуж, то сидела дома и любила мужа. И вполне естественно в таком виде изобразить этот эпизод в реальной постановке. Но как в таком случае быть с чеховской паузой?

Чтобы увидеть, каким способом решается это противоречие, обратимся к фрагменту фильма-спектакля «Три сестры» Чехова в постановке Московского художественного академического театра им. Горького 1984 г. Дадим запись фрагмента в виде текста.

Ольга. ...А я постарела от того, что, может быть, сержусь в гимназии на девочек. Но вот сегодня я свободна, я дома, у меня не болит голова, и я чувствую себя моложе, чем вчера. *(Пауза.)* Все хорошо, все от бога. *(Пауза.)* Но мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, это было бы лучше. *(Пауза.)* Я бы любила мужа [15, интервал 4.45–5.13 мин.].

Далее идут слова Тузенбаха о том, какой вздор говорит Соленый, и что надоело его слушать. Между прочим В. Б. Катаев замечает, что слова Тузенбаха следуют сразу после реплики Ольги [5], поэтому психологически создается впечатление, что они обращены к тому, что сказала Ольга.

Обратим внимание на то, что сохраняются чеховские паузы перед словами Ольги «Я бы любила мужа» и перед фразой «Все хорошо, все от бога». В то же время после этой фразы появляется еще одна пауза. В целом получается увеличение числа пауз, которые, как можно понять, служат замедлению темпа данной сцены в соответствии с музыкальной функцией паузы по А. П. Чудакову и Дж. Б. Костелло. И чеховская пауза перед «Я бы любила мужа», растворившись в остальных паузах, тоже служит замедлению сцены. В результате получается впечатление целостного фрагмента «было бы лучше, если бы вышла замуж, сидела дома, и любила мужа», произносимого с *растстановкой*.

Но из реплики Ольги выпали слова, что ей двадцать восемь лет. У Чехова именно после этих слов вставляется пауза в виде многоточия, а затем произносится «Все хорошо, все от бога», слова, которые могут быть поняты как примирение Ольги с тем, что ей уже двадцать восемь лет.

Таким образом, в мхатовской постановке данной сцены исчез важный момент, который есть в тексте Чехова. Но зато рассуждение про «выйти замуж» получило целостный вид.

Мы не хотели бы создавать впечатление, что речь идет о том, какой вариант данной сцены – исходный чеховский или мхатовский – более правильный и верный. Любая постановка является правильной и верной, если произведение искусства, выступающее в данном случае в виде пространственно-временного действия, обладает художественной цельностью и собственным смыслом [8, с. 74]. Но хотелось бы показать, что понимание пауз исключительно в контексте тех функций, о которых шла речь выше, приводит по крайней мере в некоторых случаях к отклонению от того, на что, как нам представляется, ориентировался Чехов.

Рассмотрим еще один эпизод из «Трех сестер» Чехова в мхатовской постановке. Подполковник Вершинин рассказывает сестрам, на какой улице он жил в Москве. Но сначала обратимся к тексту Чехова.

Маша. ...А на какой вы улице жили?

Вершинин. Одно время я жил на Немецкой улице. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одинокому становится грустно на душе.

Пауза.

А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река!

Ольга. Да, но только холодно. Здесь холодно и комары...

Вершинин. Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить [20, с. 127–128].

Если мы сравним этот текст с реальным диалогом в мхатовских «Трех сестрах», то обнаружим, что вместо одной чеховской паузы, разделяющей «Одинокому становится грустно на душе» и «А здесь какая широкая, какая богатая река!», появились две паузы, одна вставлена в вопрос Маши, на какой улице в Москве жил Вершинин, а вторая в слова Вершинина про березы.

Маша. А на какой улице (*Пауза.*) вы жили?

Вершинин. На Старой Басманной. Одно время я жил на Немецкой улице. Вот с Немецкой улицы я хожу в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одинокому становится как-то грустно на душе. А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река!

Ольга. Да, но только холодно. Здесь холодно и комары...

Вершинин. Что вы! Здесь такой хороший, здоровый славянский климат. Лес, река... и тоже березы. Милые, скромные березы, (*Пауза.*) я люблю их больше всех деревьев [15, интервал 18.47–19.47 мин.].

Обе паузы в этом фрагменте тоже можно понять как средство замедления темпа диалога, зато в ответе Вершинина появляется единый сюжет, объединивший угрюмый мост, под которым шумит вода, одиночество и широкую, богатую, чудесную реку по новому месту службы. Центр тяжести падает на сравнение двух рек. А дальше речь идет про здоровый славянский климат и березы. Но опущена фраза Вершинина, которая есть в первоисточнике: «Хорошо здесь жить».

У Чехова же Вершинин в течение паузы после слов «Одинокому становится грустно на душе», как можно предположить, в мыслях возвращается к угрюмому мосту и своему одиночеству, а затем начинает восхищаться широкой, чудесной рекой, здоровым славянским климатом и березами. Смысл этого восхищения состоит в надежде, что на новом месте службы, наконец, будет покончено с чувством одиночества.

А. П. Чудаков, когда пишет, что паузы в драматургии Чехова замедляют ритм движения эпизодов, в качестве аналога такого рода пауз в чеховской прозе указывает на чтение романа Веры Иосифовны в «Ионыче» и ореандский эпизод в «Даме с собачкой» [21, с. 201]. Остановимся на этих примерах.

Вера Иосифовна читает гостям свой роман о молодой графине, полюбившей странствующего художника, после этого Екатерина Ивановна играет на фортепьяно. В перерыве гости молча слушают «Лучинушку», которую поет в городском саду хор. Понятно, что эта вставка действительно замедляет движение эпизодов. Однако обратим внимание на то, что содержательно речь идет о *восприятии* «Лучинушки» гостями и сравнении песни с романом Веры Иосифовны, то есть снова о некотором мыслительном действии:

Когда Вера Иосифовна закрыла свою тетрадь, то минут пять молчали и слушали «Лучинушку», которую пел хор, и эта песня передавала то, чего не было в романе и что бывает в жизни [18, с. 26].

В фильме «В городе С.», поставленном в 1966 г. Иосифом Хейфицем по рассказу «Ионыч», сцена с «Лучинушкой» опущена. Потому что зритель в кинозале слышал бы песню (вспомним П. Флоренского), но не воспринимал то, как *гости* эту песню слышат и сравнивают с романом, только что прочитанном Верой Иосифовной.

Эпизод с поездкой в Ореанду в «Даме с собачкой» тоже выглядит как вставка. В композиционном плане рассказ существенно не изменится, если опустить фрагмент, начинающийся словами «Нашли извозчика и поехали в Ореанду» и заканчивающийся фразой «Они вернулись в город». Поэтому снова можно признать, что эпизод с поездкой в Ореанду замедляет ритм повествования.

В то же время можно согласиться с Н. Е. Разумовой, что «сцена в Ореанде становится поворотным пунктом для судьбы персонажей». Далее она продолжает: «Ввиду шумящего внизу моря Гуров еще неосознанно переживает момент экзистенциальной трансценденции, приоткрывающий ему путь к миру, к другому человеку и к своей собственной подлинности» [13, с. 157]. Получается, что поездка в Ореанду значит больше, чем замедление ритма движения эпизодов.

В фильме Иосифа Хейфица «Дама с собачкой» (1960 г.) эта сцена неизбежно выглядит как затянувшаяся пауза. Из всего текста о шумящем внизу море оставлена лишь фраза, которую произносит Гуров, – о том, что все прекрасно, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях и человеческом достоинстве. Таким образом, эта пауза тоже оказывается некоторым мыслительным действием, пусть в виде бессознательного переживания «момента экзистенциальной трансценденции»; как мы видели, такого рода паузы характерны для драматургии Чехова.

Итак, можно провести параллель между паузами в драматургии Чехова и некоторыми фрагментами из его прозы. Поставим вопрос о том, соответствуют ли эти паузы и фрагменты какой-то общей константе творчества Чехова, присущей самым различным его произведениям, как драматическим, так и прозаическим. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к монографии В. Б. Катаева «Проза Чехова: проблемы интерпретации».

В этой работе В. Б. Катаев пишет, что в уже ранних произведениях Чехова обнаруживается особенность, которая остается существенной и для других периодов его творчества. Он ссылается на рассказ «Тапер», где описывается, как бывший студент консерватории Петр Рублев играл за плату на свадьбе и заговорил как равный с невестой. Окружающие тут же дали ему понять, что он здесь всего лишь прислуга, которая должна знать свой шесток.

«Появление этой «мысли», – пишет Катаев, – вдруг открывшейся Пете, и есть главное событие «Тапера». Это рассказ о сдвиге в сознании человека, об открытии, разрушившим прежнее, поверхностное представление о жизни» [3, с. 11].

Катаев показывает, как это событие – *сдвиг сознания* – повторяется во многих рассказах Чехова 1885–1887 годов: человек, погруженный в будничную жизнь, получает толчок в виде пустячного случая, и затем происходит главное событие рассказа – открытие по формуле «казалось – оказалось». В результате опровергается прежнее представление о жизни, открывается ее запутанный и враждебный порядок. Герой впервые задумывается.

В работе «Сложность простоты. Рассказы А. П. Чехова» Катаев пишет о том, что нередко складывается впечатление, что в рассказах Чехова ничего не происходит. Однако речь идет об особом характере события, – невидимом, происходящем в сознании, в душе героя, и вот «от этого невидимого события зависят дальнейшие, уже видимые поступки героя, его мироощущение, его отношения с окружающими» [4, с. 10]. Катаев ссылается на рассказ «Студент» (1894), где описывается переход героя из одного духовного состояния в противоположное.

Для нас важно введение Катаевым при описании такого рода событий понятия сдвига сознания, или *работы сознания*. Например, разбирая рассказ «Неприятность» (1888), он пишет: «Событие, послужившее толчком для начала работы сознания героя рассказа, выглядит как житейская мелочь: земский врач Овчинников, не сдержавшись, ударил фельдшера, который явился на службу пьяным» [3, с. 54].

В другом месте Катаев сравнивает рассказы «Учитель словесности» (1894) и «Убийство» (1895) и показывает, что в героях этих далеких друг от друга по содержанию рассказов можно проследить сходство между этапами в работе их сознания. В ряд таких примеров работы сознания Катаев помещает прозрение дяди Вани, излечившегося от преклонения перед своим недавним кумиром, профессором Серебряковым.

Катаев пишет о том, что осознание человеком жизни является главным объектом изображения Чехова и что именно эта сфера действительности или этот угол зрения на нее явля-

ются определяющими в его творчестве. Итак, важнейшей особенностью чеховских рассказов и пьес является то, что можно назвать сдвигом сознания, или работой сознания.

Ранее мы выделили в драматургии Чехова особый тип пауз в виде мыслительных действий, или актов сознания. Теперь мы можем сказать, что такие паузы являются не случайным явлением, но частным проявлением особенности, характерной для творчества Чехова в целом.

Список литературы

1. Волков Н. Д. Шекспировская пьеса Чехова // Театральные вечера. М., 1966. 478 с. С. 431–436.
2. Гамлет, принц датский. Трагедия в 5 действиях Виллиама Шекспира / пер. с англ. Н. А. Полевого. Изд. 4-е. С.-Петербург : Изд. А. С. Суворина, 1893. 152 с.
3. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
4. Катаев В. Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова (в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам). М. : Изд-во МГУ, 1998. 112 с.
5. Катаев В. Б. Буревестник Солёный и драматические рифмы в «Трёх сестрах» // Чеховиана. «Три сестры» – 100 лет. М. : Наука, 2002. 382 с.
6. Костелло Д. Б. Значение и функции паузы в пьесе А. П. Чехова «Чайка» // Язык и текст. 2017. Т. 4. № 3. С. 3–11. DOI: 10.17759/langt.2017040301.
7. Креницин А. Б. Поэтика и семантика пауз в драматургии Чехова. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/41518.php> (дата обращения: 20.11.2020).
8. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
9. Лишаев С. А. А. П. Чехов: выразительность невыражения (о метафизическом смысле «сдержанности» и «паузы» в «мире Чехова») // Философия культуры '98 : сб. научных статей. Самара : Изд-во Самарского университета, 1998. С. 29–48.
10. Одинокое В. Г. Пьеса А. П. Чехова «Вишневый сад»: «Человеческая комедия» // Сибирский филологический журнал. 2005. № 3–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/piesa-a-p-chehova-vishnevyy-sad-chelovecheskaya-komediya> (дата обращения: 07.06.2023).
11. Островский А. Н. Собр. соч. : в 10 т. Т. 8. Пьесы 1879–1885. М. : Гос. издательство Художественной литературы, 1960. 552 с.
12. Панамарёва А. Н. Драма А. П. Чехова «Три сестры» в звуковом аспекте // Вестник ТГПУ. 2011. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drama-a-p-chehova-tri-sestry-v-zvukovom-aspekte> (дата обращения: 07.06.2023).
13. Разумова Н. Е. «Дама с собачкой» А. П. Чехова: «непрерывное совершенство» и его переводческая трансформация // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 157–164.
14. Суворин А. С. Татьяна Репина. Комедия в 4-х действиях. СПб., 1889. 141 с.
15. Три сестры – Чехов – МХАТ – 1984. URL: <https://www.yandex.ru/video/preview/3351133078489515726>.
16. Флоренский П. А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М. : Мысль, 2000. 446 с.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1986. Т. 10. 496 с.
19. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1977. Т. 11. 448 с.
20. Чехов А. П. Полное собрание сочинений : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1986. Т. 13. 525 с.
21. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 292 с.
22. Шалыгина О. В. Онтологизация временного потока в ритмической композиции «Вишневого сада» А. П. Чехова // Вестник ЧелГУ. 2007. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologizatsiya-vremennogo-potoka-v-ritmicheskoy-kompozitsii-vishnevogo-sada-a-p-chehova> (дата обращения: 07.06.2023).
23. Шалюгин Г. Страсти по Татьяне Репиной. URL: <https://proza.ru/2010/05/26/1273>.

The peculiarity of the pause in the drama of A. P. Chekhov

Nenashev Mikhail Ivanovich

Doctor of Philosophy, professor.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-7779-3876. E-mail: mnenashev@inbox.ru

Abstract. Currently, it is becoming relevant to shift the center of gravity in the study of A. P. Chekhov's work from the content of his works to the features of the artistic language. In drama, these features are manifested, among other things, in the form of the so-called Chekhov pause. However, in the literature, Chekhov's

pauses are in most cases described through the general functions of theatrical pauses as such, thus their specificity is not affected. The article examines fragments of the plays "Fatherlessness", "On the High Road", "The Seagull", "Three Sisters". The phenomenological method is used as a methodological basis, which, according to M. Heidegger, means a way to "let what seems to be seen from itself, as it seems to be from itself." It is found that Chekhov, through a pause, introduces an additional dimension into the fabric of the stage action – a mental action, or an act of consciousness (understanding, recognition, rethinking), which, like everything in the world, lasts, takes time. Such pauses allow us to overcome those "insurmountable difficulties" (Pavel Florensky), which are associated with showing how the characters of the play perceive what is happening on stage.

Fragments of the film performance "Three Sisters" staged by the Moscow Art Theater are analyzed and it is demonstrated that reducing Chekhov's pause to ordinary functions leads to semantic aberrations. A parallel is drawn between the pauses in Chekhov's plays and fragments of his stories, which play the role of comprehension and reinterpretation by the characters of what is happening to them. It is shown that the pause as an act of consciousness is a special case of the most important feature of Chekhov's short stories and plays, which consists in describing the shift of consciousness, or the work of consciousness (V. B. Kataev).

Keywords: pause, phenomenological method, act of consciousness, shift of consciousness, drama by A. P. Chekhov.

References

1. Volkov N. D. *Shekspirovskaya p'esa Chekhova* [Chekhov's Shakespearean play] // *Teatral'nye vechera – Theater evenings*. M. 1966. 478 p. Pp. 431–436.
2. *Gamlet, princ datskij. Tragediya v 5 dejstviyah Williama Shekspira – Hamlet, Prince of Denmark. The Tragedy in 5 acts by William Shakespeare / transl. from English by N. A. Polevoy*. Ed. 4th. SPb. Publishing house of A. S. Suvorin. 1893. 152 p.
3. Kataev V. B. *Proza Chekhova: problemy interpretacii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. M. Publishing House of Moscow State University. 1979. 326 p.
4. Kataev V. B. *Slozhnost' prostoty. Rasskazy i p'esy Chekhova (v pomoshch' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam)* [The complexity of simplicity. Chekhov's stories and plays (to help teachers, high school students and applicants)]. M. Publishing House of Moscow State University. 1998. 112 p.
5. Kataev V. B. *Burevestnik Solenij i dramaticheskie rifmy v "Trekh sestrah"* [The Salty Petrel and dramatic rhymes in "Three Sisters"] // *Chekhoviana. "Tri sestry" – 100 let – Chekhov. "Three sisters" – 100 years old*. M. Nauka (Science). 2002. 382 p.
6. Costello D. B. *Znachenie i funkcii pauzy v p'ese A. P. Chekhova "Chajka"* [The meaning and functions of a pause in A. P. Chekhov's play "The Seagull"] // *Yazyk i tekst – Language and Text*. 2017. Vol. 4. No. 3. Pp. 3–11. DOI: 10.17759/langt.2017040301.
7. Krinichin A. B. *Poetika i semantika pazv v dramaturgii Chekhova* [Poetics and semantics of pauses in Chekhov's dramaturgy]. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/philology/41518.php> (date accessed: 20.11.2020).
8. Lihachev D. *Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedeniya* [The inner world of a work of art] // *Voprosy literatury – Questions of literature*. 1968. No. 8. Pp. 74–87.
9. Lishaev S. A. A. P. Chekhov: *vyrzitel'nost' nevyrazheniya (o metafizicheskom smysle "sderzhannosti" i "pauzy" v "mire Chekhova")* [A. P. Chekhov: expressiveness of non-expression (on the metaphysical meaning of "restraint" and "pause" in Chekhov's world)] // *Filosofiya kul'tury '98 : sb. nauchnyh statej – Philosophy of Culture '98 : collection of scientific articles*. Samara. Publishing House of Samara University. 1998. Pp. 29–48.
10. Odinokov V. G. *P'esa A. P. Chekhova "Vishnevij sad": "Chelovecheskaya komediya"* [A. P. Chekhov's play "The Cherry Orchard": "Human Comedy"] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. 2005. No. 3–4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/piesa-a-p-chehova-vishnevij-sad-chelovecheskaya-komediya> (date accessed: 07.06.2023).
11. Ostrovskij A. N. *Sobr. soch. : v 10 t. T. 8. P'esy 1879–1885* [Coll. works : in 10 vols. Vol. 8. Plays 1879–1885]. M. State Publishing House of Fiction. 1960. 552 p.
12. Panamaryova A. N. *Drama A. P. Chekhova "Tri sestry" v zvukovom aspekte* [Chekhov's drama "Three sisters" in the sound aspect] // *Vestnik TGPU – Herald of TSPU*. 2011. No. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/drama-a-p-chehova-tri-sestry-v-zvukovom-aspekte> (date accessed: 07.06.2023).
13. Razumova N. E. *"Dama s sobachkoj" A. P. Chekhova: "neprevychnoe sovershenstvo" i ego perevodcheskaya transformaciya* ["The Lady with the dog" by A. P. Chekhov: "continuous perfection" and its translation transformation] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Tomsk State Pedagogical University*. 2014. No. 7 (148). Pp. 157–164.
14. Suvorin A. S. *Tat'yana Repina. Komediya v 4-h dejstviyah* [Tatyana Repina. A comedy in 4 acts]. SPb. 1889. 141 p.
15. *Tri sestry – Chekhov – MHAT – 1984 – Three sisters – Chekhov – Moscow Art Theater – 1984*. Available at: <https://www.yandex.ru/video/preview/3351133078489515726>.
16. Florenskij P. A., *priest. Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arheologii*. [Articles and research on the history and philosophy of art and archaeology]. M. Mysl (Thought). 2000. 446 p.

17. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkiv. Folio. 2003. 503 p.
18. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Sochineniya : v 18 t.* [Complete works : in 30 vols. Essays: in 18 vols.]. M. Nauka (Science). 1986. Vol. 10. 496 p.
19. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Sochineniya : v 18 t.* [Complete works : in 30 vols. Works: in 18 vols.]. M. Nauka (Science). 1977. Vol. 11. 448 p.
20. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 t. Sochineniya : v 18 t.* [Complete works : in 30 vols. Essays: in 18 vols.]. M. Nauka (Science). 1986. Vol. 13. 525 p.
21. Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's poetics]. M. Nauka (Science). 1971. 292 p.
22. Shalygina O. V. *Ontologizaciya vremennogo potoka v ritmicheskoy kompozicii "Vishnevogo sada" A. P. Chekhova* [Ontologization of time flow in the rhythmic composition of the "Cherry Orchard" by A. P. Chekhov] // *Vestnik ChelGU – Herald of ChelSU*. 2007. No. 22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/nontologiza-tsiya-vremennogo-potoka-v-ritmicheskoy-kompozitsii-vishnevogo-sada-a-p-chehova> (date accessed: 07.06.2023).
23. Shalyugin G. *Strasti po Tat'yane Repinoj* [Passions by Tatyana Repina]. Available at: <https://proza.ru/2010/05/26/1273>.

«Дипломатия наследия» как инструмент «мягкой силы» в кросс-культурных взаимодействиях

Чебыкин Дмитрий Дмитриевич

аспирант направления «Теория и история культуры, искусства»,
Крымский университет культуры, искусств и туризма. Россия, г. Симферополь.
ORCID: 0009-0001-5288-2354. E-mail: dchebikin19@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы обусловлена потенциалом дипломатии наследия противостоять унификации этнической культуры, культурной «отмене» России, а также негативным формам проявления этноцентризма. «Дипломатия наследия» является достаточно новым понятием, которое освещается преимущественно в нормативно-правовых актах Российской Федерации. Указанное понятие частично соотносится с задачами культурной дипломатии, в связи с чем были рассмотрены исследования М. Каммингсона, Е. М. Астахова, А. А. Великой, А. Н. Щитова, И. И. Горловой, О. И. Бычковой, И. А. Макеевой, Ю. С. Коньшевой, М. Г. Стадникова, М. Беннета. Цель статьи – раскрыть феномен «дипломатии наследия». Предметом исследования выступает «дипломатия наследия» как инструмент «мягкой силы» в кросс-культурных взаимодействиях. Результатами исследования являются: определение понятия «дипломатии наследия», ее системы, а также связь с кросс-культурным взаимодействием. В ходе достижения цели исследования были сделаны следующие выводы: во-первых, было сформулировано понятие «дипломатии наследия», во-вторых, отмечено, что несмотря на новизну данного понятия, в Российской Федерации существуют государственные органы для реализации «дипломатии наследия», программная деятельность которых нуждается в дополнении, в-третьих, были сформулированы специальные принципы «дипломатии наследия», в-четвертых, было дано обоснование корректировки задачи охраны культурного и исторического наследия, в-пятых, «дипломатия наследия», при эффективном его использовании, может выступать средством противодействия этноцентризму. Область применения исследования является широкой: «дипломатия наследия» используется как механизм, подчеркивающий национальную идентичность за рубежом. Основной целевой группой применения выступают государства: в первую очередь – это Российская Федерация, а также страны, с которыми она сотрудничает по вопросам популяризации и охраны культурного и исторического наследия. В исследовании были применены следующие методы: SWOT-анализ, кейс-стади, экспертная оценка, юридическая герменевтика.

Ключевые слова: кросс-культурное взаимодействие, культурное наследие, историческое наследие, культура, этноцентризм, международное гуманитарное сотрудничество, культурная дипломатия.

Основной причиной возникновения необходимости реализации концепции «дипломатии наследия» выступают глобализационные процессы, которые, как указано в пункте 9 Указа Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», «... не только способствуют взаимообогащению национальных культур, но и ставят под угрозу культурную самобытность стран и народов» [16]. Это, в свою очередь, создает потребность в выработке механизма, который бы регулярно подчеркивал во внешнеполитической деятельности историческую и культурную идентичность этносов, в первую очередь Российской Федерации, а уже во вторую очередь остальных участников международных отношений. Как отмечает А. Н. Щитов в своей статье «Культурная и научная дипломатия»: «Культурная политика становится важным элементом реализации внешней политики и позволяет решать задачи сохранения национальной идентичности и культурного многообразия, противостояния межнациональным и межэтническим конфликтам, а также несправедливому давлению со стороны отдельных государств или их объединений» [21, с. 104–105]. Важно также понимать, что в современных международных отношениях ввиду агрессивной политики Запада, связанной с реализацией практик культурной «отмены» России, а также действиях, направленных на обесценивание ее вклада в общемировую историю, возникла необходимость в появлении инструмента противодействия. Вышеуказанные последствия были определены еще в 2014 г. во 2-м разделе Указа Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» как наиболее опасные проявления гуманитарного кризиса для будущего России [17].

В связи с чем в статье сформулированы следующие **задачи**:

- 1) раскрыть понятие «дипломатия наследия»;
- 2) проанализировать существующие принципы международного гуманитарного сотрудничества РФ за рубежом и на их основании вывести специальные принципы «дипломатии наследия»;
- 3) выявить потенциальные проблемы, связанные с реализацией задач «дипломатии наследия»;
- 4) определить инструменты реализации «дипломатии наследия»;
- 5) оценить степень влияния «дипломатии наследия» на кросс-культурное взаимодействие.

Согласно развиваемому в статье подходу «дипломатия наследия» выступает инструментом противодействия деструктивным тенденциям, а также механизмом культурного «слаживания» между Россией и государствами-«единомышленниками». Отметим, что данное понятие является относительно новым и вводится в пункте 67 III раздела Указа Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». Стоит обратить внимание на то, что на данный момент в нормативно-правовых актах Российской Федерации определение вышеуказанному понятию не дается, но при этом озвучиваются цель и задачи реализации «дипломатии наследия». Пункт 67 III раздела Концепции закрепляет, что: «В целях укрепления положительного образа России в мире следует активно использовать в рамках международных форматов различные инструменты «дипломатии наследия», способствующие охране и популяризации российского исторического и культурного наследия за рубежом» [16]. Исходя из вышеизложенного, основной целью «дипломатии наследия» является укрепление положительного образа России в мире. К задачам «дипломатии наследия» относятся: охрана и популяризация российского исторического и культурного наследия за рубежом. Сформулированные цель и задачи дают основания для того, чтобы определить дипломатию наследия. В нашей работе под «дипломатией наследия» понимается: область государственной деятельности по охране и популяризации российского исторического и культурного наследия за рубежом, с целью формирования позитивного образа России, а также содействие Российской Федерации в сохранении и приумножении объектов культурного наследия иностранных государств, находящихся на территории РФ и (или) поддержки деятельности по восстановлению иностранных памятников культуры, находящихся за пределами российского государства. Характеризуя ее как область именно государственной деятельности, мы исходим из того, что в соответствии с пунктом 26 III раздела Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти является стратегическим национальным приоритетом [15].

Отметим, что при реализации «дипломатии наследия» используются те же принципы, которые указаны в Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом, а именно:

- 1) единство системы конституционных ценностей, которые характеризуют Россию как социально ориентированное государство, формирующее условия для всестороннего развития личности, реализации ее творческого потенциала, продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей;
- 2) партнерство, заключающееся в реализации участниками международного гуманитарного сотрудничества совместных проектов, основанных на объединении ресурсов и координации деятельности в целях повышения эффективности такого сотрудничества;
- 3) невмешательство во внутренние дела других государств;
- 4) координация, предусматривающая открытость участников международного гуманитарного сотрудничества и их готовность учитывать интересы иных игроков на мировой арене [16].

Вышеуказанный перечень принципов является общим для международного гуманитарного сотрудничества, в связи с чем для более эффективной реализации «дипломатии наследия» мы считаем необходимым выделить еще ряд специальных принципов:

- 1) использование общепонятных культурных кодов, тесно ассоциируемых с Россией с целью популяризации отечественного исторического и культурного наследия. Данный принцип необходим для того, чтобы практическая реализация «дипломатии наследия» была понятна целевой аудитории и тесно связывалась с российской культурой и историей;
- 2) использование инструментов «мягкой силы» в реализации «дипломатии наследия». Данный принцип предполагает отказ от использования методов принуждения, так как они не

являются эффективными в вопросах, касающихся интерпретации исторических событий или толкования культурного наследия РФ;

3) недопустимость нарративизации культурного и исторического наследия РФ (под которой понимается процесс субъективной оценки событий и фактов). Реализация данного принципа необходима для того, чтобы избежать нестыковок в исторических нарративах разных стран, ведь они в каждой стране свои, и зачастую отличаются друг от друга. Примером может послужить отношение к вкладу СССР в победу во Второй мировой войне (ни одна страна не отрицает факт войны, но споры идут о вкладе конкретной страны в победу над нацистской Германией).

Особенностью реализации «дипломатии наследия» является воплощение цели и задач, сформулированных в Указе Президента РФ, которые реализуются посредством взаимодействия России с иностранными государствами. Как закрепляется в пункте 10 Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом: «...Кризис существующего миропорядка, многочисленные грубые нарушения прав человека, участвовавшие случаи игнорирования Устава Организации Объединенных Наций (ООН), попытки политизации гуманитарной сферы и ее использования в качестве инструмента давления на государства и отдельных лиц, в том числе путем спекуляции на их гражданской, национальной и религиозной принадлежности, угрожают глобальной безопасности и действующим международно-правовым механизмам защиты прав человека» [16]. Реализация подобной политики зачастую получает одобрение граждан данных государств в силу культивирования негативных проявлений этноцентризма. Последний представляет собой психологическую установку на восприятие и оценку чужой культуры через призму своей, что в той или иной степени свойственно любому этносу. Негативное же проявление этноцентризма заключается в принижении значимости чужой культуры; собственная же культура считается абсолютной, что в свою очередь преуменьшает ценности других культур, считая их «худшими» и «низшими». И. А. Макеева в своем труде «Снижение этноцентризма при обучении лингвистов-переводчиков (английский язык)» выдвигает тезис, что: «...этноцентризм является свойством человеческой психики, предпочитающий «свое» «другому», воспринимающей и интерпретирующей «другое» в терминах «своего» [11, с. 11]. Таким образом, этноцентризм является основной преградой в кросс-культурном взаимодействии. М. Г. Стадников в своей работе «Психология этноцентризма» провел исследования, в ходе которого пришел к выводам, что одним из индикаторов присутствия этноцентризма на групповом уровне являются: «...незнание и неинформированность о культуре и обычаях других народов» [20, с. 65]. «Дипломатия наследия», в свою очередь, имеет потенциал противодействия вышеуказанной преграде, так как она не только призвана популяризировать культурное наследие народов России, но и также ее общенациональное историческое наследие. Это в совокупности поможет не только ознакомиться с культурными ценностями отдельных народов России, но и также раскрыть глубинные основания всей отечественной культуры. Ведь как удачно отметили отечественные исследователи А. А. Великая и О. А. Разина в статье «Роль музейной дипломатии в развитии российской культурной дипломатии»: «В критические моменты истории, в периоды конфликтов и противостояний именно культура была мощным источником вдохновения и притягательности нашей страны для зарубежной аудитории» [4, с. 88].

Анализ межкультурной коммуникации подразумевает обращение к эмпатическому подходу, который является ключевым в налаживании успешной межкультурной коммуникации. Особенность применения данного подхода заключается в том, что субъект, вступая в коммуникацию с представителем другой культуры, интеллектуально и эмоционально проникает во внутренний мир другого человека. Применение данного подхода осложняется необходимостью обладать специальным набором знаний о культуре реципиента. Американский социолог Милтон Беннетт разработал «платиновое правило» межкультурной коммуникации, которое отражает суть эмпатического подхода: «Поступай с другими так, как они поступали бы сами с собой» [22, с. 213], заключающееся в познании форм культуры реципиента. «Дипломатия наследия» выступает в данном случае источником информации, способствующим постижению ценностей и мировоззрения реципиента: за счет популяризации культурного наследия можно узнать о ценностях и нормах культуры представителя другой этнической группы, а посредством популяризации исторического наследия у коммуникатора формируется понимание, вследствие чего данные нормы и ценности сформировались. Это в свою очередь формирует понимание у коммуникатора, почему данные ценности важны для реципиен-

та. Удачным примером реализации «дипломатии наследия» является история Суворовского креста, возведенного в швейцарской деревне Андерматт в 1898 г., в память о русском полководце А. В. Суворове и его солдатах, совершивших героический переход через Альпы в 1799 г. С 1999 г. ежегодно 24 сентября в Швейцарии Посольством РФ, совместно с представителями местных властей, проводятся «Суворовские дни», часто для проведения этого мероприятия привлекаются курсанты суворовского училища. Результативность всех вышеизложенных мероприятий можно было увидеть на протяжении мая 2022 г., когда в результате акта вандализма, совершенного неизвестными лицами 16 мая 2022 г., над Суворовским крестом в Андерматт, монумент был облит красной краской. Местные власти отказались восстанавливать монумент и все расходы возложили на власти России, однако несмотря на это российские соотечественники совместно с гражданами Швейцарии самостоятельно отмыли от краски мемориал [12]. Вышеуказанный пример показывает эффективность дипломатии наследия, когда с помощью ежегодного мероприятия у граждан Швейцарии было сформировано понимание важности для русской истории значения подвига А. В. Суворова и его солдат, который символизировал вышеуказанный монумент, вследствие чего они привели в порядок монумент, тем самым проявили эмпатию к русской культуре и истории.

В Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом также упоминается о применении инструментов «дипломатии наследия», но какой именно перечень характерен для нее, не раскрывается. Ввиду того, что «дипломатия наследия» по своей сути является инструментом «мягкой силы» (так как ее основным действующим элементом выступает культура), предположим, что и наиболее эффективными средствами является тот инструментарий, который применяется в рамках реализации культурной дипломатии, а также международного гуманитарного сотрудничества. Вышеуказанные инструменты являются наиболее эффективными, так как цели и задачи, которые сформулированы перед «дипломатией наследия», совпадают с целями и задачами культурной дипломатии, реализуемой в РФ. Инструменты международного гуманитарного сотрудничества являются корректными, так как, во-первых, данное понятие вводится именно в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, а во-вторых, по факту является отстаиванием прав человека, закрепленных в статье 19 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой: «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ» [5].

Для определения инструментов, подходящих для реализации «дипломатии наследия», необходимо выяснить то, как на практике в России реализуется задача популяризации культурного и исторического наследия. Вышеуказанная задача реализуется Российской Федерацией с помощью культурной дипломатии, а также международного гуманитарного сотрудничества.

В настоящее время существует несколько подходов к определению культурной дипломатии. Выделим подход американского политолога Милтона Каммингса, в соответствии с которым культурная дипломатия «...относится к обмену идеями, информацией, искусством и другими аспектами культуры между нациями и их народами с целью укрепления взаимопонимания» [23, с. 1]. В работе «Культурная дипломатия и правительство Соединенных Штатов: обзор» он исходит из того, что культурная дипломатия является частью публичной дипломатии. В соответствии с этим также определим ее как часть публичной дипломатии, в ходе которой осуществляется обмен идеями, информацией, произведениями искусства и другими формами культуры между нациями и их народами с целью укрепления взаимопонимания. Профессор МГИМО Е. М. Астахов в своей работе «Мировая практика культурной дипломатии», анализируя опыт применения культурной дипломатии других стран, сводит их внешнеполитические задачи к следующим: «Популяризация культурного достояния, распространение языка, пропаганда достижений стран, их образа жизни» [2, с. 1]. Исходя из вышеизложенного отметим, что задача популяризации культурного и исторического наследия («дипломатия наследия») соотносится с задачей пропаганды достижений страны (культурная дипломатия). В связи с чем проанализируем инструменты культурной дипломатии России с целью выявления «полезных» инструментов для реализации «дипломатии наследия».

Согласно развиваемому в данной статье подходу, ключевым в реализации культурной дипломатии является деятельность культурных центров, под которыми понимаются органи-

зации, которые представляют и распространяют культуру своей страны за рубежом. Поэтому они являются основным действующим инструментом для популяризации отечественной культуры и соответственно являются эффективным вариантом для применения «дипломатии наследия». Как отмечают И. И. Горлова и О. И. Бычкова в научной статье «Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения»: «Ключевыми элементами современной культурной дипломатии являются материальные и духовные объекты национального культурного наследия, популярная художественная культура, высшее образование, наука, спорт, туризм» [7, с. 269]. Зарубежный и российский опыт показывает, что наиболее эффективно культурная дипломатия реализуется за счет обучения языку и изучения литературы, проведения выставок, кинофестивалей и иных мероприятий. Этим видом деятельности занимается Россотрудничество, являющееся подведомственной МИД РФ организацией, основной миссией которой является усиление гуманитарного влияния России в мире. Данная организация представлена в 80 странах мира 97 заграничными представительствами. С 2021 г. они получили неформальное название «Русский дом». В деятельность агентства входят такие направления, как:

- 1) продвижение российского образования, науки и культуры;
- 2) укрепление позиций русского языка;
- 3) поддержка соотечественников за рубежом;
- 4) реализация проектов по поддержке молодых соотечественников и специалистов;
- 5) содействие международному развитию;
- 6) историко-мемориальная деятельность [14].

Спектр деятельности Россотрудничества является подходящим для реализации «дипломатии наследия», но нуждается в дополнении его целевых программ. «Здравствуй, Россия» является единственным проектом, который подходит для реализации «дипломатии наследия» и представляет собой культурно-образовательные поездки по историческим местам Российской Федерации. Участники выбираются из числа победителей различных конкурсов на знание русского языка, отечественной истории и культуры в возрасте от 14 до 19 лет. «Здравствуй, Россия» направлена на уже заинтересованную российской культурой и историей группу людей и является логическим продолжением деятельности Россотрудничества в прививании интереса к России. Проанализировав деятельность организации в интересующем нас векторе, а именно «сохранении исторической памяти» за период деятельности с 2019 по 2022 гг. организацией проводились следующие ежегодные мероприятия, приуроченные к памятным датам Великой Отечественной войны: «Георгиевская ленточка», «Бессмертный полк», «Свеча памяти», «Сад памяти»; «Огонь Памяти», «Диктант Победы» [14]. Также «Русские дома» периодически проводят и иные акции, посвященные вкладу СССР во Вторую мировую войну (историко-документальные выставки (в очном и электронном форматах), демонстрируются хроникально-документальные фильмы). Тем временем в анализируемый период было осуществлено лишь одно мероприятие, целью которого является сохранение исторической памяти, посвященное другим историческим событиям (в 2020 г. были показаны хроникально-документальные фильмы, посвященные 100-летию «Исход эскадры Императорского Черноморского флота из Крыма» [14]). Анализ показывает, что основными мероприятиями, которые реализуются организацией, выступают акции, приуроченные ко Второй мировой войне, но мероприятия, посвященные иным историческим событиям, почти не проводятся. С нашей точки зрения необходимо организовывать иные события, которые подчеркивали бы исторические основания сотрудничества с конкретной страной. Например, во Франции провести семинар, посвященный франко-русскому союзу, в честь которого были заложены мост Александра III в Париже и его «побратим» – Троицкий мост в Санкт-Петербурге. Общая история даст людям причины для более подробного изучения российской культуры и истории, включая наши обычаи и их исторические предпосылки формирования, что является важным для противодействия негативной формы этноцентризма.

Как отмечает А. Ю. Трофимов в книге «Летопись народной дипломатии Крыма», «такая структура, как Россотрудничество, действительно что-то делает, проводит периодически какие-то мероприятия, празднования дня Пушкина и Чехова, дни российского кино или театра – но все это мизер» [10, с. 169]. Количество мероприятий, реализуемых Россотрудничеством, действительно не является достаточным, но это не единственная проблема: важной составляющей выступает целевая аудитория реализуемых мероприятий. Основными реципиентами мероприятий Россотрудничества являются соотечественники, что частично выполняет цели культурной дипломатии, но не соответствует целям «дипломатии наследия». С нашей точки

зрения для эффективной реализации «дипломатии наследия» можно адаптировать зарубежный опыт. Наглядным примером выступает Альянс Франсез, который является одним из первых культурных центров (возник в 1883 г.), деятельность которого направлена на продвижения внешней культурной политики Франции. Организованные им международные дни франкофонии, согласно с опубликованным списком мероприятий на сайте посольства Франции в России, проходят: научные конференции, филологические семинары, демонстрируются кинофильмы, организовываются выставки, концерты и т. д. [8]. Например, филиал Альянс Франсез в Ростове-на-Дону в соответствии с информацией, опубликованной на его сайте, запланировал 11 мероприятий весной 2023 г. [1]. Задачами международных дней франкофонии являются объединение всех поклонников французского языка, а также распространение и популяризация французской культуры и культуры франкоязычных стран. Отличием данного мероприятия от целевых программ (а в дальнейшем и мероприятий, которые реализуются в их рамках) является целевая аудитория: у Россотрудничества, как ранее было отмечено, таковой выступают в основном соотечественники, в отличие от мероприятий Альянс Франсез, где целевой аудиторией являются все люди, увлеченные французской культурой и языком. Если, к примеру, адаптировать данную программу под цели и задачи «дипломатии наследия», а именно: актуализировать популяризацию российского исторического наследия и сопроводить это тематическими мероприятиями, то Россотрудничество может стать организацией, которая будет оптимальной для реализации инструментов «дипломатии наследия». Эффективность данного подхода к мероприятиям отражается в индексе «мягкой силы», где в 2023 г. Россия занимала 13-е место, а Франция 6-е [6].

С необходимостью отметим, что в практической плоскости задача охраны исторического и культурного наследия средствами дипломатии наследия будет сталкиваться с рядом проблем. Среди них одной из ключевых станет то, что существует профильная международная организация, которой является ЮНЕСКО. Однако учитывая реалии современности, ту ситуацию, которая развернулась вокруг отношения международных организаций к России, деятельность ЮНЕСКО ограничивается искусственными рамками. Приведем в качестве примера протокол Конференции Исполнительного совета ЮНЕСКО «Выполнение решений и резолюций, принятых Исполнительным советом и Генеральной конференцией на их предыдущих сессиях Часть I Вопросы программы», где буквально в I разделе «История вопроса» в первом пункте резюмируется следующее: «Настоящий документ представляется во исполнение решения 210 ЕХ/5.1.С «Наблюдение за ситуацией в Автономной Республике Крым (Украина)». Во всех своих действиях ЮНЕСКО руководствуется положениями резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 27 марта 2014 г. «Территориальная целостность Украины», в которой Ассамблея «подтверждает свою приверженность суверенитету, политической независимости, единству и территориальной целостности Украины в ее международно признанных границах», а также положениями резолюций ГА ООН от 19 декабря 2016 г., 19 декабря 2017 г., 22 декабря 2018 г., 18 декабря 2019 г. и 16 декабря 2020 г. «Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе (Украина)» [18, с. 2]. Данный документ демонстрирует, что международная организация по охране образования, культуры и науки, вместо цели, заявленной в пункте 1 статьи I Устава Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, а именно «организация ставит себе задачей содействовать укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций, для всех народов без различия расы, пола, языка или религии» [19, с. 7], занимает популистскую точку зрения и не предпринимает никаких действий по защите культурного и исторического наследия в Республике Крым. Отечественный исследователь Ю. С. Конышева в своей статье «Механизмы и инструменты гуманитарного и культурного взаимодействия России с государствами на постсоветском пространстве» отмечает: «На протяжении последних нескольких лет основной целью международной деятельности Российской Федерации является раскрытие потенциала международного сотрудничества России для обеспечения национальной безопасности государства...» [9, с. 943].

Таким образом, можно заключить, что цель охраны культурного и исторического наследия необходимо скорректировать с учетом обеспечения связей с иными государствами,

которые обеспечивают охрану российского культурного и исторического наследия на их территории. В свою очередь можем гарантировать сохранность их культурного и исторического наследия на территории РФ. Примером такого сотрудничества выступает событие, произошедшее в ФРГ, когда в преддверии майских праздников в берлинском городском парламенте появилось предложение заместителя главы фракции Христианско-демократического союза (ХДС) Стефании Бунг снести некоторые фрагменты мемориала павшим советским солдатам во Второй мировой войне в парке Тиргартен [3]. Данная инициатива была отклонена из-за обязательств, взятых ФРГ вследствие подписания Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии, согласно пункту 1 статьи 3 вышеуказанного соглашения «Правительство Российской Федерации и Правительство Федеративной Республики Германии обеспечивают защиту военных могил и вечный покой погибших в войнах с каждой из сторон в своем государстве и будут стремиться освободить территорию, окружающую военные захоронения, от всех сооружений, несовместимых с достойным обликом этих мест» [13]. Вышеуказанные обязательства по уходу за захоронениями солдат Советского Союза спасли мемориал от фрагментарного сноса.

Выводы.

1. «Дипломатия наследия» – это область государственной деятельности по охране и популяризации российского исторического и культурного наследия за рубежом, с целью формирования позитивного образа России, а также содействие Российской Федерации в сохранении и приумножении объектов культурного наследия иностранных государств, находящихся на территории РФ и (или) поддержки деятельности по восстановлению иностранных памятников культуры, находящихся за пределами российского государства.

2. В Российской Федерации имеются механизмы и органы для реализации «дипломатии наследия», которые, однако, нуждаются в актуализации своей профильной деятельности.

3. Реализация «дипломатии наследия» должна осуществляться в соответствии со специальными принципами: использование общепонятных культурных кодов, использование инструментов «мягкой силы», недопустимость нарративизации культурного и исторического наследия.

4. В современных геополитических условиях задача охраны культурного и исторического наследия нуждается в корректировке. Данная необходимость обусловлена современными реалиями: международные организации (прямой обязанностью которых является охрана культурного и исторического наследия), в зависимости от отношения организации к государству, реализуют ее либо не в должном объеме, или вообще отказываются от ее осуществления. Данный тезис касается не только ЮНЕСКО, но и таких объединений, как СНГ, где с каждым годом участников становится все меньше, а активное взаимодействие преимущественно вводится между Россией и Беларусью.

5. «Дипломатия наследия» может реализовать потенциал эффективного способа борьбы с негативным проявлением этноцентризма, а также быть средством оптимизации кросс-культурного взаимодействия.

Список литературы

1. Альянс Франсез // Фестиваль «Дни франкофонии». URL: <https://afrus.ru/rostov/francophonie/> (дата обращения: 21.03.2023).

2. Астахов Е. М. Мировая практика культурной дипломатии // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 22–23 мая 2008 г. СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2008. С. 244–246. URL: <https://mgimo.ru/files/34255/34255.pdf>.

3. В Берлине предлагают снести фрагменты мемориала павшим советским солдатам // Независимая. URL: https://www.ng.ru/columnist/2022-04-28/6_8430_vision.html (дата обращения: 10.02.2023).

4. Великая А. А. Роль музейной дипломатии в развитии российской культурной дипломатии / А. А. Великая, О. А. Разина // Обозреватель. 2022. № 9–10 (392–393). С. 86–95. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_9-10_86.

5. Всеобщая декларация прав человека: декларация принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948. URL: <https://base.garant.ru/10135532/> (дата обращения: 15.02.2023).

6. Глобальный индекс мягкой силы 2023 г. // Brandirectory. URL: <https://brandirectory.com/softpower/ranking?region=1&metric=1&statement=0> (дата обращения: 15.06.2023).

7. Горлова И. И., Бычкова О. И. Культура как «Мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-myagkaya-sila-instrumenty-i-tochki-prilozheniya> (дата обращения: 21.03.2023).
8. Дни Франкофонии 2021 // AMBASSADE DE FRANCE EN RUSSIE. URL: <https://ru.ambafrance.org/Dni-Frankofonii-2021> (дата обращения: 21.03.2023).
9. Конышева Ю. С. Механизмы и инструменты гуманитарного и культурного взаимодействия России с государствами на постсоветском пространстве // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. № 4. С. 942–952. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-942-952.
10. Летопись народной дипломатии Крыма / Б. С. Балаян, Г. Л. Мурадов, А. Ю. Трофимов. Симферополь : АРИАЛ, 2022. 272 с.
11. Макеева И. А. Снижение этноцентризма при обучении лингвистов-переводчиков (английский язык) : дисс. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2009. С. 18.
12. Неизвестные облики краской Суворовский крест в швейцарском Андерматте // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20220516/shveysariya-1788899858.html> (дата обращения: 18.02.2023).
13. О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германии об уходе за военными могилами в Российской Федерации и в Федеративной Республике Германии: Постановление Правительства РФ от 16 декабря 1992 № 979. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=13&nd=102020354 (дата обращения: 21.03.2023).
14. О Россотрудничестве // Россотрудничество. URL: <https://rs.gov.ru/about-foiv/> (дата обращения: 16.02.2023).
15. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 № 400 (с изм. и доп.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9eef6d046da8060/ (дата обращения: 15.02.2023).
16. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 (с изм. и доп.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/> (дата обращения: 02.02.2023).
17. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 05.02.2023).
18. Программные документы и документы совещаний // Цифровая библиотека UNESDOC. 2021. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378910_rus (дата обращения: 07.02.2023).
19. Программные документы и документы совещаний // Цифровая библиотека UNESDOC. 2022. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000382500_rus (дата обращения: 06.02.2023).
20. Стадников М. Г. Психология этноцентризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-etnotsentrizma-1> (дата обращения: 21.03.2023).
21. Щитов А. Н. Культурная и научная дипломатия // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2020. № 1 (11). С. 96–109.
22. Bennett M. J. Overcoming the Golden Rule: Sympathy and Empathy // Basic Concepts of Intercultural Communication. Selected Readings. Yarmouth, Maine, USA: Intercultural Press, Inc., 1998. Pp. 191–214. URL: <https://web.archive.org/web/20060902025103/http://www.library.wisc.edu/EDVRC/docs/public/pdfs/LIReadings/OvercomingGoldenRule.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).
23. Cummings Milton C. Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government. URL: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/MCSpaper.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).

"Heritage Diplomacy" as a tool of "soft power" in cross-cultural interactions

Chebykin Dmitry Dmitrievich

postgraduate student in the field of Theory and History of Culture and Art, Crimean University of Culture, Arts and Tourism. Russia, Simferopol. ORCID: 0009-0001-5288-2354. E-mail: dchebikin19@gmail.com

Abstract. The relevance of the topic is due to the potential of heritage diplomacy to resist the unification of ethnic culture, the cultural "abolition" of Russia, as well as negative forms of ethnocentrism. "Legacy diplomacy" is a fairly new concept, which is covered mainly in the normative legal acts of the Russian Federation. This concept partially correlates with the tasks of cultural diplomacy, in connection with which the studies of M. Cummingson, E. M. Astakhov, A. A. Velikaya, A. N. Shchitova, I. I. Gorlova, O. I. Bychkova, I. A. Makeeva, Yu. S. Konyshova, M. G. were considered. Stadnikov, M. Bennett. The purpose of the article is to reveal the phenomenon of "legacy diplomacy". The subject of the study is "heritage diplomacy" as a tool of "soft power" in cross-cultural interactions. The results of the study are: the definition of the concept of "heritage diplomacy", its system, as well as the connection with cross-cultural interaction. In the course of achieving the purpose of the

study, the following conclusions were drawn: firstly, the concept of "heritage diplomacy" was formulated, secondly, it was noted that despite the novelty of this concept, in the Russian Federation there are state bodies for the implementation of "heritage diplomacy", whose programmatic activities need to be supplemented, thirdly, there were special principles of "heritage diplomacy" were formulated, fourthly, a justification was given for correcting the task of protecting cultural and historical heritage, and fifthly, "heritage diplomacy", with its effective use, It can act as a means of countering ethnocentrism. The scope of the research is wide: "heritage diplomacy" is used as a mechanism emphasizing national identity abroad. The main target group of the application is the states: first of all, it is the Russian Federation, as well as the countries with which it cooperates on issues of popularization and protection of cultural and historical heritage. The following methods were used in the study: SWOT analysis, case study, expert assessment, legal hermeneutics.

Keywords: cross-cultural interaction, cultural heritage, historical heritage, culture, ethnocentrism, international humanitarian cooperation, cultural diplomacy.

References

1. *Al'yans Fransez – Alliance Francaise // Festival "Dni frankofonii" – Festival "Days of Francophonie"*. Available at: <https://afrus.ru/rostov/francophonie/> (date accessed: 21.03.2023).
2. *Astahov E. M. Mirovaya praktika kul'turnoj diplomatii [The world practice of cultural diplomacy] // Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij: VIII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya, Sankt-Peterburg, 22–23 maya 2008 g. – Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: VIII International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, May 22–23, 2008. SPb. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 2008. Pp. 244–246. Available at: <https://mgimo.ru/files/34255/34255.pdf>.*
3. *V Berline predlagayut snesti fragmenty memoriala pavshim sovetskim soldatam – In Berlin, they propose to demolish fragments of the memorial to fallen Soviet soldiers // Nezavisimaya – Independent. Available at: https://www.ng.ru/columnist/2022-04-28/6_8430_vision.html (date accessed: 10.02.2023).*
4. *Velikaya A. A. Rol' muzejnoj diplomatii v razvitii rossijskoj kul'turnoj diplomatii [The role of museum diplomacy in the development of Russian cultural diplomacy] / A. A. Velikaya, O. A. Razina // Obozrevatel – Reviewer. 2022. No. 9–10 (392–393). Pp. 86–95. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_9-10_86.*
5. *Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka: deklaraciya prinyata na tret'ej sessii General'noj Assamblei OON rezolyuciej 217 A (III) ot 10 dekabrya 1948 – Universal Declaration of Human Rights: the declaration was adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948. Available at: <https://base.garant.ru/10135532/> (date accessed: 15.02.2023).*
6. *Global'nyj indeks myagkoj sily 2023 g. – Global Soft Power Index 2023 // Brandirectory. Available at: <https://brandirectory.com/softpower/ranking?region=1&metric=1&statement=0> (date accessed: 15.06.2023).*
7. *Gorlova I. I., Bychkova O. I. Kul'tura kak "Myagkaya sila": instrumenty i tochki prilozheniya [Culture as a "Soft power": tools and application points] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development. 2015. No. 18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-myagkaya-sila-instrumenty-i-tochki-prilozheniya> (date accessed: 21.03.2023).*
8. *Dni Frankofonii 2021 – Days of Francophonie 2021 // AMBASSADE DE FRANCE EN RUSSIE – AMBASSADOR DE FRANCE EN RUSSIE. Available at: <https://ru.ambafrance.org/Dni-Frankofonii-2021> (date accessed: 21.03.2023).*
9. *Konyshcheva Yu. S. Mekhanizmy i instrumenty gumanitarnogo i kul'turnogo vzaimodejstviya Rossii s gosudarstvami na postsovetskom prostranstve [Mechanisms and tools of humanitarian and cultural interaction between Russia and states in the post-Soviet space] // Via in tempore. Istorija. Politologiya – Via in tempore. History. Political science. 2021. Vol. 48. No. 4. Pp. 942–952. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-942-952.*
10. *Letopis' narodnoj diplomatii Kryma – Chronicle of People's Diplomacy of the Crimea / B. S. Balayan, G. L. Muradov, A. Yu. Trofimov. Simferopol. ARIAL. 2022. 272 p.*
11. *Makeeva I. A. Snizhenie etnocentrizma pri obuchenii lingvistov-perevodchikov (anglijskij yazyk) : diss. kand. ped. nauk [Reduction of ethnocentrism in the training of linguists-translators (English) : dis. ... PhD in Pedagogical Sciences]. Tambov. 2009. P. 18.*
12. *Neizvestnye oblili kraskoj Suvorovskij krest v shvejcarskom Andermatte – Unknown persons poured paint over the Suvorov Cross in Swiss Andermatt // RIA NOVOSTI – RIA NOVOSTI. Available at: <https://ria.ru/20220516/shveytsariya-1788899858.html> (date accessed: 18.02.2023).*
13. *O podpisanii Soglasheniya mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Federativnoj Respubliki Germanii ob uhode za voennymi mogilami v Rossijskoj Federacii i v Federativnoj Respublike Germanii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16 dekabrya 1992 No. 979 – On the signing of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Federal Republic of Germany on the care of war graves in the Russian Federation and in the Federal Republic of Germany: Decree of the Government of the Russian Federation dated December 16, 1992 No. 979. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=13&nd=102020354 (date accessed: 21.03.2023).*
14. *O Rossotrudnichestve – About Rossotrudnichestvo // Rossotrudnichestvo – Rossotrudnichestvo. Available at: <https://rs.gov.ru/about-foiv/> (date accessed: 16.02.2023).*
15. *O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 02 iyulya 2021 No. 400 (s izm. i dop.) – On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of*

the Russian Federation dated July 02, 2021 No. 400 (with amendments and additions). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/49e275533c7512b66bfcaa9bd9eef6d046da8060/ (date accessed: 15.02.2023).

16. *Ob utverzhdenii Konceptii gumanitarnej politiki Rossijskoj Federacii za rubezhom: Ukaz Prezidenta RF ot 5 sentyabrya 2022 g. No. 611 (s izm. i dop.)* – On the approval of the Concept of Humanitarian Policy of the Russian Federation abroad: Decree of the President of the Russian Federation dated September 5, 2022. No. 611 (with amendments and additions). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/> (date accessed: 02.02.2023).

17. *Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki: Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. No. 808 (s izm. i dop.)* – On the approval of the Fundamentals of the State cultural policy: Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014. No. 808 (with amendments and additions). Available at: <https://base.garant.ru/70828330/> (date accessed: 05.02.2023).

18. *Programmnye dokumenty i dokumenty soveshchanij* – Program documents and meeting documents // *Cifrovaya biblioteka UNESDOC* – UNESCO Digital Library. 2021. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000378910_rus (date accessed: 07.02.2023).

19. *Programmnye dokumenty i dokumenty soveshchanij* – Program documents and meeting documents // *Cifrovaya biblioteka UNESDOC* – UNESCO Digital Library. 2022. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000382500_rus (date accessed: 06.02.2023).

20. *Stadnikov M. G. Psihologiya etnocentrizma [Psychology of ethnocentrism] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of St. Petersburg University. Political science. International relations. 2006. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-etnocentrizma-1> (date accessed: 21.03.2023).

21. *Shchitov A. N. Kul'turnaya i nauchnaya diplomatiya [Cultural and scientific diplomacy] // Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo* – Herald of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. International law. 2020. No. 1 (11). Pp. 96–109.

22. *Bennett M. J. Overcoming the Golden Rule: Sympathy and Empathy // Basic Concepts of Intercultural Communication. Selected Readings.* Yarmouth, Maine, USA: Intercultural Press, Inc., 1998. Pp. 191–214. Available at: <https://web.archive.org/web/20060902025103/http://www.library.wisc.edu/EDVRC/docs/public/pdfs/LIReadings/OvercomingGoldenRule.pdf> (date accessed: 01.02.2023).

23. *Cummings Milton C. Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government.* Available at: <https://www.americansforthearts.org/sites/default/files/MCCpaper.pdf> (date accessed: 12.06.2023).

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929 Минаков

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.017

Путь историка на переломе эпох: о сборнике в честь 75-летия профессора С. Т. Минакова

Антипин Николай Александрович

кандидат исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет.
Россия, г. Челябинск. ORCID: 0000-0003-4060-5955. ResearcherID: AAZ-9777-2020. E-mail: antipin87@mail.ru

Аннотация. В статье рецензируется сборник «Человек, государство и общество на перекрестье эпох» (Москва, 2022), изданный к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова. Представлен обзор биографии ученого-историка, охарактеризованы его научные интересы, связанные с проблемами военной истории, истории Древней Руси и средневековых Испании и Франции, советской истории 1920–1930-х гг. Юбилейный сборник открывают воспоминания его близких и коллег. Содержание научной части сборника построено в хронологическом порядке и в разной степени отражает широкие научные интересы С. Т. Минакова, раскрывает его творческое наследие и транслирует его научные концепции. Выделяются блоки: древняя история, рубеж XIX–XX вв., революционный период, советский период, статьи методологического и историографического плана. Рецензируемое издание представляет читателю чрезвычайно насыщенный портрет С. Т. Минакова не только как ученого-историка, но и как человека с его интересами, гражданской позицией и личными качествами. Изданный сборник продолжает традицию юбилейных публикаций, укоренившуюся в отечественной историографии. Данный сборник можно рассценивать и как «место памяти», в нем раскрыта панорама воспоминаний о жизни героя и современной ему эпохе.

Ключевые слова: историография, военная история, С. Т. Минаков, научная школа.

«Историки обязаны и должны быть точными, правдивыми и беспристрастными...» – этими словами великого писателя М. Сервантеса открывается сборник статей, посвященный 75-летию видного советского и российского историка, профессора Сергея Тимофеевича Минакова [15]. В ушедшую эпоху позитивизма слова из бессмертного произведения о приключениях идальго Дон Кихота Ламанчского, безусловно, были путеводной звездой для многих поколений историков. Однако современный исследователь прошлого понимает, что вряд ли может преодолеть субъективность мира и самого себя. Он находится в плену своего социального опыта и представлений о мире, в плену у источников и тех, кто эти источники создавал. Поэтому представленный сборник дает замечательную возможность проникнуть в тайны творческой лаборатории историка, начинавшего свой путь еще в советское время. Композиция книги и проблематика ее статей помогают ответить на вопросы, как оттачивалось его мастерство, каково было его окружение, каким образом сообществу увлеченных единомышленников удавалось сохранить значимость исторической науки как важной области человеческого знания.

Книгу открывает предисловие, в котором редколлегия знакомит читателя с биографией главного героя книги и его судьбой в науке. Его призвание в жизни стало определяться еще в детские годы, а учеба на историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова стала осознанным выбором. Во время студенчества сформировались его широкие исследовательские интересы – военная история, история Древней Руси, средневековые Испания и Франция, советская история 1920–1930-х гг.

После университета С. Т. Минаков оказался в Орле, где стал преподавателем местного пединститута, связав с городом всю жизнь. С 1987 г. он заведует кафедрой истории России, а в 1996–2012 гг. был деканом исторического факультета Орловского государственного университета. Почти полвека преподавательской деятельности позволили С. Т. Минакову раскрыть

талант лектора и педагога. Составители сборника отмечают: «Многие поколения выпускников орловского истфака испытали на себе влияние той интеллектуальной атмосферы, которую С. Т. Минаков создал вокруг себя. Его неподражаемый лекторский артистизм, тонкий юмор, безграничная общегуманитарная эрудиция и человеческое обаяние всегда пленяют всех его слушателей и собеседников. Студенты разных лет помнят его хлебосольные домашние семинары, коллективные поездки по историческим достопримечательностям или просто какой-то короткий разговор в коридоре на перемене» [15, с. 11].

Несмотря на колоссальную занятость на преподавательской стезе и административных постах, С. Т. Минаков отдавал немало времени новаторским изысканиям в науке. В 1970–1980-е гг. он обстоятельно изучил средневековые европейские источники, фуэрос XI–XII вв., грамоты Саагунского монастыря. В 1984 г. С. Т. Минаков успешно защитил кандидатскую диссертацию «Крупная феодальная вотчина и город Леон в X–XIII вв. (по документам Саагунского монастыря)» под научным руководством известного советского медиевиста А. Р. Корсунского. Исследование было выполнено на обширном круге источников, и это стало спецификой исследований С. Т. Минакова – глубокая источниковедческая работа.

Однако в дальнейшем С. Т. Минаков круто изменил исследовательскую траекторию, обратившись к проблемам военной истории СССР 1920–1930-х гг. В 2000 г. он защитил докторскую диссертацию «Советская военная элита 1920-х годов: состав, социокультурные особенности, политическая роль». Ему удалось реконструировать две модели военной элиты, сформировавшиеся в ранний советский период, – Л. Д. Троцкого и М. Н. Тухачевского; он провел глубокую стратификацию советской военной элиты в ее социальной динамике, выявил основные мотивы поведения, проявления рефлексии и в итоге вышел на проблемы ментальности представителей военной элиты.

Сегодня С. Т. Минаков широко известен как автор серии научных и научно-популярных книг, которые стали важным вкладом в изучение личности выдающегося советского военачальника М. Н. Тухачевского, а также посвящены формированию советской военной элиты и ее взаимоотношениям с политической верхушкой страны [6–11]. Историк сформировал научную школу по изучению историко-антропологических, социокультурных, психоментальных и политических аспектов истории российской военной элиты XVII–XX вв. Под руководством профессора С. Т. Минакова защищено более двух десятков диссертаций по различным проблемам российской военной истории.

Одна из отличительных черт С. Т. Минакова – щедрая и непрерывная передача своего опыта, знаний и эрудиции. Еще задолго до того, как public history стало популярным направлением, он активно работал со средствами массовой информации, став желанным спикером на телевидении и радио. Историк востребован как эксперт, и многие годы возглавлял областную экспертную комиссию Единого государственного экзамена по истории, был экспертом Российского фонда фундаментальных исследований. Он входит в состав региональных отделений Российского исторического общества и Российского общества историков-архивистов, Орловской городской комиссии по наименованию улиц и монументальному искусству. С. Т. Минаков был членом авторского коллектива одного из самых популярных учебников по истории России XX – начала XXI в. для девярых и одиннадцатых классов средних общеобразовательных учебных заведений (в соавторстве с Н. В. Загладиным, Ю. А. Петровым и С. И. Козленко).

Юбилейный сборник открывают статьи, которые можно отнести к разряду «историографических источников», – это воспоминания его близких и коллег: Г. Р. Наумовой, А. В. Никонова, С. Ф. Блуменау, А. Г. Айрапетова, Н. Н. Трухиной. В этих текстах содержится масса деталей биографии С. Т. Минакова, характеристик «историографического быта» эпохи 1960–1979-х гг., бесценные и неуловимые свидетельства из недр памяти.

Например, Г. Р. Наумова и А. В. Никонов отмечают, что «в 1970-х – 1980-х гг. в историческую науку активно входило послевоенное поколение, неоднородное мировоззренчески. Дальше процесс внутреннего расслоения и осознания себя в этом мире только усилился. Каждый из нас выбирал свой путь. Каждый был по-своему подготовлен к будущей профессиональной деятельности, социально и гуманитарно ориентирован. Однако вопрос заключался в том, как сочетать выработанные у многих из нас общественные, социальные установки с требованиями и особенностями профессии, которую мы выбрали. И в этих поисках мы опирались на слово и пример наших университетских учителей» [12, с. 18]. Даже этот отрывок порождает массу вопросов, ответы на которые могут воплотиться в целую книгу воспоминаний.

Содержание научной части юбилейного сборника построено в хронологическом порядке и в разной степени отражает широкие научные интересы С. Т. Минакова. Многие статьи, особенно его учеников, раскрывают его творческое наследие и транслируют его научные концепции. Таким образом, можно выявить следующие блоки: древняя история (статьи Н. Н. Трухиной, В. Я. Петрухина), рубеж XIX–XX вв. (статьи В. А. Бобкова, А. Н. Гребенкина, А. В. Лубкова, Л. С. Гатиловой, А. С. Минакова, А. С. Рогожиной, В. В. Мищенко), революционный период (статьи В. В. Шелохаева, В. Ю. Карнишина, Н. Г. Карнишиной), советский период (статьи С. И. Михальченко, Т. А. Мищенко, А. И. Вдовина), а также можно выделить статьи методологического и историографического плана (Г. С. Чувардина, Е. А. Воронцовой, Н. В. Проказиной).

Самая объемная статья сборника принадлежит перу известного советского и российского историка, профессора В. В. Шелохаева [17], которого с семьей Минаковых связывает давнее творческое научное сотрудничество. В своем тексте он анализирует позиции политических сил, их отношение к Февральской революции 1917 г. и проблемам формирования и деятельности Временного правительства кадетов, эсеров, меньшевиков, большевиков и других политических групп. Автор отмечает, что одной из актуальных исследовательских задач современной историографии является вопрос динамики влияния политических партий на массовое сознание в 1917 г. Безусловно, собранные Н. Святицким данные о результатах избирательной кампании социалистических партий на муниципальных выборах в крупнейших городах России позволяют реконструировать картину, однако она остается неполной и нуждается в более детальном исследовании. В. В. Шелохаев касается вопроса «единой и твердой власти», который обсуждался в политических кругах в 1917 г. Автор отмечает, что материалы Демократического совещания и Совета Республики показывают: партийным фракциям и беспартийным организациям, принимавшим участие в этих форумах, так и не удалось найти общий язык ни по одному из обсуждаемых вопросов. Межпартийные дискуссии показали, что «интеллектуальное инициативное меньшинство» стояло весьма далеко от реальной повседневности, в которой жили и трудились широкие массы. В. В. Шелохаев заключает, что многопартийность «оказалась малоспособной к делу практическому, что крайне важно в революционные периоды». Альтернативу этой позиции представил В. И. Ленин, уловивший желание масс заполнить себе вождя.

В статье одного из учеников С. Т. Минакова, доктора исторических наук Г. С. Чувардина, реконструируется процесс становления общей теории изучения «военной элиты» в мировой и отечественной историографии [16]. Автор фокусирует внимание на многообразии значений, связанных с понятием «военная элита», указывает на «размытость» его содержания и констатирует, что «вплоть до сегодняшнего дня единого научного подхода к интерпретации военной элиты, как социального явления, не существует». Так, М. Блок и вслед за ним французские медиэвисты определяют политическую и военную элиту как «аристократию», то есть власть «благородных». Сторонниками «военной элиты» как «аристократии» являются Х. Ортега-и-Гассет и Ю. Эвола. С идеями этих авторов смыкается теория «праздного класса» американского исследователя Т. Веблена, трактующего военную элиту с позиций социал-дарвинизма. Г. Моска выделяет «правлящий класс» и «класс управляемых», что становится основными компонентами социальной стратификации. Г. С. Чувардин особо останавливается на концепции Ч.-Р. Миллса, который воспринимал элиту как институциональное явление, он связал понятия «правлящей» и «военной» элиты и рассмотрел их как единое целое. Автор статьи отмечает, что социальная элитология как комплексное междисциплинарное научное знание получила признание в российской науке только в 1990-х гг., однако в тексте статьи обращается к научным концепциям дореволюционных историков Б. Н. Чичерина и Н. С. Трубецкого, поэтому, по-видимому, можно говорить о прерывании традиции, нежели о ее зарождении в 1990-х гг.

Статья А. С. Минакова о деятельности В. К. Плеве в качестве председателя Комиссии для выяснения причин падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие 1883–1887 гг. продолжает цикл его исследований о жизни и деятельности этого видного государственного деятельного деятеля рубежа XIX–XX вв. Ранее этот историк проанализировал роль В. К. Плеве в формировании политики по еврейскому вопросу [4], его участие в контактах правительства с либеральной общественностью [5] и другие аспекты его многогранной политической деятельности. Обращение к личности В. К. Плеве представляется очень актуальным, так как данная фигура, его взгляды и роль в судьбе российской государственности на рубеже столетий долгое время не получали всестороннего освещения.

Статья Е. А. Воронцовой посвящена концептуальной проблеме информационного сопровождения исторической науки. По инициативе этого автора в 2013 г. началась реализация

масштабного междисциплинарного исследовательского проекта «Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки», который объединил более тысячи специалистов из многих российских и зарубежных академических институтов, вузов, библиотек, архивов, музеев и общественных организаций. Подводя промежуточные итоги проделанной работы, Воронцова также раскрыла генетическую взаимосвязь проекта с подготовкой первой в отечественной практике энциклопедии «Литературные музеи России» [3]. Последняя воплотила основные идеи синтеза практических наработок в разных областях прикладного знания и обстоятельного анализа источниковой базы. Основываясь на апробации комплекса таких идей на разных дискуссионных площадках, Воронцова показала содержание перспектив приращения научного знания, а также наиболее востребованные подходы к этой деятельности как к фактору самоорганизации и саморегуляции науки на основе ее рефлексии о самой себе [1; 2]. Стоит отметить, что данная постановка вопроса уже показала свою научно-практическую актуальность в связи с активным вовлечением в реализацию указанных проектов региональных специалистов. На местах сконцентрирован существенный пласт эмпирического материала, а также многочисленные практики, интересные для обобщений на макроуровне [14].

Междисциплинарный уклон сборника – его несомненное достоинство. К числу работ, реализованных в данном ключе, стоит отнести статью Н. В. Проказиной, посвященную исторической памяти о Великой Отечественной войне [13]. В современной исторической науке «история памяти» – это мощное исследовательское направление. Классическими трудами стали работы М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Нора. Обращение к проблемам исторической памяти позволяет изучать не сами события далекого и близкого прошлого, а общество, которое работает со своим прошлым. Коммеморативные практики, направленные на конструирование образов прошлого, могут многое сказать о процессах, происходящих в обществе. Для современной России Великая Отечественная война стала базовой основой исторической памяти, что закономерно и объяснимо: ведь война задела почти каждую семью, принесла огромные потери, повлияла на развитие страны и демографические процессы. Н. В. Проказина отмечает, что историческая память о Великой Отечественной войне – это системообразующая ценность. Автор статьи настаивает на том, что историческая память о войне подвергается «регулярным настойчивым атакам», не приводя примеров этих атак. Даже если подобные атаки и фиксируются, но, кажется, они малоэффективны: во-первых, существенное свойство исторической памяти – ее изменчивость, и гораздо большее значение имеют государственная система образования, государственная политика в сфере культуры и массовой информации. В своей статье Н. В. Проказина представила результаты эмпирических исследований (анкетирование, интервьюирование, фокус-группы, анализ рисунков), выполненных автором в 2014–2020 гг. К сожалению, представленные данные не получили полного анализа и интерпретации в статье, однако большая работа, проведенная автором, дает богатый материал для изучения.

Отдельного внимания заслуживает богатый иллюстративный ряд сборника. Фотографии из семейного архива не только погружают в ретроспективу ключевых вех жизни С. Т. Минакова, но и в достаточной степени раскрывают разнообразие грани его творчества. Здесь не только изображения основных трудов, но и рисунки историка разных лет. Они являются красноречивым штрихом, дополняющим многогранный образ историка.

Таким образом, рецензируемое издание рисует читателю чрезвычайно насыщенный портрет С. Т. Минакова не только как ученого-историка, но и как человека с его интересами, гражданской позицией и личными качествами. Остается надеяться, что герой книги, с присущим ему даром рассказчика, когда-нибудь дополнит эту картину и своими собственными воспоминаниями. В целом настоящая книга продолжает замечательную традицию подготовки юбилейных публикаций, укоренившуюся в отечественной историографии. Данный сборник стал подлинным «местом памяти», где раскрыта панорама воспоминаний о жизни героя и современной ему эпохи. Он богат несомненной научной составляющей, которая раздвигает горизонты многих проблем всеобщей и отечественной истории, а также теории и методологии исторической науки.

Список литературы

1. Воронцова Е. А. Информационное обеспечение исторической науки и музеев – библиотеки – архивы как хранилища информации: теория, методология, практика / сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. А. О. Чубарьян, В. Р. Фирсов // Роль библиотек в информационном обеспечении исторической науки : сборник статей М. : Этерна, 2016. С. 87–93.

2. *Воронцова Е. А.* Информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе (трансформация музеев – библиотек – архивов) // Библиография : научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. 2017. № 3 (410). С. 146–150.
3. *Воронцова Е. А.* Мир литературных музеев в зеркале энциклопедии «Литературные музеи России»: концептуальные основания проекта // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2. С. 228–235.
4. *Минаков А. С. В. К.* Плеве и политика в отношении евреев в России на рубеже XIX–XX вв. // Российская история. 2021. № 4. С. 102–115.
5. *Минаков А. С. В. К.* Плеве и дворянская общественность на рубеже XIX–XX вв.: дискуссии о реформах / отв. ред. Ю. А. Петров // Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина. М. : Ин-т российской истории РАН, 2019. С. 215–236.
6. *Минаков С. Т.* 1937. Заговор был! М. : Яуза, 2010. 320 с.
7. *Минаков С. Т.* За отворотом маршальской шинели. Орёл : Орэлиздат, 1999. 358 с.
8. *Минаков С. Т.* Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина. М. : Алгоритм, 2018. 368 с.
9. *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов: состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль. Орёл : Орэлиздат, 2000. 559 с.
10. *Минаков С. Т.* Сталин и его маршал. М. : Яуза, 2004. 635 с.
11. *Минаков С. Т.* Сталин и заговор генералов. М. : Эксмо, 2005. 717 с.
12. *Наумова Г. Р., Никонов А. В.* Нашему поколению – семьдесят пять // Человек, государство и общество на перекрестье эпох: к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова / сост. А. С. Рогожина. М. : Старая Басманная, 2022. С. 15–21.
13. *Проказина Н. В.* Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт комплексного социологического исследования / сост. А. С. Рогожина // Человек, государство и общество на перекрестье эпох: к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова. М. : Старая Басманная, 2022. С. 214–226.
14. *Судовиков М. С.* Регионоведение: в основе системный подход. Изучаем внутренние и внешние факторы развития края // Библиотечное дело. 2022. № 20 (422). С. 12–14.
15. Человек, государство и общество на перекрестье эпох: к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова / сост. А. С. Рогожина. М. : Старая Басманная, 2022. 228 с.
16. *Чувардин Г. С.* Основные этапы становления общей теории изучения «военной элиты» в мировой и отечественной науке / сост. А. С. Рогожина // Человек, государство и общество на перекрестье эпох: к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова. М. : Старая Басманная, 2022. С. 52–62.
17. *Шелохаев В. В.* «Сшибка» в борьбе за власть между Февралем и Октябрем 1917 года / сост. А. С. Рогожина // Человек, государство и общество на перекрестье эпох: к 75-летию со дня рождения С. Т. Минакова. М. : Старая Басманная, 2022. С. 89–133.

The path of the historian at the turning point of the epochs: about the collection in honor of the 75th anniversary of Professor S. T. Minakov

Antipin Nikolay Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, associate professor, South Ural State University. Russia, Chelyabinsk.
ORCID: 0000-0003-4060-5955. ResearcherID: AAZ-9777-2020. E-mail: antipin87@mail.ru

Abstract. The article reviews the collection "Man, State and Society at the crossroads of epochs" (Moscow, 2022), published on the occasion of the 75th anniversary of the birth of S. T. Minakov. The review of the biography of the historian scientist is presented, his scientific interests related to the problems of military history, the history of Ancient Russia and medieval Spain and France, Soviet history of the 1920s and 1930s are characterized. The jubilee collection opens with the memories of his relatives and colleagues. The content of the scientific part of the collection is arranged in chronological order and reflects S. T.'s broad scientific interests to varying degrees. Minakov reveals his creative heritage and translates his scientific concepts. The following blocks are distinguished: ancient history, the turn of the XIX–XX centuries, the revolutionary period, the Soviet period, articles of a methodological and historiographical plan. The reviewed edition presents the reader with an extremely rich portrait of S. T. Minakov not only as a historian, but also as a person with his interests, civic position and personal qualities. The published collection continues the tradition of anniversary publications, rooted in Russian historiography. This collection can also be regarded as a "place of memory", it reveals a panorama of memories about the life of the hero and his modern era.

Keywords: historiography, military history, S. T. Minakov, scientific school.

References

1. Voroncova E. A. *Informacionnoe obespechenie istoricheskoy nauki i muzei – biblioteki – arhivy kak hranilishcha informacii: teoriya, metodologiya, praktika* [Information support of historical science and museums – libraries – archives as repositories of information: theory, methodology, practice] / comp. E. A. Voroncova; ed. A. O. Chubaryan, V. R. Firsov // *Rol' bibliotek v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki : sbornik statej* – The role of libraries in information support of historical science : collection of articles M. Eterna. 2016. Pp. 87–93.
2. Voroncova E. A. *Informacionnoe obespechenie istoricheskoy nauki v informacionnom obshchestve (transformatsiya muzeev – bibliotek – arhivov)* [Information support of historical science in the information society (transformation of museums – libraries – archives)] // *Bibliografiya : nauchnyj zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu* – Bibliography : scientific journal of bibliography, book studies and library science. 2017. No. 3 (410). Pp. 146–150.
3. Voroncova E. A. *Mir literaturnyh muzeev v zerkale enciklopedii "Literaturnye muzei Rossi": konceptual'nye osnovaniya proekta* [The world of literary museums in the mirror of the encyclopedia "Literary Museums of Russia": conceptual foundations of the project] // *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* – Historical Journal: scientific research. 2015. No. 2. Pp. 228–235.
4. Minakov A. S. V. K. *Pleve i politika v otnoshenii evreev v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [V. K. Plehve and the policy towards Jews in Russia at the turn of the XIX–XX centuries] // *Rossiyskaya istoriya* – Russian History. 2021. No. 4. Pp. 102–115.
5. Minakov A. S. V. K. *Pleve i dvoryanskaya obshchestvennost' na rubezhe XIX–XX vv.: diskussii o reformah* [V. K. Plehve and the noble community at the turn of the XIX–XX centuries: discussions on reforms] / ed. Yu. A. Petrov // *Mnogogrannyj talant istorika: Pamyati doktora istoricheskikh nauk professora Avenir Pavlovicha Korelina* – The multifaceted talent of a historian: In memory of Doctor of Historical Sciences Professor Avenir Pavlovich Korelin. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2019. Pp. 215–236.
6. Minakov S. T. *1937. Zagovor byl!* [1937. There was a conspiracy!] M. Yauza. 2010. 320 p.
7. Minakov S. T. *Za otvoroitom marshal'skoj shineli* [Behind the lapel of the marshal's greatcoat]. Orel. Orelizdat. 1999. 358 p.
8. Minakov S. T. *Zagovor "krasnyh marshalov". Tuhachevskij protiv Stalina* [The conspiracy of the "Red Marshals". Tukhachevsky v. Stalin]. M. Algorithm. 2018. 368 p.
9. Minakov S. T. *Sovetskaya voennaya elita 20-h godov: sostav, evolyuciya, sociokul'turnye osobennosti i politicheskaya rol'* [The Soviet military elite of the 20s: composition, evolution, socio-cultural characteristics and political role]. Orel. Orelizdat. 2000. 559 p.
10. Minakov S. T. *Stalin i ego marshal* [Stalin and his marshal]. M. Yauza. 2004. 635 p.
11. Minakov S. T. *Stalin i zagovor generalov* [Stalin and the conspiracy of generals]. M. Eksmo. 2005. 717 p.
12. Naumova G. R., Nikonov A. V. *Nashemu pokoleniyu – sem'desyat pyat'* [Our generation is seventy-five] // *Chelovek, gosudarstvo i obshchestvo na perekrest'e epoch: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya S. T. Minakova* – Man, state and society at the crossroads of epochs: to the 75th anniversary of the birth of S. T. Minakov / comp. A. S. Rogozhin. M. Staraya Basmannaya. 2022. Pp. 15–21.
13. Prokazina N. V. *Istoricheskaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne: opyt kompleksnogo sociologicheskogo issledovaniya* [Historical memory of the Great Patriotic War: the experience of a comprehensive sociological study] / comp. A. S. Rogozhina // *Chelovek, gosudarstvo i obshchestvo na perekrest'e epoch: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya S. T. Minakova* – Man, state and society at the crossroads of epochs: to the 75th anniversary of the birth of S. T. Minakov. M. Staraya Basmannaya. 2022. Pp. 214–226.
14. Sudovikov M. S. *Regionovedenie: v osnove sistemnyj podhod. Izuchaem vnutrennie i vneshnie faktory razvitiya kraya* [Regional studies: based on a systematic approach. We study the internal and external factors of the development of the region] // *Bibliotechnoe delo* – Librarianship. 2022. No. 20 (422). Pp. 12–14.
15. *Chelovek, gosudarstvo i obshchestvo na perekrest'e epoch: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya S. T. Minakova* – Man, state and society at the crossroads of epochs: to the 75th anniversary of the birth of S. T. Minakov / comp. A. S. Rogozhin. M. Staraya Basmannaya. 2022. 228 p.
16. Chuvardin G. S. *Osnovnye etapy stanovleniya obshchej teorii izucheniya "voennoj elity" v mirovoj i otechestvennoj nauke* [The main stages of the formation of the general theory of the study of the "military elite" in world and domestic science] / comp. A. S. Rogozhina // *Chelovek, gosudarstvo i obshchestvo na perekrest'e epoch: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya S. T. Minakova* – Man, state and society at the crossroads of epochs: to the 75th anniversary of the birth of S. T. Minakov. M. Staraya Basmannaya. 2022. Pp. 52–62.
17. Shelohaev V. V. *"Sshibka" v bor'be za vlast' mezhdru Fevralem i Oktyabrem 1917 goda* ["Collision" in the struggle for power between February and October 1917] / comp. A. S. Rogozhin // *Chelovek, gosudarstvo i obshchestvo na perekrest'e epoch: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya S. T. Minakova* – Man, state and society at the crossroads of epochs: to the 75th anniversary of the birth of S. T. Minakov. M. Staraya Basmannaya. 2022. Pp. 89–133.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (33) (2024)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 23.03.2024 г.
Дата выхода в свет 02.05.2024 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,53. Тираж 100 экз. Заказ № 130.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36